738 — 1020

К исторіи народнаго образованія

въ Туркестанскомъ краѣ.

Константинъ Петровичъ

фонъ-КАУФМАНЪ,

устроитель Туркестанскаго края.

Личныя воспоминанія Н. Остроумова.

(1877—1881 г.г.).

И 10 / 72

ТАШКЕНТЪ.
Типо-Литографія т. д. „Ф. и Г. Бр. Каменскіе".
1899.

238 — 1020

17519
9

Къ исторіи народнаго образованія

въ Туркестанскомъ краѣ.

Константинъ Петровичъ

фонъ-КАУФМАНЪ,

устроитель Туркестанскаго края.

Библиотека НИИД
Инв. 3848

3088

Личныя воспоминанія Н. Остроумова.

(1877—1881 г.г.).

НИИД
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ТАШКЕНТЪ.
Типо-Литографія т. д. „Ф. и Г. Бр. Каменскіе".
1899.

П 10/172

Печатается съ разрѣшенія Военнаго Губернатора Сыръ-Дарьинской области
отъ 3 іюля 1898 года.

Цензоръ, помощникъ губернатора *П. Хомутовъ*.

Государ. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР
№ 22477 1965

Еще при жизни перваго Туркестанскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Константина Петровича фонъ-Кауфмана, былъ составленъ, по его личнымъ указаніямъ, П. И. Хомутовымъ проектъ всеподданнѣйшаго отчета по гражданскому управленію и устройству въ областяхъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства за время съ 7 ноября 1867 года по 25 марта 1881 г. Этотъ обширный трудъ, напечатанный съ Высочайшаго разрѣшенія военно-учебнымъ комитетомъ Главнаго Штаба, служитъ главнымъ официальнымъ документомъ для сужденій о служебной дѣятельности покойнаго устроителя Туркестанскаго края, скончавшагося 4 мая 1882 г. Съ того времени прошло болѣе 15 лѣтъ, и въ русской періодической печати уже начинаютъ появляться замѣтки и воспоминанія о немъ, а г. Форселлесъ, въ письмѣ къ Е. Т. Смирнову, писалъ, что братъ покойнаго М. П. фонъ-Кауфманъ интересуется всѣмъ, что можетъ содѣйствовать къ пополненію біографическихъ свѣдѣній о Константинѣ Петровичѣ.— Я зналъ покойнаго Туркестанскаго Генералъ-губернатора въ послѣдніе годы его жизни, имѣлъ къ нему доступъ по служебнымъ дѣламъ и пользовался его высокимъ вниманіемъ и расположеніемъ. Высокое служебное положеніе и личныя доблести покойнаго генералъ-губернатора, а также индивидуальныя особенности его характера производили на меня сильное впечатлѣніе, и я, по возвращеніи на квартиру, кратко записывалъ высказанныя имъ при мнѣ замѣчанія и мысли по учебнымъ дѣламъ края и нѣкоторые частные разговоры. Эти краткія записи и составили основной матеріалъ моихъ „воспоминаній“, которыя я пополнилъ печатными извѣстіями о его дѣятельности, относящимися главнымъ образомъ къ учебному дѣлу въ краѣ. Я сознаю, что мои воспоминанія о покойномъ отличаются частнымъ характеромъ; но думаю, что и они могутъ служитъ матеріаломъ для біографіи этого замѣчательнаго государственнаго

дѣятеля и русскаго по душѣ человѣка, который любилъ Туркестанскій край не только какъ свое созданіе, но и какъ „русскую землю“, о чемъ въ одномъ частномъ письмѣ своемъ онъ высказался такъ: „Если я буду умирать генералъ-губернаторомъ здѣсь, то буду просить, чтобы меня похоронили на Константиновской площади въ церковной оградѣ, чтобы каждый зналъ, что здѣсь настоящая русская земля, въ которой не грѣшно лежать русскому человѣку“.

Къ этому я прибавлю, что Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ вѣрилъ въ судъ исторіи и не боялся смерти, между которыми по словамъ Мишле, заключенъ договоръ: смерть даетъ исторіи радость видѣть, какъ исчезаютъ лживыя тѣни, застилающія истину; исторія произноситъ безпристрастный приговоръ надъ легкомысленными и страстными мнѣніями современниковъ.

Сознавая, что мои „воспоминанія“ не имѣютъ надлежащей полноты, я не считалъ себя въ правѣ дѣлать изъ нихъ общей характеристики покойнаго и удержалъ въ печати форму записей по днямъ, какую они имѣли при началѣ. Въ моихъ воспоминаніяхъ покойный является предъ глазами читателя болѣе „человѣкомъ“, нежели „генералъ-губернаторомъ“.

Въ концѣ книги я перепечаталъ съ несущественными измѣненіями составленный мною при жизни покойнаго генералъ-губернатора „Очеркъ народнаго образованія въ городахъ и укрѣпленіяхъ бывшей Сыръ-Дарьинской линіи и Туркестанской области“ въ томъ соображеніи, что этотъ очеркъ на страницахъ Туркестанскихъ Вѣдомостей 1881 г. оставался бы для лицъ, интересующихся развитіемъ народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ, малодоступнымъ.

Н. Остроумовъ.

12 апрѣля 1899 года.
Ташкентъ.

.... Мудрымъ вчинателемъ русскаго просвѣтительнаго дѣла въ средѣ полудикихъ азіатовъ былъ незабвенной памяти „рыцарь въ мирѣ и на войнѣ" Константинъ Петровичъ Кауфманъ.

(Изъ рѣчи Е. В. Богдановича на юбилейномъ Хивинскомъ обѣдѣ 29 мая, 1898 г. въ С.-Петербургѣ).

Въ первый разъ я увидѣлъ (нынѣ покойнаго) Туркестанскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Константина Петровича фонъ-Кауфмана 1-го въ 1876 году въ Казани, когда представлялся ему во время проѣзда его черезъ этотъ городъ. Я долженъ былъ представиться ему, вслѣдствіе личнаго его приказанія, сообщеннаго мнѣ тогдашнимъ главнымъ инспекторомъ училищъ Туркестанскаго края А. Л. Куномъ. Въ то время уже былъ возбужденъ оффиціально вопросъ о переводѣ меня на службу по учебному вѣдомству въ Туркестанскій край, а генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, серьезно озабоченный устройствомъ русскаго народнаго и инородческаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ, желалъ лично видѣть кандидата на должность директора учительской семинаріи, которую предположено было открыть въ Ташкентѣ. Первоначально ген.-адъютантъ фонъ-Кауфманъ велъ переписку съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, нынѣ покойнымъ, графомъ Дим. Андр. Толстымъ, и просилъ его командировать въ Туркестанскій край профессора Казанскаго Университета и Духовной Академіи Н. И. Ильминскаго, который былъ всецѣло занятъ тогда вопросомъ объ образованіи крещеныхъ инородцевъ Казанскаго края. Имъ была основана совершенно на частныя средства небольшая и бѣдно обставленная школа для дѣтей крещеныхъ татаръ; но въ 1866 году эта школа обратила на себя вниманіе графа Д. А. Толстого, а по его докладу, вскорѣ удостоилась Высочайшаго вниманія и благоволенія. Существованіе этой школы выдвинуло вопросъ объ открытіи въ Казани учительской семинаріи для русскихъ и инородческихъ дѣтей, и вся слож-

ная работа по разработкѣ этого проекта была возложена на г. Ильминскаго. Въ виду этого, попечитель Казанскаго учебнаго округа (также покойный) П. Д. Шестаковъ не призналъ возможнымъ уволить г. Ильминскаго даже во временную командировку въ Туркестанскій край, о чемъ и сообщилъ гр. Толстому. Когда послѣдній увѣдомилъ Туркестанскаго генералъ-губернатора о невозможности командировать г. Ильминскаго, Константинъ Петровичъ былъ огорченъ этимъ отказомъ, что ясно видно изъ его резолюціи на отзывѣ министра, которую я имѣлъ случай читать на подлинной бумагѣ. Тогда генералъ-губернаторъ чрезъ главнаго инспектора училищъ просилъ Н. Ивановича рекомендовать ему на должность директора Туркестанской учительской семинаріи одного изъ его учениковъ, и выборъ палъ на меня. Въ связи съ этимъ возбуждено было ходатайство о переводѣ меня изъ вѣдомства православнаго исповѣданія въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія, а такъ какъ открытіе семинаріи въ Ташкентѣ естественно требовало много времени, то на первый разъ учреждена была въ Туркестанскомъ учебномъ округѣ первая должность инспектора народныхъ училищъ, на которую я былъ назначенъ 14 мая 1877 года. — Возвращаюсь къ своему разсказу.

Когда остановился въ Казанской пристани пароходъ „Константинъ Кауфманъ“, на которомъ слѣдовалъ генералъ-губернаторъ, я отправился на пристань, отстоявшую отъ города въ семи верстахъ. Помню, — что это было въ субботу, часовъ въ 8 утра. Пароходъ только что прибылъ на пристань и выгружался. Когда пассажиры уже сошли съ парохода, я обратился къ адъютанту, сопровождавшему генерала, и сказалъ ему о причинѣ и цѣли своего прибытія. Адъютантъ тотчасъ же доложилъ генералу и вышелъ сказать мнѣ, что генералъ проситъ меня пожаловать къ нему въ 10 часовъ утра въ гостинницу „Комоненъ“, на Воскресенской улицѣ, въ городѣ Казани. Въ назначенный часъ я отправился въ названную гостинницу и, когда обо мнѣ доложили, я вошелъ въ номеръ. Прошедши небольшую переднюю, я увидѣлъ въ слѣдующей комнатѣ спокойно ходившаго невысокаго роста гене-

рала въ казачьемъ короткомъ сюртукѣ. Я поклонился ему и отрекомендовался. Генералъ спросилъ меня, гдѣ я служу (я занималъ должность доцента при Казанской Академіи) и что преподаю, а затѣмъ онъ сказалъ, что я могу безпрепятственно отправиться въ Ташкентъ, когда будетъ получено распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія о переводѣ меня на службу въ Туркестанскій край. Наслышавшись много ужаснаго о необыкновенной жарѣ, бывающей лѣтомъ въ Туркестан. краѣ и объ опасностяхъ пути, я просилъ разрѣшенія у генералъ-губернатора отправиться въ дорогу послѣ жаркаго времени, но генералъ успокоилъ меня и сказалъ, что въ концѣ августа большой жары, особенно въ степи, не бываетъ, что каждый, отправляющійся въ Туркестанскій край, имѣетъ достаточно времени по поверстному сроку, чтобы не торопиться дорогой и имѣть необходимый отдыхъ, и что вообще опасаться за дорогу не слѣдуетъ. Затѣмъ онъ просилъ меня передать Н. И. Ильминскому, что желаетъ повидѣться съ нимъ, подалъ мнѣ руку и сдѣлалъ головой небольшой поклонъ. Я вышелъ изъ гостинницы и направился къ г. Ильминскому для передачи ему желанія Туркестанскаго генералъ-губернатора...

Это первое мое представленіе нынѣ покойному Туркестанскому генералъ-губернатору оставило во мнѣ смутное впечатлѣніе. Помню, что и день тогда былъ пасмурный (кажется, даже и дождь шелъ), и генералъ былъ, повидимому, не веселъ, а я въ значительной степени смутился, потому что до этого времени никогда еще не представлялся военному начальнику. Послѣ Н. И. Ильминскій разсказывалъ мнѣ, что онъ пробылъ у генералъ-губернатора довольно долго, много говорилъ съ нимъ объ образованіи инородцевъ въ Россіи и познакомился со взглядомъ Константина Петровича на отношенія послѣдняго къ туземному населенію края —сартамъ и киргизамъ.

22-го іюля 1877 года я выѣхалъ съ семьей изъ Казани на Самару и Оренбургъ и только 23-го августа прибылъ въ Ташкентъ. На другой день я зашелъ въ Управленіе учебными заведеніями, и секретарь управленія, г. Недерица, сказалъ мнѣ, что

генералъ-губернаторъ неоднократно спрашивалъ его о времени моего пріѣзда и что теперь будетъ очень радъ. Такъ какъ ближайшій четвергъ (день доклада по учебному вѣдомству) падалъ на высокоторжественный день 26-го августа, то секретарь управленія просилъ генералъ-губернаторскаго адъютанта доложить генералу о моемъ пріѣздѣ и узнать, когда Его Высокопревосходительству угодно будетъ принять меня. Генералъ-губернаторъ дѣйствительно былъ обрадованъ (по особой причинѣ) моимъ пріѣздомъ и при этомъ спросилъ секретаря, не знаетъ ли онъ меня, что я за человѣкъ. Секретарь сказалъ, что лично не знаетъ меня, такъ какъ самъ онъ служилъ раньше въ другомъ учебномъ округѣ и увидѣлъ меня 24-го августа только въ первый разъ. Эти неоднократные вопросы обо мнѣ, обращаемые къ секретарю, показываютъ, что покойный генералъ-губернаторъ всегда интересовался близко знать назначаемыхъ къ нему въ край чиновниковъ. Послѣ я и самъ много разъ слышалъ такіе же вопросы отъ генерала о назначаемыхъ въ край не только учителяхъ гимназіи, но и объ учителяхъ народныхъ училищъ. Достойно замѣчанія, что генералъ, узнавъ отъ секретаря о моемъ пріѣздѣ, пригласилъ меня къ себѣ къ 11 часамъ 26-го августа. Это было для меня очень лестно, такъ какъ для пріема представлявшихся чиновниковъ въ то время у генералъ-губернатора были назначены 3 дня въ недѣлю: понедѣльникъ, среда и пятница, а если эти дни были праздничными, то пріема не бывало.

26-го августа, въ 11 часовъ утра я былъ уже на генералъ-губернаторской дачѣ, верстахъ въ двухъ отъ города. Въ адъютантскомъ павильонѣ встрѣтилъ меня полковникъ Бор. М. Бергъ и просилъ ожидать возвращенія генералъ-губернатора изъ военнаго лагеря, куда онъ отправился на парадъ по случаю высокоторжественнаго дня. Около 12 часовъ генералъ-губернаторъ возвратился. Когда онъ проѣзжалъ въ колескѣ мимо адъютантскаго павильона, я всталъ и съ открытой головой поклонился ему. Генералъ сдѣлалъ подъ козырекъ и, подъѣхавъ къ своему помѣщенію, тотчасъ-же прислалъ за мной дежурнаго адъютанта. Какъ

только я вошелъ на террасу, генералъ весьма привѣтливо подошелъ ко мнѣ, подалъ руку, сказалъ, что очень радъ моему пріѣзду, и пригласилъ меня завтракать съ собой. Столъ для завтрака былъ уже накрытъ на другомъ концѣ террасы на три куверта. Генералъ указалъ мнѣ сѣсть съ правой стороны, а адъютантъ занялъ мѣсто противъ меня по лѣвую руку генерала. Завтракъ состоялъ изъ двухъ холодныхъ блюдъ, послѣ которыхъ генералъ предложилъ мнѣ фруктовъ. Фрукты (яблоки, виноградъ и персики) стояли на столѣ въ вазахъ. Я взялъ себѣ персикъ самый верхній, но генералъ замѣтилъ, что взятый мною персикъ былъ не самый лучшій и потому самъ досталъ со дна вазы лучшій персикъ и подалъ его мнѣ. За завтракомъ мы просидѣли около часа, и генералъ все время привѣтливо разговаривалъ со мною, разспрашивая о Казани, о начальствующихъ лицахъ Казанскаго учебнаго округа и объ отношеніяхъ ихъ къ образованію инородцевъ. Въ этомъ заключалась отличительная манера генерала знакомиться съ новыми лицами, пріѣзжавшими въ край на службу, особенно, когда этимъ лицамъ ввѣрялось отвѣтственное дѣло. За завтракомъ, среди обыкновенныхъ разговоровъ, генералъ внимательно присматривался и прислушивался къ новому лицу и опредѣлялъ ему цѣну съ точки зрѣнія здраваго смысла, развитія и дѣловитости. Внѣшній лоскъ значенія не имѣлъ въ его глазахъ.

Во время разговора со мной генералъ спокойно, но вполнѣ опредѣленно высказалъ, что считаетъ казанскихъ татаръ большими фанатиками и признаетъ, къ сожалѣнію, ихъ вредное вліяніе на туземцевъ Туркестанскаго края. Эта мысль была потомъ выражена въ проектѣ всеподданнѣйшаго отчета его по управленію Туркестанскимъ краемъ въ слѣдующихъ словахъ: „Сообразно съ рѣзкими особенностями, отличающими характеръ татарина отъ прочихъ мусульманскихъ народностей, сложилась и особенная культурная роль мѣстнаго татарскаго населенія, водворившагося въ киргизской степи. Поселеніе въ киргизской степи татаръ, выходившихъ изъ русскаго поволжья и татарскихъ центровъ прежнихъ пограничныхъ окраинъ Имперіи, было результатомъ коммерческихъ

сношеній ихъ съ кочевниками и шло, опираясь на торговые города бывшихъ передовыхъ линій—Орскъ, Оренбургъ, Троицкъ, Петропавловскъ, Семипалатинскъ... и на города Сергіополь, Капалъ, Вѣрный. При постоянныхъ и старинныхъ связяхъ съ кочевьями, сношенія эти не приводили однако къ прочному водворенію татаръ внутри киргизскихъ кочевьевъ, къ устройству осѣдлостей въ самой степи, какъ то происходитъ въ кочевьяхъ, тяготѣющихъ къ сартовскому осѣдлому Туркестану. Колонизаціонный результатъ татарской иммиграціи заключаются не въ разливѣ татарской народности по киргизскимъ ауламъ, не въ основаніи степныхъ поселковъ, а почти исключительно въ торгово-промышленной эксплоатаціи кочевниковъ, *къ которой присоединяется религіозно-мусульманская пропаганда*... Равнымъ образомъ, и татарскіе муллы, хотя имъ удалось создать въ этой полосѣ степей киргизское мусульманство, гораздо болѣе стойкое, организованное, фанатическое, чѣмъ то, какое прививается сартовскими муллами... они еще не составляютъ постояннаго населенія, потому что ведутъ свое дѣло, какъ промыселъ, и, обогатившись плодами *степного миссіонерства,* обыкновенно покидаютъ кочевья, смѣняются вновь прибывшими одноплеменниками и затѣмъ либо возвращаются въ свою осѣдлую родину, либо примыкаютъ къ одноплеменнымъ пришельцамъ края... Наиболѣе важнымъ результатомъ татарскаго переселенія въ степь можно считать затѣмъ заселеніе городовъ и станицъ Семирѣченской области, въ особенности въ городахъ, гдѣ татары вмѣстѣ съ немногочисленными сартами составляютъ болѣе 25% населенія... Татарскіе муллы стремятся создать себѣ какъ можно болѣе прочную іерархическую роль въ кочевьяхъ... ихъ лучшее средство къ умноженію выгодъ своихъ состоитъ въ увеличеніи числа степныхъ мечетей, управляющихъ духовнымъ воспитаніемъ паствы подъ ихъ фанатическимъ руководствомъ. Оттого именно ближе къ татарскимъ передовымъ линіямъ можно видѣть почти повсемѣстно уже вполнѣ организованное мусульманство съ присяжными вѣроучителями изъ уфимскихъ и оренбургскихъ татаръ, съ значительнымъ числомъ мечетей татарскаго типа, мусуль-

манство, все болѣе и болѣе приближаемое къ своему образцу, по духу стойкой вражды къ христіанству и вообще къ иновѣрнымъ религіямъ, тогда какъ на другомъ рубежѣ степи, примыкающемъ къ осѣдлому Туркестану, продолжаетъ еще крѣпко жить въ религіозно-нравственныхъ понятіяхъ и вѣрованіяхъ населеніе неискаженное, почти нетронутое фанатизмомъ міросозерцаніе патріархальной эпохи“...

Въ концѣ завтрака генералъ совершенно просто, откровенно спросилъ меня, *мирнаго ли я характера.* Я отвѣчалъ ему, что ссориться вообще не люблю и умѣю уступать. Тогда генералъ разсказалъ мнѣ подробно, что, по отъѣздѣ главнаго инспектора училищъ г. Куна въ Россію, бумаги изъ мѣстной прогимназіи докладывались ему, генералъ-губернатору, секретаремъ Управленія учебными заведеніями г. Недерицей, который сообщалъ въ прогимназію и резолюціи главнаго начальника, какъ попечителя округа. Но въ прогимназіи этого не поняли и думали, что генералъ-губернаторъ, какъ попечитель, долженъ непосредственно сноситься съ инспекторомъ прогимназіи, а что главный инспекторъ училищъ долженъ имѣть дѣло съ училищами, а не съ прогимназіями. Вслѣдствіе такого недоразумѣнія, инспекторъ прогимназіи въ іюлѣ мѣсяцѣ собралъ 20 оффиціальныхъ увѣдомленій секретаря Управленія учебными заведеніями о распоряженіяхъ генералъ-губернатора, касающихся прогимназіи, и возвратилъ ихъ при отношеніи на имя тогоже секретаря, высказавъ, что, не получивъ никакого увѣдомленія о назначеніи его, секретаря, попечителемъ здѣшняго округа или о передачѣ ему, секретарю, его высокопревосходительствомъ г. Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ попечительской власти, онъ, инспекторъ прогимназіи, въ виду § 6 Высочайше утвержденнаго 30 іюля 1871 г. Устава гимназій и прогимназій, не смѣетъ принять распоряженій секретаря Управленія учебными заведеніями Туркестанскаго края къ подлежащему исполненію и руководству. Этотъ отзывъ со всѣми возвращенными изъ прогимназіи бумагами былъ доложенъ секретаремъ генералъ-губернатору, который нашелъ неумѣстнымъ такой отзывъ

и приказалъ секретарю снова отправить въ прогимназію всѣ возвращенныя бумаги, а инспектора пригласилъ къ себѣ для личнаго объясненія... Какъ объяснялся генералъ съ инспекторомъ, покойный не говорилъ мнѣ, но въ заключеніе благодушно замѣтилъ: „Я надѣюсь, что инспекторъ теперь успокоится и не будетъ больше возвращать въ Управленіе учебными заведеніями вашихъ*) бумагъ къ нему съ генералъ-губернаторскими распоряженіями. Инспекторъ прогимназіи — сказалъ генералъ — человѣкъ, очевидно, хорошій, но строптивый и не хочетъ помириться съ тѣмъ, чтобы мои распоряженія сообщалъ ему секретарь Управленія учебными заведеніями. Теперь вы вступите въ должность главнаго инспектора училищъ, и я надѣюсь, что у насъ дѣло пойдетъ мирно, спокойно“.

Въ объясненіе этого нужно замѣтить, что, какъ только состоялось мое назначеніе въ Туркестанскій край на должность инспектора народныхъ училищъ, главный инспекторъ училищъ г. Кунъ выѣхалъ въ Петербургъ, и исправленіе его должности было поручено приказомъ генералъ-губернатора мнѣ, еще не выѣзжавшему изъ Казани. Приказъ этотъ я получилъ еще въ Казани отъ главнаго инспектора, къ которому и выѣзжалъ на пристань, согласно его телеграммѣ. Поэтому генералъ-губернаторъ и справлялся у секретаря Управленія учебными заведеніями о времени моего пріѣзда въ Ташкентъ.

Когда я, по окончаніи изложеннаго разговора, откланивался генералъ-губернатору, онъ ласково протянулъ мнѣ руку и пожелалъ поскорѣе свыкаться съ новымъ для меня краемъ.

Весьма характерно для покойнаго генералъ-губернатора было то, что онъ очень внимательно относился, вообще, къ лицамъ учебнаго вѣдомства, и въ отношеніи одежды былъ снисходителенъ къ нимъ. Я, напримѣръ, пріѣхалъ въ Ташкентъ безъ мундира и отправился къ генералу въ вицъ-мундирѣ. Генералъ, не смотря на строгое отношеніе военныхъ начальниковъ къ формѣ въ одеждѣ,

*) Т. е. монхъ.

ни однимъ взглядомъ не далъ мнѣ понять моего упущенія, а я вдвойнѣ боялся получить замѣчаніе: былъ тогда высокоторжественный день, и я въ первый разъ представлялся главному начальнику края, военному генералу... Но пріемъ покойнаго генералъ-губернатора ободрилъ меня, и я возвращался на квартиру вполнѣ успокоеннымъ, съ чувствами самыми лучшими. Доброта Константина Петровича, его ласковый, скорѣе отеческій, чѣмъ начальническій пріемъ глубоко запали мнѣ въ душу, потому что для молодого чиновника, пріѣхавшаго въ новый край, въ которомъ не было ни одного знакомаго, такой пріемъ былъ особенно дорогъ.

1-го сентября я былъ въ первый разъ съ докладомъ по учебнымъ дѣламъ у генералъ-губернатора. При входѣ моемъ въ его кабинетъ (на дачѣ), онъ подалъ мнѣ руку, предложилъ сѣсть на стулъ и во все время доклада былъ благодушенъ и въ отношеніи ко мнѣ ласковъ. Чтеніе докладываемыхъ бумагъ генералъ прерывалъ, останавливался на нѣкоторыхъ подробностяхъ докладовъ моихъ и много разговаривалъ. Не помню, по какому поводу, вѣроятно, по поводу какого-нибудь документа учительницы М—вой, генералъ разсказалъ мнѣ, что отецъ ея находился на службѣ при одной изъ крѣпостей Каспійскаго моря и имѣлъ слабость выпивать. Однажды, въ нетрезвомъ видѣ, онъ написалъ письмо Испанской королевѣ Изабеллѣ, въ которомъ предлагалъ Ея Величеству свою руку и сердце со всѣми своими долгами. Письмо это было вскрыто почтовымъ начальникомъ въ Астрахани и задержано, а самъ М—въ былъ наказанъ двухъ-недѣльнымъ арестомъ... По поводу жизни русскихъ чиновниковъ въ разныхъ углахъ Туркестанскаго края въ первый періодъ пребыванія здѣсь русскихъ, генералъ высказался такъ: „кто здѣсь долго жилъ, тотъ или спивался, или женился на случайной женщинѣ; если же холостой человѣкъ удерживался отъ пьянства и не увлекался такой женитьбой, то это значило, что онъ былъ человѣкъ съ характеромъ“. По окончаніи доклада, генералъ снова подалъ мнѣ руку, проводилъ изъ кабинета на террасу и здѣсь еще поговорилъ нѣсколько о ташкентскомъ климатѣ. Указавъ на ростки зелени на таловой

жерди, привязанной, въ видѣ загородки, къ колышку на берегу небольшаго водоема, около террасы генеральскаго помѣщенія, онъ обратилъ мое вниманіе на это явленіе и сказалъ: „вотъ какой здѣсь климатъ, что и на простыхъ палкахъ растутъ листья“...

7-го сентября я снова былъ съ докладомъ у генерала. Сначала онъ не подалъ мнѣ руки,—должно быть, былъ не въ духѣ. Поэтому и во время доклада никакихъ разговоровъ, не вызываемыхъ бумагами, не было. По окончаніи доклада, генералъ подалъ мнѣ молча руку*), и я вышелъ изъ кабинета его.

15-го сентября я былъ любезно встрѣченъ генераломъ. Онъ разспрашивалъ меня о моемъ здоровьѣ и привыкаю ли я къ Ташкенту. По этому поводу онъ разсказалъ, что въ Ташкентѣ всякому новому чиновнику приходится скучать три года, послѣ которыхъ каждый новичекъ будетъ уже съ трудомъ разставаться съ Туркестанскимъ краемъ. „Бывали случаи, говорилъ онъ, что прослужившіе въ Ташкентѣ три года спѣшили уѣхать отсюда въ Россію, но начинали тамъ скучать и снова обращались къ нему съ просьбой о принятіи ихъ на службу“**). Когда разговоръ случайно коснулся Казанскаго губернатора Скарятина, то генералъ-губернаторъ высказался, что онъ не любитъ Скарятина за то, что Скарятинъ распустилъ въ Петербургѣ глупую сплетню объ очень строгихъ будто бы отношеніяхъ его, Кауфмана, во время управленія сѣверо-западнымъ краемъ, къ польскимъ ксендзамъ. Генералъ разсказалъ и подробности этой сплетни, но я боюсь перепутать разсказъ и потому ничего не говорю объ этомъ. Затѣмъ зашла рѣчь о главномъ инспекторѣ училищъ А. Л. Кунѣ***),

---

*) Прошу обратить вниманіе читателей на неоднократное упоминаніе о томъ, что генералъ подалъ мнѣ руку, или не подалъ. Здѣсь дѣло не въ мелочности моего самолюбія, а въ томъ, что генералъ-губернаторъ, занимающій исключительное положеніе въ краѣ, не всегда и не каждому подаетъ руку и этимъ показываетъ свое вниманіе или нерасположеніе къ лицу, съ которымъ онъ имѣетъ дѣло въ данную минуту.

**) Психологія этого факта понятна: въ три года связи съ прежнимъ мѣстомъ службы, особенно при тогдашнихъ путяхъ сообщенія съ Россіей и отдаленности Туркестанской окраины, могли быть порваны, и новичекъ постепенно привыкалъ къ условіямъ жизни и службы въ новомъ мѣстѣ.

***) Скончался въ Вилен. уч. округѣ въ должности помощника попечителя округа.

и генералъ-губернаторъ сказалъ: „хотя Кунъ русской грамотѣ недостаточно выученъ, но за его хлопотливую дѣятельность я все-таки благодаренъ ему“.

Докладывалась бумага о приключеніи съ дѣвицей К. и просьба жены капитана*) о назначеніи послѣдней учительницею въ какой-нибудь другой городъ, чтобы не быть въ одномъ городѣ съ мужемъ своимъ. Жена капитана желала имѣть аудіенцію у генерала, и генералъ пожалѣлъ ее, когда я разсказалъ ему, что она приходила ко мнѣ и плакала, но объясняться съ ней не пожелалъ, сказавъ: „я боюсь безполезно прослезиться“.

22-го сентября, во время доклада, генералъ оригинально разсказалъ мнѣ, что онъ зналъ о дѣвицѣ Кал—ой, и еще забавнѣе—объ устройствѣ вентилятровъ по системѣ Глинки-Маврина. При этомъ онъ смѣялся самымъ добродушнымъ смѣхомъ, такъ что мое положеніе было весьма затруднительно: смѣяться было не особенно удобно, а удерживаться отъ смѣха очень трудно.

6-го октября генералъ уже переѣхалъ въ городской домъ. Когда я вошелъ къ нему съ докладомъ, онъ встрѣтилъ меня съ веселымъ взглядомъ и сообщилъ мнѣ только что полученное имъ извѣстіе о побѣдѣ Кавказской арміи надъ арміей Мухтара-паши. Затѣмъ онъ говорилъ объ ошибкахъ въ Дунайской арміи и называлъ *дѣтскимъ* весь планъ войны. Ошибки нашей арміи онъ приписывалъ странному для него убѣжденію русскихъ военачальниковъ въ слабости турокъ. „Со временъ Петра (на Прутѣ), говорилъ онъ, турки постоянно доставляли непріятности русскимъ, но русскіе до сихъ поръ не научились изъ этихъ историческихъ уроковъ. Всемірная исторія не представляетъ намъ примѣровъ, чтобы какой-нибудь народъ не защищался даже и тогда, когда непріятель хочетъ овладѣть его столицей. Ошибка русскихъ не простительна по отношенію къ болгарамъ, которыхъ мы, русскіе,

*) Съ ней дурно жилъ мужъ, и потому она просила назначить ее учительницей въ Чимкентъ, чтобы отсюда потомъ съ первымъ попутчикомъ уѣхать въ Россію. Вотъ какія положенія встрѣчались: нужно и несчастную особу устроить, и учебное дѣло въ тоже время пожалѣть.

НКИД
ГРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

вслѣдствіе малочисленности нашей арміи, не можемъ защитить отъ разсвирѣпѣвшихъ турокъ". Османа-пашу покойный назвалъ умнымъ генераломъ, а турокъ вообще храбрыми и хорошо дерущимися. При этомъ генералъ замѣтилъ вообще, что мы, русскіе, всегда съ трудомъ побѣждали турокъ, а персовъ легко, но что тѣ же персы легко побивали турокъ. Объясненіе такого интереснаго съ точки зрѣнія военной исторіи факта генералъ поставилъ вопросомъ и указалъ по этому поводу на другой примѣръ, что русскіе легко разбивали англичанъ, а французовъ съ трудомъ, между тѣмъ какъ французы были легко побиваемы англичанами. При этомъ генералъ сказалъ, что объясненіе такого факта кроется, очевидно, въ характерѣ этихъ націй и прибавилъ, что французы предъ вступленіемъ въ бой всегда пьютъ, а русскіе никогда за исключеньемъ, впрочемъ, одного полководца, который всегда выпивалъ, когда завязывалось жаркое дѣло... По этому случаю генералъ замѣтилъ, что онъ старается ввести въ Туркестанскихъ войскахъ въ употребленіе чай вмѣсто водки, такъ какъ водка въ такомъ жаркомъ климатѣ особенно вредна, а чай— напитокъ безобидный и полезный*).

Трудно невоенному человѣку разобраться въ этомъ вопросѣ. Изъ описаній разныхъ сраженій русскихъ съ турками (см. Русскую Старину и Русскій Архивъ) выходитъ какъ бы другое заключеніе; но тѣмъ не менѣе имѣютъ значеніе и слѣдующія слова Правительственнаго Вѣстника отъ 29 октября 1894 г. № 237, въ замѣткѣ: *„Заслуги Россіи въ борьбѣ съ Востокомъ"*, по поводу сообщенія генералъ-маіора Мадрасской арміи Торреля, въ засѣданіи англо-русскаго литературнаго общества, именно: „До Суворовскихъ побѣдъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II,

*) Во время Хивинскаго похода такое распоряженіе было сдѣлано по представленію главнаго отряднаго врача ст. сов. Суворова, и командующій войсками генералъ Кауфманъ категорически запретилъ выдачу водки войскамъ даже въ праздникъ Пасхи, отпразднованной въ пустынѣ 8 апрѣля 1873 г. Не уступилъ тогда генералъ Кауфманъ и представленіямъ нѣкоторыхъ начальниковъ частей и даже приказалъ опечатать водку у маркитантовъ на первые три дня праздника. (Окраина, за 1898 г. № 72, ст. „Походъ въ Хиву").

АННЕ
КАНДИДАТЪ
АЖТОМ

турки—вѣковые побѣдители и ужасъ европейскихъ странъ—не знали страха предъ европейскимъ оружіемъ и войсками. Суворовъ первый разбилъ ихъ самоувѣренность, заставивъ трепетать предъ собою даже грозные отряды янычаръ".

„Сила турокъ два вѣка тому назадъ заключалась, во-первыхъ, въ огромномъ преимуществѣ, какое представляли турецкія войска въ отношеніи многочисленности, и во-вторыхъ—въ превосходной кавалеріи. Если европейскимъ арміямъ трудно было бороться съ турецкою пѣхотою, оказывавшеюся всегда въ 3—4 раза многочисленнѣе противника, то въ отношеніи кавалеріи, поражавшей своею ловкостью, смѣлостью и быстротою натиска, условія борьбы усложнялись до крайности, такъ какъ ни однимъ изъ перечисленныхъ качествъ европейская кавалерія того времени не отличалась. Съ тѣхъ поръ обстоятельства совершенно измѣнились: турки могутъ еще похвалиться пѣхотой, но не конницей".

Правъ ли былъ покойный генералъ въ своемъ отзывѣ о столкновеніяхъ русскихъ войскъ съ войсками французовъ и англичанъ, я судить не берусь, но думаю, что мнѣніе покойнаго походитъ скорѣе на отвлеченіе, чѣмъ на дѣйствительность. Г.г. военные лучше могутъ разсудить это...

Во время этого доклада имѣлъ мѣсто слѣдующій случай: было заготовлено отношеніе на имя министра народнаго просвѣщенія объ исходатайствованіи Высочайшаго разрѣшенія на оставленіе ученика Покровскаго на третій годъ въ томъ же классѣ. Въ этой бумагѣ генералъ своей рукой сдѣлалъ добавленіе и вмѣсто *„ученикъ"* написалъ *„ученикъ"*. Принявъ бумагу, я замѣтилъ описку и сказалъ объ этомъ генералу. Онъ исправилъ описку и сказалъ: „Благодарю, а то такъ бы и пошла безсмыслица къ министру". По окончаніи доклада, когда я откланялся генералу, онъ снова спросилъ меня, привыкаю ли я, особенно моя жена, къ Ташкенту. Приэтомъ онъ съ благодушною улыбкой замѣтилъ, что жены пріѣзжающихъ въ Ташкентъ чиновниковъ часто пилятъ своихъ мужей за переѣздъ въ такую даль и глушь...

Подобные разговоры генералъ Кауфманъ умѣлъ вести и

поддерживалъ мастерски: онъ отлично вникалъ въ положеніе чиновниковъ, съ каждымъ умѣлъ говорить соотвѣтственнымъ языкомъ, добродушно и любезно, разумѣется, когда самъ бывалъ въ духѣ и не озабоченъ своими административными дѣлами; даже о семейныхъ дѣлахъ чиновниковъ онъ любилъ поговорить, а иногда и пошутить, но не обижая этимъ своего собесѣдника. Извѣстный художникъ В. Верещагинъ, находившійся одно время въ Туркестанскомъ краѣ и имѣвшій случай бывать въ присутствіи генерала Кауфмана, заявилъ печатно о его склонности добродушно поговорить и пошутить въ свободныя отъ дѣловыхъ занятій минуты. Строгій на видъ и на словахъ, замѣчаетъ г. Верещагинъ, Туркестанскій генералъ-губернаторъ К. П. фонъ-Кауфманъ былъ въ сущности очень добръ. Въ Самаркандскомъ походѣ онъ обыкновенно долго задерживалъ насъ за столомъ,—вѣрнѣе сказать—за скатертью, потому что мы сидѣли и лежали прямо на землѣ—разными разсказами изъ прошлаго и настоящаго своей жизни. Всѣмъ болѣе или менѣе приходилось быть жертвою его, но такъ какъ онъ былъ прекрасный человѣкъ, то никому и въ голову не приходило претендовать на это. Какъ-то въ послѣобѣденной бесѣдѣ генералъ выразился, что въ отрядѣ не мало людей, любящихъ поговорить. Да, ваше превосходительство, они всѣ замѣчены и отмѣчены по нумерамъ: parlato 1, parlato 2 и т. д. Можетъ ли быть? Кто же первый?—Михайловъ. Генералъ очень смѣялся. Ну, а второй?—Отвѣта не послѣдовало, и генералъ, понялъ, что parlato № 2 былъ онъ самъ*).

13-го октября передъ докладомъ мнѣ пришлось долго дожидаться пріема, потому что передо мной къ генералъ-губернатору входили съ дѣлами, одинъ за другимъ, два неизвѣстные мнѣ генерала. Вѣроятно, разговоръ съ генералами разстроилъ благодушнѣйшаго Константина Петровича. Мой докладъ послѣ ухода генераловъ продолжался три четверти часа; генералъ читалъ молча, держа при этомъ руки въ карманахъ. Читая донесеніе Самаркандъ-

*) См. Русская Старина 1890 г. декабрь. «Изъ воспоминаній художника В. В. Верещагина», стр. 786.

скаго врача объ училищномъ зданіи, генералъ-губернаторъ остановился на названіи вентиляторовъ „васиздасами“ и разсказалъ мнѣ, что такое названіе утвердилось за вентиляторами съ 1813 г., когда нѣмцы, вступившіе въ Парижъ, съ изумленіемъ смотрѣли на вентиляторы и спрашивали: Was ist das? Послѣ этого у нѣмцевъ вентиляторы такъ и остались подъ названіемъ *„васиздасъ“*. Прочитавъ донесеніе того же врача, генералъ обратилъ вниманіе на заявленіе его о томъ, что въ классной комнатѣ на каждаго ученика должно быть не менѣе 16-ти кубическихъ аршинъ воздуха. Это заинтересовало его, и онъ просилъ меня узнать, если можно, на какомъ основаніи существуетъ такое положеніе. Слѣдовавшій за тѣмъ контрактъ по найму дома подъ училище онъ не сталъ читать, а прямо подписалъ его, когда узналъ, что контрактъ уже прочитанъ мною. По поводу жизни пансіонеровъ генералъ замѣтилъ, что, предъ отправленіемъ ихъ ко сну, имъ нужно давать съ полчаса для освѣженія ихъ головъ послѣ умственнаго напряженія. Подписывая приказъ о назначеніи на службу учительницы Меньщиковой, онъ спросилъ: „она еще не пріѣхала?“ я отвѣтилъ: „нѣтъ еще“. Тогда генералъ снова спросилъ: „почему же ей назначено жалованье съ 15-го октября?“ Я сказалъ: „такъ распорядился главный инспекторъ училищъ“*), — и генералъ замолчалъ. По поводу учениковъ-инородцевъ генералъ высказалъ свое желаніе, чтобы дѣти инородцевъ обучались совмѣстно съ русскими, въ одной школѣ и при этомъ добавилъ: „генералъ Абрамовъ**) устроилъ такъ, что инородцы учатся въ Самаркандѣ отдѣльно отъ русскихъ. въ томъ предположеніи, что сначала нужно пріучить ихъ къ чужой школѣ, а потомъ уже и соединить

*) То есть г. Кунъ.

**) Александръ Константиновичъ Абрамовъ былъ военнымъ губернаторомъ сначала въ Самаркандѣ, потомъ въ Маргеланѣ. Передъ назначеніемъ въ край Михаила Григорьевича Черняева на постъ генералъ-губернаторскій, А. К. Абрамовъ исправлялъ должность генералъ-губернатора, и я лично бывалъ у него съ докладами по учебному вѣдомству. Это былъ человѣкъ хорошаго здраваго смысла, но безъ широкаго образованія и потому едва ли могъ всесторонне разсуждать о такомъ спеціальномъ вопросѣ, какъ образованіе инородческихъ дѣтей.

съ русскими... Но это едвали удастся: что сразу упустили, то послѣ поправить трудно. Мы хотѣли было открыть для туземцевъ училище въ Ташкентѣ, но намъ это не удалось"... Вообще, нужно замѣтить, что покойный генералъ-губернаторъ постоянно и съ убѣжденіемъ держался того взгляда, что дѣтей инородцевъ необходимо обучать *совмѣстно* съ русскими дѣтьми. Послѣ него этотъ взглядъ былъ оставленъ, и въ настоящее время для дѣтей туземцевъ существуютъ особыя школы въ разныхъ мѣстностяхъ края, хотя въ нѣкоторыхъ городахъ существуетъ и совмѣстное обученіе ихъ съ русскими дѣтьми. Въ заключеніе этого доклада генералъ, какъ бы желая объяснить мрачное свое настроеніе, сказалъ, подавая мнѣ руку: „какъ сегодня вдругъ стало холодно!.. Впрочемъ еще будутъ красные дни"...

17-го октября я былъ съ экстреннымъ докладомъ у генерала. Поводомъ къ этому послужило представленіе главнаго инспектора училищъ, кол. сов. Куна, къ чину статскаго совѣтника. Подробности этого представленія интересны тѣмъ, что не генералъ-губернаторъ возбудилъ этотъ вопросъ, а самъ г. Кунъ прислалъ заготовленное имъ же самимъ въ Петербургѣ письмо на имя г. министра о награжденіи его, Куна, чиномъ не въ очередь. Въ дѣлахъ управленія учебными заведеніями сохранилась, конечно, переписка по этому вопросу. Даже добрѣйшій генералъ задумался надъ доставленнымъ ему мною письмомъ и, чтобы скрыть свои мысли, сказалъ: „представленіе это надо передѣлать; я оставлю его у себя". Сказавъ это, генералъ пригласилъ меня къ своему завтраку. За завтракомъ онъ былъ любезнымъ хозяиномъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ разсказалъ между прочимъ два анекдота: одинъ анекдотъ касался министра Персидскаго двора, а другой — поданной ему туземцемъ жалобы на то, что сынъ его, проданный одному сарту въ бачи, служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и другому, а между тѣмъ онъ, отецъ, надбавки за это не получилъ*).

*) Рѣчь идетъ объ извѣстномъ среди осѣдлыхъ туземцевъ Туркестанскаго края порокѣ (бачебазлыкъ), орудіями котораго служатъ молодые мальчики. См. объ этомъ порокѣ въ моей книгѣ «Сарты» вып. 1.

Со мной вмѣстѣ за завтракомъ сидѣли: правитель канцеляріи Камергеръ Каблуковъ и начальникъ суднаго отдѣленія областного управленія, по фамиліи тоже Каблуковъ. Второй Каблуковъ при этомъ разсказалъ изъ своей практики случай о семидесяти-лѣтнемъ сартѣ, обвинявшемся въ очень сложномъ и безнравственномъ преступленіи. Виновнаго приговорили по суду общества на три года въ тюрьму. Старикъ жаловался на несправедливость этого приговора и потому обратился въ русскій судъ, но русскій судья отклонилъ эту жалобу. Генералъ со смѣхомъ воспроизвелъ прошеніе туземца и въ заключеніе съ ироническою улыбкой прибавилъ, что туземецъ просилъ праваго и милостиваго суда.

20-го октября когда начался докладъ, генералъ прежде всего возвратилъ мнѣ заготовленное отъ его имени ходатайство о награжденіи г. Куна, внѣ правилъ, чиномъ статскаго совѣтника и сказалъ при этомъ: „я не могу ходатайствовать внѣ закона. Министръ уже разъ отказалъ мнѣ въ моемъ ходатайствѣ, потому что оно было незаконно; значитъ, съ моей стороны была сдѣлана ошибка, а повторять завѣдомо ошибки мнѣ не хочется; я готовъ просить за Куна, но желаю, въ тоже время, соблюдать и законъ. Мнѣніемъ Государя я дорожу, а въ отказѣ министра указано, что Государь обращаетъ вниманіе на очень щедрое награжденіе чинами въ Туркестанскомъ краѣ“. „Не знаете-ли, спросилъ онъ меня, какую награду получилъ Кунъ внѣ правилъ?“ Я отвѣтилъ, что точно не знаю, но, кажется,—чинъ коллежскаго совѣтника. Тогда генералъ сказалъ: „ну, значитъ, ходатайствовать нельзя; пусть ждетъ очереди“. На переданной мнѣ генераломъ бумагѣ было написано, чтобы доставить справку о томъ, какую награду въ послѣдній разъ и когда именно получилъ г. Кунъ. Такой оборотъ ходатайство г. Куна о самомъ себѣ получило потому, что генералъ изъ дѣла Управленія учебными заведеніями, увидѣлъ упомянутый отказъ министра народнаго просвѣщенія.

Говоря о рисованіи по поводу министерскаго запроса о томъ, въ какой степени можно усилить преподаваніе этого искусства въ классическихъ гимназіяхъ, генералъ, послѣ долгихъ разсуж-

деній со мною на эту тему, приказалъ мнѣ заготовить отвѣтъ министерству въ томъ смыслѣ, чтобы уроки рисованія считались обязательными до четвертаго класса *включительно*, такъ какъ въ этомъ возрастѣ учащіеся мальчики не могутъ еще самостоятельно опредѣлять свои склонности и такъ какъ способность, или неспособность учениковъ къ рисованію не можетъ еще опредѣленно обнаружиться въ возрастѣ третьяго класса (13—14-ти лѣтъ). А когда я замѣтилъ, что въ министерскомъ запросѣ уже предрѣшенъ этотъ вопросъ въ смыслѣ обязательности рисованія только до третьяго класса гимназіи, то генералъ сказалъ, что ему не будетъ стыдно, если его мнѣніе не будетъ уважено въ министерствѣ, и прибавилъ, обращаясь ко мнѣ, вопросительно: „вѣдь, насъ съ вами просятъ высказать наше откровенное мнѣніе, и мы додумались именно до такого рѣшенія совершенно непринужденно, тщательно обсудивши предложенный вопросъ?“ Я сказалъ: да. Тогда генералъ сказалъ: „ну, такъ и напишемъ мы свое откровенное мнѣніе, а тамъ, въ министерствѣ, пусть рѣшаютъ, какъ знаютъ“. Весь этотъ разговоръ былъ веденъ покойнымъ Константиномъ Петровичемъ такъ спокойно и задушевно, что произвелъ на меня пріятное и сильное впечатлѣніе, и я живо припоминаю его болѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ.

По поводу слѣдующаго доклада о количествѣ воздуха, потребномъ для каждаго ученика въ классной комнатѣ, генералъ замѣтилъ, что представленныя мною различныя мнѣнія ученыхъ по этому вопросу даютъ ему право думать, что эти мнѣнія произвольны, что каждый ученый думаетъ объ этомъ, какъ ему угодно, а опредѣленнаго закона для этого, очевидно, нѣтъ. По этому поводу онъ замѣтилъ, также, что и въ вопросахъ чисто врачебныхъ на европейскихъ врачей не всегда можно полагаться и разсказалъ слѣдующее: „на Кавказѣ я былъ раненъ въ ногу. Рана загноилась, и врачи рѣшили раненую ногу отнять. Услышалъ о такомъ рѣшеніи одинъ туземный врачъ, мусульманинъ, пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что берется вылѣчить мою раненую ногу. Я, разумѣется, согласился испробовать лѣченіе туземца, тѣмъ

болѣе, что отрѣзать ногу можно было и послѣ этого опыта... И—что-же? сказалъ генералъ съ улыбкой... Вотъ, смотрите: — обреченная на смерть нога живетъ до сихъ поръ и дѣйствуетъ"... Прочитавъ поданную ему адъютантомъ во время доклада телеграмму о военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ на Кавказѣ, генералъ сказалъ: „не понимаю хорошенько..., но все равно,—лупцовку туркамъ задаютъ". Этимъ докладъ мой кончился.

27-го октября, на докладѣ были представлены къ подписанію генерала двѣ важныя бумаги: одна объ обязательности рисованія, если не во всѣхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, то, по крайней мѣрѣ, въ первыхъ четырехъ классахъ, но не въ *трехъ*, какъ предположила комиссія, Высочайше назначенная, подъ предсѣдательствомъ д. ст. сов. Рязанова. Въ отношеніи генералъ-губернатора на имя г. министра народнаго просвѣщенія, на основаніи подробнаго выясненія этого вопроса, во время предыдущаго доклада, было написано: признавая за обученіемъ рисованію большое образовательное значеніе, я не только соглашаюсь съ заключеніемъ названной комиссіи о необходимости включенія рисованія въ число обязательныхъ предметовъ обученія въ первыхъ трехъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, но и убѣжденъ, что въ интересахъ общаго образованія, получаемаго въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, было бы весьма полезно распространить обязательность обученія этому искусству на всѣ классы гимназій и прогимназій (какъ мужскихъ, такъ и женскихъ) и, по меньшей мѣрѣ, на первые четыре класса этихъ заведеній. Убѣжденіе свое я основываю на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1) всѣ душевныя наши способности, принимая живое участіе въ нашей психической дѣятельности, взаимно помогаютъ одна другой; каждая изъ этихъ способностей требуетъ равномѣрнаго развитія, чтобы общая взаимная ихъ дѣятельность сопровождалась большею гармоніей въ своемъ проявленіи и большимъ успѣхомъ; поэтому и наше воображеніе должно получать такое-же сравнительно законченное развитіе, какое дается въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ другимъ способностямъ учащихся—разсудку,

памяти и пр., образованіе и развитіе которыхъ послѣдовательно продолжается въ теченіи всего курса названныхъ заведеній;

2) недостаточное развитіе воображенія, сравнительно съ развитіемъ другихъ нашихъ душевныхъ способностей, представляетъ собою не только психически-неправильное явленіе, но часто вредно отзывается на всей духовной дѣятельности субъекта: не рѣдко случается встрѣчать въ жизни, что люди съ сильнымъ разсудкомъ и съ обширною памятью, но не обладающіе въ соотвѣтствующей степени развитымъ воображеніемъ, оказываются несостоятельными въ рѣшеніи многихъ вопросовъ, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ; недостаточно развитое воображеніе всегда значительно ослабляетъ силу нашей мысли. Воображеніе одинаково необходимо, какъ художнику и поэту, такъ и генію науки; оно помогаетъ намъ во всѣхъ сферахъ нашей духовной дѣятельности; не только при изученіи искусствъ и художествъ, но и при занятіяхъ математикой и языкознаніемъ воображеніе оказываетъ намъ неоцѣнимую услугу, помогая нашей мысли живо представлять самое неочевидное; кромѣ того, воображеніе, содѣйствуя расширенію нашего умственнаго горизонта, окрыляетъ нашъ умъ и тѣмъ спасаетъ его, какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ отъ грубаго матеріализма, столь нежелательнаго въ нашемъ молодомъ поколѣніи. А такъ какъ развитію воображенія при современной системѣ воспитанія и образованія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ содѣйствуетъ обученіе рисованію, то я и нахожу весьма полезнымъ распространеніе обязательности обученія этому искусству, если не на всѣ классы нашихъ гимназій и прогимназій, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, то, по крайней мѣрѣ, на первые четыре класса этихъ заведеній. Высказывая желаніе распространить обязательность обученія рисованію, по крайней мѣрѣ, и на четвертый классъ среднихъ учебныхъ заведеній, я имѣю въ виду, что:

а) по установленному уставомъ среднихъ учебныхъ заведеній, возрасту учащихся въ этихъ заведеніяхъ въ четвертомъ классѣ, гораздо болѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ въ третьемъ, опредѣляются

способности учащихся, которые съ пятаго класса гимназіи могутъ уже болѣе сознательно продолжать свои занятія въ учебномъ заведеніи и заканчивать свое общее образованіе;

б) что дѣти мужскаго пола, учащіяся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, нерѣдко четвертымъ именно классомъ или совершенно заканчиваютъ свое общее образованіе, или же переходятъ для его продолженія въ другія спеціальныя учебныя заведенія. Въ обоихъ же послѣднихъ случаяхъ полученный учащимися въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ большій (сравнительно съ трехгодичнымъ курсомъ обученія) навыкъ въ рисованіи всегда принесетъ имъ несомнѣнную пользу въ будущемъ. Въ заключеніе приведенныхъ основаній своего убѣжденія относительно распространенія обязательности обученія рисованію, если не на всѣ, то, по крайней мѣрѣ, на первые четыре класса нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, я позволю себѣ замѣтить, что было бы вообще весьма желательно видѣть въ каждомъ, получающемъ общее образованіе, субъектѣ большее знакомство съ законами рисованія, что достижимо только при большемъ, сравнительно съ предполагаемымъ Высочайше назначенной комиссіей, срокѣ обязательнаго обученія этому искусству въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

Прочитавъ представленное мною отношеніе, генералъ, очевидно довольный, подписалъ его молча. Обыкновенно, когда составленныя, отъ его имени, бумаги не нравились ему, онъ собственной рукой измѣнялъ ихъ текстъ и приказывалъ переписать, или передѣлать къ слѣдующему докладу.

Второю важною бумагою, представленною къ подписи генерала, было письмо на имя г. министра съ просьбой о награжденіи главнаго инспектора Куна чиномъ статскаго совѣтника. Письмо это генералъ подписалъ и ни слова не сказалъ, считая, очевидно, неудобнымъ говорить что-нибудь не въ пользу искательства г. Куна.

Въ заключеніе доклада генералъ былъ разговорчивъ и любезенъ, шутливо говорилъ о ташкентскихъ дождяхъ и ташкентской мостовой. Сравнивая то и другое съ дождями и мостовыми внут-

ренней Россіи и Европы, онъ сказалъ, что въ субботу (29-го октября) онъ уѣзжаетъ въ Фергану, почему и приказалъ доклады оставить до его возвращенія. Я пожелалъ ему благополучнаго пути, а генералъ въ отвѣтъ на это съ любезной улыбкой шаркнулъ ногой и простился со мной.

17-го ноября, въ четвергъ, былъ первый докладъ мой по возвращеніи генерала изъ Ферганы. Встрѣтилъ онъ меня любезно, сказавши: „Пожалуйте! Давно мы съ вами не видались“... Затѣмъ онъ поговорилъ со мной о погодѣ, стараясь похвалить Ташкентъ за его климатъ. Доклады мои прошли безъ замѣчаній съ его стороны. По окончаніи доклада, генералъ высказалъ сожалѣніе о томъ, что зданіе для мужской гимназіи долго не отстраивается и спросилъ, какъ размѣстилась женская гимназія въ бывшемъ домѣ полк. Терейковскаго. Я сказалъ, что гимназія размѣстилась хорошо, и это было пріятно генералу, потому что женская гимназія устроена была исключительно его стараніями. Затѣмъ онъ, по поводу предположенія объ увеличеніи большой перемѣны, долго говорилъ о томъ, что гимнастику полезно ввести въ учебномъ заведеніи, какъ упражненіе, развивающее физическія силы дѣтей, но что нужно быть весьма осторожнымъ при пользованіи этимъ средствомъ, такъ какъ гимнастика можетъ сопровождаться гибельными для здоровья дѣтей послѣдствіями—можетъ произвести расширеніе сердца, не говоря уже объ ушибахъ, вывихахъ и простудѣ. Говорилъ генералъ сердечно, съ одушевленіемъ... Когда я откланивался, генералъ очень любезно простился со мной.

Дѣловой онъ человѣкъ: когда-бы я не являлся къ нему, я всегда заставалъ его сидящимъ за столомъ и что-то пишущимъ, повидимому—письма. Очевидно, онъ уже устаетъ къ 2 час. дня (время моего доклада), потому что, какъ только докладъ оканчивается, онъ быстро встаетъ съ мѣста и отходитъ отъ стола въ сторону, и тогда начинаются разговоры посторонніе, хотя иногда имѣющіе нѣкоторое отношеніе къ доложеннымъ мною бумагамъ. Нерѣдко онъ прерываетъ чтеніе докладовъ, закуриваетъ папиросу и разсказываетъ какой-нибудь анекдотъ. А анекдотовъ у него,

какъ у человѣка, много пожившаго на свѣтѣ, масса и притомъ самаго разнообразнаго свойства. Этими анекдотами онъ, при веселомъ настроеніи, замѣчательно умѣло пользовался и разсказывалъ ихъ такъ занятно и забавно, что иногда трудно было удержаться отъ улыбки, а иногда трудно было во время его разсказовъ смотрѣть ему въ глаза, такъ какъ анекдоты его отличались иногда большою пикантностью.

19-го ноября, вечеромъ, я получилъ отъ генералъ губернатора пригласительный билетъ (почтовый листочекъ малаго формата) слѣдующаго содержанія: „Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ покорнѣйше проситъ Васъ пожаловать къ нему на чай сего 22-го ноября, въ 8 часовъ вечера“. На этомъ вечерѣ я пробылъ съ восьми до десяти съ четвертью часовъ и ушелъ тихонько, не сказавшись хозяину. На вечерѣ было мнѣ скучно и, кромѣ того, было тяжело стоять все время на ногахъ и смотрѣть на танцы молодыхъ офицеровъ со старыми ташкентскими барынями. Поговорить же ни съ кѣмъ не пришлось, потому что къ тому времени я не успѣлъ еще хорошо познакомиться съ Ташкентскимъ обществомъ; тѣже лица, съ которыми я былъ немного знакомъ, были заняты каждый своимъ дѣломъ. Хозяинъ-генералъ былъ въ полной генеральской формѣ и подходилъ во время вечера то къ одному, то къ другому, но всегда, какъ мнѣ показалось, по выбору. Руку онъ подавалъ только, кажется, генераламъ. Я, съ любопытствомъ смотрѣлъ на двухъ бывшихъ бековъ Шахрисябза Джурабека и Бабабека, которые, по завоеваніи Самарканда, должны были перейти на русскую службу, жили въ Ташкентѣ и носили: одинъ—подполковничій мундиръ, а другой—майорскій. У Джурабека мундиръ былъ обыкновеннаго военнаго покроя, а Бабабекъ носилъ малиновый бархатный кафтанъ съ майорскими эполетами, при обыкновенной шапкѣ съ широкой, бобровой опушкой. Эти два туземца рѣзко отличались другъ отъ друга: Джурабекъ—высокій, стройный мужчина, съ умнымъ, худощавымъ лицомъ, а Бабабекъ имѣлъ круглое, жирное и сонливое лицо, хотя, по своему, и онъ неглупый человѣкъ. Съ Джурабекомъ былъ сынъ

его, молодой юноша, числившійся въ конвоѣ Его Величества. Оба Джурабека довольно порядочно говорятъ по русски, а Бабабекъ знаетъ только нѣсколько словъ. Эти три туземца стояли съ русскими на ряду, въ вытяжку, особенно, когда проходилъ мимо нихъ самъ генералъ. Подойдя къ молодому Джурабеку, генералъ, очень забавно, пальцами одной руки, поставленной на ладонь другой, показалъ, какъ танцуютъ, желая спросить, умѣетъ ли Джурабекъ танцовать. Но это было сдѣлано, очевидно, ради шутки*).

Въ четвергъ, 24-е ноября, я по обыкновенію былъ съ докладомъ у генерала и въ концѣ доклада спросилъ его мнѣнія о томъ, принимать или не принимать мусульманскія школы подъ надзоръ русскаго инспектора училищъ**). Вмѣсто отвѣта, генералъ спросилъ, какъ я объ этомъ думаю. Мое мнѣніе было отрицательное, и генералъ вполнѣ согласился со мной. Онъ вообще думалъ, что еще рано приниматься за мусульманскія школы, что

---

*) Въ настоящее время Джурабекъ имѣетъ чинъ полковника и орденъ св. Владиміра 4-й ст., хорошо матеріально обезпеченъ и живетъ большею частью на дачѣ близъ Ташкента, а полковникъ Бабабекъ 15 іюля сего года скончался въ Ташкентѣ на 65 г. жизни. Изъ краткаго некролога его («Туркест. Вѣд.» № 54 за 1898 г.) видно, что онъ, перейдя въ русское подданство, принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, при покореніи бывшаго Кокандскаго ханства, и былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена 4 степени, а по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 6 апрѣля 1876 г., былъ зачисленъ по милиціи съ чиномъ маіора, награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. для нехристіанъ установленнымъ, съ мечами и бантомъ, и съ производствомъ содержанія по 2000 р. въ годъ. За отличія по службѣ Бабабекъ въ 1880 г. былъ произведенъ въ подполковники съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи, а затѣмъ послѣдовательно, награжденъ орденами св. Станислава 2 ст., св. Анны 2 ст., св. Владиміра 4 степени, серебряными медалями въ память Императора Александра III и за походы въ Средней Азіи и чиномъ полковника, въ которомъ состоялъ съ 1886 года. Главнымъ занятіемъ Бабабека было сельское хозяйство, и большую часть своихъ средствъ, получаемыхъ изъ Бухары, въ уплату за отошедшія къ ней Шахрисябскія владѣнія его, а также содержаніе отъ нашего правительства онъ употреблялъ на сооруженіе мечети и при ней мадрасы, а затѣмъ на содержаніе ихъ въ исправности. Покойный велъ скромную жизнь и остававшіяся средства тратилъ на своихъ родственниковъ, прибывшихъ съ нимъ изъ Шахрисябза. Родственниковъ у него было до 50 человѣкъ. Покойный Бабабекъ и отецъ его носили рѣдкій титулъ *валлями* т. е. благодѣтель.

**) Я былъ первымъ инспекторомъ народныхъ училищъ Турк. края и принималъ въ свое вѣдѣніе существовавшія въ краѣ народныя школы (см. о нихъ ниже).

сломить ихъ вѣковой строй и передѣлать на другой ладъ пока невозможно. При этомъ онъ разсказалъ мнѣ очень любопытный случай, бывшій съ нимъ вскорѣ по пріѣздѣ его въ Ташкентъ. Поѣхалъ онъ въ мусульманскую часть города съ сотнею казаковъ, обыкновенно сопровождавшею его во время выѣздовъ изъ дома, и большою свитою, и заѣхалъ въ одно высшее мусульманское училище (мадраса). Осмотрѣвъ устройство школы, онъ, сообразуясь съ туземнымъ обычаемъ, подарилъ старшему мударрису (учителю) нѣсколько халатовъ. Халаты были приняты съ восторгомъ, на расхватъ. Затѣмъ онъ спросилъ учащихъ (муллъ), въ числѣ которыхъ уже были пожилые: знаютъ-ли они, что такое Россія, ихъ новое отечество, какъ она жила прежде и какъ достигла настоящаго своего величія? — Муллы молчали. Тогда генералъ сказалъ: „въ такомъ случаѣ я окажу вамъ свое содѣйствіе — пришлю къ вамъ русскаго учителя, который научитъ васъ исторіи и географіи“. — Сарты сдѣлали обычный поклонъ, приложивши обѣ руки къ животу (такой поклонъ служитъ у туземцевъ символомъ безпрекословнаго повиновенія и называется „кулдукъ“, т. е. рабская покорность). Но по лицамъ ихъ было замѣтно, что это предложеніе было принято ими далеко не такъ охотно, какъ халаты“... При этомъ генералъ благодушно улыбался. Въ другой школѣ генералъ также заговаривалъ съ учащимися о русскомъ языкѣ и также обѣщалъ имъ русскаго учителя; но и въ этомъ случаѣ встрѣтилъ тотъ-же самый низкій поклонъ, служившій выраженіемъ ихъ готовности повиноваться, но не желаніе учиться.

По возвращеніи домой, генералъ поручилъ русскому городничему развѣдать, почему туземцы отнеслись гораздо хладнокровнѣе къ предложенію имъ русскихъ учителей, нежели къ халатамъ. Городничій узналъ и доложилъ ему, что мусульмане не только не рады такому вниманію къ ихъ школамъ со стороны генералъ-губернатора и такой заботливости его объ ихъ школахъ, но чуть не плачутъ отъ горя, потому что русскій учитель своимъ пребываніемъ въ ихъ школахъ сдѣлаетъ школы въ глазахъ народа нечистыми. „Это было ошибкою съ моей стороны, прибавилъ гене-

ралъ, но ошибкою поучительною для будущаго времени". Онъ замѣтилъ, что Кунъ уже дѣлалъ попытку прибрать эти школы къ своимъ рукамъ, но что изъ этого ровно ничего не вышло. „Поэтому, сказалъ генералъ, нужно ждать, когда явится возможность открыть въ сартовскомъ городѣ хотя одну правительственную школу для туземцевъ, желающихъ изучать русскій языкъ и поставить обученіе въ этой школѣ уже на русскихъ началахъ". Я, съ своей стороны, сказалъ на это, что нужно подготовлять это дѣло исподоволь, чтобы туземцы постепенно поняли пользу русской школы, и что къ этому нужно располагать ихъ сначала частнымъ образомъ... Но генералъ перебилъ меня и сказалъ, что туземцы были бы готовы и сейчасъ учиться, но въ это дѣло замѣшался Сеидъ-Азимбай, съ которымъ нужно быть очень осторожнымъ, потому что онъ вездѣ и всѣмъ хочетъ заправлять. Я сказалъ, что въ виду этого намъ необходимо обратить вниманіе на свои правительственныя школы и хорошенько устроить ихъ, чтобы онѣ сами привлекали къ себѣ дѣтей туземцевъ. „А для этого намъ необходимо сдѣлать въ пользу туземцевъ какія-нибудь уступки", прибавилъ генералъ. Я сказалъ: спѣшить не нужно, потому что искусственныя и насильственныя мѣры нигдѣ ни приводили къ прочнымъ результатамъ и тѣмъ болѣе будутъ не умѣстны въ отношеніи мусульманской школы. Какъ на важное также препятствіе къ принятію мусульманскихъ школъ подъ контроль русскаго инспектора, покойный генералъ указалъ на ихъ необыкновенную многочисленность*). Наконецъ, генералъ сказалъ, что намъ нужно особенно заботиться о распространеніи русской грамотности среди киргизъ, какъ болѣе податливыхъ къ чуждому вліянію, но это будетъ возможно только тогда, когда откроется въ Ташкентѣ учительская семинарія**).

---

*) При генералъ-губернаторѣ Баронѣ Вревскомъ мусульманскія школы были приняты въ вѣдѣніе третьяго инспектора народныхъ училищъ, должность котораго была утверждена въ концѣ 1889 г., а въ 1894 г. старшимъ мударрисамъ (т. е. завѣдующимъ мадрасами) была преподана особая инструкція, утвержденная генералъ-губернаторомъ.

**) Учительская семинарія была открыта въ Ташкентѣ 30 августа 1879 года.

Въ четвергъ, 1-го декабря, мнѣ пришлось ожидать пріема около часа, такъ какъ генералъ уѣзжалъ на военное поле смотрѣть взрывъ саперныхъ минъ. Мнѣ, не видавшему раньше генерала въ парадномъ нарядѣ, интересно было смотрѣть на въѣздъ генерала во дворъ генералъ-губернаторскаго дома: сначала въѣхалъ рысью казачій офицеръ, за нимъ неполная сотня казаковъ съ большимъ значкомъ и, наконецъ, въ коляскѣ, самъ генералъ съ адъютантомъ Колесниковымъ. Генералъ сидѣлъ по лѣвую сторону и былъ одѣтъ въ походную форму, въ ботфортахъ, и съ каской на головѣ; на плечахъ у него была енотовая шуба. Когда генералъ вышелъ изъ коляски, командиръ сотни отдалъ честь генералу, а послѣдній обратился къ казакамъ и сказалъ: „Спасибо молодцы!“ Казаки дружно отвѣтили: „Рады стараться, Ваше Высокопревосходительство!“. Затѣмъ генералъ сказалъ что-то караульнымъ, и тѣ отвѣчали тоже. Наконецъ, генералъ вошелъ въ пріемную и, увидѣвъ меня, поклонился мнѣ и спросилъ: „Вы давно ждете меня?“ Я сказалъ: „нѣтъ, съ полчаса“. Генералъ снялъ перчатку и, подавая мнѣ руку, сказалъ: „Ну, извините, что вамъ пришлось ждать“. Затѣмъ онъ пригласилъ меня въ кабинетъ, а самъ прошелъ во внутреннія комнаты переодѣваться. Я сидѣлъ въ кабинетѣ, какъ вдругъ явился переводчикъ Ибрагимовъ съ искусственно-важнымъ выраженіемъ лица и повелительно сказалъ камердинеру: „Доложи, что я здѣсь“. Камердинеръ скоро возвратился и передалъ Ибрагимову приглашеніе войти во внутреннія комнаты. Вскорѣ камердинеръ снова вышелъ и спрашиваетъ меня: „Какъ ваша фамилія?“ Я сказалъ—Остроумовъ. Тогда камердинеръ прибавилъ: „пожалуйте къ закускѣ“. Я оставилъ въ кабинетѣ свой портфель и вошелъ въ столовую. Поклонившись генералу и получивши приглашеніе садиться за столъ, я хотѣлъ было сѣсть въ концѣ стола, противъ генерала, но онъ указалъ мнѣ мѣсто рядомъ съ собою, по правую руку. Адъютантъ Колесниковъ сѣлъ рядомъ со мной, а Ибрагимовъ—по лѣвую руку генерала. Я поздравилъ генерала съ русской побѣдой (взятіе Плевны). Генералъ сказалъ: „Благодарю“, и спустя

немного прибавилъ: „Да, хорошая побѣда; давно мы ее ждали“. Ибрагимовъ, глядя въ глаза генералу, поддакнулъ подобострастно. Генералъ снова заговорилъ: „Молодецъ Османъ, но дуракъ, потому что не хотѣлъ уйти 13-го октября: тогда мы остались бы съ носомъ“... Я замѣтилъ, что туземцы, какъ мнѣ кажется, огорчены взятіемъ Плевны; но генералъ не согласился съ этимъ и разсказалъ, какъ они благодарили его за учрежденіе Городской Думы. Онъ говорилъ, что поздравилъ ихъ со взятіемъ Карса, а туземцы-де этимъ не интересовались и благодарили его съ своей стороны за учрежденіе Городской Думы. Мнѣ тогда же показалось, что самъ генералъ разсказывалъ объ этомъ не вполнѣ искренно, лишь бы не сказать при Ибрагимовѣ, что туземцы сочувствуютъ туркамъ.

Послѣ завтрака, во время доклада генералъ спросилъ меня, знаю ли я учителя нѣмецкаго языка здѣшней гимназіи. Я сказалъ, что встрѣчался съ нимъ, но близко не знаю. Тогда генералъ замѣтилъ, что этотъ учитель вообще грубъ и плохо говоритъ по-русски, и прибавилъ съ шутливой улыбкой: „Однажды онъ вызвалъ отвѣчать урокъ одну ученицу, дѣвочку по тѣлосложенію полную. Нѣмцу показалось, что она умышленно выставляетъ свой животъ, и онъ, указывая ей пальцемъ на животъ, приговаривалъ: „брухо, брухо!“ т. е. онъ хотѣлъ сказать дѣвочкѣ, что не слѣдуетъ выставлять впередъ свой животъ“ О другомъ учителѣ генералъ благодушно замѣтилъ, что онъ очень неуклюжъ, а это не выгодно для дѣла.

Во время доклада о результатахъ испытанія одной дѣвицы на званіе домашней учительницы по математикѣ генералъ разсмотрѣлъ письменныя работы ея и протоколъ и замѣтилъ: „немудреную же задачу рѣшала она умственно“. Затѣмъ онъ высказался, что вообще не особенно вѣритъ въ математическія способности женщинъ и иронически замѣтилъ: „мнѣ какъ-то странно представить себѣ математика въ юбкѣ“.

13-го декабря, во вторникъ, въ 8 ч. вечера, я былъ у генералъ-губернатора на оффиціальномъ чаѣ, по оффиціальному приглашенію. Здѣсь я видѣлъ въ первый разъ генераловъ: Г. А.

Колпаковскаго, А. К. Абрамова, Н. А. Иванова и трехъ посланцевъ изъ Бухары. Бухарцы показались мнѣ непредставительными ни по одеждѣ, ни по физіономіи. Съ младшимъ изъ нихъ я поговорилъ по-туземному и ввелъ его въ недоумѣніе относительно своего происхожденія, такъ что онъ спросилъ меня, мусульманинъ я, или русскій. Танцы ему очень понравились. Всѣ бухарцы были одѣты небогато: на старшемъ былъ малиновый бархатный халатъ, а на двухъ младшихъ — полупарчевые халаты, на головахъ—бѣлыя чалмы; ножны на сабляхъ кожаныя, съ серебряной отдѣлкой; на лѣвомъ боку къ поясу были подвѣшены на ремешкахъ два узенькихъ маленькихъ мѣшечка, а на правомъ боку — полукруглая сумка, вѣроятно, для гребня.— Въ театрѣ они сильно зѣвали, несмотря на вниманіе къ нимъ переводчика.—Теперешніе посланцы гораздо представительнѣе.

15-го декабря, въ четвергъ, я имѣлъ послѣдній докладъ у генерала, такъ какъ главный инспекторъ училищъ г. Кунъ къ 20-му декабря долженъ былъ вернуться. По окончаніи доклада, я поблагодарилъ генерала за вниманіе ко мнѣ и просилъ у него извиненія за свои неловкости. На это генералъ ободрительно для меня сказалъ: „Нѣтъ, напротивъ; никакихъ неловкостей не было,—все шло складно и гладко... Благодарю“.

Въ этотъ разъ я увидѣлъ въ генералъ-губернаторскомъ домѣ комнатку, отдѣланную въ сартовскомъ вкусѣ, и долго любовался ея пестрой красотой, которую нужно видѣть своими глазами, чтобы вполнѣ оцѣнить ея своеобразную прелесть.

31-го декабря былъ балъ у генералъ-губернатора. На балъ были приглашены всѣ начальники отдѣльныхъ частей, много офицеровъ, гражданскихъ чиновниковъ, купцовъ и почетныхъ туземцевъ. Многія лица были приглашены съ семействами. Я былъ одинъ, потому что жена моя была нездорова. Всего гостей было болѣе 300 человѣкъ. До этого времени я ни разу не бывалъ на такихъ большихъ балахъ, а такъ какъ этотъ балъ имѣлъ оффиціальный характеръ и притомъ былъ обставленъ строгимъ этикетомъ, то я былъ тѣмъ болѣе заинтересованъ имъ. Къ сожалѣнію, вмѣстѣ

съ тѣмъ я испытывалъ немалое смущеніе, какъ отъ строго торжественной церемоніальности бала, такъ и потому что не имѣлъ еще близкихъ знакомыхъ въ числѣ гостей. Помню, что гости съ супругами направлялись прямо въ гостиную и оставляли тамъ своихъ дамъ, а мужчины собирались и группировались въ большомъ залѣ, между колоннъ, такъ что середина зала оставалась свободной. Когда насталъ начальный моментъ бала, генералъ въ полной генеральской формѣ вышелъ въ залъ, откланялся собравшимся гостямъ и сталъ обходить ряды ихъ, начиная справа. Болѣе виднымъ гостямъ генералъ подавалъ руку и любезно разговаривалъ съ ними, а прочимъ только отвѣчалъ на поклоны своимъ поклономъ. Обошедши всѣхъ гостей, генералъ, а за нимъ и высшіе чины удалились въ гостиную, откуда, подъ звуки оркестра, открылось торжественное шествіе многихъ паръ (полонезъ), во главѣ которыхъ былъ генералъ-губернаторъ. Затѣмъ этотъ выходъ, съ перемѣной дамъ, повторился еще, кажется, два раза. Послѣ того начался вальсъ, а затѣмъ кадрили и другіе танцы. Во время танцевъ генералъ, какъ внимательный хозяинъ, обходилъ гостей, останавливаясь въ разныхъ мѣстахъ, позади стульевъ танцующихъ, и разговаривалъ съ дамами и прочими гостями. Изъ зала генералъ заходилъ и въ другія комнаты генералъ-губернаторскаго дома, гдѣ, какъ я послѣ узналъ, располагались и гости, не участвовавшіе въ танцахъ. Но я стѣснялся входить въ остальныя помѣщенія и вынужденъ былъ до одиннадцати часовъ съ половиной простоять на ногахъ. Нужно замѣтить, что тогда въ Ташкентѣ этикетъ въ присутствіи генералъ-губернатора соблюдался въ вышей степени; когда онъ входилъ въ залъ, то всѣ сидѣвшіе мужчины обязаны были встать и продолжали стоять все время, пока тамъ находился генералъ-губернаторъ, хотя-бы онъ входилъ и не въ первый разъ. Насмотрѣвшись на ходъ бала, я въ 12-мъ часу ночи уѣхалъ домой, что позволяли себѣ и нѣкоторые другіе гости, разсчитывавшіе на то, что ихъ исчезновеніе не будетъ замѣчено. Поэтому я не видѣлъ, въ какомъ порядкѣ происходило поздравленіе генералъ-губернатора съ новымъ годомъ. Когда я пріѣхалъ

домой, то почувствовалъ страшную усталость, а также и очень чувствительный аппетитъ, такъ что первый оффиціальный балъ остался вдвойнѣ памятенъ мнѣ: съ одной стороны я получилъ тогда представленіе о генералъ-губернаторскомъ балѣ, а съ другой —такъ усталъ, какъ никогда, ни прежде, ни послѣ. Конечно, это послѣднее обстоятельство въ значительной степени зависѣло лично отъ меня самого: еслибы я былъ поопытнѣе и посмѣлѣе, то нашелъ бы мѣсто посидѣть и отдохнуть...

1878 годъ.

16-го февраля старшій помощникъ начальника Кураминскаго уѣзда А. А. Пѣвцовъ (нынѣ покойный) разсказалъ мнѣ, что онъ очень озабоченъ сборомъ денегъ съ туземнаго населенія (по 50 к. съ двора) на стипендію имени К. П. Кауфмана для двухъ мальчиковъ. Туземцы, говорилъ онъ, не понимали, что такое стипендія, а болѣе простодушные изъ нихъ думали, что на эти деньги будутъ обучать именно дѣтей генералъ-губернатора... Туземцы не могли оцѣнить высокой цѣли добровольныхъ пожертвованій и сочувствовать такимъ сборамъ уже потому, что всѣ русскія учрежденія для туземцевъ— *чуждыя* учрежденія, къ которымъ мусульмане относились скорѣе враждебно или, по крайней мѣрѣ, безразлично... А если принять во вниманіе, что съ туземцевъ иногда мѣстные дѣльцы собирали разные сверхсмѣтные налоги въ свою личную пользу, хотя всегда подъ благовиднымъ предлогомъ, то можно опасаться, что туземцы не выгодно думали о русскихъ порядкахъ... Но такова ужъ слабость человѣческая. Я невольно припоминаю при этомъ, съ какими недоразумѣніями соединялись иногда даже во внутренней Россіи сборы на разныя стипендіи и на памятники великимъ людямъ. Въ Русскомъ Архивѣ и Русской Старинѣ обнародованы такіе примѣры, которые представляются намъ не только забавными, но и грустными... Что же могли подумать о такихъ сборахъ покоренные оружіемъ мусульмане въ пользу русскихъ учрежденій.

18-го февраля, въ субботу, главный инспекторъ А. Л. Кунъ сообщилъ мнѣ между прочимъ, что генералъ-губернаторъ Кауфманъ убѣжденъ въ безполезности классическаго образованія для дѣтей низшаго сословія и потому съ неохотой допускаетъ ихъ въ гимназію. Генералъ желаетъ, чтобы дѣти низшаго сословія ходили въ низшія школы и обучались бы тамъ *обязательно* разнымъ ремесламъ, переходя отъ одного ремесла къ другому*). При этомъ онъ высказалъ также, что начинать обученіе ремесламъ нужно съ бондарнаго, но почему,— я хорошенько не понималъ, такъ какъ оно и болѣе трудно, чѣмъ вообще столярное и еще болѣе потому, что у туземцевъ Туркестанскаго края бондарныя издѣлія совсѣмъ не распространены, вслѣдствіе дороговизны лѣса и непригодности ихъ въ такомъ жаркомъ климатѣ, какой въ Туркестанскомъ краѣ. Туземцы—народъ весьма практичный и очень умѣло приспособляющійся къ мѣстнымъ условіямъ: для воды они держатъ недорогую глиняную корчагу, которая разсыхаться и гнить не можетъ; масло и сало держатъ они въ кожаныхъ мѣшкахъ, а для сухихъ хозяйственныхъ припасовъ отлично пользуются высушенными тыквами. Соленья и моченья у туземцевъ не въ ходу. Спрашивается: для кого же изготовлялись бы бондарныя издѣлія? Туземцы едвали ли бы стали покупать ихъ, а для русскихъ они не удобны по свойствамъ здѣшняго лѣса. Очевидно, генералъ не имѣлъ въ виду этихъ соображеній, когда ставилъ бондарное ремесло въ число обязательныхъ занятій для дѣтей низшаго класса. Что же касается вообще обученія дѣтей въ гимназіи, то покойный генералъ-губернаторъ на 10 лѣтъ предупредилъ циркуляръ м. н. пр. отъ 18-го іюня 1887 г. за № 9255, въ которомъ было высказано несочувствіе поступленію въ гимназіи дѣтей низшихъ сословій. Въ этомъ циркулярѣ, надѣлавшемъ столько шуму въ русскомъ обще-

*) Мнѣ самому потомъ приходилось неоднократно слышать этотъ взглядъ лично отъ генералъ-губернатора и особенно по поводу подаваемыхъ ему прошеній о пособіяхъ на воспитаніе дѣтей: если проситель принадлежалъ къ низшему сословію, а желалъ опредѣлить сына или дочь въ гимназію и просилъ о пособіи, или на форменное платье, или на плату за ученье, то генералъ отказывалъ и рекомендовалъ отдать ребенка въ училище, гдѣ платы за ученіе не берутъ и форменнаго платья не требуютъ.

ствѣ, было сказано, что въ видахъ улучшенія состава учениковъ гимназій и прогимназій, признается необходимымъ допускать въ эти заведенія только такихъ дѣтей, которыя находятся на попеченіи лицъ, представляющихъ достаточное ручательство въ правильномъ надъ ними домашнемъ надзорѣ и въ предоставленіи имъ необходимаго для учебныхъ занятій удобства. Въ виду этого начальники гимназій и прогимназій, при поступленіи къ нимъ прошеній отъ родителей и родственниковъ о пріемѣ дѣтей, должны были прежде допущенія ихъ къ испытанію разспрашивать самихъ просителей и наводить надлежащія справки объ условіяхъ ихъ матеріальнаго и семейнаго быта, о томъ, какъ они вели и ведутъ воспитаніе своихъ дѣтей и т. д., и затѣмъ, буде житейская обстановка ихъ не соотвѣтствуетъ выше приведеннымъ условіямъ, рѣшительно отклонять прошенія, указывая на учебныя заведенія съ менѣе продолжительнымъ и болѣе соотвѣтствующимъ ихъ средѣ курсомъ, въ которыя они съ большею пользою могли бы отдать своихъ дѣтей. Сверхъ того, еслибы между принятыми уже учениками впослѣдствіи оказались такіе, которые, вслѣдствіе домашней обстановки своихъ родителей или родственниковъ, оказываютъ вредное вліяніе на своихъ товарищей, то такихъ слѣдуетъ увольнять изъ гимназіи или прогимназіи, не стѣсняясь двухлѣтнимъ срокомъ, указаннымъ въ § 34 устава гимназій и прогимназій, или формальными правилами о взысканіяхъ, а имѣя въ виду, что въ прогимназіяхъ и гимназіяхъ, какъ учебныхъ заведеніяхъ, открывающихъ доступъ въ университеты и къ высшимъ поприщамъ государственнаго и общественнаго служенія, должны обучаться лишь такія лица, которыя при надлежащей успѣшности своего ученія отличаются благонравіемъ и могутъ стать вполнѣ благовоспитанными молодыми людьми и за благонадежность которыхъ во всѣхъ отношеніяхъ начальники прогимназій и гимназій могутъ и впослѣдствіи принять на себя отвѣтственность предъ высшимъ начальствомъ и, что еще важнѣе, передъ своею совѣстью... Однако, и до этого циркуляра и послѣ въ гимназіяхъ обучались дѣти низшихъ сословій. Значитъ, недостаточно было однихъ запрещеній,

а нужно было открывать школы другаго типа— сельско-хозяйственныя, ремесленныя и под., каковыя потомъ и стали появляться.

По поводу разногласій мѣстныхъ администраторовъ со взглядами ген.-губернатора на учебное дѣло онъ сказалъ, что военные губернаторы иногда воображаютъ себя такими же независимыми, какъ Бухарскій эмиръ, но что онъ, Кауфманъ, считаетъ долгомъ напоминать имъ ихъ зависимое отъ генералъ-губернатора положеніе*).

Въ тотъ же день вечеромъ наемный мой слуга, сартъ Юсупъ, разсказалъ мнѣ, что устраиваемый въ Голодной степи грандіозный арыкъ получилъ названіе у туземцевъ *„тонгузъ-арыкъ“*, что значитъ *„свиной арыкъ“*. Это неоффиціальное названіе такого грандіознаго предпріятія показывало, какъ иногда далеко расходятся взгляды администраторовъ, заботящихся о благосостояніи населенія, со взглядами самого населенія, о которомъ заботятся. Генералъ-губернаторъ хотѣлъ прорыть огромный арыкъ, который оросилъ бы громадное безводное и безлюдное пространство въ Голодной степи, и потому привлекъ къ этой величественной по идеѣ работѣ туземное населеніе, а туземцы, испытывая на себѣ всю тягость приведенія въ исполненіе такого грандіознаго предпріятія, обозвали этотъ арыкъ *„свинымъ арыкомъ“*.

20-го февраля, въ понедѣльникъ, утромъ 101 выстрѣлъ со стѣнъ ташкентской крѣпости возвѣстилъ жителямъ Ташкента о заключенномъ Россіей вчера, 19-го февраля, подъ стѣнами Константинополя, мирѣ съ Турціей. Чтобы укрѣпить это событіе въ сердцахъ учащагося юношества г. Ташкента, по распоряженію генералъ-губернатора, въ среду, 22-го февраля, въ городскомъ домѣ его, къ 12-ти часамъ дня, были собраны ученики и ученицы ташкентскихъ учебныхъ заведеній, всего до 300 человѣкъ, и послѣ молебствія, совершеннаго въ залѣ генералъ-губернаторскаго дома, учитель исторіи и географіи**) сказалъ рѣчь, составленную

*) Это замѣчаніе касалось гл. обр. Г. А. Колпаковскаго. Ср. стр. 62 и 87.

**) П. В. Прилежаевъ, въ настоящее время инспекторъ народныхъ училищъ Ферганской области.

имъ для этого случая. Вотъ отрывокъ изъ этой рѣчи, напечатанной въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ того времени:

„Итакъ, давно желанное, взлелѣянное мечтами и вскормленное завѣтными надеждами лучшихъ людей всего просвѣщеннаго міра, великое дѣло совершилось: дѣло свободы, свѣта, истины! Три дня тому назадъ, 19-го февраля, окончилась кровопролитная и грозная, но славная и честная война наша съ Турціей миромъ, который освободитъ, наконецъ, милліоны православныхъ христіанъ, единокровныхъ братьевъ нашихъ, славянъ балканскихъ, около 500 лѣтъ томившихся въ кровавой неволѣ и рабствѣ у турокъ. Преслѣдуя повсюду христіанство, эти погрязшіе въ невѣжествѣ и порокахъ варвары обратили православные храмы въ мечети, надругались надъ святыми иконами и начали потомъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ давить, преслѣдовать и варварски неистовствовать надъ честью, имуществомъ и свободою христіанскою. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени возвышенности и долины балканскія устилались костями и оглашались стонами славянскихъ мучениковъ, обливались рѣками горючихъ слезъ и обагрялись невинною христіанскою кровью. Мало того; турецкое правительство постоянно старалось сѣять вражду, вспламенять взаимную ненависть и междоусобія между самими славянами, чтобы разъединить ихъ силы и тѣмъ крѣпче держать ихъ въ своихъ рукахъ...

„Русскій народъ можетъ теперь съ радостнымъ привѣтствіемъ протянуть свою благородную руку и поздравить, наконецъ, милліоны освобожденныхъ имъ славянскихъ собратовъ съ давно желанною свободою. А сколько теперь благодарныхъ, радостныхъ молитвъ вознесется ими за великодушнаго Русскаго Монарха и за Его народъ. Не одна славянка-мать, склонившись надъ колыбелью дитяти, со слезами радости напѣваетъ ему, что возростетъ оно свободнымъ, благодаря русскому народу. Отрадно становится на душѣ при мысли, что теперь въ освобожденныхъ нами славянскихъ земляхъ свободно разовьются христіанскія науки, и вмѣсто ненависти, вѣковой вражды и злобы, воцарится тамъ свѣтъ любви, покоя и счастья!

„Поблагодаримъ же Бога, что Онъ привелъ насъ видѣть эти, столь свѣтлыя событія,—очевидное доказательство Его милосердія къ Русскому народу. Да будетъ во вѣки вѣковъ благословенъ свѣтлый день 19-го февраля, этотъ день восшествія на престолъ нашего обожаемаго Государя Александра Николаевича, день освобожденія Имъ помѣщичьихъ крестьянъ, день возвращенія славянскимъ народамъ чести и свободы и, наконецъ, день торжества, правды и истины“ (изъ Туркест. Вѣд.).

По поводу этой рѣчи генералъ-губернаторъ имѣя въ виду намекъ на освобожденіе славянъ шутливо замѣтилъ, что авторъ „поставилъ въ тупикъ князя Горчакова“...

27-го марта (понедѣльникъ) я былъ у генералъ-губернатора и во время завтрака имѣлъ возможность наблюдать одного кокандца, который въ этотъ день представлялся генералу, по случаю своего возвращенія изъ путешествія въ Мекку на богомолье. Генералъ-губернаторъ въ подобныхъ случаяхъ всегда оказывалъ вниманіе туземцамъ и достигалъ этимъ двухъ цѣлей: производилъ доброе впечатлѣніе на туземцевъ и узнавалъ отъ послѣднихъ что-нибудь интересное, а иногда и важное. И въ данное время онъ оказалъ большое вниманіе кокандскому сарту, пригласивъ его на завтракъ. Хаджій*) показался мнѣ хитрымъ человѣкомъ. Генералъ-губернаторъ во время завтрака разговаривалъ съ нимъ о трудностяхъ пути и осторожно касался англійской политики и турецкихъ дѣлъ; но „простой кокандецъ“ еще осторожнѣе отвѣчалъ на такіе вопросы, стараясь казаться наивнымъ, не понимающимъ политики и не интересующимся ею человѣкомъ. Переводчикъ Ибрагимовъ, при помощи котораго происходили объясненія генералъ-губернатора съ кокандскимъ паломникомъ, держалъ себя также очень важно: сидя за завтракомъ на правахъ гостя, онъ только передавалъ вопросы генерала и отвѣты кокандца но самъ въ разговорѣ не принималъ участія. По окончаніи завтрака, генералъ-губернаторъ приказалъ принести шелковый халатъ и

*) Такъ называются мусульмане, совершившіе религіозное путешествіе въ Мекку.

подарилъ его возвратившемуся изъ дальняго путешествія кокандцу. Во время завтрака кокандскій хаджій на предложеніе взять себѣ жаркого, прямо опустилъ свои пять пальцевъ въ блюдо и досталъ оттуда кусокъ дичи. Моментъ этотъ былъ комиченъ, но генералъ-губернаторъ какъ бы не обратилъ на это вниманія.

Въ разговорѣ со мною послѣ завтрака генералъ-губернаторъ разсказалъ мнѣ, какъ онъ съ самаго начала управленія Туркестанскимъ краемъ стремился къ тому, чтобы ослабить въ глазахъ населенія власть представителей ислама въ Туркестанскомъ краѣ: въ Вѣрномъ, Ташкентѣ и Ходжентѣ. Когда являлись къ генералу разные чиновники военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, а вмѣстѣ съ ними и представители мусульманства, онъ старался не обращать на мусульманъ особеннаго вниманія, хотя послѣдніе на это разсчитывали. Такъ, въ городѣ Вѣрномъ, во время представленія русскихъ чиновъ, татарскій мулла стоялъ съ важностью на правомъ флангѣ представляющихся, съ высокою палкою въ рукахъ, а генералъ Колпаковскій даже обратилъ вниманіе генералъ-губернатора на этого муллу, какъ на представителя мусульманскаго населенія города. Но генералъ-губернаторъ немедленно замѣтилъ ему, что здѣсь представляются военные и гражданскіе чины, состоящіе на государственной службѣ, а представитель мусульманства къ этой категоріи не принадлежитъ и потому не можетъ занимать и указаннаго ему мѣста. Послѣ того генералъ началъ обходить представляющихся, миновавъ татарскаго муллу, котораго принялъ послѣ вмѣстѣ съ депутаціей отъ татарскаго населенія.

Продолжая разговоръ на тему о болѣе разумныхъ отношеніяхъ русской власти къ представителямъ мусульманской религіи, генералъ высказался, что онъ не придаетъ особаго значенія различію вѣроисповѣданій и считаетъ достаточнымъ для полученія рая добрую честную жизнь каждаго человѣка, къ какой бы вѣрѣ онъ ни принадлежалъ, будь то жидъ, сартъ или русскій. Такой взглядъ онъ оправдывалъ своимъ государственнымъ положеніемъ: „Мы, говорилъ мнѣ генералъ, должны вводить въ Туркестанскомъ краѣ христіанскую русскую цивилизацію, но не должны стараться

предлагать туземному населенію православной вѣры". Въ этомъ случаѣ генералъ-губернаторъ не просто опасался разныхъ нестроеній, неизбѣжныхъ при нашей, русской, неумѣлости вести миссіонерское дѣло, но и обдумалъ свой взглядъ и возвелъ его въ принципъ, котораго держался во всю свою жизнь. Объ этомъ я, къ удивленію своему, слышалъ даже отъ Лондонскаго каноника Ландсделя, проѣзжавшаго чрезъ Ташкентъ уже по смерти Константина Петровича.

Я молча слушалъ тогда генерала и не возражалъ, такъ какъ онъ моихъ мнѣній не спрашивалъ по этому вопросу, но про себя я недоумѣвалъ: или признавать рай, или стремиться къ философской нравственности... Въ первомъ случаѣ каждый народъ представляетъ рай по своему и *честнымъ* считаетъ то, чему учитъ его религія; во второмъ случаѣ надо долго ждать, когда сарты и киргизы разовьются до отрицанія ислама и признаютъ моральные тезисы философіи. Но пока наши сарты и киргизы будутъ въ состояніи читать и понимать Спенсера et cet., ихъ руководители, ишаны, будутъ внушать имъ, что братья между собою только мусульмане, а съ кяфирами дружить — грѣхъ. Кромѣ того, покоренные народы (даже въ родѣ чувашъ и черемисъ) только на низкой ступени своего развитія мирятся съ своимъ зависимымъ государственнымъ положеніемъ, а народы культурные (поляки, балты, финляндцы) не бываютъ довольны вполнѣ и при уступкахъ правительства въ пользу ихъ національности; татары потому такъ и выдѣляются среди мусульманъ Россіи, что они развитѣе киргизъ и сартовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я вполнѣ раздѣлялъ основную мысль генерала, что вести среди туземцевъ религіозную пропаганду было бы по меньшей мѣрѣ преждевременно. Дѣло миссіонерства, среди мусульманъ вездѣ и всегда сопровождалось ничтожными результатами, какъ это видно изъ исторіи христіанскихъ миссій*), а въ Туркестанскомъ краѣ не было, кромѣ того, знакомыхъ съ этимъ дѣломъ лицъ и способныхъ вести его систематически, съ христіанскимъ сми-

*) См. соч. Н. Красносельцева о западныхъ миссіяхъ, кн. пастора Хаури объ исламѣ и Мис. Сборн. вып. XX.

реніемъ и усердіемъ: у военныхъ священниковъ были свои обязанности, а приходскаго духовенства въ краѣ не было. Оставалось признать *принципъ невмѣшательства* въ духовную и образовательную часть существовавшихъ у туземцевъ учрежденій, а для объединенія туземнаго населенія съ русскимъ организовать учебныя заведенія, въ которыхъ дѣти инородцевъ могли бы совмѣстно обучаться съ русскими дѣтьми; при этомъ имѣлось въ виду преимущественно кочевое населеніе края, какъ болѣе воспріимчивое къ новой гражданственности и менѣе фанатичное, сравнительно съ осѣдлымъ мусульманскимъ населеніемъ. „Путемъ народнаго образованія предполагалось, какъ сказано въ отчетѣ генералъ-губернатора, вывести кочевое населеніе изъ-подъ опеки фанатизированнаго мусульманскаго осѣдлаго населенія, которое, при посредствѣ своихъ муллъ-миссіонеровъ, разъѣжавшихъ по кочевьямъ, уже обратило въ исламъ дотолѣ индифферентное или шаманствующее киргизское населеніе. Въ этихъ же видахъ предполагалось, между прочимъ, ввести въ преподаваніе русскую транскрипцію, замѣняющую мусульманскій арабскій алфавитъ“ *).... Но эти вѣрныя въ принципѣ и удобоисполнимыя на практикѣ предначертанія покойнаго генералъ-губернатора остались, къ сожалѣнію, только на страницахъ его отчета, а туземное населеніе сближалось съ русскимъ при нечастыхъ встрѣчахъ и не всегда видѣло въ жизни русскихъ тѣ „добрыя дѣла“, о которыхъ говорится въ Евангеліи: „Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего небеснаго**).

Какъ бы ни было, въ результатѣ получилось то, чего покойный генералъ-гурернаторъ не желалъ, а его преемники не ожидали: только немногія сыновья кочевыхъ туземцевъ обучались въ русскихъ школахъ и затѣмъ большею частью терялись въ массѣ, безъ вліянія на послѣднюю, а осѣдлое населеніе, предоставленное самому себѣ, свободно направлялось своими руководителями

*) Проектъ всеподдан. отчета, стр. 436.

**) Матѳ. 5, 16.

не въ духѣ единенія съ русскими и распространяло свое нежелательное вліяніе на киргизскія кочевья... Если скажутъ, что 30-лѣтній періодъ управленія новозавоеваннымъ краемъ не можетъ быть принимаемъ въ разсчетъ при разсужденіи о жизни народа, то мы можемъ сказать въ свою очередь, что и въ 30 лѣтъ вырастаетъ цѣлое поколѣніе, которое будетъ имѣть вліяніе на складъ народной жизни. Вопросъ о сближеніи покоренныхъ туземцевъ съ покорителями никогда, какъ говоритъ исторія, не разрѣшался легко и всегда озабочивалъ просвѣщенное правительство не столько въ интересахъ настоящаго времени, сколько въ предвидѣніи будущаго. Недавняя вспышка мусульманскаго фанатизма въ Ферганской области (1898 г.) съ очевидностью показала намъ, что исламъ—серьезная духовная сила, съ которою приходится считаться, и которую игнорировать нельзя.

Наполеонъ I, завладѣвъ Египтомъ, имѣлъ въ виду примѣнить къ мусульманской странѣ европейскую систему и формы управленія, но не внушилъ къ себѣ довѣрія среди египетскихъ мусульманъ, уже свыкшихся съ мусульманскимъ деспотизмомъ. Египетскіе мусульмане не повѣрили краснорѣчивымъ увѣреніямъ Наполеона, что онъ будто бы болѣе, нежели сами мамелюки, почитаетъ Аллаха, Его пророка и Коранъ*)... 21-го октября 1798 года въ Каирѣ вспыхнуло страшное возстаніе, заговоръ о которомъ до послѣдней минуты сохранялся въ строжайшей тайнѣ. На французовъ произведено было совершенно неожиданно нападеніе, много французовъ было убито, и гордый полководецъ-ораторъ вынужденъ

*) Къ солдатамъ своимъ онъ обращался съ слѣдующимъ воззваніемъ: «Народъ, съ которымъ намъ теперь придется жить,—магометанской вѣры; первое правило ихъ религіи—«Нѣтъ другого божества, кромѣ Аллаха, и Магометъ его пророкъ». Не противорѣчьте имъ; ведите себя по отношенію къ нимъ такъ, какъ мы вели себя съ жидами и съ итальянцами. Относитесь съ уваженіемъ къ ихъ муфтіямъ и ихъ имамамъ, какъ вы то дѣлали съ раввинами и епископами. Выказывайте по отношеніе къ обрядамъ, которые предписываетъ Коранъ, и къ мечетямъ ту-же терпимость, которую вы выказывали къ монастырямъ и синагогамъ, къ религіи Моисея и религіи Іисуса Христа. Римскіе легіоны покровительствовали всѣмъ религіямъ. Вы найдете здѣсь обычаи, несходные съ европейскими: къ нимъ нужно примѣниться. Народы, въ кругъ которыхъ мы вступили, относятся къ женщинамъ иначе, чѣмъ мы. Помните, что во всякой странѣ тотъ, кто насилуетъ, есть негодяй». (Тьеръ).

былъ прибѣгнуть къ содѣйствію безгласныхъ пушекъ, которыя превратили въ развалины дома и мечети, а штыки, кромѣ того, покрыли улицы Каира трупами туземцевъ*).

Такимъ образомъ, вопросъ о сближеніи мусульманскихъ странъ съ христіанскимъ правительствомъ едва ли можетъ считаться разрѣшеннымъ даже и въ наше время: индійскіе мусульмане и россійскіе татары остаются и въ наши дни мусульманами-сепаратистами.

3-го апрѣля, въ понедѣльникъ, я былъ у генералъ-губернатора, по приглашенію правителя его канцеляріи, для объясненій по вопросу объ образованіи туземца Махмудъ-бека, родственника бывшаго кокандскаго хана. Генералъ-губернаторъ желалъ подготовить этого мальчика къ поступленію въ гимназію и дать ему образованіе, между тѣмъ Махмудъ-бекъ не зналъ ни одного слова по-русски; поэтому нужно было предварительно научить его русскому языку и русской грамотѣ, а для этого необходимо было сдать его кому-нибудь изъ русскихъ учителей. Я былъ привлеченъ къ этому дѣлу потому, что главный инспекторъ училищъ Кунъ, къ которому обратился сначала генералъ-губернаторъ, предложилъ очень сложную комбинацію, вызывавшую расходъ чуть ли не въ 5000 р., включая въ этотъ счетъ поѣздку учителя въ Петербургъ вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ. Генералъ разсудилъ, что безполезно тратить такую большую сумму, еще безъ увѣренности въ успѣхѣ самаго дѣла и разрѣшилъ занимавшій его вопросъ гораздо проще и дешевле. Объясненіе генерала со мной по этому дѣлу происходило въ городскомъ генералъ-губернаторскомъ саду**), куда послѣ завтрака онъ отправился гулять и пригласилъ меня съ собой. Во время этой прогулки вопросъ о Махмудъ-бекѣ былъ обсужденъ всесторонне, и генералъ, перебравши въ умѣ всѣхъ ближайшихъ учителей, рѣшилъ отдать Махмудъ-бека

*) См. Исторіи XIX вѣка до В. Брюмера. Мишле. Томъ II (Спб. 1883). стр. 222—232.

**) Въ Ташкентѣ въ это время (3 апрѣля) было уже тепло и сухо.

Перовскому учителю В., которому назначилъ 500 руб. въ годъ за обученіе и содержаніе у себя мальчика на правахъ пансіонера. При этомъ генералъ подробно разсчиталъ, что учителю уѣзднаго города останется за личный трудъ рублей 200, которыхъ онъ въ Перовскѣ ни отъ кого получить не можетъ. Генералъ просилъ при этомъ никакихъ особыхъ расходовъ по содержанію Махмудъ-бека не дѣлать и приказалъ заготовить ему три пары бѣлья и постельныя принадлежности, а халатъ кашемировый выдалъ натурой*). Во все время прогулки по саду, генералъ былъ очень благодушенъ и много шутилъ, распрашивая о разныхъ мелочахъ моей семейной жизни. Такъ, узнавъ, что моя жена боится землетрясеній онъ подшучивалъ надо мною, говоря: вотъ и еще поводъ къ недовольству Ташкентомъ. Показывая мнѣ разныя мѣста своего сада, онъ съ удовольствіемъ наблюдалъ за ходомъ садовыхъ работъ и за ростомъ деревьевъ. Въ концѣ сада находилась тогда мусульманская начальная школа (мактабъ), въ которой мусульманскія дѣтишки, по установившемуся въ мусульманскихъ школахъ обычаю, на разные голоса зубрили свои уроки, и шумъ отъ нихъ раздавался по всему саду. Генералъ не тревожилъ этой школы и относился къ ея существованію совершенно спокойно.

4-го апрѣля (вторникъ), генералъ-губернаторъ ѣздилъ на молебенъ въ саперныя казармы, гдѣ сооружена была небольшая часовня съ иконой въ память избавленія Государя Александра II отъ покушенія на Его жизнь. На этомъ молебнѣ присутствовали всѣ военные и гражданскіе чины г. Ташкента.

Въ субботу, 29-го апрѣля, я былъ у генералъ-губернатора съ образцами разныхъ бумажныхъ и суконныхъ матерій для одежды и бѣлья киргизскихъ пансіонеровъ Перовскаго училища и съ жестяною глазированною тарелкой для нихъ же. Генералъ-губернаторъ принялъ меня добродушно, осмотрѣлъ представленные ему матеріалы и одобрилъ ихъ. При этомъ онъ высказалъ, что нижнее бѣлье и наволочки всегда необходимо шить изъ *бѣлой*

*) Это дѣло, кромѣ хлопотъ, доставило мнѣ и непріятности, такъ какъ г. Кунъ предположеніемъ своимъ былъ сконфуженъ въ глазахъ генералъ-губернатора.

матеріи, а не пестрой и цвѣтной, каковъ напримѣръ, тикъ, потому что бѣлый цвѣтъ удобнѣе для контроля за чистотой бѣлья, которое у дѣтей особенно скоро грязнится. Для верхней одежды было одобрено черное гвардейское сукно, а за форму верхняго платья пансіонеровъ былъ принятъ короткій казакинъ на крючкахъ съ брюками изъ того же сукна, которыя пансіонеры должны были носить за голенищами. Самъ генералъ-губернаторъ любилъ эту форму и обыкновенно не въ парадные дни носилъ короткій казакинъ на крючкахъ. Съ тѣхъ поръ эта форма и была введена въ употребленіе для дѣтей инородцевъ, воспитывавшихся въ интернатахъ при городскихъ училищахъ Туркестанскаго края. Окончивши всѣ объясненія съ генералъ-губернаторомъ по поводу покроя бѣлья и одежды для воспитанниковъ интернатовъ, я не упустилъ изъ вида вопроса о тюбетейкахъ для дѣтей туземцевъ, составляющихъ существенную принадлежность ихъ головнаго убора, въ которомъ туземцы остаются во всякое время дня и года и которому придаютъ религіозное значеніе. Генералъ-губернаторъ, вѣрный своему взгляду на обрусеніе инородцевъ, задумался надъ возбужденнымъ мною вопросомъ и разрѣшилъ его очень осторожно и благоразумно, сказавъ мнѣ: „Тюбетейки мы не обязаны покупать дѣтямъ киргизъ, такъ какъ онѣ не составляютъ принадлежности русскаго костюма, а мы приняли дѣтей киргизъ въ *русское* воспитательное учрежденіе; но чтобы не отталкивать отъ себя киргизъ, нужно разрѣшить носить тюбетейки тѣмъ изъ нихъ, которые сами пожелаютъ этого и пріобрѣтутъ для себя тюбетейки. Покойный генералъ-губернаторъ гораздо ранѣе высказывалъ, что необходимо воспитывать дѣтей русскихъ и туземцевъ вмѣстѣ и для устраненія вреднаго въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ обособленія школъ мусульманскихъ отъ русскихъ— принять въ основаніе воспитанія не религіозное различіе, а одни и тѣ же правила, при помощи которыхъ можно было бы дѣтей православныхъ жителей Туркестана и дѣтей мусульманъ сдѣлать одинаково полезными гражданами Россіи... Такъ и въ данномъ случаѣ генералъ разсуждалъ, что тюбетейки не составляютъ осо-

бой важности въ дѣлѣ обрусенія инородцевъ, но и къ такому маловажному, повидимому, вопросу онъ отнесся съ полнымъ вниманіемъ и разрѣшилъ его практично и благоразумно. Въ результатѣ было то, что дѣти киргизъ, поживши въ русскомъ интернатѣ, совмѣстно съ русскими мальчиками (это условіе генералъ-губернаторъ ставилъ на первомъ планѣ и всегда придавалъ ему особенно важное воспитательное значеніе), сами затѣмъ постепенно переставали носить тюбетейки. Тѣмъ болѣе бросалось въ глаза неумѣстное, или вѣрнѣе сказать—необдуманное усердіе въ этомъ важномъ и мудреномъ дѣлѣ со стороны нѣкоторыхъ уѣздныхъ начальниковъ. Такъ, напримѣръ, когда генералъ-губернаторъ считалъ возможнымъ только не запрещать дѣтямъ киргизъ носить тюбетейки, Казалинскій уѣздный начальникъ г. Абграль, очевидно, желая поусердствовать, закупилъ для всѣхъ пансіонеровъ Казалинскаго интерната бархатныя тюбетейки и такимъ образомъ скорѣе поддержалъ въ дѣтяхъ киргизъ привычку носить этотъ головной уборъ ради щегольства. Кураминскій уѣздный начальникъ г. Абрамовъ (братъ генерала Абрамова) съ своей стороны критиковалъ всю форму одежды, одобренную генералъ-губернаторомъ, и высказывалъ, что дѣтей туземцевъ и въ русской школѣ необходимо содержать совершенно такъ же, какъ они жили дома...

Мнѣ прискорбно было, что уѣздные начальники позволяли себѣ не соглашаться съ главнымъ начальникомъ края и тормозили его начинанія, значенія которыхъ не понимали...

1-го іюня, четвергъ. На докладѣ, по поводу предложенія министерства народнаго просвѣщенія относительно требованія фотографическихъ карточекъ отъ лицъ, экзаменующихся на званіе аптекарскихъ учениковъ, генералъ высказалъ, что, по его мнѣнію, требовать карточки отъ лицъ, извѣстныхъ экзаменаторамъ, излишне. Это замѣчаніе одно изъ многочисленныхъ, какія генералъ-губернаторъ высказывалъ по поводу разныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ нашимъ министерствомъ. Генералъ-губернаторъ весьма часто высказывалъ мнѣнія очень оригинальныя и не стѣснялся излагать ихъ въ своихъ резолюціяхъ.

Разсматривая свидѣтельство на званіе домашней учительницы, выданное г-жѣ Сидорской изъ Дерптскаго университета на нѣмецкомъ языкѣ, генералъ-губернаторъ замѣтилъ, что слѣдовало бы такія свидѣтельства писать на русскомъ языкѣ, какъ на языкѣ государственномъ, а съ русскаго оригинала уже можно бы дѣлать переводъ по желанію владѣтелей такихъ документовъ на какіе угодно языки. Такой взглядъ дѣлаетъ честь покойному генералъ-губернатору. Когда затѣмъ я представилъ къ подписанію приказъ о назначеніи Сидорской, то генералъ вычеркнулъ изъ текста слова: „урожденная баронесса такая-то“ и прибавилъ: „г-жѣ Сидорской, конечно, будетъ это обидно, потому что она любитъ приставлять къ своей настоящей фамиліи это выраженіе, но въ оффиціальномъ документѣ я не нахожу умѣстною такую подробность“.

Въ пятницу, 2-го іюня, въ половинѣ шестаго часа по полудни, пріѣхалъ въ Ташкентъ епископъ Туркестанскій и Ташкентскій Александръ. Встрѣча ему была торжественная. Народу близъ церкви было много. Нѣкоторые ѣздили встрѣчать епископа на первую станцію отъ Ташкента; многіе встрѣчали его около избушки за городомъ и, наконецъ, главная масса—въ церкви. Протоіерей Маловъ, участвовавшій во всѣхъ походахъ Туркестанскихъ войскъ, говорилъ епископу, когда онъ вступилъ въ церковь, привѣтственную рѣчь, но говорилъ такъ тихо, что нельзя было ничего разобрать.

Генералъ-губернаторъ въ этой встрѣчѣ не участвовалъ и, какъ говорятъ, по принципу, чтобы не умалить своего авторитета. Г. разсказывалъ мнѣ, что онъ передъ пріѣздомъ епископа сказалъ генералъ-губернатору, по какому-то случаю: „мы ждемъ владыку“. Генералъ-губернаторъ удивленно спросилъ: „кого?“ Г. повторилъ: „преосвященнѣйшаго владыку“. Тогда генералъ-губернаторъ, какъ будто поправляя Г., сказалъ: „да, архіерея...“. Такимъ образомъ, генералъ-губарнаторъ далъ понять Г., что епископа *владыкой* называть внѣ церкви не слѣдуетъ.

4-го іюня, воскресенье, день Троицы. Обѣдню служилъ прибывшій епископъ, и генералъ-губернаторъ былъ въ церкви. Вечеромъ въ этотъ день, въ пять съ половиною часовъ, я съ

женой, по особому приглашенію, былъ на открытіи сельско-хозяйственной и промышленной выставки, устроенной въ пустыхъ сараяхъ (на госпитальной улицѣ), предназначавшихся когда-то для постоянной ярмарочной торговли. Выставка была устроена хорошо и для Ташкента имѣла значеніе, какъ первый опытъ ознакомленія русскаго и туземнаго населенія съ предметами мѣстнаго сельскаго хозяйства и промышленности. На этой выставкѣ были секціи: географическая, зоологическая, ботаническая, минералого-геологическая, сельско-хозяйственная, промышленная и по садоводству. Изъ Ташкента и изъ другихъ мѣстностей Туркестанскаго края были представлены на выставку множество самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Между прочимъ на выставкѣ были выставлены учебныя пособія русскихъ и мусульманскихъ школъ. Къ выставкѣ учитель нѣмецкаго языка гимназіи Пфеннигъ собралъ статистическія свѣдѣнія объ учащихся въ мусульманскихъ школахъ.—Это былъ первый опытъ собиранія свѣдѣній о туземныхъ школахъ на мѣстѣ и притомъ европейцемъ. Г-ну Пфеннигу пришла серьезная мысль, осуществленіемъ которой онъ разсчитывалъ обратить на себя вниманіе генералъ-губернатора. Но онъ приступилъ къ этому щекотливому дѣлу очень самонадѣянно: началъ ходить по мусульманскимъ школамъ г. Ташкента въ сопровожденіи джигита и требовалъ нужныхъ ему свѣдѣній. Подозрительные мусульмане сейчасъ же распустили молву, что эти свѣдѣнія собираются русскимъ чиновникомъ съ цѣлью подготовить цифровыя данныя для рекрутскаго набора. Поэтому, на другой день, когда г. Пфеннигъ подходилъ къ одной мадрасѣ, всѣ находившіеся въ этой школѣ молодые школяры съ крикомъ бросились черезъ заборъ на сосѣдній дворъ,—и заборъ повалился. Пфеннигъ былъ озадаченъ такимъ явленіемъ, но какъ настойчивый нѣмецъ, онъ не хотѣлъ отступить отъ своей задачи и потому обратился къ начальнику города съ жалобой на учителя этой мадрасы и просилъ арестовать его. Мударрисъ былъ арестованъ. На другой день, или въ тотъ же день, ученики его приходили къ Пфеннигу и просили освободить ихъ учителя, и учитель, послѣ должнаго внушенія,

былъ освобожденъ. Я не знаю большихъ подробностей этого скандала, но и того, что я записалъ, достаточно для характеристики мусульманской учащейся молодежи. Съ этими людьми нужно быть очень осторожнымъ и во-время предвидѣть всѣ могущія произойти недоразумѣнія... Но г. Пфеннигъ сказалъ мнѣ послѣ этого, что, по его мнѣнію, для управленія этими школами вовсе не нужно человѣка непремѣнно съ высшимъ образованіемъ и что подходящимъ инспекторомъ надъ этими школами былъ бы полковый унтеръ-офицеръ...

Нельзя согласиться съ такимъ мнѣніемъ; но онъ былъ правъ въ дальнѣйшемъ распоряженіи. Можно было ожидать, что муллы, учащіеся въ школахъ, добровольно не явятся на выставку, и г. Пфеннихъ распорядился, чтобы ихъ уговорить и привезти туда. И дѣйствительно, на выставку въ назначенный день были привезены изъ города на арбахъ многіе ученики мусульманскихъ школъ средняго и младшаго возраста*), которымъ въ опредѣленный часъ показывали и объясняли значеніе выставленныхъ предметовъ. Однако любопытно, что для такого выдающагося случая не нашлось толковаго переводчика: переводчикомъ, объяснявшимъ туземцамъ значеніе указываемыхъ Пфеннигомъ предметовъ, былъ казакъ сибирскаго войска, ничего въ учебномъ дѣлѣ не понимавшій, да и говорившій грубымъ степнымъ говоромъ. Мнѣ было смѣшно слушать его отрывочныя фразы, когда онъ съ важностью компетентнаго лица быстро проходилъ между рядами выставленныхъ предметовъ и называлъ эти предметы. Тамъ были выставлены, между прочимъ, картины изъ новозавѣтной исторіи и изъ естественной исторіи. Я засталъ толпу сартовъ, внимательно разсматривавшихъ священно-историческія картины, и объяснилъ имъ значеніе нѣкоторыхъ картинъ, особенно упоминаемыхъ въ коранѣ,—и меня внимательно слушали.

---

*) Старшіе муллы и ихъ преподаватели, по свойственной имъ спѣси, не были на выставкѣ. Притомъ нужно имѣть въ виду, что и среди учащихся низшаго и средняго разрядовъ мусульманскихъ школъ были вполнѣ возрастные мужчины.

Во вторникъ, 30 іюня, утромъ генералъ-губернаторъ прислалъ мнѣ собственноручную записку, въ которой спрашивалъ о дѣтяхъ Перовскаго киргиза, султана Касымова, можно ли ихъ устроить въ Ташкентское городское училище для образованія. Такое вниманіе къ дѣтямъ киргизъ ясно показывало, какъ живо интересовался покойный генералъ-губернаторъ образованіемъ дѣтей туземцевъ и сколь заботливо хлопоталъ онъ о доставленіи имъ возможности обученія. Киргизы эти были уже взрослые, почти не подготовленные, и могли быть опредѣлены только въ городское училище, хотя сами они желали бы поучиться въ гимназіи...

8-го іюня (четвергъ), во время доклада генералъ-губернаторъ былъ очень благодушенъ и разговорчивъ. Между прочимъ онъ разсказалъ мнѣ о своемъ заботливомъ отношеніи къ народному образованію въ бытность свою генералъ-губернаторомъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Основная мысль его была та, что образованіе составляетъ великую силу, имѣющую огромное вліяніе на судьбу народа, и замѣтилъ, что подъ вліяніемъ Чарторыйскаго сѣверо-западный край систематически ополячивался, и что эта система продолжалась до временъ генералъ-губернатора Муравьева и его, Кауфмана. Чарторыйскій, будучи другомъ Императора Александра I-го, оставилъ министерскій портфель и превратился въ обыкновеннаго попечителя учебнаго округа въ сѣверо-западномъ краѣ, которымъ управлялъ съ энергіей и терпѣніемъ и систематически велъ дѣло народнаго образованія въ такомъ тонѣ, что все русское и православное душилъ и искоренялъ въ православномъ населеніи края, и только присоединеніе къ православію уніатовъ спасло эту несчастную окраину Россіи отъ совершеннаго ополяченія.

Говоря о своемъ управленіи сѣверо-западнымъ краемъ, генералъ-губернаторъ замѣтилъ съ чувствомъ, что онъ крѣпко настаивалъ на обрусеніи края и еслибы долѣе оставался виленскимъ генералъ-губернаторомъ, то искоренилъ бы тамъ послѣдніе остатки полонизма. „Только народное образованіе способно, говорилъ онъ,

завоевать край духовно: ни оружіе, ни законодательство не могутъ сдѣлать этого, а школа и только школа можетъ“*).

Въ какомъ жалкомъ положеніи генералъ Кауфманъ засталъ Сѣверо-западный край, видно изъ того, что онъ (привожу собственныя его слова) во многихъ церквахъ встрѣчалъ изображенія Божіей Матери въ шляпкѣ и кринолинѣ. Съ этою цѣлью онъ самъ ѣздилъ по церквамъ и монастырямъ. Осматривая одну церковь, генералъ замѣтилъ запертую дверь караулки и, когда приказалъ отпереть ее, то увидѣлъ, что въ караулку, въ виду пріѣзда генералъ-губернатора, была вынесена статуя Божіей Матери и оставалась тамъ въ большемъ небреженіи. Въ одномъ монастырѣ генералъ засталъ такую грязь, что трудно было вообразить, и сообщилъ о томъ мѣстному преосвященному. Къ архіепископу Василію, бывшему члену св. Синода, генералъ-губернаторъ не питалъ особаго уваженія, но предъ митрополитомъ Іосифомъ Сѣмашко генералъ благоговѣлъ, отзываясь о немъ, какъ о мужѣ нравственномъ, образованномъ, честномъ и стойкомъ въ своихъ убѣжденіяхъ: „Предъ такою личностью, сказалъ генералъ, каждый долженъ снять шапку“. Точно также хвалилъ онъ другаго архіерея, друга митрополитова и сказалъ, что имъ двоимъ и нужно приписать спасеніе русскаго населенія сѣверо-западнаго края отъ католицизма и полонизаціи. О городѣ Витебскѣ генералъ замѣтилъ, что засталъ тамъ невообразимую грязь, матеріальную и нравственную, и потому долженъ былъ просить Синодъ о смѣнѣ тамошняго архіерея и ректора семинаріи**). О прибывшемъ въ Ташкентъ епископѣ Александрѣ генералъ-губернаторъ выразился,

*) Все это генералъ-губернаторъ высказалъ, по поводу доклада объ открытіи учительскаго съѣзда въ г. Вѣрномъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1878 года, и просилъ меня по этому случаю составить въ руководство этому съѣзду «указанія», въ видахъ лучшей постановки съѣзда и большаго вліянія его на учителей народныхъ школъ Семирѣченской области. Особенно генералъ-губернаторъ настаивалъ на оживленномъ веденіи уроковъ въ школѣ и на возбужденіи вниманія учениковъ къ уроку. (Указанія съѣзду были составлены, какъ объ этомъ сказано ниже).

**) А. В. Эвальдъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», со словъ самого К. П. фонъ-Кауфмана, замѣчаетъ, что положеніе его въ Виленскомъ краѣ было очень тяжелое и во многихъ случаяхъ потому, что не было людей, не было исполнителей. Иногда онъ

что это—человѣкъ милый, но прибавилъ, что голосъ у него нѣжный, вкрадчивый, и пожалѣлъ его, что онъ страдаетъ нервной лихорадкой. Епископъ Александръ долженъ былъ понравиться генералъ-губернатору, особенно послѣ покойнаго Софоніи, человѣка стараго и на поклоны неподатливаго.

Объ устроенной въ Ташкентѣ выставкѣ генералъ-губернаторъ отзывался съ восхищеніемъ и спокойно выслушалъ мое замѣчаніе о томъ, что на выставкѣ не доставало портретовъ Государя и лицъ, начальствующихъ въ краѣ.

Говоря о Перовскихъ киргизахъ, сыновьяхъ султана Касымова, пріѣхавшихъ въ Ташкентъ учиться, генералъ разсказалъ мнѣ, что ихъ отецъ убилъ свою молодую жену и молодаго киргиза и за это заплатилъ родственникамъ жены только двадцать верблюдовъ. О киргизахъ онъ вообще отзывался, какъ о народѣ болѣе симпатичномъ и энергичномъ, чѣмъ сарты, и потому самъ болѣе симпатизировалъ киргизамъ и болѣе надеждъ возлагалъ именно на нихъ, а не на сартовъ. И въ этомъ случаѣ покойный генералъ-губернаторъ былъ безусловно правъ, но надѣяться на сближеніе киргизъ съ русскими, при нашей неумѣлости управлять инородцами, едвали много можно: не говоря уже о недостаткахъ нашего управленія въ краѣ вообще, мы не съумѣли спѣться даже во взглядѣ на обученіе ихъ. Генералъ Кауфманъ не могъ добиться согласія отъ представителей восточнаго факультета на введеніе русскаго алфавита между киргизами; но онъ самъ, по крайней мѣрѣ, систематически выдерживалъ свой личный взглядъ, а послѣ него дѣло образованія киргизъ пошло иначе: при главномъ инспекторѣ А. И. Забѣлинѣ взглядъ на инородческое образованіе въ Туркестанскомъ краѣ измѣнился...

15-го іюня, четвергъ. Вчера Пфеннигъ, какъ членъ-распорядитель по устройству выставки, разсказалъ мнѣ, что изъ списка

отказывался отъ исполненія какой-нибудь полезной мѣры за неимѣніемъ людей, которымъ можно бы было поручить осуществленіе ея. Главную причину непримиримой ненависти поляковъ къ Россіи генералъ-губернаторъ видѣлъ въ ксендзахъ, дѣйствовавшихъ чрезъ польскихъ женщинъ. (Историч. Вѣстн. 1897 г. Октябрь).

лицъ, представленныхъ къ наградѣ за устройство выставки, генералъ-губернаторъ вычеркнулъ виноторговцевъ и водочниковъ и согласился на награду только одного водочника, усовершенствовавшаго способъ очистки спирта, такъ какъ спиртъ имѣетъ значеніе въ наукѣ... Онъ же разсказалъ приэтомъ, что генералъ поручилъ ему, Пфеннигу, отправить телеграмму за границу. Пфеннигъ исполнилъ приказаніе и доложилъ генералу, что уплатилъ за телеграмму 16 р. 87 коп. Генералъ далъ ему 16 р. 90 к. Пфеннигъ тотчасъ же пересчиталъ деньги, досталъ изъ кармана 5 коп. (мѣдной монетой) и передалъ генералу. Генералъ-губернаторъ посмотрѣлъ на него, улыбнулся и сказалъ: „Вотъ, ужъ сейчасъ видно нѣмца: онъ и деньги считаетъ, когда получаетъ, и сдачи даетъ... Но я докажу вамъ, что я могу еще болѣе быть нѣмцемъ“. При этихъ словахъ онъ взялъ со стола 2 коп. и, подавая ихъ Пфеннигу, сказалъ: „Вы дали мнѣ сдачи, но дали лишнихъ 2 коп.; я возвращаю вамъ 2 коп.,—и теперь мы съ вами квитъ“.

На докладѣ въ этотъ день вышелъ курьезный случай: въ одной бумагѣ было написано латинское слово homo (человѣкъ), но безъ ковычекъ, и генералъ-губернаторъ, принявъ это слово за русское, спросилъ: что это за *ното?* Когда же я сказалъ, что это латинское homo, то онъ нѣсколько смутился и шутливо замѣтилъ: „Вѣдь, и другіе, пожалуй, не догадаются“. Но я благодушно сказалъ ему: „нѣтъ, пожалуй, догадаются“... Генералъ такъ же благодушно замѣтилъ тогда: „Да, дѣйствительно, догадаться не трудно“... Затѣмъ онъ, встрѣтивъ въ бумагѣ выраженіе „звуковой синкритическій способъ обученія грамотѣ“, спросилъ, что это за способъ? Я объяснилъ. Когда далѣе онъ читалъ наставленіе учителямъ предполагаемаго Вѣрненскаго съѣзда и не нашелъ тамъ ничего спеціально на тему о томъ, что во время урока необходимо поддерживать вниманіе цѣлаго класса, то спросилъ видимо недовольнымъ тономъ: „Что же вы нашли неудобнымъ изложить здѣсь то, о чемъ я васъ просилъ?!“ Я вспомнилъ, смутился и объяснилъ генералу, что хотя не сказалъ этого прямо, но что общій характеръ наставленій учителямъ предпола-

гаетъ это. Генералъ замолчалъ. Дѣло въ томъ, что мнѣ слѣдовало бы высказанныя генераломъ мысли выдѣлить въ „Наставленіяхъ“ рельефнѣе, чего я сдѣлать не догадался. Генералъ-губернаторъ, не встрѣтивши въ „Наставленіяхъ“ своихъ мыслей, подумалъ, вѣроятно, что я не призналъ ихъ резонными. Но у меня никакого посягательства на авторитетъ генерала не было и быть не могло; я просто, по своей служебной неопытности, упустилъ это изъ виду. По этому поводу одинъ опытный служака сказалъ мнѣ, что съ генералъ-губернаторомъ нельзя быть такъ опрометчивымъ, и разсказалъ, что нѣкоторые чиновники въ своемъ усердіи подслужиться ему переходятъ уже границы... Но генералъ-губернаторъ умѣлъ отличать простодушную опрометчивость отъ умышленнаго подслужничества. Такъ, напримѣръ, онъ спросилъ однажды начальника отдѣленія Государственнаго банка о томъ, сколько, при выдачѣ жалованья, будетъ дано генералъ-губернатору звонкой монеты? И тотъ поспѣшилъ отвѣтить: „Вашему Высокопревосходительству можно все жалованье выдать звонкой монетой“... Но генералъ отклонилъ усердіе чиновника, спокойно замѣтивъ: „Нѣтъ, зачѣмъ же все“...

20 іюня, вторникъ. Въ этотъ день, по случаю отъѣзда генералъ-губернатора въ Джамскій походъ, я долженъ былъ не въ очередь отправиться къ нему съ докладомъ. Я не надѣялся, что буду принятъ, но генералъ принялъ меня очень любезно. Во время доклада онъ между прочимъ замѣтилъ, что наши дѣвушки стремятся все въ доктора и акушерки и что это, конечно, съ ихъ стороны,—увлеченіе модными идеями; онѣ не считаютъ для себя почтеннымъ быть хорошею женою своего мужа и доброю матерью своихъ дѣтей. По окончаніи доклада, я пожелалъ генералъ-губернатору, отправляющемуся въ походъ, благополучнаго пути и возвращенія, а онъ пожелалъ мнѣ быть здоровымъ и быть неискусаннымъ ташкентскими мошками. Я поблагодарилъ за пожеланіе и сказалъ, что меня и такъ мошки почти не кусаютъ, Тогда генералъ совершенно благодушно прибавилъ: „Ну, такъ чтобы мошки поменьше кусали вашу жену и вашихъ дѣтей“.

По поводу записаннаго благожеланія, высказаннаго мнѣ генералъ-губернаторомъ, стоитъ сказать, что въ 1878 году ташкентскія мошки страшно кусались, и самъ генералъ-губернаторъ былъ такъ искусанъ, что его лицо получило некрасивый видъ. Ядъ ташкентскихъ мошекъ производилъ страшный зудъ, такъ что трудно удержаться отъ расчесыванія искуснаго мѣста. Кто не удерживалъ себя отъ этого, у того появлялись на тѣлѣ сплошные струпья... Особенно, разумѣется, это непріятно было барынямъ. Но и генералъ-губернаторъ былъ искусанъ мошками до неприличія: на лбу, на лицѣ и на рукахъ у него были довольно большія красныя пятна, и онъ смазывалъ ихъ составленною мѣстнымъ аптекаремъ жидкостью и съ трудомъ удерживался отъ того, чтобы не почесать искусанное мѣсто. Поэтому-то генералъ-губернаторъ могъ не шутя, отъ души пожелать и мнѣ не быть искусаннымъ этими мошками.

Такъ называемый „Джамскій походъ“, въ который отправился генералъ-губернаторъ, былъ вызванъ политическими соображеніями относительно Англіи, владѣющей Индіей. Не зная въ точности этой политики, я могу сказать только, что у насъ опасались тогда разрыва съ Британскимъ правительствомъ, а европейскіе враги Россіи разсчитывали на возстаніе мусульманъ Средней Азіи, въ виду войны Россіи съ Турціей. Очевидно, въ этихъ соображеніяхъ Туркестанская администрація открыто заявляла въ мѣстной газетѣ (Туркестанскія Вѣдомости) о большихъ пожертвованіяхъ туземнаго населенія въ пользу Общества Краснаго креста. Такъ, наприм., киргизы Перовскаго уѣзда пожертвовали 10,000 р., Казалинскіе киргизы 10,000 р., киргизы и сарты Ауліеатинскаго уѣзда пожертвовали также 10,418 р., а киргизы Семирѣченской области и Кульджинскаго раіона пожертвовали для русской дѣйствующей арміи 2000 лошадей*). Были и другія пожертвованія со стороны туземцевъ Туркестанскаго края въ пользу Общества Краснаго креста, а генералъ-губернаторъ кромѣ того, получилъ отъ туземцевъ нѣсколько адресовъ, изъ которыхъ въ № 25 Туркест.

*) См. Туркест. Вѣдом. 1878 г. №№ 23 и 24.

Вѣдом. былъ напечатанъ адресъ киргизъ Ташкентскаго уѣзда слѣдующаго содержанія:

„Его Высокопревосходительству, Главному Начальнику Туркестанскаго края, Генералъ-Губернатору, Хазрету фонъ-Кауфману I.

„Въ ровной нашей степи Богъ сотворилъ высокія горы, а съ вершинъ ихъ текутъ ручьи и рѣки и чистыя воды. Эти воды мы разводимъ по нашимъ пашнямъ и степямъ, чѣмъ добываемъ хлѣбъ для своего существованія, а для скота нашего—изобильный кормъ.

„Государь, сдѣлавъ Васъ выше всѣхъ, поставилъ надъ нами Васъ, ярымъ-падишахъ, и мы увѣрены, что отъ благосклоннаго, милостиваго и внимательнаго Вашего распоряженія увеличивается наше земледѣліе и скотоводство.

„Мы слышали, что Государь повелѣлъ Вамъ выступить въ дальній путь, и Вы на пути встрѣтите ровныя степи и высокія горы. Отъ насъ, вашихъ подчиненныхъ, примите благосклонно, для защиты себя въ степи, бѣлую юрту, сдѣланную трудами нашихъ рукъ, изъ деревьевъ, орошенныхъ въ нашей степи, и изъ шерсти скота нашего.

„Эта бѣлая юрта спасетъ Васъ отъ жаровъ знойнаго дня, отъ дождя и вѣтровъ, подобно тому, какъ сила и законъ Бѣлаго Царя спасаютъ насъ отъ огня противъ насъ идущихъ враговъ, отъ пролитія слезъ, отъ грабежей на пути, а равно отъ ссоръ и дракъ, бывшихъ между нами“.

На подлинномъ адресѣ приложены 46 печатей и 47 подписей почетныхъ и должностныхъ лицъ.

Я не беру на себя смѣлости судить объ искренности такихъ проявленій патріотическихъ чувствъ со стороны туземцевъ Туркестанскаго края, но думаю, что русская администрація *постаралась* объ этомъ сама, и старанія ея могутъ быть до нѣкоторой степени оправданы политикой, которая, какъ извѣстно, бываетъ готова пользоваться всякими средствами, лишь бы произвести на противника впечатлѣніе. Думаю, что и генералъ-губернаторъ понималъ это...

Въ воскресенье, 30 іюля, я ѣздилъ встрѣчать генералъ-губернатора. Я всталъ въ пять съ половиной часовъ утра, чтобы къ семи часамъ утра находиться на мѣстѣ, т. е. на загородной генералъ-губернаторской дачѣ. Туда съѣхалось много чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, и мы прождали до 10 часовъ, а потомъ намъ объявили, что пріема не будетъ.

На другой день, въ понедѣльникъ, я снова ѣздилъ къ генералъ-губернатору, представился ему вмѣстѣ съ другими чинами и услышалъ отъ него, что посланныя мною къ нему въ Самаркандъ, когда онъ тамъ находился, соображенія и требованія гигіены отъ училищныхъ зданій имъ получены и приняты къ свѣдѣнію. При этомъ онъ прибавилъ: „Кажется, сами ученые не выдумали пока ничего опредѣленнаго въ отношеніи гигіеническихъ требованій отъ школьныхъ помѣщеній“. Въ разговорѣ генералъ, между прочимъ, спросилъ меня: „А вы еще не выстроили домъ для себя?“ Я сказалъ: „Нѣтъ еще, потому что боюсь браться за такое дѣло“. На это онъ замѣтилъ: „Ну, значитъ, вы еще не пустили здѣсь корней: здѣсь всѣ строятъ дома“*).

Въ четвергъ, 3-го августа, около двухъ часовъ по-полудни, я былъ съ докладомъ у генерала, который принималъ въ тоже время поздравленія по случаю дня рожденія своей супруги. Мнѣ пришлось поэтому ждать почти до 3-хъ часовъ. Докладъ шелъ сухо и скучно: генералъ позѣвалъ и въ посторонніе разговоры не пускался. Докладывая заявленіе учителя Кокандскаго училища Гавр. на заготовку дровъ для всѣхъ училищъ Ферганской области, я предупредилъ генерала, что считаю подобное предпріятіе совершенно не совмѣстнымъ съ званіемъ учителя. Генералъ прочиталъ докладъ, сказалъ нѣсколько очень осторожныхъ словъ на эту тему и написалъ въ резолюціи: просить Ферганское областное правленіе

*) Нужно имѣть въ виду, что въ Ташкентѣ, особенно въ 70-хъ годахъ трудно было обходиться безъ собственнаго дома: каждый строилъ домъ для себя; предпринимателей по устройству квартиръ для другихъ почти не было. Что же оставалось дѣлать чиновнику, не имѣющему казенной квартиры, какъ не строить свой домъ. Семейнымъ людямъ особенно было важно имѣть свой домъ въ Ташкентѣ 70-хъ годахъ.

заготовить дрова для училища. О главномъ инспекторѣ Кунѣ генералъ-губернаторъ спросилъ: нѣтъ ли отъ него какихъ-нибудь извѣстій? Я сказалъ, что получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ пишетъ объ условіяхъ открытія учительской семинаріи въ Ташкентѣ. Генералъ промолчалъ.

5-го августа, суббота. Помощникъ Кураминскаго уѣзднаго начальника маіоръ Пѣвцовъ разсказалъ мнѣ, что генералъ-губернаторъ питаетъ нерасположеніе къ генералу Колпаковскому*). Я услышалъ объ этомъ въ первый разъ, и мнѣ стало понятно, почему онъ ни слова не сказалъ, когда читалъ возраженіе Колпаковскаго на предположенія Управленія учебными заведеніями объ открытіи ученическихъ квартиръ при Каракольской и Кульджинской школахъ, находившихся въ Семирѣченской области.

Въ четвергъ, 10-го августа, былъ докладъ между прочимъ объ учителѣ Шельтингѣ (родственникѣ жены главнаго инспектора училищъ г. Куна), который завѣдывалъ ремесленными классами при Ташкентскомъ городскомъ училищѣ и хотѣлъ обязать воспитанниковъ пансіона, содержимыхъ на счетъ прибылей отъ ремесленныхъ классовъ, обучаться ремесламъ 6 лѣтъ, а затѣмъ отслужить еще 2 года, по указанію училищнаго начальства. Генералъ-губернаторъ обратилъ вниманіе на тяжелыя условія, предла-

---

*) Герасимъ Алексѣевичъ Колпаковскій скончался 23 апрѣля 1896 года въ Петербургѣ. По поводу его кончины, въ № 25 Окраины было напечатано, что онъ былъ человѣкъ большого природнаго ума, необыкновенной энергіи и неутомимый труженикъ. Не получивъ широкаго научнаго образованія, онъ, разнообразнымъ личнымъ опытомъ, развилъ свой умъ до широкаго взгляда на общіе вопросы и до глубокаго пониманія вещей. Его жизнь была полна усиленнаго, упорнаго труда и неусыпной борьбы съ самымъ опаснымъ врагомъ—съ тайною подпольною интригою завистливыхъ враговъ и коварныхъ карьеристовъ. Человѣкъ разумный, дѣловитый и энергичный, онъ вездѣ и всегда выдѣлялся изъ ряда сверстниковъ по службѣ и былъ отличаемъ своимъ начальствомъ, но за то всегда былъ окруженъ недоброжелателями и завистниками... Въ 1867 году онъ сталъ Семирѣченскимъ военнымъ губернаторомъ и управлялъ областью до 1882 г., когда назначенъ былъ Степнымъ генералъ-губернаторомъ. Семирѣчьемъ онъ управлялъ около 25 лѣтъ; изъ нихъ 15 лѣтъ былъ военнымъ губернаторомъ и наказнымъ атаманомъ Семирѣченскаго казачьяго войска. За это время онъ 4 раза исправлялъ должность Туркестанскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками округа по цѣлымъ годамъ, и между прочимъ совершилъ кульджинскую военную экспедицію, раз-

гаемыя Шельтингой для мальчиковъ и просилъ меня откровенно высказаться по этому поводу. Я высказалъ, что не могу сочувствовать такой кабалѣ и не вижу никакой въ ней надобности. Генералъ-губернаторъ написалъ послѣ этого внушительную для Шельтинги резолюцію и просилъ Управленіе доставить ему свѣдѣнія о положеніи ремесленныхъ классовъ при училищѣ съ предположеніями, какъ поправить дѣло; въ противномъ случаѣ, генералъ обѣщалъ самъ указать путь къ исправленію этого важнаго дѣла, ложно и своекорыстно обставленнаго г. Куномъ: Шельтинга, разсчитывая на родственныя отношенія къ главному инспектору училищъ, управлялъ ремесленными классами при училищѣ такъ, что вызвалъ ропотъ со стороны горожанъ. Меня генералъ-губернаторъ въ своей резолюціи выгородилъ изъ этого щекотливаго дѣла, вполнѣ понимая, что учителю Шельтингѣ явно протежируетъ самъ г. Кунъ. Генералъ Кауфманъ, всегда внимательный къ учебному дѣлу, старался узнать и убѣдиться въ истинномъ положеніи вещей и затѣмъ не затруднялся въ изысканіи средствъ, какъ направить дѣло...

17-го августа, четвергъ. Къ назначенному для моего доклада часу у генералъ-губернатора сидѣли 2 чиновника генералъ-губернаторской канцеляріи, и мнѣ пришлось подождать, пока они кончили свои дѣла. Когда я вошелъ къ генералу въ кабинетъ, онъ встрѣтилъ меня любезно и шутя сказалъ: „Кажется, я до обморока заставилъ васъ ждать“. Докладъ весь прошелъ любезно, потому что генералъ былъ настроенъ благодушно. Между прочимъ

билъ таранчей, взялъ Кульджу и организовалъ кульджинскій раіонъ. Семирѣчье за время его управленія настолько благоустроилось, настолько колонизировалось чисто русскимъ элементомъ, развилось и воспріяло русскую гражданственность, что стало вполнѣ русскимъ уголкомъ, русской окраиной. Въ началѣ 80 годовъ въ Семирѣчьи было около 10 казачьихъ станицъ съ нѣсколькими выселками отъ каждой и столько же большихъ русскихъ селеній. Онъ былъ истиннымъ отцомъ и настоящимъ хозяиномъ Семирѣчья: все и всѣхъ зналъ самолично, и всѣ его знали лично. Онъ прекрасно зналъ нужды и потребности русскихъ молодыхъ селеній и выселковъ и отечески слѣдилъ за ихъ развитіемъ. За это Семирѣчье никогда его не забудетъ, и добрая память о немъ перейдетъ къ внукамъ и правнукамъ настоящаго поколѣнія. Съ любовію вспоминаетъ его и Ташкентъ и надолго сохранитъ добрую память о немъ.

онъ по какому-то поводу замѣтилъ о чиновникѣ К.: „Хорошій онъ былъ человѣкъ, да съ 1873 года не представляетъ мнѣ отчета по интендантству. Ужъ я что съ нимъ ни дѣлалъ: и просилъ, и приказывалъ, и срокъ назначалъ, а онъ все откладываетъ“...

Въ четвергъ, 24-го августа, во время доклада генералъ-губернаторъ былъ очень любезенъ. При встрѣчѣ онъ подалъ мнѣ руку и съ грустью сообщилъ полученное имъ извѣстіе объ убіеніи шефа жандармовъ, генерала Дрентельна, сказавъ при этомъ, что Дрентельнъ былъ честный человѣкъ, а затѣмъ прибавилъ, что настроеніе умовъ въ Россіи въ настоящее время очень нехорошее. Объ учащейся молодежи извѣстнаго направленія генералъ-губернаторъ выразился, что „хотя они „честность“ выставляютъ своимъ девизомъ, но сами въ большинствѣ случаевъ далеко не честны“. Затѣмъ онъ съострилъ надъ ташкентцами, сказавъ, что „они, *безъ сомнѣнія*, вслѣдствіе необыкновенной чистоты своихъ нравовъ, не терпятъ ни въ комъ изъ мужчинъ вниманія и ухаживанія за дамами“... Это было сказано генераломъ по поводу случайнаго разговора его со мной о г-жѣ Гр., женѣ Самаркандскаго уѣзднаго начальника.

29-го августа адъютантъ генералъ-губернатора, полковникъ Бергъ, при письмѣ своемъ ко мнѣ прислалъ толстый пакетъ съ приглашеніями на вечеръ къ генералъ-губернатору. Приглашенія эти касались не только учителей и учительницъ, но и гимназистокъ и гимназистовъ. Гимназистки, не имѣющія родителей, а равно дочери родителей, не приглашенныхъ на вечеръ, должны были явиться на вечеръ съ классными дамами. Пригласительные билеты присланы были ко мнѣ съ тою цѣлью, чтобы я могъ сообразить, кого изъ родителей учащихся дѣтей генералъ-губернаторъ не пригласилъ на вечеръ. По раздачѣ пригласительныхъ билетовъ, оказалось, что не были приглашены нѣкоторые ученицы, которыхъ нужно было пригласить, о чемъ гимназическое начальство довело до свѣдѣнія генералъ-губернатора. Поэтому полковникъ Бергъ, въ запискѣ отъ 31-го августа, просилъ меня

передать старшей надзирательницѣ гимназіи, Н. Ф. Бардовской, что гимназистки, не попавшія въ списокъ, должны быть привезены на вечеръ.

Вечеръ этотъ былъ задуманъ очень оригинально: гимназистки должны были явиться на этотъ вечеръ въ русскихъ сарафанахъ. Онѣ, вѣроятно, знали объ этомъ заранѣе, потому что нельзя было приготовить костюмъ для вечера въ одинъ день. Когда я 29-го августа отправился съ пригласительными билетами въ женскую гимназію, то засталъ тамъ старшую надзирательницу и около нея человѣкъ 30 гимназистокъ въ самыхъ пестрыхъ сарафанахъ. При нѣкоторыхъ ученицахъ были и мамаши, любовавшіяся сарафанами своихъ дочекъ. Нѣсколько солдатъ мѣстнаго военнаго оркестра играли русскія пѣсни, а дѣвицы исполняли хороводную игру. Гимназистки съ такимъ усердіемъ готовились къ вечеру, что были блѣдны,—очевидно, устали. Преподавательница танцевъ захлопоталась, такъ какъ уже въ четвертый разъ дѣвицы были собраны въ гимназію для репетиціи. Вечеромъ 29-го августа и днемъ 30-го онѣ снова упражнялись въ своихъ приготовленіяхъ. Приглашенные на вечеръ военные офицеры и гражданскіе чиновники должны были явиться на этотъ вечеръ въ кителяхъ при орденахъ.

Въ четвергъ, 31-го августа, утромъ весь чиновный міръ являлся къ генералъ-губернатору для поздравленія его высокопревосходительства съ пожалованнымъ ему орденомъ св. Владиміра 1-й степени. Докладъ по управленію учебными заведеніями былъ отложенъ на завтра, такъ какъ 31-го августа долженъ былъ состояться задуманный генераломъ вечеръ съ гимназистками въ сарафанахъ. На вечеръ должны были съѣзжаться къ 4-мъ часамъ дня, на загородную дачу генералъ-губернатора.

Когда всѣ гости собрались и представились генералъ-губернатору, дѣти были сгруппированы для игръ и танцевъ и веселились подъ присмотромъ классныхъ дамъ и учителей. Для танцевъ среди сада была приготовлена особая площадка, выложенная кирпичными плитками, оштукатуренная и покрашенная, которую я, по приказанію генерала, предварительно осмотрѣлъ.

Вечеръ вполнѣ удался. Генералъ-губернаторъ все время находился при гостяхъ и лично своимъ присутствіемъ поощрялъ къ веселью учащихся. Дѣтей угощали чаемъ, конфектами и разнообразной закуской. Родители были также довольны, глядя на веселыя лица своихъ дѣтей. Въ концѣ вечера было объявлено, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, что уроковъ въ гимназіи на слѣдующій день не будетъ, и дѣти возвратились домой еще болѣе довольными.

1-го сентября, къ 2-мъ часамъ я вмѣстѣ съ учителемъ Ташкентскаго училища Гавр., отправился къ генералъ-губернатору, чтобы доложить ему возникшее кляузное дѣло, касавшееся перестройки кокандскаго ханскаго дворца для помѣщенія въ немъ городскаго училища. Главный инспекторъ училищъ г. Кунъ, по непонятнымъ для меня и во всякомъ случаѣ не по педагогическимъ побужденіямъ, поручилъ этому учителю, не понимающему строительнаго дѣла, перестроить ханскій дворецъ, т. е. приспособить эту изящную въ своемъ родѣ постройку къ потребностямъ русскаго училища. На расходы по перестройкѣ этого зданія была назначена первоначально сумма около 2000 р., а потомъ главнымъ инспекторомъ училищъ г. Куномъ испрошена была дополнительная сумма около 500 р., или нѣсколько болѣе. Но учитель Гавр. взявшись за совершенно чуждое для него дѣло, почему-то счелъ нужнымъ обратиться въ Ферганское областное правленіе и просилъ о составленіи технической смѣты на перестройку ханскаго дворца, которая поручалась ему не на казенныхъ подрядныхъ условіяхъ, а на правахъ хозяйственнаго выполненія работы, безъ смѣты. Областной инженеръ составилъ смѣту на упомянутую работу уже на 7000 р., но Ферганское област. правленіе сократило эту сумму до 5000 р. Тогда учитель Гавр. самъ пріѣхалъ въ Ташкентъ хлопотать о разрѣшеніи производить порученную ему перестройку ханскаго дворца не въ суммѣ прежняго ассигнованія, на какое онъ добровольно соглашался, а по смѣтѣ ферганскаго инженера, т. е. за 5000 руб., причемъ ссылался на повышеніе цѣнъ въ Кокандѣ на строительные матеріалы. Генералъ-губернаторъ, прочитавъ переписку, обратился къ учителю Г. съ вопросомъ: „Такъ, какъ же

теперь вы будете доканчивать постройку? Вамъ назначено было сначала около 2000 р., затѣмъ было прибавлено нѣсколько сотъ рублей, а теперь вы представляете смѣту уже въ 5000 р.?" Г. молчалъ, или говорилъ полуфразы въ родѣ: „какъ прикажете, Ваше Высокопревосходительство".... Генералъ-губернаторъ, — чувствуя, что дѣло это нечисто, а въ глазахъ Г. сквозь его темныя очки ничего не было видно,—обратилъ вниманіе учителя на то, что онъ взялся не за свое дѣло и затянулъ работы, почему зданіе не было готово, а ученье должно бы быть уже начато, да и областное правленіе, вмѣшавшись въ это дѣло, увеличило такъ сильно смѣту расходовъ по перестройкѣ ханскаго дворца... Г. молчалъ. Генералъ-губернаторъ время отъ времени предлагалъ ему и еще вопросы въ томъ же родѣ, а тотъ отвѣчалъ кратко и неопредѣленно. Я сидѣлъ молча и смотрѣлъ на генералъ-губернатора. По лицу его ясно было видно, что онъ волновался: краска выступала у него на щекахъ и на лбу и, наконецъ, онъ не выдержалъ и, стукнувъ кулакомъ по столу, сдержаннымъ, но нѣсколько повышеннымъ тономъ, сказалъ: „Нѣтъ, это, наконецъ, обидно!..." Затѣмъ онъ взялъ перо, написалъ большую резолюцію на моемъ докладѣ и молча передалъ мнѣ докладъ. Послѣ того онъ спросилъ меня, есть ли что-нибудь еще, касающееся учителя Г., въ докладѣ моемъ? Я отвѣтилъ, что вопросовъ, касающихся Г., больше нѣтъ, но есть нѣсколько бумагъ по Управленію учебными заведеніями. Тогда генералъ-губернаторъ взглянулъ на Г. и тѣмъ далъ ему понять, что онъ можетъ уходить, а мнѣ приказалъ доложить привезенныя мною бумаги.... Между тѣмъ Г. не хотѣлъ вытти изъ кабинета и продолжалъ сидѣть все время, пока я докладывалъ генералъ-губернатору управленскія бумаги. Когда окончился мой докладъ, генералъ-губернаторъ, не обращая уже никакого вниманія на Г., всталъ и пригласилъ меня къ выходу на террасу. Всталъ и Г. и, пропустивъ генерала и меня мимо себя, вышелъ вслѣдъ за нами изъ кабинета и остановился около дверей, не упуская насъ изъ виду. Когда мы отошли въ противоположный уголъ террасы, Г. ото-

шелъ также отъ двери кабинета и сталъ на другомъ концѣ террасы. Генералъ-губернаторъ замѣтилъ это и, возвращаясь со мною, взялъ направленіе прямо на Г. и такимъ образомъ оттѣснилъ его дальше къ выходу съ террасы, гдѣ стоятъ вѣстовые и, повернувшись назадъ, снова прошелъ со мною вдоль террасы. Когда мы возвратились и дошли до угла кабинета, генералъ посмотрѣлъ на Г., а самъ въ это время громко разговаривалъ со мной полушутя о предметахъ, не интересныхъ для Г., именно о Ташкентскихъ священникахъ и въ частности о священникѣ Ширяевѣ, котораго называлъ бойкимъ, умнымъ и разбитнымъ человѣкомъ. Замѣтивъ, что Г. выжидаетъ чего-то, генералъ-губернаторъ прошелъ со мною еще разъ по террасѣ и, наконецъ, простился ласково, сказавъ мнѣ на прощанье, что въ воскресенье, 3-го сентября, въ 2 часа дня, будетъ совершено, въ его присутствіи, освященіе только что отстроеннаго перваго корпуса для Ташкентской мужской прогимназіи...

Описанная сцена въ высшей степени характерна для покойнаго генералъ-губернатора. Въ какой степени онъ былъ терпѣливъ и сдержанъ въ виду такихъ поступковъ, какъ поведеніе учителя Г., который уже принятіемъ на себя перестройки дворца могъ вызвать большое раздраженіе у каждаго начальника. И замѣчательно, что генералъ-губернаторъ никогда послѣ не спрашивалъ меня объ этомъ учителѣ, можетъ быть, отчасти и потому, что это дѣло состоялось по мысли главнаго инспектора училищъ, который злоупотреблялъ добротой и довѣріемъ покойнаго генералъ-губернатора.

Когда я и Г. выѣхали за ворота генералъ-губернаторской дачи, Г. просилъ меня показать ему, въ какихъ словахъ изложена резолюція генералъ-губернатора, относительно перестройки кокандскаго дворца, и я показалъ ему эту резолюцію, содержанія которой также не зналъ. Резолюція генерала была изложена очень дипломатично: въ ней былъ высказанъ упрекъ областному правленію за вмѣшательство, не приведшее ни къ экономіи, ни къ ускоренію перестройки, но не было ни слова относительно увели-

ченія смѣты на перестройку... Поэтому Г. спросилъ: за какую же сумму продолжать ему перестройку — за прежнюю, или за послѣднюю? Я ничего не могъ отвѣтить ему и на другой день сообщилъ эту резолюцію буквально въ Ферганское областное правленіе. Продолженіе этого дѣла и конецъ его были очень сложные...

3-го сентября, воскресенье. Къ двумъ часамъ дня въ отстроенный корпусъ мужской прогимназіи (ближайшій къ ПІтабу), собрались учащіяся дѣти, учителя и строители. Наконецъ, пріѣхалъ генералъ-губернаторъ, и законоучитель прогимназіи отслужилъ молебенъ. По окончаніи молебна, генералъ-губернаторъ провозгласилъ тостъ за Государя Императора, на который гимназисты и присутствовавшіе на молебнѣ чины отвѣтили задушевнымъ ура. Затѣмъ генералъ-губернаторъ поздравилъ учащихся съ новымъ зданіемъ и пожелалъ имъ хорошихъ успѣховъ, чѣмъ они должны оправдать заботы о нихъ правительства и радовать своихъ родителей... Законоучитель священникъ Невоструевъ сказалъ краткую рѣчь, по окончаніи которой я обратился къ генералъ-губернатору съ слѣдующими словами: „Ваше Высокопревосходительство! О. законоучитель Ташкентской мужской прогимназіи, получившей отъ Васъ сегодня такой дорогой даръ, имѣлъ честь благодарить Васъ отъ лица прогимназіи. Къ благодарному чувству прогимназіи, выраженному о. Невоструевымъ, и я лично, какъ временный представитель Управленія учебными заведеніями ввѣреннаго Вашему Высокопревосходительству края, считаю долгомъ присоединить свою искреннюю и глубокую благодарность. Въ настоящемъ своемъ служебномъ положеніи, я обязанъ одинаково сочувствовать благоустройству, какъ среднихъ, такъ и низшихъ учебныхъ заведеній всего Туркестанскаго края, такъ какъ всѣ эти разсадники народнаго просвѣщенія, щедро и попечительно-отечески поддерживаемые Вашимъ Высокопревосходительствомъ въ періодѣ своей неокрѣпшей еще юности, имѣютъ одну общую всѣмъ имъ высокую задачу—развивать умственно и нравственно учащихся и воспитывать въ нихъ вѣрноподданическія чувства къ Благодѣтельнѣйшему нашему Государю Императору и истинно сыновнюю

любовь къ любезному и дорогому отечеству, словомъ—готовить изъ нихъ разумныхъ, нравственныхъ и преданныхъ интересамъ отечества гражданъ. Поэтому настоящее торжество собственно Ташкентской мужской прогимназіи даетъ мнѣ поводъ и право обратиться нѣсколько назадъ—къ прожитому учебнымъ вѣдомствомъ десятилѣтію и сказать о немъ нѣсколько словъ, примѣнительно къ настоящему случаю. Просвѣщенныя заботы Вашего Высокопревосходительства о народномъ образованіи въ краѣ, сопровождавшіяся доселѣ довольно значительными успѣхами, какіе были возможны при наличныхъ педагогическихъ силахъ, начались съ первыхъ дней управленія Вашего Туркестаномъ. Сознавая государственную важность народнаго образованія, Вы, тотчасъ по вступленіи своемъ на настоящій высокій свой постъ Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, обратили свое вліятельное вниманіе на эту могущественную духовную силу, способную постепенно, но радикально измѣнить къ лучшему не только матеріальное народное благосостояніе, но и самое міровоззрѣніе и характеръ народа, къ какой бы расѣ и племени онъ ни принадлежалъ. Устройство этого важнаго государственнаго дѣла въ краѣ Вы считали тѣмъ болѣе необходимымъ и безотлагательнымъ, что въ образованіи одинаково нуждались, какъ инородческое населеніе края, освобожденное русскимъ оружіемъ изъ-подъ гнета мусульманскаго деспотизма и невѣжества, такъ и русское населеніе разныхъ городовъ и поселеній Туркестана, лишенное, вслѣдствіе отдаленности своего новаго мѣстожительства, отъ общеобразовательныхъ центровъ Имперіи, возможности давать своимъ дѣтямъ какое-либо образованіе, хотя бы въ предѣлахъ осмысленной грамотности, согласно требованіямъ современной педагогіи. Тѣ и другія соображенія одинаково озабочивали Васъ, и Вы энергично занимались насажденіемъ въ краѣ народнаго образованія, удѣляя ему отъ многосложныхъ и многочисленныхъ своихъ занятій по управленію обширнымъ и своеобразнымъ краемъ значительную часть времени. Такое заботливое, вызывающее учебное вѣдомство на всегдашнюю признательность, отношеніе Вашего Высокопревосхо-

дительства къ дѣлу народнаго образованія въ столь отдаленной отъ центра полудикой азіатской окраинѣ нашего отечества выдвинуло это дѣло на соотвѣтствующее его задачѣ высоту и дало ему возможность достигнуть въ сравнительно короткій промежутокъ времени довольно значительныхъ размѣровъ. Въ настоящее время во ввѣренномъ Вашему Высокопревосходительству краѣ существуютъ: двѣ мужскія прогимназіи, 1 женская гимназія и 1 женская прогимназія, 12 городскихъ и 20 начальныхъ училищъ, изъ которыхъ при многихъ существуютъ отдѣленія для дѣвочекъ, помимо самостоятельныхъ женскихъ училищъ, число которыхъ восходитъ до 10-ти. Кромѣ того, Ваше Высокопревосходительство утвердили уже общую реформу всѣхъ непреобразованныхъ училищъ края въ городскія и приходскія училища разныхъ типовъ. По приведеніи въ исполненіе этой реформы и предположенія Вашего объ обязательномъ обученіи въ Туркестанскомъ краѣ, дѣло народнаго образованія, при усердномъ со стороны учебнаго вѣдомства выполненіи просвѣщенныхъ указаній Вашего Высокопревосходительства, будетъ безъ затрудненія развиваться въ интересахъ нашего отечества и къ пользѣ мѣстнаго населенія на постоянныхъ и прочныхъ началахъ. И учебное вѣдомство, безъ сомнѣнія, оправдаетъ свое высокое призваніе—быть воспитателемъ россійскаго юношества и удержится на высотѣ этого призванія, не ослабѣвая въ своей педагогической дѣятельности и не отступая отъ указываемыхъ ему этой дѣятельностью идеаловъ. Однако, я не могу при этомъ не замѣтить, что дѣятельность учебнаго вѣдомства можетъ быть вполнѣ плодотворною и достигнетъ своихъ высокихъ и широкихъ задачъ, только при полномъ сочувствіи къ его стремленію со стороны мѣстнаго общества, такъ какъ дѣло воспитанія и образованія ташкентскаго юношества, будучи спеціально педагогическою дѣятельностью, тѣсно связано съ интересами правительства и мѣстнаго общества; это дѣло государственное и притомъ громадной важности, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Кто же не любитъ себя въ настоящемъ и кто не желаетъ себѣ добра въ будущемъ?... Учебное дѣло поль-

зуется широкой поддержкой со стороны Вашего Высокопревосходительства и Вашихъ ближайшихъ помощниковъ по управленію краемъ и сочувствіемъ мѣстнаго общества; и въ будущемъ оно ни въ комъ не можетъ встрѣчать несочувствія. Да и можетъ ли быть иначе? Намъ, завоевателямъ полудикой азіатской страны, было бы непростительно въ просвѣщенный XIX вѣкъ не думать о ея просвѣщеніи. Тѣмъ болѣе намъ было бы непростительно не заботиться о расширеніи народнаго образованія въ краѣ, что среди русскаго населенія зачатки его уже были въ Семирѣчьѣ, Перовскѣ и Казалинскѣ, а среди туземнаго населенія—повсемѣстно и въ довольно широкихъ размѣрахъ. Мы явились завоевателями въ странѣ, видѣвшей уже въ своей исторіи многихъ завоевателей; но завоеватели минувшихъ лѣтъ, часто приносили съ собою въ покоренныя страны разрушеніе и разграбленіе: ихъ завоеванія часто сопровождались совершеннымъ обезлюденіемъ страны; груды развалинъ и пирамиды изъ человѣческихъ череповъ свидѣтельствовали только объ ихъ необузданной дикости. Оружіе бухарскихъ эмировъ, хивинскихъ хановъ и подобныхъ имъ, смѣнявшихся поочередно владѣтелей разными частями нынѣшняго Туркестанскаго края, не только не приносило съ собою въ завоеванную страну никакихъ общечеловѣческихъ идей, не только не подвигало народную жизнь страны впередъ, не только не подготовляло общественныхъ реформъ въ странѣ, но и задерживало прежнее едва замѣтное существованіе народной жизни, ослабляя народъ позорнымъ для человѣческаго имени рабствомъ и разстройствомъ послѣдняго его незавиднаго благосостоянія. При этомъ историческая правда обязываетъ меня сказать, что и прежніе невѣжественные, необузданно-дикіе завоеватели Туркестана цѣнили по-своему значеніе народнаго образованія и одинъ передъ другимъ старались воздвигать въ разныхъ мѣстахъ этой обширной страны громадныя и величественныя постройки для учебныхъ заведеній, образцы которыхъ мы и сейчасъ видимъ не только въ Самаркандѣ, но и въ Ташкентѣ, въ Кокандѣ и др. городахъ. Современная дѣйствительность указываетъ намъ также, что и

завоеванные нами средне-азіатскіе туземцы высоко до сихъ поръ цѣнятъ образованіе народной массы и, какъ умѣютъ, поддерживаютъ его съ неослабной энергіей. Можемъ ли мы не обращать на этотъ поучительный фактъ своего просвѣщеннаго вниманія? Можемъ ли мы не поддерживать со свойственною нашему положенію въ завоеванномъ краѣ энергіей народнаго образованія, отъ котораго вправѣ ожидать благодѣтельныхъ результатовъ въ будущемъ? Конечно нѣтъ. Какъ очевидно для каждаго, самое настоящее торжество наше служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Поэтому въ настоящемъ случаѣ я считаю долгомъ обратить вниманіе всего высокопочтеннаго собранія не только на фактъ передачи учебному вѣдомству новаго зданія для мужской прогимназіи, но и на то обстоятельство, что зданіе это, составляющее только третью часть всей предположенной постройки является уже виднымъ храмомъ науки, вполнѣ отвѣчающимъ высокому назначенію прогимназіи, а все будущее зданіе будетъ красою Ташкента, будетъ очевиднымъ образомъ указывать туземцамъ, что ихъ русскіе правители умѣютъ цѣнить значеніе народнаго образованія въ системѣ управленія страною, какъ могучаго двигателя народной жизни ко всестороннему развитію и совершенствованію. Усердно отблагодаривъ отъ учебнаго вѣдомства Ваше Высокопревосходительство за дорогой Вашъ даръ, я долженъ высказать искренную признательность и всей администраціи Сыръ-дарьинской области, въ лицѣ Его Превосходительства Военнаго Губернатора области, содѣйствовавшаго и содѣйствующаго приведенію въ исполненіе всѣхъ распоряженій просвѣщеннаго начальника края относительно прочнаго устройства учебнаго дѣла въ Сыръ-дарьинской области, гдѣ народное образованіе, скажу по справедливости, стоитъ гораздо выше и обставлено гораздо лучше, чѣмъ въ прочихъ областяхъ края. Усердно благодарю Васъ, Ваше Высокопревосходительство и Ваше Превосходительство отъ лица всего учебнаго вѣдомства Туркестанскаго края, отъ лица всѣхъ учащихъ и учащихся въ Ташкентской мужской прогимназіи! Да сохранится въ учащихъ и учащихся Ташкентской прогимназіи

благодарное воспоминаніе о Вашихъ заботахъ о народномъ образованіи въ краѣ вообще и о благоустройствѣ Ташкентской мужской прогимназіи въ частности на многія лѣта! При этомъ я искренно желаю, чтобы это величественное зданіе всегда было полно жаждущими образованія юношами, не только русскими, но и инородцами, и чтобы всѣ они своими успѣхами и поведеніемъ отвѣчали вполнѣ благоустройству сего зданія, какимъ отличаются немногія подобныя зданія и внутри нашего государства. Искренно желаю, чтобы это юное учебное заведеніе, воспитывая русскихъ и инородческихъ дѣтей, послужило отечественному дѣлу—сближенію туземцевъ съ нами-русскими, чтобы изъ него туземцы выходили съ благодарностью къ русскому правительству за полученное образованіе и говорили потомъ съ гордостью: мы русскіе, мы учились русской наукѣ въ русскомъ учебномъ заведеніи!

Дѣти! Къ вамъ обращаю слово. Для васъ устроено это прекрасное зданіе, въ которомъ вы не будете испытывать ни тѣсноты, ни духоты, въ которомъ все располагаетъ васъ усердно учиться и вести себя примѣрно! Помните, что это зданіе, въ которомъ вы съ завтрашняго дня начнете свои занятія, построено для васъ отечески заботящимся о васъ начальствомъ края, за что и вы съ своей стороны обязаны благодарить Его Высокопревосходительство, г. Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, и Его Превосходительство, Военнаго Губернатора области.

Высокопочтенное собраніе! Мы собрались здѣсь, на мѣстномъ торжествѣ, имѣющемъ непосредственное значеніе для Ташкента, но въ тоже время, наше торжество имѣетъ и общій русскій интересъ, такъ какъ дѣло народнаго образованія въ г. Ташкентѣ составляетъ только часть общероссійскаго учебнаго дѣла, существующаго и широко развивающагося въ мудрое и благодѣтельнѣйшее царствованіе нашего Августѣйшаго Государя. Считаю поэтому вѣрноподданническимъ своимъ долгомъ закончить свое искреннее слово вѣрноподданническимъ пожеланіемъ благоденствія Его Императорскому Величеству: „Боже, Царя храни!“.

Въ пятницу, 1-го сентября, генералъ-губернаторъ высказалъ мнѣ, что 30 августа онъ устроилъ вечеръ для удовольствія ученицъ женской гимназіи и прибавилъ, что его радуетъ женская гимназія, особенно дѣвицы-сироты... И дѣйствительно, генералъ-губернатору, пріятно видѣть, что женская гимназія, созданная имъ, растетъ и развивается, что изъ маленькихъ дѣвочекъ, ученицъ приготовительнаго класса, выросли уже большія дѣвицы,— и это въ отдаленномъ Ташкентѣ, гдѣ онъ въ первые годы своего управленія краемъ видѣлъ мало вообще семейныхъ людей...

Въ среду, 6 сентября*), я былъ на дачѣ генералъ-губернатора во время пріема имъ Авганскаго посольства. Прибытіе этихъ пословъ въ Ташкентъ имѣло большую политическую задачу и было вызвано нашимъ вмѣшательствомъ въ Англо-Авганскую распрю, для улаженія которой снаряжалось особое посольство, подъ начальствомъ генерала Столѣтова. Всѣхъ пословъ было пятеро. Главный между ними сказывался министромъ. Всѣ они были плотнаго тѣлосложенія, при очень смугломъ цвѣтѣ лица, съ носами немного выгнутымъ горбомъ. Взглядъ у нихъ былъ воинственный, но не дикій. Держали они себя во время представленія степенно, съ достоинствомъ, но безъ восточнаго чванства. Несомнѣнно, что они гораздо болѣе цивилизованы, чѣмъ бухарцы, а тѣмъ болѣе хивинцы. Пріемъ пословъ былъ назначенъ въ 2 ч. дня. Къ этому времени на дачу генералъ-губернатора собрались всѣ начальники частей войскъ и гражданскихъ управленій г. Ташкента. Военные были въ кителяхъ при орденахъ, гражданскіе чины въ мундирахъ, а не имѣвшіе мундировъ—въ черныхъ фракахъ. Генералъ-губернаторъ вышелъ къ собравшимся военнымъ и гражданскимъ чинамъ за нѣсколько минутъ до пріѣзда пословъ, за которыми была послана состоящая при генералъ-губернаторѣ сборная казачья сотня съ генералъ-губернаторскимъ значкомъ. Въ 2 часа

*) Въ кн. д-ра Яворскаго «Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству въ 1878—1879 г.г.» (С.-Пб. 1882), на стр. 377 кратко замѣчено: «6 сентября авганское посольство представлялось Туркестанскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману. Аудіэнція была обставлена весьма парадно».

послы подъѣхали къ галлереѣ лѣтняго генералъ-губернаторскаго помѣщенія на дачѣ: впереди ѣхали нѣсколько верховыхъ казаковъ со значкомъ, затѣмъ двѣ или три коляски съ послами, а позади остальные верховые казаки. Главный посолъ—коренастый, средняго роста человѣкъ. Онъ былъ одѣтъ въ кафтанъ темно-голубого цвѣта безъ всякихъ украшеній, а на головѣ имѣлъ черную англійскую шляпу, перевязанную шарфомъ изъ сѣрой матеріи. На верху шляпы была небольшая шишечка съ грецкій орѣхъ. На рукахъ у него были бѣлыя перчатки, а на шеѣ тонкая цѣпочка отъ часовъ. Когда онъ подошелъ къ генералъ-губернатору, то поднялъ обѣ руки и приложилъ концы своихъ пальцевъ ко лбу. Генералъ-губернаторъ, подавши ему руку, пригласилъ его сѣсть на первомъ креслѣ, около стола, противъ дивана, на которомъ сидѣлъ самъ генералъ. Рядомъ съ первымъ посломъ также на креслѣ сидѣлъ второй посолъ. Генералъ-маіоръ Столѣтовъ сидѣлъ около дивана на креслѣ, приставленномъ къ стѣнѣ, а съ нимъ рядомъ заняли мѣста остальные послы. Далѣе вокругъ стола сидѣли разные военные и статскіе генералы. Разговоръ начался съ вопроса: какъ послы доѣхали? т. е. благополучно ли, скоро ли и имѣли ли всѣ нужныя удобства въ дорогѣ? Затѣмъ генералъ-губернаторъ спросилъ пословъ о здоровьѣ Авганскаго Эмира*), высказалъ радость началу знакомства своего съ ними и просилъ написать ему благодарность за вниманіе. Посолъ обратилъ вниманіе на стѣнной портретъ Государя Императора и спросилъ, какимъ способомъ онъ изготовленъ. Генералъ Столѣтовъ сказалъ, что этотъ портретъ писанъ масляными красками. Когда затѣмъ посолъ обратилъ вниманіе на портретъ Государя Наслѣдника, то генералъ-губернаторъ сказалъ, что Государь во время войны (послѣдняя турецкая война) былъ самъ при войскѣ и что Наслѣдникъ Цесаревичъ лично командовалъ однимъ отрядомъ, а главнокомандующимъ былъ братъ Государя. Посолъ высказалъ: „Это

*) Ширъ-Али-ханъ, окончательно утвердившійся въ Кабулѣ въ 1868 г. послѣ неурядицъ, послѣдовавшихъ за смертью Доетъ-Мухаммадъ-хана въ 1863 г.

достойно вниманія, потому что у русскаго Государя много хорошихъ генераловъ и офицеровъ". Генералъ-губернаторъ, отвѣчая на это замѣчаніе авганскаго посла, сказалъ, что Русскій Государь любитъ свое войско и потому хотѣлъ Самъ быть при войскѣ. Посолъ сказалъ: „Хорошіе государи всегда такъ дѣлаютъ". А генералъ-губернаторъ прибавилъ, какъ бы договаривая свою фразу: „И русское войско любитъ Государя". Послѣ этого посолъ что-то спросилъ, (что именно я не разслышалъ), а генералъ-губернаторъ отвѣтилъ: „Это въ волѣ Государя; какъ будетъ Ему благоугодно..." Далѣе генералъ-губернаторъ высказалъ свое соболѣзнованіе по случаю смерти наслѣдника авганскаго эмира, и самъ хотѣлъ немедленно телеграфировать Государю о прибытіи въ Ташкентъ авганскихъ пословъ, а пословъ просилъ пожить въ Ташкентѣ и осмотрѣть все ихъ интересующее. Послы поблагодарили генералъ-губернатора за такое предложеніе,—и дипломатическій разговоръ съ послами окончился.

Всѣ объясненія велись медленно, съ разстановками, особенно въ данномъ случаѣ необходимыми. Переводчикомъ при разговорѣ былъ генералъ Столѣтовъ. Между прочимъ посолъ, желая должно быть польстить генералъ-губернатору, сказалъ: „Я слышалъ, что Вы (т. е. генералъ-губернаторъ) и сами умѣете говорить по-персидски и по-турецки?" На это генералъ-губернаторъ отвѣтилъ, что по-турецки онъ зналъ немного, когда служилъ на Кавказѣ, а по-персидски никогда не говорилъ. Тогда посолъ съ похвалой отозвался о бывшемъ дипломатическимъ чиновникѣ при Туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ Вейнбергѣ, какъ объ отличномъ знатокѣ персидскаго языка, и высказалъ удивленіе свое, что русскій чиновникъ такъ хорошо зналъ персидскій языкъ. Генералъ-губернаторъ сказалъ на это, что у насъ въ Петербургѣ молодые люди учатся многимъ языкамъ и что вмѣсто Вейнберга, который умеръ, въ Ташкентъ пріѣдетъ также хорошій оріенталистъ.... Предложенное посламъ угощеніе состояло въ чаепитіи и куреніи. Генералъ-губернаторъ главному послу предложилъ сигару, а остальнымъ папиросы. Всѣ они курили умѣючи. Генералъ Столѣтовъ

сказалъ, что курить папиросы выучилъ авганскихъ пословъ онъ. Чай они пили такъ, какъ слѣдуетъ, т. е. по европейски. Послѣ чая былъ поданъ десертъ.

По уходѣ пословъ, генералъ-губернаторъ, обратившись къ присутствующимъ чиновникамъ, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ иронiи сказалъ: „Послы эти на нѣсколько градусовъ выше бухарцевъ; но если поскоблить ихъ, то и они (т. е. авганцы) окажутся такими же, какъ бухарцы. При этомъ, какъ бы продолжая свою рѣчь, генералъ-губернаторъ прибавилъ: „Такъ о насъ-русскихъ говорятъ иностранцы, что, молъ, на видъ—образованные люди, а поскобли ихъ,—и они окажутся невѣждами...“ Нѣкоторые изъ русскихъ чиновниковъ также подсмѣивались благодушно надъ авганцами. Во время этихъ шутокъ генералъ-губернаторъ сказалъ, что экзекуторъ генералъ-губернаторской канцелярiи Н. наговорилъ авганцамъ о сто-тысячномъ войскѣ въ Туркестанскомъ краѣ... Но, прибавилъ онъ: экзекуторъ, конечно, сильно преувеличилъ дѣйствительность... А полковникъ Фриде поддержалъ заочно дипломатическiй маневръ экзекутора, замѣтивъ, что Н. считалъ по-своему позволительнымъ представить военныя силы Туркестана въ подобающемъ величiи...

Я лично удивлялся тогда общему шутливо-насмѣшливому тону генералъ-губернатора, съ какимъ онъ отзывался объ авганскихъ послахъ. На мой взглядъ, авганцы вовсе не такiе простаки, какими представляли ихъ, начиная съ генералъ-губернатора, всѣ русскiе администраторы и чиновники: авганцы по-своему очень умны и тактичны; и если они не похожи на насъ, то это не должно еще ставиться имъ въ особую вину. Въ Ташкентѣ я всегда слышалъ насмѣшливые отзывы о бухарскихъ послахъ, которыхъ русскiе офицеры и чиновники обыкновенно называютъ „халатниками“ и „арбакешами“ т. е. извощиками, но это не дѣлаетъ чести русскимъ. Не нужно забывать, что эти „халатники“ отлично ведутъ свои дѣла и *проводятъ* нашихъ цивилизованныхъ дипломатовъ. Мнѣ припоминается по этому случаю одинъ разсказъ о томъ, какъ первый русскiй дипломатъ въ Туркестанскомъ краѣ былъ одураченъ

бухарскимъ посломъ, во время встрѣчи послѣдняго за городомъ, при въѣздѣ въ Ташкентъ. Не знаю въ точности, когда это было, но дѣло происходило будто бы такъ: нашъ дипломатъ, встрѣтившись съ посломъ, хотѣлъ изъ вѣжливости сойти съ лошади, но наблюдалъ за бухарскимъ посломъ, чтобы не слѣзть первому, а тотъ сдѣлалъ видъ, что приготовляется сойти на землю и, когда дипломатъ съ ловкостью европейца соскочилъ съ лошади на землю и стоялъ уже на своихъ ногахъ, бухарскій посолъ снова принялъ восточную осанку и не спѣшилъ спуститься на землю... Такъ и въ данномъ случаѣ: авганскій посолъ не произвелъ на меня дурного впечатлѣнія; напротивъ, онъ показался мнѣ человѣкомъ, державшимъ себя просто, непринужденно, но съ достоинствомъ. Онъ не особенно растерялся въ присутствіи генералъ-губернатора и множества золотыхъ мундировъ русскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, находившихся на описанномъ представленіи, а это уже далеко отъ свойствъ простаго халатника или факельщика. Точно также онъ и не чванился по-восточному, а держалъ себя скромно, но безъ униженія, и въ своихъ разговорахъ не сказалъ неумѣстнаго и лишняго слова. Свита его держала себя почтительно и прилично.—Мнѣ эта сцена напомнила русскихъ пословъ XV—XVI столѣтій, которые, при своей видимой неуклюжести и неряшливости, отлично выполняли возложенныя на нихъ дипломатическія порученія. При всей своей необразованности, русскіе послы того времени не позволяли ловкимъ европейцамъ сбойти ихъ словомъ или дѣломъ, какъ это бывало послѣ... Слѣдовало бы и намъ, туркестанцамъ, столь презрительно относящимся къ бухарцамъ и авганцамъ, держаться приведенной исторической мѣрки.

Заканчивая свою запись объ авганскихъ послахъ, я упомяну со словъ адъютанта генералъ-губернатора, что они были требовательны въ отношеніи доставляемаго имъ продовольствія и при этомъ не умѣли будто бы отличать достоиства доставляемыхъ имъ продуктовъ. Такъ, напримѣръ, они заявляли, будто бы, что желаютъ курить сигары, продающіяся въ стекляныхъ коробкахъ... Тогда и съ леденцами поступили такъ: купили обыкновенныхъ леденцовъ

и положили ихъ въ стекляныя коробки... Черносливъ выдавали авганцамъ фунтами; но они заявили, что желаютъ получать черносливъ въ жестянкахъ. Равнымъ образомъ послы требовали себѣ для своихъ кушаньевъ масла вмѣсто сала. Все это очень любопытно въ этнографическомъ смыслѣ и ничуть не странно, особенно, если представить себѣ, что русскіе чиновники, распоряжавшіеся въ такихъ случаяхъ, считали нужнымъ наблюдать возможную экономію и потому предлагали гостямъ, что подешевле, ошибочно думая, что „азіаты“ не знаютъ толку въ десертѣ и больше любятъ сало... Мнѣ извѣстно, что эти „азіаты“ въ свою очередь подсмѣиваются надъ русскими чиновниками, посылаемыми съ разными дипломатическими порученіями къ азіатскимъ ханамъ*).

21-го сентября, (четвергъ). Во все время моего доклада генералъ-губернаторъ былъ очень благодушенъ и разговорчивъ. Между прочимъ, по поводу стремленія русскихъ дѣвицъ на государственную службу, онъ серьезно и весьма резонно разсуждалъ о назначеніи женщины. Онъ разсказалъ мнѣ при этомъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ ген. Тимашевъ неблагосклонно относится къ такому стремленію женщинъ и всячески тормозитъ ихъ ходатайства. Самъ генералъ-губернаторъ находилъ такую политику министра Тимашева крайностью, въ виду незначительнаго числа русскихъ женщинъ, ищущихъ выхода изъ своего безвыходнаго положенія, хотя былъ согласенъ съ тѣмъ, что прямое назначеніе женщины—въ семьѣ, т. е. быть женою-хозяйкой и матерью-воспитательницей дѣтей. Ссылаясь на собственный примѣръ, онъ разсказалъ мнѣ, что въ первые годы своей службы на Кавказѣ и семейной жизни у нихъ не было дѣтей, жили они на 30 рублей въ мѣсяцъ и всегда имѣли вкусный и сытный обѣдъ, что исключительно зависѣло отъ личнаго умѣлаго хозяйничанья его супруги. Генералъ прибавилъ къ этому, что у него до сихъ поръ сохранилась записная книжка по хозяйству ихъ того времени,

*) Въ былыя времена въ Бухару ѣздили русскіе чиновники очень часто и, конечно, надоѣдали «дружественному сосѣду» своими визитами, оканчивавшимися получеміемъ подарковъ.

въ которой его супруга вела записи своихъ домашнихъ расходовъ. Въ этотъ разъ я пробылъ у генералъ-губернатора съ двухъ до пяти съ половиной часовъ, и большая часть этого времени была занята разговоромъ.

22-го сентября, въ пятницу, я былъ у генералъ-губернатора съ учителемъ Ташкентскаго городского училища Перевозниковымъ по дѣлу о ремесленныхъ классахъ, существующихъ при этомъ училищѣ. Въ разговорѣ съ нами генералъ резонно настаивалъ, чтобы умственныя занятія учениковъ чередовались съ физическими упражненіями, такъ какъ въ полезности такого хода занятій онъ убѣдился по личному наблюденію надъ собственными дѣтьми, которыя, по его словамъ, учились прекрасно. Во время этого представленія генералъ рѣшилъ переименовать Ташкентское двухъ-классное училище въ четырехъ-классное и приказалъ мнѣ представить ему объ этомъ докладную записку.

Генералъ-губернаторъ разсказалъ о своемъ столкновеніи съ покойнымъ Туркестанскимъ епископомъ Софоніей изъ-за вѣнчанія католиковъ въ православной церкви. Подробностей этого дѣла я не знаю, но вообще помню, что генералъ-губернаторъ не скрывалъ своихъ неладовъ съ покойнымъ епископомъ, съ которымъ не сошелся со дня перваго пріѣзда епископа въ Ташкентъ. Мѣстные священники разсказывали мнѣ, что генералъ-губернаторъ не участвовалъ во встрѣчѣ пріѣхавшаго епископа. Первое свиданіе ихъ происходило въ домѣ генералъ-губернатора, куда епископъ явился съ визитомъ, и встрѣча этихъ сановниковъ была не особенно дружественная. Затѣмъ, когда генералъ-губернаторъ отправился къ епископу съ отвѣтнымъ визитомъ, то не былъ принятъ послѣднимъ, потому что епископъ принималъ въ это время ванну. Старые ташкентцы разсказывали также, что генералъ-губернаторъ съ тѣхъ поръ явно неблаговолилъ къ епископу и, какъ бы въ укоръ ему, исходатайствовалъ награжденіе протоіерея Малова митрой и орденомъ св. Анны 1-й ст., помимо епархіальнаго начальства. Такія выдающіяся награды могъ исходатайствовать пр. Малову только генералъ Кауфманъ.—Послѣ мнѣ приходилось слышать

отъ генералъ-губернатора, что онъ, по своему особому положенію въ Туркестанскомъ краѣ, иногда бываетъ вынужденъ рѣшать и архіерейскія дѣла, и при этомъ прибавилъ, что и онъ „не безъ ума мечъ носитъ“.

19-го ноября я возвратился изъ своей первой поѣздки по осмотру училищъ, находящихся на линіи отъ Ташкента до Сарканской станицы въ Семирѣченской области, т. е. на протяженіи 1200 верстъ. По пріѣздѣ въ Ташкентъ, я узналъ, что генералъ-губернаторъ утвердилъ всѣ распоряженія мои, какія я сдѣлалъ во время этой поѣздки.

30-го ноября, во время доклада, генералъ-губернаторъ былъ очень внимателенъ ко мнѣ, подробно разспрашивалъ о положеніи осмотрѣнныхъ мною училищъ и особенно о ремесленной школѣ въ г. Вѣрномъ, которую я нашелъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ*). По этому поводу генералъ-губернаторъ высказалъ увѣренность, что я въ своемъ донесеніи о положеніи этой школы сгладилъ печальную дѣйствительность. Я подтвердилъ это предположеніе, и генералъ-губернаторъ обѣщалъ внимательно прочитать мой отчетъ, который я долженъ былъ представить ему для отправленія подлинникомъ въ министерство.

Въ четвергъ, 7-го декабря, когда я явился къ генералъ-губернатору съ докладомъ, онъ былъ очень веселъ, потому что получилъ телеграфное извѣстіе объ успѣхахъ авганцевъ надъ

*) Эта своеобразная школа состояла изъ казачьихъ дѣтей 15—18 лѣтняго возраста, находилась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мастера, а содержалась на мѣстныя средства. При осмотрѣ этой школы, я нашелъ ее въ самомъ безпорядочномъ состояніи: учебной части почти не было въ школѣ, а о воспитательной сторонѣ не могло быть и рѣчи. Въ хозяйственномъ отношеніи школа вызывала самое строгое осужденіе: на ученикахъ были дырявыя рубахи и пропотенные сапоги. Въ спальныхъ комнатахъ койки были сдвинуты подъ и накрыты однимъ рваннымъ и грязнымъ одѣяломъ. На матрацы было противно смотрѣть: они были загрязнены разноцвѣтными пятнами. Я не могъ сказать военному губернатору области другого мнѣнія объ этой школѣ, кромѣ необходимости немедленно закрыть ее, чтобы не продолжать ея безотраднаго существованія. Ген. Колпаковскій согласился со мной, но потомъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ дѣятелей, нѣкоторое время былъ недоволенъ мною... Послѣ же отношенія ко мнѣ Герасима Алексѣевича снова установились хорошія, и я всегда вспоминаю его съ уваженіемъ къ нему.

англичанами. Онъ былъ очень радъ этому и сильно желалъ, чтобы англичанъ поколотили хорошенько. Едва я вошелъ къ нему въ кабинетъ, какъ онъ самъ подошелъ ко мнѣ, подалъ руку и съ нескрываемымъ восторгомъ проговорилъ: „Ну, ужъ какъ же англичанъ поколотили!...“ Я отвѣтилъ, что слышалъ уже объ этомъ въ адъютантской комнатѣ, и прибавилъ, что англичанамъ рано или поздно придется расплатиться за свои азіатскіе грѣхи. Генералъ-губернаторъ съ оживленіемъ сказалъ на это: „да, да!“ и добавилъ: „очень жаль, что меня (т. е. его) не пустили въ Авганистанъ... Я ручаюсь головой, что непремѣнно уничтожилъ бы англичанъ. Мнѣ предлагали отправиться противъ англичанъ на свой страхъ съ однимъ баталіономъ; но я, вѣдь не Ермакъ и не могу быть въ его роли, потому что ни время, ни обстоятельства этого не позволяютъ мнѣ“... Сказавши это, генералъ какъ бы хотѣлъ поправиться и спросилъ меня: „Какъ звали по батюшкѣ Ермака?“ Я сказалъ: „Тимофеевичъ“. Тогда генералъ продолжалъ: „То была шайка разбойниковъ (?), которые, если бы и погибли, то не причинили бы государству большаго вреда; если же я погубилъ бы войско, то былъ бы долженъ отвѣчать предъ государствомъ. За Туркестанскій край я отвѣчаю предъ Россіей и всегда отвѣчу, а за Авганистанъ отвѣчать нельзя“. Я спросилъ генералъ-губернатора: „а сколько бы войска нужно послать въ Авганистанъ противъ англичанъ?“ Генералъ, улыбаясь, отвѣтилъ: „Конечно, чѣмъ больше, тѣмъ лучше“.—Генералъ передалъ мнѣ тогда конфиденціальное письмо къ нему гр. Толстого, увѣдомлявшаго, что на всеподданнѣйшемъ докладѣ министерства народнаго просвѣщенія о сдѣланномъ чинами учебнаго вѣдомства пожертвованіи въ пользу добровольнаго флота Государю Императору благоугодно было собственноручно начертать: *„По моему, полезнѣе было бы, если бы пожертвованіе было сдѣлано въ пользу своего же вѣдомства“*. Приэтомъ генералъ-губернаторъ разсказалъ, что Государь однажды на его докладѣ отмѣтилъ: „Дай Богъ, чтобы это было оправдано!“

Подписывая бумагу объ отпускѣ Перовскому учителю В., у котораго жилъ Махмудъ-бекъ, для пріѣзда въ Ташкентъ, гене-

ралъ-губернаторъ посмотрѣлъ тетрадь Махмудъ-бека по чистописанію и похвалилъ его за сдѣланные имъ успѣхи. Между прочимъ генералъ спросилъ меня, не былъ ли я вчера имянинникомъ. Я сказалъ, что былъ имянинникомъ. Тогда онъ сказалъ: „Ну, поздравляю васъ; жалѣю, что я не зналъ вчера объ этомъ". Вообще, въ этотъ разъ генералъ-губернаторъ былъ благодушенъ подъ вліяніемъ пріятнаго извѣстія о неуспѣхахъ англичанъ въ столкновеніи съ авганцами. Вопросъ о положеніи англичанъ въ Индіи и о вліяніи ихъ на среднеазіатскія дѣла всегда глубоко занимали покойнаго Туркестанскаго генералъ-губернатора, и въ его взглядахъ на нашу средне-азіатскую политику было много глубокой мудрости. Къ сожалѣнію, въ Петербургѣ его политическіе взгляды не всегда раздѣляли, и ему приходилось испытывать не мало непріятностей: англичане сознавали силу за генераломъ Кауфманомъ и старались разными происками вредить ему. Но, съ другой стороны, люди, понимавшіе покойнаго генералъ-губернатора, цѣнили его политику и высказывали ему полное свое сочувствіе. Между прочимъ, въ концѣ декабря 1878 г., я получилъ отъ Н. И. Ильминскаго письмо, въ которомъ онъ счелъ нужнымъ сообщить мнѣ, что въ Петербургѣ существуютъ происки „друзей Альбіона" противъ Туркестанскаго генералъ-губернатора, о чемъ я имѣлъ случай 29-го декабря передать ему лично. На генерала это извѣстіе произвело хорошее впечатлѣніе.

Управляющій отдѣленіемъ Государственнаго банка въ Ташкентѣ Н. М. Бахтіаровъ разсказалъ мнѣ, что недавно генералъ-губернаторъ говорилъ съ нимъ обо мнѣ въ выгодномъ для меня тонѣ, замѣтивъ при этомъ, что я очень стѣсняюсь, когда разговариваю съ нимъ... Генералъ-губернаторъ потому-то нерѣдко былъ со мной особенно ласковъ, какъ бы желая разсѣять мою застѣнчивость.

1879-й годъ.

4-го января, четвергъ. Къ новому году изъ Перовска пріѣзжалъ въ Ташкентъ учитель В., который привозилъ съ собой двухъ учениковъ своихъ: киргиза Кусубаева и родственника бывшаго кокандскаго хана Махмудъ-бека. Я представилъ ихъ обоихъ генералъ-губернатору, вмѣстѣ съ учителемъ. Генералъ-губернаторъ обласкалъ учителя, обѣщая ему устроить Перовское училище, а ученикамъ его подарилъ по коробкѣ конфектъ. Такимъ пріемомъ были въ высшей степени довольны Перовскіе гости. И нужно отдать полную справедливость покойному генералъ-губернатору за его въ высшей степени внимательное отношеніе къ начинающемуся въ краѣ учебному дѣлу. Онъ понималъ значеніе этого дѣла и поощрялъ дѣятелей его всѣми возможными средствами и особенно своимъ высокимъ вниманіемъ. Нужно имѣть въ виду, что генералъ Кауфманъ, при многосложныхъ своихъ занятіяхъ, не отказывалъ въ личномъ пріемѣ даже заѣзжему изъ провинціальнаго города учителю низшаго училища, участливо распрашивалъ его не только о дѣлахъ училища, но и о личномъ житьѣ-бытьѣ самого учителя, и тѣмъ ободрялъ и поощрялъ къ трудовой дѣятельности заѣхавшаго въ глушь молодого человѣка.

4-го января, вмѣстѣ со мной являлся къ генералъ-губернатору инспекторъ женской гимназіи Гр—скій по поводу одного очень некрасиваго случая, касавшагося двухъ подчиненныхъ ему лицъ учительскаго персонала... Послѣ совмѣстнаго обсужденія происшедшаго и личныхъ объясненій одного виновнаго (Ш.), генералъ-губернаторъ, оставшись наединѣ со мной, рѣшилъ предложить обоимъ виновнымъ оставить службу при гимназіи и выѣхать изъ края... Приказаніе это было исполнено. Обоимъ виновнымъ были выданы приличные аттестаты о службѣ... Въ разговорѣ со мной по этому дѣлу генералъ-губернаторъ былъ необыкновенно сдержанъ и благодушенъ, а одну потерпѣвшую сторону сердечно

жалѣлъ. Отдавая мнѣ приказаніе заготовить аттестатъ этой послѣдней, онъ участливо спросилъ меня: вы не находите затруднительнымъ для себя написать такъ, какъ рѣшено?—Я сказалъ, что не могу не сочувствовать несчастью сослуживцевъ,—и охотно исполнилъ приказаніе его высокопревосходительства. Такъ и было кончено это непріятное для гимназіи дѣло...

Въ воскресенье, 7-го января, въ женской гимназіи былъ устроенъ дѣтскій вечеръ. Генералъ-губернаторъ, встрѣченный мною и учительскимъ персоналомъ гимназіи, прошелъ въ большую классную комнату, въ которой были собраны ученицы гимназіи, и ласково поздоровался съ ними. Дѣти веселись. Въ числѣ развлеченій была устроена живая горка изъ гимназистокъ разныхъ возрастовъ. Нижніе ряды этой оригинальной горки были составлены изъ ученицъ низшихъ классовъ гимназіи, которыя расположились прямо на полу, а затѣмъ по возрасту сидѣли и стояли ученицы старшихъ классовъ; на самомъ верху сидѣла ученица Б., которая считалась лучшей ученицей въ гимназіи. Всѣ гимназистки, составлявшія эту живую горку, были одѣты въ русскія костюмы. При входѣ генералъ-губернатора, живая горка была освѣщена бенгальскимъ огнемъ, и генералъ видимо былъ доволенъ зрѣлищемъ. Подошедши къ маленькимъ дѣвочкамъ, онъ сказалъ: „Здравствуйте клопы!“ (Дѣвочекъ приготовительнаго класса онъ любилъ называть *клопами*, а ученицъ слѣдующихъ классовъ до IV включительно—*мартышками*)... Послѣ этого дѣти играли въ хороводъ, а въ заключеніе вечера пропѣли „Боже, Царя храни!“ и „Славься, славься, нашъ русскій Царь!“ Вечеръ продолжался до полуночи, и генералъ былъ все время благодушенъ, глядя на веселыя лица учащихся дѣтей.

Благодушное отношеніе генерала къ лицамъ учебнаго вѣдомства характеризуетъ также слѣдующій случай: въ одномъ учебномъ заведеніи гор. Ташкента письмоводитель просилъ пособіе, по случаю отъѣзда изъ края, и получилъ отказъ. Тогда онъ подалъ прошеніе генералъ-губернатору, и генералъ приказалъ выдать ему пособіе изъ спеціальныхъ средствъ учебнаго заведенія, въ кото-

торомъ тотъ служилъ. Начальникъ заведенія указывалъ при этомъ на установленный порядокъ, по которому спеціальныя средства расходуются *по представленію* начальника заведенія. Тогда генералъ задумался: не хотѣлось ему отказать просителю и не желалъ онъ быть нарушителемъ закона. Изъ этого затрудненія вывелъ его правитель канцеляріи, который разъяснилъ, что высшій начальникъ, имѣющій право разрѣшать расходъ, можетъ и предложить подчиненному произвести расходъ въ предѣлахъ закона.— Уяснивъ себѣ этотъ взглядъ, генералъ-губернаторъ, встрѣтивъ на вечерѣ женской гимназіи того начальника учебнаго заведенія, благодушно сказалъ ему: „А я всетаки правъ“... Никакихъ объясненій по этому поводу больше не было.

11-го января, четвергъ. Докладъ мой у генералъ губернатора прошелъ очень интересно. Я былъ добродушно встрѣченъ генераломъ: съ ласковымъ видомъ онъ подалъ мнѣ руку и пригласилъ тотчасъ же садиться. Первой бумагой я доложилъ генералу заготовленное отъ его имени представленіе къ военному министру о необходимости учредить новую должность „Инспектора народныхъ училищъ для Семирѣченской области“. По разсчету главнаго инспектора училищъ г. Куна, находившагося тогда въ Петербургѣ, военный министръ долженъ былъ испросить соизволеніе Государя на учрежденіе проектируемой должности, послѣ чего министру народнаго просвѣщенія, графу Толстому, было бы сообщено къ свѣдѣнію, что новая должность инспектора народныхъ училищъ уже открыта. Такимъ порядкомъ была открыта должность инспектора народныхъ училищъ Ферганской области; но на этотъ разъ генералъ-губенаторъ почувствовалъ самъ, что дѣло направляется неправильно и потому перечеркнулъ адресъ, а затѣмъ началъ черкать и текстъ представленія къ военному министру. Въ текстѣ представленія говорилось, что должность инспектора народныхъ училищъ объявляется открытою и что ее нужно только утвердить. Объ открытіи этой должности былъ уже заготовленъ приказъ для объявленій по краю... Но понятно, что и приказъ остался неподписаннымъ.—Генералу видимо не понравилось также,

что въ упомянутой бумагѣ инициатива дѣла приписывалась военному губернатору Семирѣченской области, генералу Колпаковскому, заботившемуся о народномъ образованіи, и потому генералъ-губернаторъ перечеркнулъ эти выраженія, передѣлавъ текстъ представленія отъ своего лица, какъ генералъ-губернатора. Такъ какъ представленіе это было проэктировано главнымъ инспекторомъ г. Куномъ, то я относился къ этой бумагѣ, какъ лицо постороннее. Мнѣ было очень замѣтно, что генералъ съ нѣкоторымъ волненіемъ перечеркивалъ бумагу и разсуждалъ вслухъ въ свое оправданіе, или лучше—для объясненія мнѣ его поправокъ въ заготовленномъ преставленіи. Окончивъ исправленіе бумаги генералъ-губернаторъ уже прямо, смотря на меня, сталъ говорить, что подчиненные ему военные губернаторы имѣютъ свои излюбленныя затѣи: одинъ—шоссейныя дороги, другой—общественныя зданія, а третій—мосты, которые каждый годъ ремонтируются. Это послѣднее относилось прямо къ генералу Колпаковскому. Генералъ Кауфманъ говорилъ это благодушно, съ открытой улыбкой... Чтобы перевести разговоръ съ личной почвы, онъ заговорилъ объ устройствѣ шоссейныхъ дорогъ во Франціи, гдѣ онѣ и строятся иначе и поддерживаются необыкновенно тщательно: тамъ на каждой полуверстѣ находится особый сторожъ, который постоянно сметаетъ соръ и навозъ съ дороги, захватываетъ его особымъ совкомъ и относитъ въ назначенный для того ящикъ. А у насъ, въ Туркестанскомъ краѣ, нельзя — говорилъ генералъ — устроить хорошее шоссе и тѣмъ болѣе невозможно, по недостатку средствъ, поддерживать его въ надлежащей чистотѣ и вообще въ порядкѣ.

Говоря о неурядицахъ въ женской гимназіи, генералъ высказалъ замѣчательное сужденіе, что считаетъ необходимымъ наказывать обоихъ ссорящихся и прибавилъ, что такъ онъ всегда поступалъ со своими дѣтьми и убѣжденъ, что если и большіе поссорятся, то бываютъ виноваты оба. По его убѣжденію, изъ двухъ поссорящихся виноватымъ бываетъ *одинъ* только въ томъ случаѣ, когда ихъ поссоритъ третій, а такимъ, въ большинствѣ случаевъ, бываетъ *полякъ*. Поляки, говорилъ генералъ,—нехорошій

народъ: они всѣ свои стремленія, всю свою душу полагаютъ въ томъ, чтобы поссорить двухъ русскихъ, которые, какъ бараны, гнутъ свою голову подъ польскую паутину".

Говоря о дѣтскихъ завтракахъ, генералъ-губернаторъ высказалъ, что ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ дозволять дѣтямъ брать у булочниковъ въ долгъ булки и пирожки, потому что это пріучаетъ дѣтей съ маленькихъ лѣтъ легко относиться къ долгамъ, что въ настоящее время замѣтно на большой части общества. „Нужно, говорилъ онъ, внушить дѣтямъ, что дѣлать долги составляетъ преступленіе, ничемъ не вызываемое и ничемъ не оправдываемое, и потому заслуживаетъ полнаго наказанія. Къ сожалѣнію часто учащіяся въ школахъ дѣти позволяютъ себѣ брать въ долгъ у булочниковъ булки и пирожки, скрывая это отъ родителей и учебнаго начальства". Въ заключеніе доклада генералъ предупредилъ меня, что на дняхъ будетъ осматривать русскія учебныя заведенія Ташкента авганскій сярдарь Абдурахманъ-ханъ*).

15-го января генералъ-губернаторъ возвратилъ мнѣ отчетъ мой по осмотру училищъ Сыръ-дарьинской и Семирѣченской областей**) и сказалъ, что онъ внимательно прочиталъ его и вполнѣ согласился съ моими заключеніями о ремесленной школѣ въ гор. Вѣрномъ и миссіонерской школѣ въ сел. Сарканѣ въ Семирѣченской области. Первую школу я находилъ нужнымъ закрыть, а для второй просилъ другого законоучителя, болѣе соотвѣтствующаго задачамъ миссіонерства. Генералъ-губернаторъ обратилъ вниманіе на это обстоятельство и приказалъ сообщить полностію

*) Это былъ внукъ Авганскаго хана Дость-Мухаммада отъ сына его Миръ-Авзаля. Хану Ширъ-Али Абдрахманъ приходился племянникомъ. По вступленіи на Авганскій престолъ Ширъ-Али-хана, 22-лѣтній Абдрахманъ-ханъ не хотѣлъ уступить дяди своему престола дѣда и въ начавшейся междуусобной войнѣ проявилъ военныя способности—сообразительность и храбрость... Послѣ разныхъ приключеній и неудачъ, онъ прибылъ въ Самаркандъ 13 февраля 1870 г. со свитой въ 221 чел. Ему было разрѣшено остаться въ Самаркандѣ, причемъ онъ получалъ отъ русскаго правительства сначала 18.000 р., а потомъ до 25.000 р. въ годъ.

**) Этотъ отчетъ, по распоряженію г. товарища министра народнаго просвѣщенія былъ напечатанъ въ Журналѣ Министерства Народн. Просвѣщенія за 1889 годъ.

мою запись о Сарканской мужской школѣ Туркестанскому Преосвященному съ просьбой замѣнить, если окажется возможнымъ, законоучителя другимъ лицомъ. „Дѣло миссіонерское и дѣло школы, —сказалъ генералъ-губернаторъ, —только тогда можетъ итти хорошо, когда въ него вкладывается душа, но не всякій способенъ отдаваться всею своею душой дѣлу, на немъ лежащему. Вообще картина Семирѣченскихъ училищъ не красивая. Дай Богъ успѣть намъ поставить это дѣло въ лучшее положеніе“...

Въ четвергъ, 25 января, я былъ принятъ генераломъ очень хорошо. Онъ былъ въ духѣ и очень много разговаривалъ. Говоря о значеніи народнаго образованія въ Ташкентѣ, генералъ высказался о необходимости объявить въ Ташкентѣ обязательное обученіе для дѣтей русскихъ жителей города. Главнымъ инспекторомъ училищъ Куномъ генералъ видимо былъ недоволенъ и высказалъ, что ждетъ, когда г. Кунъ подастъ въ отставку.

1-го февраля, четвергъ. Генералъ губернаторъ, по поводу нѣкоторыхъ частныхъ мыслей, высказанныхъ въ докладѣ —дѣлалъ замѣчанія, но всѣ вообще доклады утвердилъ. Между прочимъ онъ высказалъ, что законоучителю мужской прогимназіи свящ. Н. не слѣдовало бы давать вознагражденія за вечернія богослуженія, совершаемыя имъ въ прогимназіи, наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, такъ какъ священникъ Н. возбуждалъ этотъ вопросъ по чисто нравственнымъ и воспитательнымъ соображеніямъ, а свелъ его на деньги. Впослѣдствіи вопросъ о вознагражденіи законоучителей за совершеніе богослуженій въ учебныхъ заведеніяхъ снова возбуждался на практикѣ и былъ при генералѣ Черняевѣ рѣшенъ отрицательно, а при Баронѣ Вревскомъ снова законоучителямъ было разрѣшено вознагражденіе за совершеніе богослуженій.

Зашла рѣчь о садоводствѣ. Генералъ-губернаторъ высказалъ, что садоводство, кромѣ своего практическаго и гигіеническаго значенія для садоводовъ имѣетъ несомнѣнное вліяніе на смягченіе ихъ характера. „Всѣ садовники, —прибавилъ онъ, —люди съ

мягкимъ сердцемъ: растенія и цвѣты вліяютъ на садовниковъ облагораживающимъ образомъ".

6-го февраля, (вторникъ), въ 8 час. вечера, въ домѣ генералъ-губернатора и въ его присутствіи состоялось открытіе «Общества вспомоществованія бѣднымъ учащимся въ Ташкентскихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ». Особымъ объявленіемъ къ назначенному времени были приглашены въ генералъ-губернаторскій домъ члены-учредители, почетные и дѣйствительные члены общества для выбора членовъ правленія и для выслушанія отчета о суммахъ, поступившихъ въ распоряженіе Общества. По этому приглашенію, въ домъ генералъ-губернатора собралось до ста человѣкъ. Выборы производились закрытой баллотировкой.

Иниціатива учрежденія этого симпатичнаго общества принадлежала: В. П. Череванскому*), Н. М. Бахтіарову**), М. М. Янко***), свящ. В. М. Невоструеву, А. З. Стайновскому, А. Н. Вышнегорскому, А. П. Эльмановичу и А. В. Шельтингѣ. Эти лица еще въ 1877 г. ходатайствовали предъ главнымъ начальникомъ Турк. края объ учрежденіи въ Ташкентѣ общества вспомоществованія бѣднымъ учащимся въ Ташкентскихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и представили на усмотрѣніе его высокопревосходительства уставъ общества, который былъ утвержденъ г. Министромъ внутреннихъ дѣлъ 1 декабря 1877 года. 12 января 1878 года, въ день годовщины открытія перваго Россійскаго Университета, Генералъ-Адъютантъ фонъ-Кауфманъ объявилъ объ учрежденіи общества и на обѣдѣ лично предложилъ желающимъ записаться въ члены общества. Предложеніе генерала было встрѣчено сочувственно. Ко дню открытія дѣйствій общества (6 февраля 1879 г.) почетными членами общества состояли: Генералъ-

---

*) Управляющій Туркестанскою Контрольною Палатой, нынѣ Членъ Государственнаго Совѣта.

**) Управляющій Ташкентскимъ отдѣленіемъ Государственнаго Банка, нынѣ покойный.

***) Инспекторъ Ташкентской прогимназіи, нынѣ директоръ 5-й С.-Петербургской гимназіи.

Адъютантъ фонъ-Кауфманъ и 40 другихъ лицъ и 180 дѣйствительныхъ членовъ, а въ кассѣ общества было налицо 3096 р. 60 к.

8-го февраля, (четвергъ). Я былъ принятъ съ докладомъ очень хорошо. Во время доклада генералъ-губернаторъ между прочимъ разсказалъ мнѣ, что авганскій ханъ Ширъ-Али умираетъ отъ гангрены. Коснувшись отношеній англичанъ къ авганцамъ, генералъ, съ возмущеніемъ въ душѣ, назвалъ англичанъ *дьяволами* и прибавилъ при этомъ, что вовсе не удивляется безобразному поведенію англичанъ въ Азіи, такъ какъ во главѣ у нихъ сидитъ Биконсфильдъ, но что его удивляетъ остальная Европа, попускающая англичанамъ дѣлать всякія безобразія, особенно въ Азіи. Я сказалъ, что Европа мирволитъ англичанамъ, особенно когда ея политика вредитъ интересамъ Россіи, и прибавилъ, что въ этомъ случаѣ сказывается племенная вражда романскихъ народовъ къ славянскимъ. Но бывшій при этомъ начальникъ областного штаба полковникъ Фриде не хотѣлъ согласиться съ моимъ замѣчаніемъ и съ своей стороны сказалъ, что Европа, говоря о Россіи, постоянно твердитъ о ея варварствѣ. Послѣднее слово полковникъ Фриде подчеркнулъ и этимъ какъ бы и самъ высказалъ сочувствіе свое Европѣ въ ея взглядахъ на Россію.

12-го февраля, (понедѣльникъ). Я былъ приглашенъ къ генералъ-губернатору въ его городской домъ, вмѣстѣ съ другими военными и гражданскими чиновниками г. Ташкента, по случаю торжественнаго пріема авганскихъ пословъ*). Открытъ былъ парадный входъ. При дверяхъ стоялъ швейцаръ съ булавой, а далѣе —въ красныхъ фракахъ лакеи. Мы собрались въ красной гостиной, уставленной мебелью съ красной обивкой. Сюда же прибыли и авганскіе послы, въ сопровожденіи двухъ переводчиковъ: одинъ изъ нихъ переводилъ съ русскаго на англійскій слова генералъ-

*) Это были: двоюродный братъ Авганскаго хана, министръ иностранныхъ дѣлъ, казій и одинъ изъ придворныхъ хана. Они прибыли въ Ташкентъ 9-го февраля, одновременно съ русской миссіей, посланной въ Кабулъ еще въ прошломъ году; только врачъ Яворскій остался въ Мизаръ-и-Шарифѣ при Ширъ-Али ханѣ, впредь до его выздоровленія.

губернатора, а другой—съ персидскаго на русскій слова авганцевъ. Первымъ переводчикомъ былъ мусульманинъ-офицеръ русской службы, а вторымъ—чиновникъ канцеляріи генералъ-губернатора Малевинскій. Въ ожиданіи выхода генералъ-губернатора, мы всѣ стояли и переговаривались потихоньку другъ съ другомъ. Наконецъ, вышелъ адъютантъ и объявилъ, что сейчасъ выйдетъ генералъ-губернаторъ. При этихъ словахъ наши взоры обратились къ той двери, изъ которой долженъ былъ выйти генералъ Кауфманъ. Тотчасъ мы замѣтили, что изъ внутреннихъ комнатъ генералъ-губернаторскаго дома съ важностью выступалъ генералъ-губернаторъ въ полной генеральской формѣ, во Владимірской лентѣ и съ парадной саблей, спущенной почти до полу, а въ рукѣ держалъ генеральскую каску съ пышнымъ султаномъ. Генералъ сдѣлалъ поклонъ собравшимся и остановился, отставивъ немного одну ногу и опершись рукой на саблю. Въ это время онъ имѣлъ молодцоватый видъ, несмотря на свои почтенныя лѣта. (Генералъ Кауфманъ умѣлъ держать себя съ большимъ достоинствомъ и принималъ очень важную позу, когда этого требовали обстоятельства. Въ этомъ отношеніи онъ безусловно стоялъ выше всѣхъ Ташкентскихъ генераловъ, хотя между послѣдними также были лица видныя и представительныя). Раскланявшись съ нами и принявши отъ насъ отвѣтный поклонъ, генералъ съ важностью сѣлъ на диванъ за столъ очень ловко—грудью впередъ и покручивалъ время отъ времени свои густые усы. Послѣ обычныхъ привѣтствій посламъ, генералъ-губернаторъ, когда услышалъ отъ пословъ, что Ширъ-Али-ханъ выздоравливаетъ*), высказалъ, что онъ очень радъ этому извѣстію, такъ какъ считаетъ его своимъ другомъ и т. д. въ томъ же родѣ... Послы отвѣтили благодарностью за участіе Россіи въ судьбахъ Авганистана и высказали увѣренность, что генералъ-губернаторъ желаетъ имъ благополучія и успѣха. Генералъ-губернаторъ съ достоинствомъ сказалъ, что онъ во всемъ

*) Злая судьба неблагопріятствовала авганцамъ: когда они говорили, что ханъ ихъ выздоравливаетъ, онъ уже умеръ на самомъ дѣлѣ. Въ Ташкентѣ вскорѣ за этимъ было получено извѣстіе, что Ширъ-Али умеръ 9 февраля въ Мизаръ-и-Шарифѣ.

поступаетъ по волѣ своего Великаго Государя. Тогда послы начали восхвалять русскаго Императора, а генералъ-губернаторъ закончилъ ихъ рѣчь, сказавъ: „Да, Государь Россіи могущественный и сердечно-добрый“. Послы, въ свою очередь, сказали: „Такихъ Государей немного...“, а генералъ-губернаторъ съ важностью сказалъ: „Да“. Затѣмъ разговоръ шелъ о дорогѣ, о погодѣ, о пріемѣ пословъ въ разныхъ мѣстахъ ихъ длиннаго пути. Послы ловко отвѣчали, что трудности пути значительно облегчались ихъ надеждой увидѣть въ Ташкентѣ друга ихъ повелителя (подъ другомъ подразумѣвался генералъ-губернаторъ). Затѣмъ послы заявили, что въ Бухарѣ ихъ приняли ласково, а генералъ-губернаторъ сказалъ: „Мы съ Бухарой живемъ дружно; прежде немного ссорились, а теперь—ничего“... и улыбнулся немного.— Послы не преминули сказать генералъ-губернатору, что въ десять лѣтъ своего управленія Туркестаномъ онъ сдѣлалъ очень много хорошаго для этого края. Генералъ отвѣтилъ на это, что онъ сочтетъ для себя самымъ большимъ счастьемъ, если принесетъ мѣстному населенію пользу.—Послы на это сказали, что англичане несравненно менѣе заботятся о благѣ своихъ подданныхъ. Но генералъ-губернаторъ очень политично замѣтилъ: „И они иногда поступаютъ хорошо и скоро устраиваютъ свои дѣла“... На это послы, льстиво отвѣчали, что такихъ построекъ, какія есть въ Самаркандѣ и Ташкентѣ (подразумѣвались русскія постройки), они не видѣли въ Индіи и что если англичане и дѣлаютъ что-нибудь, то дѣлаютъ медленно.—Генералъ-губернаторъ просилъ пословъ быть въ Ташкентѣ, какъ у себя дома и осматривать все, что есть въ этомъ городѣ. Онъ пожелалъ посламъ, чтобы авганскія дѣла поскорѣе и благополучно окончились, чтобы Богъ помогъ Ширъ-Али-хану побѣдить англичанъ. На это послы сказали: „Мы надѣемся, что русскій Государь поможетъ намъ тѣмъ болѣе, что помочь намъ не трудно и удобно“. Но генералъ-губернаторъ дипломатично промолчалъ при этихъ словахъ. Затѣмъ, поговоривши еще немного съ послами, генералъ-губернаторъ простился съ ними, и послы откланялись.

Описанный разговоръ генералъ-губернатора съ послами происходилъ совершенно оффиціально, т. е. и генералъ-губернаторъ и послы стояли на ногахъ, а затѣмъ генералъ предложилъ посламъ сѣсть на кресла и стулья около стола, а самъ сѣлъ на диванъ и приказалъ подать чаю. Значительная часть разговора происходила за чаемъ. Послы имѣли смуглыя лица и коренастыя туловища. Одѣты они были въ новыя поддѣвки и новые сапоги. На узкихъ и короткихъ панталонахъ, выпущенныхъ сверхъ голенищъ, были нашиты позументы, вмѣсто кантовъ. Шапки у нихъ были англійскія съ перевязками: у одного сѣрая, а у остальныхъ—черныя, суконныя.

Проводивши пословъ, генералъ подходилъ къ разнымъ русскимъ чиновникамъ, присутствовавшимъ на описанной церемоніи, и разговаривалъ о разныхъ предметахъ, но о послахъ и о дѣлахъ авганскаго посольства не говорилъ ничего, потому что сознавалъ, что никакихъ результатовъ посольство имѣть не будетъ.

15-го февраля, (четвергъ). Генералъ былъ благодушенъ и по поводу отчета инспектора народныхъ училищъ Дм. М. Граменицкаго много говорилъ на тему о важности физическаго воспитанія и разсказалъ мнѣ о томъ, какъ онъ воспитывался самъ и какъ воспитывалъ своихъ дѣтей. Онъ сильно настаивалъ на физическихъ упражненіяхъ и, между прочимъ, на работѣ за верстакомъ. Здоровье своихъ дѣтей и ихъ умственное развитіе онъ приписывалъ исключительно своему взгляду на важность физическаго труда въ воспитаніи и на благотворное вліяніе его въ дѣлѣ общаго развитія дѣтей своихъ. Особенно онъ указывалъ на дочь свою, которая не отличилась крѣпкимъ физическимъ здоровьемъ, но, благодаря системѣ упражненій, выросла, развилась физически и умственно и была потомъ здоровой женой и хорошею матерью. Умными письмами ея генералъ восхищался. Говорилъ онъ и о сынѣ своемъ, что онъ иногда затруднялся рѣшить заданныя ему учителемъ ариѳметическія задачи и что въ подобныхъ случаяхъ генералъ приказывалъ ему оставить занятія книгой и итти къ верстаку... Послѣ упражненій на верстакѣ Мика (Михаилъ)

безъ труда рѣшалъ заданную задачу.—Все это генералъ говорилъ задушевно, просто и складно, и мнѣ пріятно было его слушать. Во время этого разговора вошелъ въ кабинетъ чиновникъ Малевинскій, который состоялъ при авганскихъ послахъ переводчикомъ. Онъ разсказывалъ о всѣхъ неудобствахъ, какія пришлось перетерпѣть русскимъ посламъ въ Авганистанѣ. Малевинскій говорилъ, что имъ въ Авганистанѣ было и голодно и холодно, и что путешествіе ихъ въ Авганистанъ до того утомило даже казаковъ, что они не могли выстаивать на караулѣ положенныхъ часовъ, что многіе изъ нихъ болѣли въ дорогѣ, а нѣкоторые не могли дойти до Ташкента и остались въ Самаркандскомъ госпиталѣ. Вообще, по словамъ Малевинскаго, русское посольство было обставлено дурно, потому что визирь не додавалъ нашему посольству отпускаемыхъ припасовъ, такъ что однажды генералъ Разгоновъ, находившійся во главѣ посольства, былъ вынужденъ отобрать силою у визиря отпущенные припасы. Въ противоположность этому, говорилъ Малевинскій, въ Ташкентѣ авганцы были обставлены очень хорошо и держали себя совершенно свободно, но квартиру, отведенную имъ, они загрязнили до такой степени, что даже проживавшій въ Ташкентѣ сердарь Абдурахманъ-ханъ былъ удивленъ нечистотою стѣнъ и половъ, произведенною авганцами. Въ то же время авганцы отличались большимъ вкусомъ: зашедши въ магазинъ, они стремились забрать что получше и подороже и особенно оказались падкими на ликеры и на сласти, которыхъ требовали непремѣнно въ жестяныхъ коробкахъ. О своей чести они имѣли очень своеобразное понятіе: въ театрѣ не хотѣли встать со стула и пройтись во время антракта. Одному, напримѣръ, захотѣлось въ театрѣ пить, и когда предложили ему отправиться въ буфетъ, гдѣ обѣщали лимонаду, онъ не согласился. Другой сѣлъ на чужой стулъ и съ трудомъ согласился уступить его. Авганскаго хана Малевинскій хвалилъ, какъ человѣка умнаго и прибавилъ, что онъ часто разсматривалъ фотографическія карточки Туркестанскихъ генераловъ.

15-го февраля (четвергъ) былъ окончательно рѣшенъ генераломъ вопросъ объ учителѣ Т., судьба котораго заслуживаетъ

вниманія. Это былъ способный молодой человѣкъ, служившій надзирателемъ при Омскомъ кадетскомъ корпусѣ, но почему-то вздумалъ перевестись въ учебный округъ Туркестанскаго края. Получивъ увѣдомленіе о назначеніи въ одно изъ городскихъ училищъ края, онъ выѣхалъ изъ Омска, а вслѣдъ за нимъ было выслано цѣлое дѣло о долговыхъ его обязательствахъ, всего на тысячу слишкомъ руб. По дорогѣ онъ еще прибавилъ долговъ. На видъ онъ былъ приличенъ, но вскорѣ оказалось, что онъ подверженъ слабости выпивать и увеличивать свои долги. Наконецъ, ему было предложено взять отпускъ и выѣхать въ Европейскую Россію безвозвратно. Генералъ-губернаторъ, которому я докладывалъ это дѣло, сначала колебался, но потомъ согласился на увольненіе его и назначилъ этому несчастному субъекту щедрое пособіе на выѣздъ (300 р., за удержаніемъ 10% въ инвалидный капиталъ). Прошло недѣли двѣ послѣ этого, и Т. выслалъ другое прошеніе, въ которомъ писалъ, что двѣ недѣли назадъ онъ имѣлъ попутчика, и ему было бы тогда достаточно 270 р. на отъѣздъ, а теперь попутчикъ уѣхалъ и потому Т. проситъ прибавить пособія.—Тогда генералъ-губернаторъ увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ потеряннымъ человѣкомъ, котораго необходимо выпроводить изъ края, и разрѣшилъ выдать ему полностію 300 руб.

Я высказалъ при этомъ, что Т.—человѣкъ мало надежный, что опасно выдавать ему на руки всю сумму, а лучше просить уѣзднаго начальника распорядиться отправленіемъ этого господина. Генералъ колебался было, находилъ это неудобнымъ, но потомъ согласился... Послѣ получено было донесеніе, что бывшій учитель Т. доѣхалъ только до Казалинска, гдѣ и умеръ...

Учебное вѣдомство, въ первое десятилѣтіе своей дѣятельности, имѣло дѣло и съ другими подобными субъектами, а потому генералъ-губернаторъ особенно цѣнилъ людей трезвыхъ и преданныхъ дѣлу и всегда отличалъ ихъ своимъ высокимъ вниманіемъ и участіемъ къ ихъ службѣ. Я помню, какъ одинъ разъ генералъ напутствовалъ отправлявшагося къ мѣсту назначенія народнаго учителя: послѣ разныхъ наставленій и благожеланій,

генералъ подалъ ему руку, а затѣмъ поотечески перекрестилъ его*). И это генералъ сдѣлалъ съ особымъ чувствомъ.

22-го февраля, четвергъ. Генералъ-губернаторъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо, подалъ руку и спросилъ: „Какъ себя чувствуете?“ Я сказалъ: „хорошо“ А онъ на это замѣтилъ: „это лучше всего“. Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ сѣсть и доложить ему бумаги. Просмотрѣвъ заготовленныя мною бумаги, онъ положилъ соотвѣтствующія резолюціи, а заготовленное на имя Министра народнаго просвѣщенія отношеніе объ экзаменахъ на классный чинъ генералъ не подписалъ, замѣтивъ въ немъ неправильности въ изложеніи, исправилъ самъ эту бумагу и приказалъ переписать ее.

Былъ докладъ объ ученицѣ Чимкентскаго училища, сартянкѣ, мать которой просила пособія. Это была вторая по счету туземка, мусульманская дѣвица, учившаяся въ русской правительственной школѣ. Мать ея бѣдная; иначе бы не отдала она свою дочь въ русскую школу. Очевидно, эту бѣдную женщину уговорили отдать свою дочь учиться, обѣщая ей, т. е. матери, денежную помощь. И вотъ учительница проситъ денежную награду матери. Генералъ-губернаторъ долго думалъ надъ этимъ и наконецъ сказалъ: „Этой еще можно помочь; ну, а если будетъ третья и четвертая сартянка въ нашихъ школахъ? Тогда что? Вѣдь, денегъ не хватитъ... И не значитъ ли это, что мы *нанимаемъ* учиться дѣтей сартовъ?“... Я сказалъ: „Да, конечно, такъ; но на первый разъ можно допустить и это, тѣмъ болѣе, что въ Симферополѣ при открытіи русской правительственной школы для татаръ, нанимали же учиться сыновей татаръ; тамъ каждый татарскій пансіонеръ стоилъ русскому правительству до 1000 рублей. И при всемъ этомъ охотниковъ было не много“. Генералъ-губернаторъ сказалъ на это: „У насъ, значитъ, дѣло стоитъ лучше: у насъ туземные мальчики учатся

*) Припоминаю также, что подобнымъ же образомъ генералъ напутствовалъ маіора Пѣвцова, отправлявшагося въ Хиву: генералъ пригласилъ его при мнѣ въ кабинетъ, спросилъ о томъ, какъ онъ подготовился къ трудному переѣзду, а затѣмъ пожелалъ ему счастливаго пути и перекрестилъ,

даромъ, а только дѣвочкамъ приходится платить... Но что же дѣлать? Надо дать просительницѣ.“ Я замѣтилъ, что надо дать меньше, а генералъ сказалъ: „Если первой я даю по пяти рублей въ мѣсяцъ, то и этой надо дать столько же.“ Потомъ онъ подумалъ и сказалъ: „Дамъ я ей три рубля“ и переправилъ цифру 5 на 3. Затѣмъ онъ еще подумалъ и сказалъ: „Лучше будетъ, если обѣимъ давать поровну, т. е. (5+3:2)=4 р.“. И такъ положилъ резолюцію. Было ясно видно, что генералъ-губернаторъ желалъ приласкать новую туземную просительницу, подобно первой, въ интересахъ пріученія туземныхъ дѣвицъ къ русской школѣ, но въ то же время онъ сознавалъ неудобство денежныхъ выдачъ за ученье на будущее время. Генералъ дорожилъ обученіемъ двухъ туземныхъ дѣвицъ въ русской школѣ, но въ то же время понималъ, что оба эти факта создались искусственно. Къ тому же онъ опасался, что денежныя выдачи могли развить особый родъ эксплуатаціи со стороны туземцевъ... Но этого не было: сартянки болѣе въ русскихъ школахъ не обучались; въ женской гимназіи обучались потомъ дочери татаръ и киргизъ.

Ко мнѣ генералъ-губернаторъ продолжалъ быть очень внимательнымъ. Въ этотъ день, во время доклада, когда генералу поданъ былъ стаканъ чая, онъ приказалъ подать и мнѣ стаканъ и предложилъ къ чаю лимонъ. По окончаніи доклада, генералъ подарилъ мнѣ первый томъ Указателя Межова къ Туркестанскому Сборнику и надписалъ на Указателѣ: „Николаю Петровичу Остроумову отъ К. П. фонъ-Кауфмана I“. (Годъ, мѣсяцъ, число), а когда я откланялся, онъ ласково протянулъ мнѣ руку.

1-го марта, четвергъ. Генералъ-губернаторъ былъ, очевидно, не въ духѣ. Представленный Самаркандскимъ инженеромъ Жижемскимъ планъ зданія Самаркандскаго городскаго училища (удобный и красивый) онъ очень оригинально сократилъ. На планѣ зданіе раздѣлялось корридоромъ по всей длинѣ его на двѣ части. Генералъ-губернаторъ предварительно спросилъ меня, какія комнаты можно исключить безъ ущерба для учебнаго дѣла, какъ-то: красивый вестибюль, карцеръ и еще какую-то комнату, и затѣмъ,

отмѣтивъ нужныя для училища комнаты, расположилъ ихъ по одну сторону корридора, потомъ по линейкѣ провелъ на планѣ черту во всю длину проэктированнаго зданія и сказалъ: „Вотъ такъ и сократить постройку, на которую, по представленному генераломъ Ивановымъ плану, нѣтъ денегъ“.

Генералъ не сталъ читать моего доклада (можетъ быть, онъ былъ утомленъ) и, оставивъ бумаги мои на своемъ столѣ, позвалъ меня гулять съ собой въ садъ. Мы долго ходили по разнымъ аллеямъ, и генералъ старался показать мнѣ всѣ прелести своего сада, созданнаго имъ, по его собственнымъ словамъ, почти изъ ничего. Вотъ его подлинныя слова: „Я создавалъ этотъ садъ почти изъ ничего; никому не было до него дѣла, а я старался и трудился и сдѣлалъ то, чего никто не ожидалъ“. Дѣйствительно, устроенный генералъ-губернаторомъ садъ очень хорошъ. Садъ съ большимъ вкусомъ распланированъ, и генералъ сдѣлалъ изъ него пріятное мѣсто гулянья для всего Ташкента.

Возвратившись изъ сада, генералъ передалъ мнѣ высланную ему главнымъ инспекторомъ инструкцію для инспекторовъ народныхъ училищъ Туркестанскаго края. Проэктъ этой инструкціи былъ составленъ мною, на основаніи существующей уже инструкціи для инспекторовъ народныхъ училищъ въ Россіи, но примѣнительно къ Туркестанскому краю. Главный инспекторъ хотѣлъ подчинить инспектору и мусульманскія школы, а генералъ-губернаторъ былъ противъ этого. Онъ не допускалъ вмѣшательства русскаго инспектора во внутренній строй мусульманскихъ школъ. Генералъ-губернаторъ въ этомъ дѣлѣ держался своего взгляда, что если мусульмане не хотятъ вводить въ своихъ школахъ русскаго языка и европейскихъ наукъ, то русскому инспектору въ этихъ школахъ дѣлать нечего*).

15-го марта, четвергъ. Докладъ мой продолжался не долго. Генералъ былъ благодушенъ. Прочитавъ предложеніе Министра народнаго просвѣщенія о возможно большемъ распространеніи въ

*) См. соотвѣтств. §§ инструкціи.

школахъ обученія ремесламъ, онъ высказалъ, что душевно сочувствуетъ этому предложенію, но прибавилъ при этомъ, что смотритъ на занятія дѣтей ремеслами въ школахъ не съ *утилитарной* только точки зрѣнія, а главнымъ образомъ съ чисто педагогической, какъ на занятія, дающія дѣтямъ отдыхъ отъ умственнаго труда, послѣ котораго дѣти съ большею охотою и съ большимъ вниманіемъ продолжали бы свои занятія учебными предметами. Что же касается собственно ремесленной выучки, то генералъ довольствовался ознакомленіемъ мальчугановъ съ основными пріемами ремесла и умѣньемъ обращаться съ инструментами. Дальнѣйшіе успѣхи въ ремеслѣ генералъ справедливо предоставлялъ будущему времени, когда ученики оставятъ школу и остановятся на какомъ-нибудь опредѣленномъ занятіи. Министерскія училища (въ Туркестанскомъ краѣ *Городскія* по положенію 1872 г.) не суть спеціально ремесленныя училища, а потому спеціальное изученіе ремесла и не могло считаться ихъ цѣлью, а между тѣмъ оставленіе учениковъ въ школѣ послѣ уроковъ утомляло бы ихъ и пріучало бы къ небрежному занятію такимъ полезнымъ дѣломъ. Взглядъ покойнаго генералъ-губернатора на занятія дѣтей ремеслами сходился со взглядомъ лучшихъ мыслителей*). Поэтому въ Ташкентскомъ городскомъ училищѣ ремесленныя занятія чередовались съ уроками по разнымъ учебнымъ предметамъ (см. *росписаніе уроковъ* въ училищѣ того времени).—По окончаніи доклада, генералъ пожалъ мнѣ руку и пожелалъ быть здоровымъ.

5-го апрѣля (четвергъ), по поводу сообщенія Министерства о порядкѣ пріема въ вѣдѣніе Министерства зданій отъ обществъ и частныхъ лицъ, генералъ спросилъ меня, не имѣю ли я высказать что-нибудь по поводу этихъ правилъ. Я отказался что-нибудь высказать, потому что встрѣтился съ этимъ вопросомъ въ первый разъ. Тогда генералъ задумался, сталъ снова читать министерскую бумагу и наконецъ сказалъ: „Я нахожу несправед-

*) Ремесленные классы при Ташкентскомъ городскомъ училищѣ имѣли свою печальную исторію, какъ было замѣчено выше. Объ этомъ дѣлѣ имѣются свѣдѣнія въ журналахъ Ташкентской Городской Думы.

ливымъ настойчивое требованіе Министерства относить на счетъ жертвователей даже расходы по совершенію нотаріальныхъ актовъ о передачѣ зданій въ собственность учебнаго вѣдомства, а также всѣ капитальные ремонты, страхованіе и прочее,—въ случаѣ временной уступки домовъ подъ училища".

Читая секретное сообщеніе Министерства объ уволенныхъ студентахъ Харьковскаго ветеринарнаго института, замѣшанныхъ въ разныхъ безпорядкахъ, генералъ съ чувствомъ сказалъ: „Какъ это жаль! Теперь эти студенты еще не революціонеры, а послѣ исключенные легко могутъ сдѣлаться такими, хотя и то правда, что и начальству института трудно выйти изъ своего положенія". На эту тему и въ томъ же родѣ генералъ-губернаторъ говорилъ съ чувствомъ и смѣло, и я невольно подумалъ, что ген. Кауфманъ былъ въ лучшихъ условіяхъ, нежели попечители уч. округовъ, такъ какъ, по своему особому положенію, не боялся высказываться смѣло предъ Министерствомъ. Онъ имѣлъ очень большія полномочія и распоряжался въ Туркестанскомъ краѣ самостоятельно, а иногда даже предупреждалъ своими распоряженіями высшую правительственную власть, которой оставалось только соглашаться съ его распоряженіями и утверждать ихъ въ законодательномъ порядкѣ.

12-го апрѣля, четвергъ. Во время доклада генералъ-губернаторъ совершенно неожиданно для меня спросилъ, не замѣтилъ ли чего-нибудь нигилистическаго въ N. Я рѣшительно сказалъ, что ничего подобнаго не замѣчалъ въ немъ и не допускаю. Вопросъ генералъ-губернатора поразилъ меня своею неожиданностью; вѣроятно, генералъ былъ кѣмъ-нибудь настроенъ противъ N, но послѣ моего отвѣта замолчалъ. Въ самомъ дѣлѣ, N не былъ нигилистомъ.

19-го апрѣля (четвергъ) докладъ мой прошелъ благополучно. Генералъ былъ благодушенъ, равно какъ и 26-го апрѣля (четвергъ). Въ этотъ разъ генералъ-губернаторъ между прочимъ съ одушевленіемъ говорилъ о необходимости составить для чтенія туземцевъ книгу по русской исторіи въ біографіяхъ ея знаменитѣйшихъ дѣятелей, по плану книги пр. Костомарова, но отнюдь

не въ духѣ этой книги. Книгу Костомарова „Русская Исторія въ разсказахъ для учителей“, генералъ-губернаторъ не одобрялъ и сказалъ, что Костомаровъ не высоко стоитъ въ его глазахъ, какъ *русскій* человѣкъ... При этомъ генералъ прибавилъ, что Костомаровъ, когда проѣзжалъ черезъ Вильну, то очень уже братался съ поляками*), а поляковъ генералъ-губернаторъ не любилъ по личнымъ воспоминаніямъ своей службы въ сѣверо-западномъ краѣ. Поэтому, когда онъ упомянулъ о Костомаровѣ, что онъ братался съ поляками, то воодушевился и съ большимъ паѳосомъ разсказывалъ о своемъ сынѣ, какъ онъ, когда учился дома, всегда писалъ Россію огромными буквами, а Англію—маленькими, и какъ Мика (сынъ) съ сестрой своей, послѣ разсказа учителя Вигилянскаго объ отступленіи французовъ изъ Москвы, кричали въ восторгѣ: „ура!“ Во время разсказа патріотическое одушевленіе генерала возрастало, и онъ неумолкаемо продолжалъ говорить о подвигахъ русскихъ героевъ. Вспомнивъ предсмертныя слова Святослава: „Ляжемъ костьми ту“, генералъ снова ругнулъ Костомарова за то, что онъ всю Русскую исторію до Св. Владиміра считалъ миѳомъ. „Во всякомъ случаѣ,—сказалъ генералъ,— еслибы даже Святославъ и не говорилъ такихъ словъ, то и тогда слѣдовало бы удержать ихъ въ разсказѣ. Слова эти—прекрасныя слова: они сильны,

*) Графъ М. Д. Бутурлинъ, въ своихъ «Запискахъ» разсказываетъ:

Въ 1860 г. князь Александръ Ѳеодоровичъ Голицынъ былъ предсѣдателемъ слѣдственной и секретной комиссіи по дѣлу о безумномъ заговорѣ нѣсколькихъ Малороссійскихъ студентовъ Петербургскаго и Московскаго университетовъ, цѣлью коего было оторгнуть отъ Россіи Малороссію и изъ послѣдней сдѣлать независимое государство. Подробности заговора остались тайной для публики, и неизвѣстно также, были ли эти юные конспираторы въ сношеніи съ Лондонскими герценистами. Въ обществѣ былъ говоръ, что въ Петербургскихъ казематахъ сидѣло значительное количество этой молодежи. Украинофильство или, точнѣе, малороссофильство, было тогда въ ходу и привилось, какъ модная страсть, къ нѣкоторымъ чисто-великороссійскимъ юношамъ, изъ числа которыхъ, я знавалъ одного Москвича. Этому отчасти, хотя, конечно, безсознательно способствовалъ нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ. Его аповеозъ Юрія Хмельницкаго и другія, можетъ быть, журнальныя статьи развивали это увлеченіе; а что до него лично, мнѣ сообщилъ одинъ достовѣрный человѣкъ, что популярность Н. И. Костомарова въ Малороссійскихъ губерніяхъ доходила до того, что тамошніе жители заказывали чайные сервизы съ его портретомъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что одновременно съ этимъ малороссофильствомъ польская молодежь въ югозападномъ (вѣроятно и въ

естественны и пригодны не только для своего времени, но и для настоящаго". По этому поводу, генералъ сказалъ, что ему самому въ Средней Азіи приходилось быть въ такихъ же положеніяхъ, въ какомъ былъ и Святославъ*), и что тогда ему ничего другого не оставалось думать, кромѣ того, что думалъ и сказалъ Святославъ.

Возвратившись снова къ разговору о „Россійской исторіи въ разсказахъ для народа", генералъ продолжалъ: „Такую книгу было бы полезно перевести потомъ на языкъ киргизъ и сартовъ, и тогда эта книга лучше всякихъ другихъ книгъ могла бы сблизить Туркестанскихъ туземцевъ съ Россіей, заставила бы ихъ полюбить Россію и уважать ее". Я сказалъ ему, что въ настоящее время, у составителей исторіи для народа строго научное стремленіе въ изложеніи историческихъ фактовъ преобладаетъ иногда въ ущербъ патріотизму и что нѣмцы въ этомъ случаѣ болѣе насъ послѣдовательны: у нихъ учебникъ отечественной исторіи не можетъ быть съ отрицательнымъ направленіемъ. Генералъ добродушно сказалъ при этомъ: „Я считаю дикой затѣей писать учебникъ русской исторіи безъ патріотизма": направленіе Костомарова, высказанное имъ въ его «Исторіи», разоблачатъ послѣ его смерти, а теперь боятся нападать на него, потому что онъ *зубастъ***).

сѣверозападномъ) краѣ вдалась въ казакофильство и мечтала о возстановленіи Запорожской Сѣчи совокупно съ возстановленіемъ границъ старой Рѣчи Посполитой. Цѣль была, конечно, враждебная Русскому правительству, но въ тоже время и демократическая, и какъ шляхетскій протестъ противъ высшей польской аристократіи. За одно ли было съ польско-католическимъ казакофильствомъ православное украинофильство, сказать не могу; но немудрено, что первое, маскируя настоящую свою цѣль, успѣло заманить въ свой лагерь кое-кого изъ чисто-малороссійскихъ патріотовъ. (Изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей этого полонизованнаго казакофильства былъ извѣстный Чайковскій, бѣжавшій въ Турцію и тамъ сдѣлавшійся ренегатомъ подъ именемъ Садыкъ-паши; онъ принялся организовать Задунайскихъ казаковъ-раскольниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Некрасовцевъ). Цѣли были разныя, но оба направленія сходились въ одномъ: отдѣлиться, во что бы ни стало, отъ Россіи. (Рус. Архивъ 1898 г. кн. 10, стр. 174—175).

*) Очевидно, генералъ имѣлъ въ виду хивинскій походъ, во время котораго отрядъ его не одинъ разъ находился въ критическомъ положеніи при невѣроятной борьбѣ съ пустынной безводной природой и при неожиданныхъ нападеніяхъ непріятеля.

**) Очень любопытно поэтому прочитать слѣдующій отрывокъ изъ напечатанной въ 1889 году (послѣ смерти Костомарова) книги Д. Щеглова: «Исторія соціальныхъ системъ отъ древности до нашихъ дней»: «Костомаровъ подвергъ истинному поруганію

Генералъ просилъ меня написать въ Казань, не найдется ли тамъ охотника составить книжку для чтенья по русской исторіи въ указанномъ направленіи за приличное вознагражденіе*) и добавилъ, что составленіе такой книги было давнишнею излюбленною его мыслію, которая возникла въ его головѣ еще во время службы его въ Виленскомъ уч. округѣ, и что тогда онъ самъ готовъ былъ приняться за составленіе книги для дѣтей по русской исторіи. Генералъ упомянулъ при этомъ, что тогда же онъ энергично хлопоталъ о постоянномъ *русскомъ* театрѣ въ Вильнѣ и разсчитывалъ на просвѣтительное въ *русскомъ* духѣ значеніе его въ сѣверо-западномъ краѣ**).

Продолжая говорить о принятой имъ въ Туркестанскомъ краѣ системѣ образованія инородцевъ, генералъ высказалъ, что вѣритъ въ эту систему и готовъ поддерживать ее, но что, къ его сожалѣнію, эта система еще не вошла въ сознаніе наличныхъ дѣяте-

---

все, что въ русской исторіи имѣетъ неоспоримое право на уваженіе истинно-русскихъ людей,—начиная съ первыхъ князей, которые для него только разбойники и грабители. Владиміръ Мономахъ, Василько, Андрей Боголюбскій—это люди своекорыстные, жестокіе, способные на гнусное злодѣяніе. Дмитрій Донской—трусъ, человѣкъ неблагородный; Пожарскій, Мининъ, Скопинъ-Шуйскій—лица двусмысленныя, своекорыстныя, лживыя и т. п. Самопожертвованіе Сусанина—миѳъ, т. е. фактъ, никогда не существовавшій. И эти дѣтски-легкомысленныя характеристики, эти противо-научныя положенія не встрѣтили отпора не только въ массѣ читателей, въ толпѣ, но и въ тѣхъ, которые по праву могутъ считать себя представителями такъ называемой интеллигенціи, въ руководителяхъ періодическихъ органовъ литературы. Кромѣ Погодина, который много раньше и неоднократно былъ осмѣянъ и ославленъ, какъ человѣкъ отсталой, обскурантъ и квасный патріотъ, никто изъ представителей печати не возвысилъ голоса въ защиту славной памяти печальниковъ, заступниковъ и освободителей русской земли». (Томъ II, стр. 569).

*) Эта мысль генерала Кауфмана въ 1896 году нашла оправданіе въ Министерствѣ народ. просв., которымъ были объявлены тогда конкурсъ и программа «Исторіи Россіи для народа» на соисканіе премія Петра Великаго; но къ назначенному сроку (1 ноября 1896 г.) не было представлено ни одного сочиненія по означенному предмету, и срокъ конкурса былъ продолженъ до 1 ноября 1898 г. (Правит. Вѣстн. 1897 г. № 82).

**) Объ этомъ я прочиталъ въ Нов. Вр. за 1891 г. въ № 5590 (отъ 21 сентября) слѣдующую интересную выписку изъ письма К. П. Кауфмана къ М. Н. Каткову, писаннаго въ 1865 году: «Въ Западномъ краѣ театръ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, долженъ служить подспорьемъ общему дѣлу, долженъ содѣйствовать къ воздѣлыванію нравственной почвы здѣшней публики на началахъ чисто-русской жизни... Въ настоящее время здѣсь еще мало русскихъ людей, русское общество до того еще не окрѣпло, что рус-

лей Туркестанскаго края. Основными положеніями системы генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана I-го были: невмѣшательство въ религіозную жизнь туземцевъ, изолированіе киргизъ отъ вліянія татаръ и сартовъ и воспитаніе дѣтей киргизъ вмѣстѣ съ русскими дѣтьми въ правительственныхъ школахъ. Въ мусульманскихъ школахъ генералъ желалъ бы постепенно вводить русскій языкъ и другія общечеловѣческія знанія, но не настаивалъ на этомъ, опасаясь фанатизма мусульманъ. Вотъ въ этихъ-то основныхъ положеніяхъ своихъ «устроитель края» и не встрѣчалъ полной поддержки. Такъ, напримѣръ, Казалинскій уѣздный начальникъ все свое участіе въ столь важномъ дѣлѣ проявилъ тѣмъ, что, не думая о взглядахъ генералъ-губернатора на киргизъ, обрядилъ ихъ дѣтей, пансіонеровъ Казалинскаго интерната, въ азіатскіе халаты и въ красивыя татарскія тюбетейки, а Кураминскій уѣздный начальникъ высказывалъ, что дѣтей туземцевъ непремѣнно слѣдуетъ держать по-туземному и въ русской школѣ и въ пансіонѣ.

Въ разговорѣ пришлось коснуться между прочимъ креще-

скому человѣку здѣсь некогда отдыхать, какъ онъ отдыхаетъ внутри Россіи. Поэтому въ досужное время, особенно въ театрѣ, ему можно желать не такого развлеченія, которое отстраняетъ его мысли отъ серьезной дѣятельности, а такого, которое настраиваетъ его на оную, даетъ ему новые источники силъ для дѣятельности и борьбы съ враждебными элементами. Здѣсь почти потребностью для русскаго общества становятся пьесы изъ народнаго быта и пьесы историческаго содержанія. Напоминая или свѣтлыя стороны народной жизни, или славное былое, онѣ даютъ нравственную поддержку каждому русскому и поселяютъ увѣренность въ будущемъ торжествѣ нашего дѣла. Ополяченному, или, какъ оно себя называетъ, польскому обществу необходимо ознакомленіе съ правдивою русскою жизнью, съ нашею историческою драмой, со славными подвигами русскаго царства и русскихъ героевъ, съ нравами и обычаями нашей жизни. Нельзя отрицать нѣкотораго стремленія этого общества къ такому ознакомленію. Что же касается еврейскаго общества, то на него театръ можетъ имѣть сильнѣйшее вліяніе, чѣмъ на кого-либо, при его впечатлительности и страсти къ зрѣлищамъ. Не смотря на борьбу старой еврейской партіи съ новою, евреи весьма охотно посѣщаютъ театръ, не исключая и шабашныхъ дней, особенно если даются пьесы, относящіяся до ихъ быта. Евреи очень мало читаютъ русскія книги, и для нихъ театръ есть наплучшій проводникъ русскаго просвѣщенія. Черезъ посредство театра можно вызвать броженіе въ еврейской массѣ, что будетъ содѣйствовать къ усиленію новой, прогрессивной еврейской партіи, тогда какъ умственный застой всегда усиливаетъ только старую. Такія пьесы, какъ «Дебора», «Менахимъ бенъ-Израиль», «Уріель-Акоста», здѣсь были бы весьма полезны».

нія одной сартянки въ Самаркандѣ. Генералъ опредѣленно высказался, что находитъ вообще стремленіе русскихъ мѣстныхъ священниковъ къ прозелитизму несвоевременнымъ и разсказалъ, что въ Самаркандѣ свящ. Высоцкій дошелъ до непріятностей съ генераломъ Ивановымъ по поводу крещенія одной сартянки, убѣжавшей изъ публичнаго дома, чтобы креститься. Генералъ Ивановъ не одобрялъ желанія свящ. Высоцкаго окрестить бѣглую сартянку, а тотъ настаивалъ. Генералъ-губернаторъ сказалъ по этому поводу, что для русскаго православія не составляетъ большой находки окрестить случайную сартянку, прибѣгающую къ покровительству церкви по побужденіямъ чисто внѣшнимъ и, можетъ быть невысокимъ*). По этому поводу генералъ сказалъ, что путь къ распространенію евангелія среди туземцевъ должна подготовить русская школа.

Была рѣчь въ этотъ разъ и о преступной пропагандѣ въ Россіи. Генералъ сказалъ, что правительству не удастся никакими мѣрами задавить эту пропаганду, если само русское общество не будетъ чуждаться пропагандистовъ, а общество наше, прибавилъ онъ, не развито, къ сожалѣнію,—и мы оказались застигнутыми врасплохъ. Я по этому поводу сказалъ, что и въ нашихъ школахъ больше *учатъ*, а *не воспитываютъ*, вслѣдствіе чего наши юноши легко поддаются вліянію пропагандистовъ разныхъ теорій, которыми неопытные юноши увлекаются и иногда совсѣмъ погибаютъ. Генералъ согласился съ этимъ.

Вообще въ этотъ день генералъ очень много и охотно говорилъ со мной на разныя темы. Говорилъ онъ съ большимъ одушевленіемъ, а я съ большимъ удовольствіемъ слушалъ его и какъ могъ поддерживалъ этотъ разговоръ. При своей симпатичности и образованности, генералъ Кауфманъ, когда бывалъ въ духѣ,

---

*) Извѣстные мнѣ случаи крещенія туземцевъ въ Туркест. краѣ, при неорганизованности этого важнаго дѣла, сопровождались результатами нерадостными. Въ Копалѣ я видѣлъ одного калмыка, отъ своихъ отставшаго и къ русскимъ не пристававшаго, а въ Ташкентѣ и до сихъ поръ влачатъ жалкое существованіе сартянка со взрослымъ сыномъ, которые послѣ крещенія трудиться не пожелали и не трудятся, а стараются жить на счетъ христіанъ.

умѣлъ заинтересовать своего собесѣдника и, одушевляясь самъ, одушевлялъ и того, кто его слушалъ и кто разговаривалъ съ нимъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ отличался особеннымъ умѣньемъ заставить своего собесѣдника не стѣсняться.

8-го мая 1879 г. въ № 18 Туркестанскихъ Вѣдомостей напечатана замѣтка А. Андреевскаго о числѣ дѣтей въ русской части г. Ташкента. Въ этой замѣткѣ приведены свѣдѣнія о числѣ русскихъ дѣтей обоего пола, находящихся въ русскомъ Ташкентѣ, именно: мальчиковъ 1118 человѣкъ и дѣвочекъ 1075, а всего 2193 дѣтей. Изъ нихъ въ мужской прогимназіи и женской гимназіи обучалось 272, въ приходскихъ училищахъ 129 и дома— 120 дѣтей. Семи лѣтъ и моложе было 745 мал. и 728 дѣв. Свѣдѣнія эти были собраны г. Андреевскимъ вслѣдствіе личнаго приказанія генералъ-губернатора, который былъ занятъ тогда вопросомъ о введеніи обязательнаго обученія въ г. Ташкентѣ, но этотъ вопросъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе.

9-го мая я былъ у генералъ-губернатора*) и имѣлъ продолжительный разговоръ съ нимъ объ учебныхъ дѣлахъ и главнымъ образомъ объ образованіи дѣтей туземцевъ, о чемъ я потомъ (см. ниже) составилъ замѣтку для Туркестанскихъ Вѣдомостей.

Въ субботу, 12-го мая, въ 9 часовъ утра генералъ-губернаторъ выѣхалъ въ Петербургъ и пробылъ въ отъѣздѣ до 5-го ноября. Провожали генерала торжественно. Близъ извѣстной избушки (на чимкентской дорогѣ) былъ устроенъ завтракъ, въ которомъ участвовало 114 человѣкъ. По окончаніи завтрака, генералъ и провожавшіе его были сняты на фотографію. Генерала проводили съ самыми лучшими пожеланіями.

---

*) Въ этотъ разъ генералъ совсѣмъ переконфузилъ меня своимъ особымъ вниманіемъ. Собрались къ нему представляющіеся чиновники (военные и гражданскіе). Ихъ было много, и я сталъ во второмъ ряду за спинами тѣхъ, которые были въ первомъ ряду. Генералъ вышелъ, поклонился, обвелъ всѣхъ своимъ добрымъ взглядомъ и, замѣтивъ меня во второмъ ряду, громко сказалъ мое имя и отчество, вызвалъ на средину террасы, на которой происходилъ пріемъ, подалъ мнѣ руку и сказалъ: «Мы поговоримъ послѣ окончанія пріема» и выдвинулъ меня, держа за руку, на первое мѣсто.

Подобный случай разсказываетъ г. Эвальдъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (Историческій Вѣстникъ 1897 г. октябрь, стр. 194).

Вскорѣ по отъѣздѣ генералъ-губернатора, возвратился, въ Ташкентъ главный инспекторъ училищъ Кунъ. Освободившись съ его пріѣздомъ отъ занятій по Управленію учебными заведеніями, я имѣлъ возможность составить для Туркест. Вѣдом. замѣтку объ образованіи дѣтей туземцевъ Сыръ-дарьинской области въ русскихъ правительственныхъ школахъ края въ 1878-й г., въ которыхъ учебно-воспитательное дѣло велось согласно указаній главнаго начальника края*). Содержаніе этой замѣтки слѣдующее:

„Отношенія туземцевъ (киргизъ и сартовъ) Сыръ-дарьинской области къ русской правительственной школѣ составляютъ въ настоящее время отрадный фактъ, свидѣтельствующій, съ одной стороны, о сознаваемой туземцами недостаточности исключительной мусульманской школы и о необходимости для нихъ общечеловѣческаго образованія, а съ другой стороны — о довѣріи, какимъ начинаетъ пользоваться, особенно въ глазахъ киргизъ, русская правительственная школа, въ чемъ мы убѣждаемся изъ нижеприведенныхъ данныхъ, касающихся образованія инородцевъ въ названной области за 1878 годъ. Въ прошломъ 1878 году, въ Сыръ-дарьинской области отъ правительства существовали школы: въ Ташкентѣ, Чимкентѣ, Ауліеата, Перовскѣ и Казалинскѣ. Во всѣхъ этихъ школахъ обучались инородцы школьнымъ предметамъ совмѣстно съ русскими учениками. Въ чимкентскомъ училищѣ туземцы (киргизы и сарты) были приходящими учениками, а въ ташкентскомъ, перовскомъ, казалинскомъ и ауліеатинскомъ училищахъ они помѣщались въ находящихся при училищахъ ученическихъ квартирахъ, въ которыхъ пользовались готовымъ платьемъ, бѣльемъ, обувью, столомъ и учебными принадлежностями. Общее число инородческихъ пансіонеровъ въ названныхъ училищахъ простиралось въ 1878 году до 63 человѣкъ: въ ташкентскомъ училищѣ таковыхъ было — 6, въ ауліеатинскомъ — 7, въ перовскомъ — 25 и въ казалинскомъ — 25. Ауліеатинскіе, перовскіе и казалинскіе пансіонеры содержались въ квартирахъ на мѣстныя

*) См. Турк. Вѣд. отъ 31 іюля 1879 г. № 30: «Нѣсколько словъ объ образованіи туземцевъ Сыръ-дарьинской области».

средства, получаемыя изъ сборовъ съ туземнаго населенія, а ташкентскіе пансіонеры были стипендіатами Туркестанскаго Генералъ-Губернатора. Одежда, бѣлье и обувь пансіонеровъ были во всѣхъ училищахъ одинаковыя, указанныя Его Высокопревосходительствомъ и отличались простотой, удобствомъ и покроемъ, не заключающимъ въ себѣ ничего мусульманскаго. Въ лѣтнее время они ходили въ обыкновенныхъ коломенковыхъ (сѣрыхъ) блузахъ, подпоясанныхъ ремнемъ на пряжку, и такихъ же брюкахъ, а въ зимнее время въ черныхъ суконныхъ (гвардейскаго безворсоваго сукна) казакинахъ и такихъ же брюкахъ. Сапоги были обыкновеннаго устройства изъ чернаго выростка безъ галошъ. На головѣ пансіонеры носили черные съ козырькомъ фуражки*). Бѣлье пансіонеровъ было также обыкновеннаго русскаго покроя. Каждый день пансіонеры имѣли утренній и вечерній чай, обѣдъ и ужинъ; во всѣхъ случаяхъ обстановка стола была русская и пища приготовлялась русскимъ способомъ, на кухнѣ, особою (русскою) кухаркою.

Въ классное время пансіонеры находились въ классной комнатѣ училища и, совмѣстно съ русскими приходящими учениками, проходили положенный училищный курсъ; на вечернихъ занятіяхъ, въ квартирахъ, они, подъ руководствомъ учителей, приготовляли классные уроки и упражнялись въ русскомъ разговорномъ языкѣ. Мусульманской грамоты и мусульманскаго закона Божія пансіонеры не изучали, согласно примѣчанія къ § 13 Высочайше утвержденнаго 31 мая 1872 года положенія о городскихъ училищахъ. Преподаваніе пансіонерамъ училищныхъ предметовъ, какъ въ классѣ, такъ и на вечернихъ занятіяхъ велось на русскомъ языкѣ, причемъ учителя пользовались туземнымъ нарѣчіемъ, когда объясняли туземцамъ непонятныя для нихъ выраженія. Разговорную русскую рѣчь туземцы усвоивали сколько путемъ изученія ея на урокахъ въ классѣ и на вечернихъ занятіяхъ, столько же и путемъ постояннаго общенія своего съ русскимъ своими товарищами по школѣ.

*) Въ Перовскѣ, по трудности заготовленія фуражекъ, они носили круглыя небольшія шляпы, а въ Казалинскѣ—особаго покроя маленькія шапки.

Совмѣстное съ русскими дѣтьми обученіе туземцевъ въ русскихъ правительственныхъ школахъ Сыръ-дарьинской области дѣйствуетъ какъ на туземныхъ, такъ и на русскихъ учениковъ школы благодѣтельнымъ образомъ: туземцы скорѣе сближаются чрезъ это съ русскими своими товарищами и осваиваются съ разговорнымъ русскимъ языкомъ; русскіе ученики школъ также сближаются съ туземцами и привыкаютъ смотрѣть на нихъ безъ предубѣжденія; тѣ и другіе забываютъ племенную рознь и перестаютъ недовѣрять другъ другу. Все это должно, безъ сомнѣнія, имѣть большое значеніе для насъ не только съ общечеловѣческой (гуманной), но и съ русско-государственной точки зрѣнія. Заботы русскаго правительства въ отношеніи къ туземному населенію Туркестанскаго края не должны ограничиваться настоящимъ: это былъ бы слишкомъ узкій взглядъ на дѣло такой огромной важности; заботы правительства должны охватывать собою и будущее, какъ ближайшее, такъ и отдаленное. Русское правительство должно всегда стремиться къ возможному ассимилированію туземнаго населенія съ русскою народностію, а этому способствуетъ болѣе всего развитіе и образованіе туземцевъ въ извѣстномъ направленіи. Не посягая на основныя племенныя особенности туземцевъ, мы тѣмъ болѣе не должны ни прямо, ни косвенно содѣйствовать укорененію въ нихъ враждебныхъ намъ инстинктовъ. А предусмотрѣть, предупредить укорененіе такихъ инстинктовъ безсильно любое законодательство, если оно не сопровождается образованіемъ народа, основаннымъ на твердыхъ и разумныхъ основаніяхъ. И помимо этого, школьныя впечатлѣнія, обыкновенно глубоко врѣзывающіяся въ душу учениковъ, при хорошей постановкѣ школьнаго образованія, всегда могутъ служить благотворною почвой, на которой потомъ будутъ складываться взгляды учащихся на взаимныя отношенія людей въ жизни; а подъ вліяніемъ такихъ взглядовъ не только туземцы, но и русскіе, во многомъ измѣнятъ свои взаимныя отношенія: узкій, исключительно племенной, горизонтъ тѣхъ и другихъ расширится,— и будетъ достаточно, если они правильно поймутъ свое положеніе въ госу-

дарствѣ и отношенія свои, какъ другъ къ другу, такъ и къ общей для тѣхъ и другихъ русской государственной власти и ко всему государству.

Присматриваясь съ этой точки зрѣнія къ состоянію образованія туземцевъ въ Сыръ-дарьинской области, мы въ правѣ ожидать, что принятая въ настоящее время система образованія туземцевъ не только вполнѣ примѣнима къ мѣстнымъ условіямъ, но и начинаетъ уже заявлять свою пригодность на практикѣ довольно значительными успѣхами. Особенно успѣхи въ примѣненіи этой системы замѣтны въ перовскомъ и казалинскомъ училищахъ, а отчасти и въ остальныхъ училищахъ, гдѣ это дѣло, по своей новости, не успѣло еще какъ должно установиться. Успѣхи инородческихъ учениковъ перовскаго и казалинскаго училищъ хорошо извѣстны какъ ближайшему учебному начальству, такъ и администраціи Турк. края. Въ маѣ текущаго года оба эти училища были подробно осмотрѣны главнымъ инспекторомъ училищъ Туркестанскаго края и затѣмъ Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ и военнымъ губернаторомъ области. Всѣ названныя лица остались вполнѣ довольны успѣхами перовскаго и казалинскаго училищъ, а Туркестанскій генералъ-губернаторъ выразилъ учителямъ этихъ училищъ свою благодарность въ особомъ приказѣ по учебному вѣдомству. Киргизскіе ученики названныхъ училищъ, и внѣшнимъ своимъ видомъ, и развитіемъ, производятъ пріятное впечатлѣніе на каждаго посторонняго посѣтителя. Одѣты они просто, но опрятно; русскимъ языкомъ, какъ книжнымъ, такъ и разговорнымъ, владѣютъ вполнѣ достаточно; русскую школу и ея учителей они искренно любятъ; къ русскимъ своимъ товарищамъ относятся съ довѣріемъ; предубѣжденій противъ русской науки не имѣютъ и при каждомъ удобномъ случаѣ заявляютъ о своемъ желаніи учится больше и больше. Лучшимъ доказательствомъ примѣнимости принятой въ Туркестанскомъ краѣ системы образованія инородцевъ служатъ приходящіе ученики-туземцы, каковые въ 1878 году были во всѣхъ училищахъ Сыръ-дарьинской области. Въ ташкентскомъ училищѣ въ этомъ году обучались три

сарта, которые (уже возрастные) самою жизнію доведены были до сознанія въ необходимости изученія русской грамоты и русскаго языка. Въ чимкентскомъ мужскомъ училищѣ были также приходящіе ученики изъ туземцевъ (киргизъ и сартовъ), а въ чимкентскомъ женскомъ училищѣ учились двѣ дѣвочки-сартянки. Въ казалинскомъ и перовскомъ училищахъ приходящими учениками были киргизы.

Учителями во всѣхъ названныхъ училищахъ области были молодые образованные*) люди, преданные своему дѣлу, понимающіе его значеніе и способные вести его съ успѣхомъ. Изъ нихъ трое получили высшее образованіе и владѣютъ туземнымъ языкомъ, что много содѣйствовало успѣшной постановкѣ школьнаго дѣла во ввѣренныхъ имъ училищахъ. Остальные учителя, хотя и не получили высшаго образованія и не владѣютъ туземнымъ языкомъ, но также понимаютъ систему образованія инородцевъ и ведутъ его съ успѣхомъ. Такими учителями необходимо дорожить и устроить ихъ матеріальную и служебную обстановку возможно лучше, чтобы у нихъ было какъ можно менѣе поводовъ къ перемѣнѣ педагогической дѣятельности на другую, болѣе выгодную въ матеріальномъ и служебномъ отношеніяхъ. Только при такихъ учителяхъ и можно надѣяться на развитіе въ подробностяхъ и окончательную установку образованія инородцевъ въ краѣ и на болѣе широкое распространеніе ея. Мы рѣшаемся говорить это въ томъ глубокомъ убѣжденіи, что будущность народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ зависитъ именно отъ удачной постановки собственно инородческаго образованія; отъ успѣховъ послѣдняго вполнѣ будутъ зависѣть успѣхи народной школы въ краѣ, въ которомъ, за исключеніемъ Семирѣченской области, главный и постоянный элементъ—инородческій, а распространенія народнаго образованія русскому правительству естественно желать не только среди осѣдлыхъ туземцевъ, но и особенно среди кочевниковъ, отъ которыхъ Россія вправѣ ожидать болѣе выгодъ

*) Двое—кандидаты С.-Петербургскаго университета по восточному факультету, а одинъ—дѣйств. студентъ Казанской дух. академіи.

въ государственно-экономическомъ смыслѣ, чѣмъ отъ осѣдлаго туземнаго. Кочевники обширнаго Туркестана представляютъ собою въ будущемъ весьма значительный по своей численности элементъ новаго осѣдлаго населенія, жизнь котораго, при участіи правительства и правительственной русской школы, необходимо должна сложиться значительно иначе, сравнительно съ жизнію современныхъ намъ осѣдлыхъ туземцевъ края. А этого-то нашему государству необходимо желать и къ этому-то намъ необходимо стремиться, поддерживая и усиливая въ краѣ инородческое образованіе на вышесказанныхъ началахъ, которымъ со временемъ, когда они окончательно разовьются и принесутъ болѣе очевидные плоды, суждено, можетъ-быть, будетъ лечь въ основу инородческаго образованія въ имперіи, гдѣ оно составляетъ задачу величайшей важности не только въ настоящемъ, но и въ отдаленномъ будущемъ, какъ выразился объ этомъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ министръ народнаго просвѣщенія, графъ Толстой.

Да и можетъ ли быть иначе? Если образованіе народа вообще есть дѣло государственное, то тѣмъ болѣе оно должно озабочивать правительство, когда касается инородцевъ и особенно мусульманъ: послѣднихъ нужно не просто образовать и развить, но образовывать и развивать въ видахъ правительства, для нихъ чуждаго, съ которымъ они неизбѣжно, силою историческихъ обстоятельствъ, должны помириться и сжиться навсегда“ (Турк. Вѣд. 1879 г. № 30).

Въ отсутствіе генералъ-губернатора были приводимы въ исполненіе намѣченные имъ вопросы о преобразованіи ташкентскихъ училищъ и открытіе учительской семинаріи.

Еще въ концѣ 1878 года я входилъ къ Его Высокопревосходительству съ представленіемъ слѣдующаго содержанія:

„Городъ Ташкентъ, какъ самый населенный пунктъ въ Туркестанскомъ краѣ, доставляетъ въ мѣстныя учебныя заведенія очень большое число дѣтей мужскаго пола. Не смотря на существованіе въ этомъ городѣ мужской прогимназіи, первые классы

которой изобилуютъ учениками, ташкентское городское двухъклассное училище всегда было полно учащимися въ немъ дѣтьми. Въ 1877—78 учебномъ году число желающихъ учиться въ ташкентскомъ городскомъ училищѣ значительно увеличилось, такъ что къ переводнымъ испытаніямъ, происходившимъ въ концѣ мая мѣсяца 1878 года, въ училищныхъ спискахъ значилось 84 ученика. Съ наступленіемъ новаго учебнаго года число учениковъ въ ташкентскомъ городскомъ училищѣ возрасло до 127. Но и послѣ того заявленія родителей, преимущественно изъ лицъ низшаго класса, объ опредѣленіи ихъ сыновей въ училище, не прекращались. Училище же, при всемъ своемъ желаніи удовлетворить этимъ просьбамъ, не можетъ принимать болѣе учениковъ, такъ какъ этому препятствуютъ тѣснота занимаемаго собственно училищемъ помѣщенія и ограниченный штатами училища наличный составъ преподавателей. Въ ташкентскомъ городскомъ училищѣ, согласно Высочайше утвержденному 31 мая 1872 г. Положенію о городскихъ училищахъ, состоятъ два учителя и одинъ законоучитель, къ которымъ, на основаніи § 16 Положенія, могутъ быть назначаемы учительскіе помощники на каждые 30 человѣкъ, превышающихъ въ первомъ классѣ число 50. Въ училищѣ этомъ—127 учениковъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ слѣдующіе затѣмъ годы число учащихся увеличится, вслѣдствіе чего явится неизбѣжная необходимость назначить одного, а можетъ быть и двухъ учительскихъ помощниковъ, если число учащихся въ училищѣ дѣтей съ каждымъ годомъ будетъ возрастать пропорціонально увеличивающемуся русскому населенію г. Ташкента. Кромѣ того, мы имѣемъ право надѣяться, что и туземцы, если не сарты, то киргизы, будутъ отдавать въ училище своихъ дѣтей, и такимъ образомъ число учениковъ ташкентскаго городскаго училища будетъ еще болѣе увеличиваться.

Хотя плата учительскимъ помощникамъ, каждому 300 р. при казенной квартирѣ, и разнится отъ платы штатнымъ учителямъ (615 р. каждому безъ казенной квартиры), но, принимая во вниманіе желаніе Вашего Высокопревосходительства—устроить Ташъ-

кентское городское училище предпочтительно предъ другими училищами края, желаніе—сдѣлать его образцовымъ училищемъ въ краѣ, и имѣя въ виду естественное предположеніе, что учитель городскаго училища, получая большую сравнительно съ учительскимъ помощникомъ, плату, приноситъ и большую пользу, естественно желать, чтобы ташкентское городское училище было преобразовано въ четырехъ-классное училище съ тремя штатными учителями и четвертымъ учителемъ-инспекторомъ.

При такомъ личномъ составѣ, Ташкентское городское училище не только располагало бы большими преподавательскими силами, что содѣйствовало бы большему успѣху вообще училищнаго дѣла, разумѣя въ этомъ случаѣ и обученіе ремесламъ, но и было бы въ состояніи имѣть постоянный правильный надзоръ за пансіонерами Вашего Высокопревосходительства изъ туземцевъ, существованіе которыхъ при училищѣ желательно, въ интересахъ сближенія туземцевъ съ русскою школою, поддерживать и на будущее время. При этомъ, въ виду привлеченія лучшихъ преподавателей въ училище и въ виду справедливости, желательно назначить всѣмъ четыремъ преподавателямъ училища,—за исключеніемъ, какъ Ваше Высокопревосходительство изволили сами указать мнѣ, законоучителя,—полуторное, сравнительно съ положеннымъ въ штатахъ городскихъ училищъ, содержаніе, какъ это сдѣлано въ училищахъ Ферганской области, что потребуетъ ежегодной добавки къ 2190 руб., отпускаемымъ въ настоящее время на содержаніе ташкентскаго городскаго училища изъ государственнаго казначейства, еще 4440 р. Тогда весь расходъ по училищу будетъ равняться 6480 р., а именно: учителю-инспектору при казенной квартирѣ и съ добавочными за завѣдованіе училищемъ—1035 р., законоучителю—390 р., тремъ учителямъ—2430 р., имъ же квартирныхъ 225 р., на уроки пѣнія и на канцелярскіе расходы—100 руб., на наемъ квартиры для училища и на отопленіе ея и на содержаніе прислуги—2300 руб., а всего 6480 руб., за исключеніемъ расхода по содержанію при училищѣ ремесленныхъ классовъ".

Г. Главный Начальникъ края, предполагая, что городское

общественное управленіе не откажется, если позволятъ его средства, помочь дѣлу народнаго образованія, изволилъ приказать передать приведенное выше представленіе въ городскую думу. Для обсужденія вопроса о преобразованіи мужскаго училища изъ двухъ-класснаго въ четырехъ-классное и о средствахъ, какъ на содержаніе этого училища, такъ и приходскаго женскаго,—о нуждахъ котораго неоднократно было заявляемо думѣ еще въ прошломъ году,—дума образовала смѣшанную комиссію изъ гласныхъ думы и, съ соизволенія г. генералъ-губернатора, чиновъ учебнаго вѣдомства*). Комиссія эта представила въ городскую думу слѣдующія соображенія:

По Высочайше утвержденному 31 мая 1872 года положенію о городскихъ училищахъ, курсъ городскаго училища,—одноклассnаго, двухъ-класснаго, трехъ-класснаго или четырехъ-класснаго,—продолжается шесть лѣтъ, и хотя объемъ программъ предметовъ, проходимыхъ въ городскихъ училищахъ, долженъ быть для всѣхъ нихъ одинаковъ и всѣ городскія училища пользуются одинаковыми правами; но разныя по числу классовъ училища могутъ имѣть различные результаты своей дѣятельности, смотря по тому, какъ они будутъ обставлены педагогическими силами и средствами. По сравненіи двухъ-класснаго и четырехъ-класснаго училищъ, оказывается слѣдующее: въ первомъ изъ нихъ, при двухъ классахъ, *два* учителя на шесть различныхъ по развитію группъ учениковъ, тогда какъ въ послѣднемъ на тѣ же шесть группъ—*четыре* учителя. Что четырехъ-классное училище сравнительно съ двухъ-классnымъ заключаетъ въ себѣ весьма важныя въ педагогическомъ отношеніи преимущества, видно изъ нижеслѣдующаго: по положенію, въ двухъ-классномъ училищѣ курсъ *перваго* класса четырехъ-годичный, а *второго*—двухъ-годичный. Послѣдній классъ разбивается на два отдѣленія и на каждое изъ нихъ полагается по

---

*) Комиссія эта состояла изъ гласныхъ думы: С. А. Петрова, Ф. В. Базилевскаго и М. Р. Келера и инспектора народныхъ училищъ Туркестанскаго края. Въ трудахъ ея принималъ участіе и городской голова М. П. Пукаловъ. Кромѣ сего, въ комиссію былъ приглашенъ, въ качествѣ члена-секретаря, завѣдывающій городскимъ мужскимъ училищемъ К. И. Перевозниковъ.

одному году. Въ обоихъ отдѣленіяхъ занятія идутъ одновременно, т. е. учитель въ одинъ часъ даетъ два урока, по уроку каждой группѣ; при чемъ урокъ для каждой группы все-таки долженъ продолжаться цѣлый часъ. Вести дѣло съ двумя группами одновременно учитель, хорошо подготовленный, можетъ весьма успѣшно. Занятія въ *первомъ* классѣ представляются совершенно въ другомъ видѣ. Курсъ этого класса, по положенію, четырехъ-лѣтній; слѣдовательно приходится разбивать его, вслѣдствіе различія программъ каждаго года, на четыре отдѣленія, полагая на каждое по одному году, и со всѣми группами одинъ учитель долженъ вести дѣло одновременно. Такимъ образомъ учителю приходится на занятія съ каждою группою удѣлять, вмѣсто часа, только 15 минутъ. Очевидно, что учебное дѣло, вслѣдствіе этого, будетъ подвигаться чрезвычайно медленно, неуспѣшно, что, даже при полномъ самопожертвованіи учителя, будетъ вліять на него подавляющимъ образомъ, а постоянное недостиганіе цѣли будетъ парализировать его энергію и отнимать у него охоту къ дѣлу. Эта медленность и малоуспѣшность невыгодно отразится и на дѣтяхъ. Члены городскаго общества, дѣти которыхъ обучаются въ училищѣ, будутъ укорять послѣднее въ бездѣятельности, не вникнувъ въ то, что всякій учитель, при описанномъ положеніи училища, безсиленъ сдѣлать въ немъ что-либо лучшее. Ничего подобнаго не можетъ быть въ четырехъ-классномъ училищѣ, гдѣ педагогическихъ силъ вдвое болѣе, не смотря на одинаковость программъ и на одинаковую продолжительность обученія въ томъ и другомъ. Учитель четырехъ-класснаго училища, при большихъ, сравнительно съ двухъ-классными, педагогическихъ силахъ перваго, не будетъ обремененъ работою непосильною и поведетъ дѣло успѣшно. Вслѣдствіе вышеизложеннаго, для Ташкента, какъ пункта съ значительнымъ, сравнительно, русскимъ населеніемъ, прогрессивно возрастающимъ, двухъ-класснаго училища оказывается недостаточно, а потому училище это необходимо преобразовать въ четырехъ-классное, такъ какъ послѣднее, располагая большими, сравнительно съ двухъ-классными, матеріальными и педагогическими

средствами, будетъ давать первоначальное образованіе большему числу дѣтей, да и само обученіе пойдетъ несравненно успѣшнѣе.

На содержаніе четырехъ-класснаго училища (съ добавленіемъ 50% къ жалованью служащихъ лицъ, присвоеннымъ всѣмъ чинамъ военно-народнаго управленія, учителямъ гимназіи и прогимназіи Туркестанскаго края и городскимъ учителямъ Ферганской области) потребуется: на жалованье учителю-инспектору—1035 р., законоучителю—390 р., тремъ учителямъ—2655 р., на учебныя пособія, на уроки пѣнія и гимнастики и на канцелярскіе по училищу расходы—375 руб., на награды ученикамъ—50 р. и на наемъ и содержаніе дома съ прислугою—2080 р., а всего—6585 руб. въ годъ. На единовременные расходы по училищу, въ случаѣ преобразованія его въ четырехъ-классное, разсчитывая на 180 учащихся, потребуется 2038 руб.: на классные столы, шкафы, скамьи, доски, меблировку, гимнастическіе приборы, ученическую и учительскую библіотеку, физическій кабинетъ и проч.

Вопросъ объ устройствѣ правильной системы ремесленнаго образованія, по мнѣнію комиссіи, долженъ имѣть особую важность, и не только для Ташкента, но и для всего Туркестанскаго края, такъ какъ техническія познанія, съ одной стороны, дадутъ ученикамъ училища возможность заработывать себѣ ремесломъ средства къ жизни, а съ другой, съ образованіемъ ремесленниковъ, жители Туркестанскаго края не будутъ вынуждены, какъ это существуетъ теперь, платить несообразно-высокія цѣны за предметы первой необходимости, которые приходится выписывать изъ внутреннихъ губерній Россіи, по той причинѣ, что не только въ Ташкентѣ, но во всемъ Туркестанскомъ краѣ, никакихъ техническихъ и ремесленныхъ производствъ почти не существуетъ, тогда какъ потребности въ такихъ производствахъ возрастаютъ изъ года въ годъ, соотвѣтственно возрастанію въ краѣ русскаго населенія. Кромѣ этой матеріальной пользы, ташкентское городское училище съ ремесленными классами, давая общеначальное образованіе и въ то же время стремясь развить въ массѣ насе-

ленія г. Ташкента техническія и ремесленныя практическія знанія, тѣмъ самымъ будетъ приносить и нравственную пользу.

Изъ этихъ соображеній вытекаетъ, что ташкентское городское общество должно принимать ближайшее участіе, какъ матеріальное, такъ и нравственное, въ бытѣ ремесленныхъ классовъ при ташкентскомъ городскомъ училищѣ. Въ этихъ видахъ необходимо, придерживаясь основаній „Временнаго положенія о ремесленныхъ классахъ училищъ Туркестанскаго края“, утвержденнаго г. генералъ-губернаторомъ 16 февраля 1878 года, дѣятельность ремесленныхъ классовъ ташкентскаго городскаго училища направить такъ, чтобы они, служа педагогическимъ цѣлямъ училища, въ то же время, въ будущемъ, выпускомъ хорошихъ мастеровъ могли удовлетворять потребностямъ городскаго общества.

Матеріальныя средства, которыми располагали ремесленные классы при мужскомъ училищѣ состояли изъ 270 руб., отпускаемыхъ изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія. Вслѣдствіе незначительности этой субсидіи, источникомъ удовлетворенія всѣхъ нуждъ ремесленныхъ классовъ служили заработки, простиравшіеся: въ 1877 г. до 1015 р., а съ 1 января по 1 сентября 1878 г. до 2520 руб. Цифры эти указываютъ на то, что ремесленные классы, при незначительной обезпеченности со стороны казенныхъ средствъ, должны были искать таковыя на сторонѣ, т. е. принимать частные заказы, которыми и были завалены всѣ мастерскія. Естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей было нѣкоторое отступленіе ремесленныхъ классовъ отъ ихъ настоящаго назначенія, а отсюда и отсутствіе пользы въ существованіи этихъ классовъ для ташкентскаго городскаго общества. Въ предотвращеніе такихъ послѣдствій, необходимо въ самомъ началѣ обезпечить существованіе ремесленныхъ классовъ какими-либо постоянными источниками, не допуская, чтобы они сами изыскивали средства для своего существованія.

Въ настоящее время ученики училища обучаются мастерствамъ: переплетному, столярному, токарному, сапожному и бондарному. Обученіе этимъ ремесламъ, исключая послѣдняго, слѣдовало бы

оставить и на будущее время, а бондарное ремесло устранить, такъ какъ ученики занимаются имъ весьма неохотно, да и само это ремесло, въ своемъ примѣненіи, не можетъ имѣть большаго значенія, въ особенности въ Ташкентѣ, гдѣ вся деревянная посуда замѣняется глиняною.

Для обезпеченія существованія ремесленныхъ классовъ (предполагая, что они будутъ помѣщаться при училищѣ), при четырехъ мастерствахъ, потребуются слѣдующіе расходы: единовременно на матеріалъ—100 руб., на жалованье четыремъ мастерамъ (по 480 руб. каждому)—1920 р. въ годъ, двумъ учителямъ за надзоръ за ходомъ занятій въ мастерскихъ—300 руб., а всего: единовременно—100 р. и ежегодно—2220 р. Средствъ этихъ будетъ вполнѣ достаточно, если не придется обзаводить мастерскія необходимыми принадлежностями, которыя уже имѣются въ нихъ и которыя было бы желательно оставить въ распоряженіи мастерскихъ и на будущее время.

Предполагая, что ремесленные классы будутъ руководиться въ своей дѣятельности приведеннымъ выше „Временнымъ положеніемъ ремесленныхъ классовъ при училищахъ Туркестанскаго края“, согласно которому мастера-учителя, въ свободное отъ занятій съ учениками время, будутъ выполнять частные заказы, комиссія признала возможнымъ: часть доходовъ, если таковые будутъ получаться, употреблять на содержаніе пансіонеровъ. Пансіонерами могутъ быть сироты или дѣти бѣдныхъ родителей, безъ различія національности. Остальная часть доходовъ можетъ составлять особый фондъ ремесленныхъ классовъ, который пойдетъ на ихъ же нужды и потребности и на обзаведеніе инструментомъ обучавшихся и окончившихъ курсъ въ училищѣ.

Женское приходское училище содержится: частію на суммы министерства народнаго просвѣщенія и частію—на суммы города. Первое отпускаетъ 1300 руб., а послѣдній—800 руб. (на наемъ квартиры). Недостатокъ этихъ средствъ, обнаружившійся при ближайшемъ знакомствѣ комиссіи съ состояніемъ женскаго училища, привелъ ее къ заключенію о необходимости сдѣлать въ немъ нѣ-

которыя преобразованія и, въ связи съ этимъ, увеличить отпускаемую на содержаніе училища сумму. Примѣняясь къ „Временному штату двухъ-класснаго женскаго училища“, утвержденному г. главнымъ начальникомъ края 16 февраля 1878 года, комиссія признала необходимымъ расходы по содержанію училища опредѣлить въ слѣдующемъ количествѣ: на жалованье старшей учительницѣ (при квартирѣ въ училищѣ)—450 руб., на жалованье младшей учительницѣ—400 руб., ей же квартирныхъ (если квартиры для нея при училищѣ не окажется)—120 руб., законоучителю—180 руб., двумъ учительницамъ за уроки рукодѣлья—200 руб., за уроки пѣнія—100 руб., на учебныя пособія—75 руб., на награды ученицамъ—20 руб., на канцелярскія расходы—20 руб., на пособія бѣднымъ ученицамъ для пріобрѣтенія учебниковъ—60 р., на отопленіе училищной квартиры—140 р., на освѣщеніе—25 руб., на наемъ сторожа—120 руб., на мелочные расходы—40 руб. и на наемъ помѣщенія—600 руб., а всего—2550 руб. Кромѣ сего, на единовременные расходы по обзаведенію женскаго училища разными хозяйственными принадлежностями и необходимыми учебными пособіями, согласно приблизительной смѣтѣ, составленной завѣдывающею училищемъ, потребуется—453 руб.

Къ числу классныхъ предметовъ обученія комиссія предположила отнести занятія рукодѣльями, какъ это практикуется во многихъ женскихъ училищахъ, не придавая классамъ рукодѣлій характера мастерской, т. е. чтобы ученицы не выполняли частныхъ заказовъ.

Я заявилъ въ комиссіи, что на полученіе изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія—на содержаніе мужскаго (съ ремесленными классами) и женскаго училищъ—болѣе 3565 руб., отпускаемыхъ по штату, разсчитывать нельзя. Вслѣдствіе этого комиссія признала возможнымъ недостающую на содержаніе училищъ сумму расхода принять на счетъ города.

По ознакомленіи съ законоположеніями о городскихъ училищахъ (Высочайше утвержденное 31 мая 1872 года положеніе

о сихъ училищахъ), комиссія пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ: по преобразованіи мужскаго училища въ четырехъ-классное, въ связи съ увеличеніемъ содержанія служащимъ и съ производствомъ остальныхъ расходовъ по приведеннымъ выше штатамъ, на содержаніе училищъ потребуется ежегодно: изъ суммъ учебнаго вѣдомства—3565 руб. и изъ городскихъ суммъ—7790 р. и единовременно изъ этихъ же суммъ—2641 руб., изъ чего видно, что городское общественное управленіе,—если думѣ будетъ угодно принять на счетъ городскихъ суммъ добавочное содержаніе училищъ по вновь составленнымъ штатамъ,—будетъ расходовать вдвое большую сумму, чѣмъ даетъ учебное вѣдомство. Изъ сопоставленія этихъ цифръ получается выводъ, что ташкентскія училища—мужское и женское—слѣдуетъ считать скорѣе общественными, чѣмъ правительственными,—и такъ какъ комиссія признаетъ болѣе удобнымъ, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи, чтобы училища считались общественными и чтобы городскому общественному управленію были предоставлены всѣ тѣ, по отношенію къ училищамъ, права, какія изложены въ приведенныхъ выше законоположеніяхъ, то необходимо, по принятіи на счетъ городскихъ суммъ расхода по содержанію училищъ, въ количествѣ 7790 руб. ежегодно и 2641 руб. единовременно, ходатайствовать предъ г. главнымъ начальникомъ края о признаніи училищъ принадлежащими городскому обществу и о производствѣ городу, на содержаніе ихъ, ежегодной субсидіи отъ правительства, въ той суммѣ, какая производится теперь, т. е. 3565 руб., обусловливъ отпускъ денегъ отъ города признаніемъ училищъ городскими, получающими правительственную субсидію, если Его Высокопревосходительству будетъ угодно назначить таковую изъ суммъ, состоящихъ въ его распоряженіи.

Вышеприведенныя соображенія комиссіи по училищному вопросу были доложены городской думѣ въ засѣданіи ея 28 мая 1879 года. По обсужденіи доклада комиссіи, и по рѣшеніи, въ принципѣ, вопроса о необходимости открытія въ Ташкентѣ четырехъ класснаго городскаго училища, взамѣнъ существующихъ теперь

двухъ-класснаго, и принятія расходовъ по содержанію, какъ мужскаго, такъ и женскаго училищъ, на счетъ городскихъ суммъ, гласные думы нашли, что если городскому общественному управленію будетъ дарована на содержаніе училищъ правительственная субсидія, испросить которую предполагаетъ училищная комиссія, то оно, воспользовавшись этою субсидіей, поставитъ себя въ нѣкоторую зависимость отъ учебнаго вѣдомства,—ибо послѣднее можетъ тогда признать за собою право вмѣшательства въ распоряженія городскаго управленія по хозяйственной части училищъ, а такое вмѣшательство, по многимъ причинамъ, было бы не желательно. Поэтому дума признала болѣе удобнымъ принять на счетъ города *весь* расходъ по содержанію училищъ, исчисленный въ приведенномъ выше докладѣ комиссіи, т. е. 11,625 руб. ежегодно и 2441 руб. единовременно, не испрашивая на содержаніе ихъ субсидіи отъ правительства.

Состоявшееся въ этомъ смыслѣ постановленіе думы было представлено г. исправляющему должность Туркестанскаго генералъ-губернатора и попечителя Туркестанскаго учебнаго округа. Разсмотрѣвъ это постановленіе, его превосходительство изволилъ разрѣшить думѣ открыть въ г. Ташкентѣ, съ 1 іюля 1879 года, на средства городскаго общественнаго управленія, *четырехъ-классное городское училище,* по положенію 31 мая 1872 года, *съ ремесленными классами* при немъ, согласно положенію, утвержденному для оныхъ Главнымъ Начальникомъ края 16 фев. 1878 г., и *женское приходское училище перваго разряда* со штатами, утвержденными Его Высокопревосходительствомъ того же 16-го февраля. (Изъ журнала городской думы. Турк. Вѣд. 1879 г. № 30).

Открытіе четырехъ-класснаго городскаго мужскаго училища и преобразованіе женскаго училища послѣдовало въ началѣ сентября 1879 года.

26 іюля 1879 г. осуществилось, наконецъ, главное желаніе генералъ-адъютанта К. П. Кауфмана по отношенію къ народному образованію Туркестанскаго края: въ этотъ день и. д. генералъ-губернатора генералъ-лейтенантъ Г. А. Колпаковскій подписалъ

приказъ объ учрежденіи въ Ташкентѣ учительской семинаріи и о назначеніи педагогическаго персонала въ это учебное заведеніе. „Открытіе семинаріи въ Ташкентѣ составляло—говорилъ на торжествѣ открытія семинаріи главный инспекторъ училищъ А. Л. Кунъ—одну изъ главныхъ и постоянныхъ заботъ душевно уважаемаго начальника края, К. П. фонъ-Кауфмана 1-го. Отдаленность нашего края отъ тѣхъ мѣстностей имперіи, изъ которыхъ можно было бы привлечь для возникающаго въ ономъ народнаго образованія необходимый контингентъ подготовленныхъ учителей, побудила Его Высокопревосходительство еще въ 1874 году, одновременно съ ходатайствомъ объ открытіи двухъ среднихъ учебныхъ заведеній (мужскихъ классическихъ прогимназій въ г.г. Ташкентѣ и Вѣрномъ) и устройствѣ отдѣльнаго управленія учебною частью, просить объ учрежденіи въ г. Ташкентѣ учительской семинаріи.

„По сложившимся обстоятельствамъ, изъ приведенныхъ ходатайствъ въ 1875 году получило высшую правительственную санкцію только учрежденіе двухъ указанныхъ прогимназій и организація управленія учебными заведеніями вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, вѣдѣнію коего, согласно Высочайшаго повелѣнія 15 мая 1875 года, подчинены, съ 1 января 1876 г., какъ всѣ русскія, такъ и всѣ туземныя учебныя заведенія, находящіяся въ краѣ. Въ 1876 году, съ открытіемъ дѣйствій управленія учебными заведеніями и по ближайшемъ ознакомленіи съ положеніемъ народнаго образованія, потребность въ учительской семинаріи стала сознаваться еще сильнѣе. При всякомъ вопросѣ, возникавшемъ по поводу открытія въ той или другой мѣстности края училищъ, осязательнѣе ощущались, съ одной стороны, невозможность получить для оныхъ, какъ было сказано выше, необходимыхъ учителей изъ внутреннихъ губерній имперіи, съ другой—отсутствіе у насъ такого учрежденія, которое бы подготовляло молодыхъ людей изъ дѣтей мѣстныхъ жителей, желающихъ посвятить свою дѣятельность учительскому званію. Когда организаціи Высочайше разрѣшенныхъ къ открытію въ краѣ мужскихъ

прогимназій были положены надлежащія основанія и на дѣлѣ было видно, что вновь созданные разсадники просвѣщенія въ Ташкентѣ и Вѣрномъ принялись, Его Высокопревосходительство въ 1877 году вновь возбудилъ предъ высшимъ правительствомъ ходатайство объ ускореніи разрѣшенія открыть въ краѣ учительскую семинарію. При этомъ, имѣя въ виду, что государственное казначейство было обременено сверхсмѣтными расходами на веденіе послѣдней войны съ Турціей, онъ испрашивалъ разрѣшеніе отнести расходъ на содержаніе этого учебнаго заведенія на доходы Ферганской области, предоставленные въ его распоряженіе; а такъ какъ исполненіе послѣдняго условія зависѣло отъ военнаго министерства, то Его Высокопревосходительство обратился по этому поводу къ просвѣщенному вниманію и содѣйствію г. военнаго министра, графа Д. А. Милютина, прося въ то же время и г. министра народнаго просвѣщенія оказать свое содѣйствіе къ успѣшному окончанію этого дѣла.

„Въ представленіяхъ своихъ относительно учрежденія въ Ташкентѣ учительской семинаріи, г. Туркестанскій генералъ-губернаторъ испрашивалъ разрѣшенія, во вниманіе къ исключительному положенію ввѣреннаго ему края и значительныхъ особенностей мѣстнаго населенія, это учебное заведеніе примѣнить къ уставу Иркутской учительской семинаріи съ увеличеніемъ и нѣкоторыми добавленіями къ штатамъ, положеннымъ для оной, съ тѣмъ, чтобы черезъ три года, на основаніи опыта, представить на утвержденіе законодательнымъ порядкомъ особый уставъ для этой семинаріи. Послѣ предварительныхъ взаимныхъ сношеній по сему предмету между обоими министерствами, военнымъ и народнаго просвѣщенія, первое просило министерство финансовъ сообщить ему свое заключеніе по вопросу о денежныхъ средствахъ на содержаніе означеннаго учебнаго заведенія.

„Около двухъ лѣтъ прошло въ перепискѣ по сему предмету съ министерствомъ финансовъ. Возбужденное Его Высокопревосходительствомъ ходатайство, не смотря на частыя повторенія о немъ, встрѣтило на своемъ пути множество затрудненій. При-

шлось не мало употребить труда и хлопотъ на доказательство о необходимости учрежденія въ краѣ учительской семинаріи. Наконецъ, наши усилія увѣнчались успѣхомъ. Г. военный министръ, отношеніемъ отъ 30 мая за № 174, увѣдомилъ г. Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу ходатайства г. главнаго начальника края, въ 15 день мая мѣсяца, Высочайше повелѣть соизволилъ привести въ исполненіе предположеніе Его Высокопревосходительства объ учрежденіи въ г. Ташкентѣ учительской семинаріи, съ отнесеніемъ потребнаго на это расхода (ежегодно до 42.700 руб. и единовременно на первоначальное обзаведеніе до 5000 руб.) на доходы Ферганской области, впредь до передачи оныхъ въ государственное казначейство, послѣ чего потребный на ежегодное содержаніе семинаріи расходъ вносить въ смѣту Туркестанскаго края.

„Ташкентская учительская семинарія, въ виду исключительныхъ условій края и лежащей на туркестанскомъ учебномъ вѣдомствѣ задачи—путемъ распространенія русскаго просвѣщенія между инородческимъ населеніемъ содѣйствовать сближенію ихъ съ русскимъ народомъ,—не будучи стѣсняема пока опредѣленнымъ уставомъ, имѣетъ возможность, не торопясь, составить для себя уставъ, соотвѣтствующій требованіямъ учебнаго дѣла въ краѣ. Въ предстоящихъ задачахъ этому юному учрежденію, —учрежденію, начинающему черезъ нѣсколько дней свою дѣятельность,— указаны двѣ главныя цѣли, которыя оно должно неуклонно преслѣдовать: это во-первыхъ,—доставлять подготовленныхъ учителей для всѣхъ низшихъ училищъ края безъ исключенія, и во-вторыхъ, чтобы будущіе ея питомцы, по окончаніи курса ученія, могли достойно служить дѣлу инородческаго образованія.

„Для обоихъ условій, на основаніи указаній г. Главнаго Начальника края, имѣются выработанныя опытомъ основныя положенія. Характеръ перваго требованія достаточно извѣстенъ каждому изъ васъ, а характеръ втораго требованія значительно разнится отъ укоренившагося въ обществѣ взгляда на образованіе инородцевъ.

„При организаніи низшихъ училищъ въ краѣ приняты за основу для руководства слѣдующія главныя положенія нашей дѣятельности по инородческому образованію. Двери русской школы, утверждаемой въ покоренномъ краѣ, для всѣхъ инородцевъ, желающихъ учиться, безъ различія ихъ національности и вѣроученія, всегда и всюду широко открыты. Наша школа всегда будетъ для инородцевъ стоять на почвѣ уваженія религіозныхъ вѣрованій каждаго ея ученика и въ своихъ стѣнахъ никогда не будетъ посягать на прозелитизмъ. Какъ школы русскаго народа, имѣющей по отношенію къ инородцамъ только одну цѣль — распространить между ними общечеловѣческое образованіе и сохранить свои національные интересы, ея задача — облегчить инородцу способы къ изученію русскаго языка и тѣмъ помочь ему скорѣе слить свои интересы съ интересами того государства, которое приняло его въ свою среду. Вліяніе школы на религіозныя убѣжденія инородцевъ должно остаться внѣ ея дѣйствій. Введеніе въ школу преподаванія посторонняго вѣроученія для учениковъ изъ инородцевъ признано лишнимъ бременемъ для нея. Русская школа, обязанная преслѣдовать свои задачи, не можетъ взять на себя обязанности преподавать въ своихъ стѣнахъ вѣроученій, въ основаніи своемъ несогласныхъ съ господствующею религіей въ государствѣ, а тѣмъ болѣе такихъ ученій, которыя враждебны христіанству. Родителямъ предоставляется наставлять своихъ дѣтей въ правилахъ исповѣдуемой ими вѣры своими средствами. Равнымъ образомъ, въ тѣхъ же интересахъ, чисто нашихъ русскихъ, положено не создавать для инородцевъ никакихъ особенныхъ школъ съ исключительными задачами и направленіями къ туземнымъ взглядамъ. Иноплеменный народъ, вступившій въ нашу русскую государственную семью, не долженъ быть обособляемъ: для сліянія его съ господствующимъ народомъ ему должна служить одна и та же школа, которою пользуется послѣдній.

„Въ виду такого положенія, для подготовленія туземцевъ къ совмѣстному обученію съ русскими дѣтьми рѣшено учреждать при каждомъ русскомъ училищѣ подготовительные классы, если

при оныхъ нѣтъ приготовительныхъ классовъ, съ курсомъ одного, двухъ или болѣе числа лѣтъ. Въ этомъ классѣ инородцы, обучаясь вмѣстѣ съ русскими дѣтьми, безъ сомнѣнія, скорѣе усвоятъ себѣ русскую рѣчь.

„Въ училищахъ, содержимыхъ на счетъ правительства или съ пособіемъ отъ онаго, если будутъ въ оныхъ обучаться дѣти инородцевъ, положено наблюдать не только за правильнымъ ходомъ обученія, но и за развитіемъ въ инородцахъ правильныхъ понятій о русской государственной власти и объ отношеніяхъ къ ней инородцевъ, въ видахъ постепеннаго сближенія ихъ съ русскою народностью. Съ этою цѣлію завѣдывающіе этими училищами съ одной стороны не должны допускать во ввѣренныхъ имъ училищахъ ничего оскорбляющаго племенное и религіозное чувство инородцевъ, а съ другой стороны—съ крайнею осмотрительностію должны стараться устранить все, что можетъ прямо или косвенно поддерживать въ инородцахъ ихъ племенныя особенности.

„На основаніи такого положенія низшихъ училищъ Туркестанскаго края, къ курсу предметовъ, опредѣленныхъ для учительскихъ семинарій, существующихъ внутри имперіи и принятыхъ для нашей семинаріи, прибавлено преподаваніе туземныхъ нарѣчій, которыя должны вестись въ оной при пособіи русскаго алфавита. Будущіе учителя изученіемъ мѣстныхъ нарѣчій облегчатъ себѣ занятія съ инородцами, которые будутъ поступать въ ввѣряемыя имъ училища. Курсъ занятій въ учреждаемой учительской семинаріи положенъ четырехлѣтній*)...

30 августа 1879 года, въ день тезоименитства Императора Александра II, даровавшаго жизнь семинаріи, это учебно-воспитательное заведеніе было торжественно открыто. По желанію учебнаго персонала, присутствовавшаго на торжествѣ открытія семинаріи, были отправлены и. д. Туркестанскаго генералъ-губернатора поздравительныя депеши въ С.-Петербургъ — министру народнаго просвѣщенія, министру военному и Туркестанскому

*) См. Турк. Вѣд. 1879 г. № 38 и отд. брошюра «Открытіе учительской семинаріи въ Ташкентѣ 30 августа 1879 года».

генералъ-губернатору, въ коихъ, вмѣстѣ съ принесеніемъ поздравленія по случаю радостнаго торжества, сообщено объ опредѣленіи педагогическаго совѣта семинаріи—поставить въ актовомъ залѣ учительской семинаріи портреты названныхъ лицъ.

На посланныя депеши Графъ Д. А. Милютинъ отвѣтилъ:

„Приношу сердечную признательность за вниманіе, оказанное мнѣ при открытіи учительской семинаріи въ Ташкентѣ; искренно желаю успѣшнаго развитія этому заведенію, отъ котораго можно ожидать благодѣтельныхъ для края плодовъ“.

Генералъ-Адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й телеграфировалъ:

„Поздравляю всѣхъ, трудившихся надъ открытіемъ учительской семинаріи. Благодарю за выраженное на празднествѣ сочувствіе; искренно желаю преуспѣянія семинаріи на пользу развитія и процвѣтанія края. Ничѣмъ болѣе этого мы не можемъ порадовать Царево сердце. Ходатайству педагогическаго совѣта будетъ данъ дальнѣйшій ходъ“.

5-го ноября 1879 года генералъ-губернаторъ возвратился въ Ташкентъ. Масса русскихъ и туземцевъ встрѣчали въ этотъ день генералъ-губернатора у такъ называемой избушки, вмѣстѣ съ почетнымъ карауломъ отъ 1-го стрѣлковаго баталіона, имѣвшаго при себѣ значекъ. Представители города, гласные думы и и. д. городскаго головы Черкасовъ поднесли генералъ-губернатору адресъ слѣдующаго содержанія:

„Ваше Высокопревосходительство, Константинъ Петровичъ! Ташкентское городское общество, движимое чувствомъ глубокой признательности за укрѣпленіе въ средѣ его и развитіе Вашимъ Высокопревосходительствомъ началъ гражданственности, единогласно постановило просить Васъ разрѣшить ему учрежденіе имени Вашего стипендіи, на городскія средства, въ одномъ изъ высшихъ образовательныхъ учрежденій. Предоставляя Вашему Высокопревосходительству выборъ этого учрежденія и пожизненное право замѣщенія стипендіи, городское управленіе позволяетъ лишь себѣ представить вниманію Вашему, что въ результатѣ сужденій представителей городскаго общества выяснилась мысль

полезности образованія стипендіатки въ одномъ изъ высшихъ учебно-врачебныхъ заведеній имперіи, женщины-доктора. Разноплеменное общество городскаго управленія, постигая, на сколько Вамъ пріятно стройное единомысліе въ дѣлахъ общественной пользы, охотно согласилось отдать преимущество женщинѣ-мусульманкѣ, если въ средѣ мусульманскихъ женщинъ возможно будетъ найти правоспособную слушать высшіе медицинскіе курсы. Проэктъ стипендіи, на которую городское управленіе ассигновало 8200 р., будетъ представленъ Вашему Высокопревосходительству, по полученіи согласія Вашего придать этой стипендіи славное въ среднеазіатской хроникѣ и дорогое Туркестанскому краю имя Константина Петровича фонъ-Кауфмана 1-го".

Одновременно съ адресомъ, былъ поднесенъ генералъ-губернатору хлѣбъ-соль отъ жителей Ташкента, русскихъ и мусульманъ, и отдѣльно—отъ проживающихъ въ городѣ индусовъ. Вся дорога, отъ избушки до генералъ-губернаторскаго дома была очень эффектно иллюминована. Массы народа толпились по всему пути, по которому долженъ былъ проѣзжать Константинъ Петровичъ, и встрѣчала его дружнымъ ура. Войска были выстроены шпалерами вдоль всей Соборной улицы, начиная отъ гимназій. Противъ генералъ-губернаторскаго дома выставленъ былъ второй почетный караулъ, отъ саперной роты. Когда генералъ подъѣхалъ къ войскамъ, артиллерія полевая, а за нею и крѣпостная, открыла салютаціонную пальбу.

Въ числѣ лицъ, встрѣтившихъ главнаго начальника края, были: авганскій принцъ Абдурахманъ-ханъ (современный нашъ врагъ) и бухарское посольство. Въ залѣ генералъ-губернаторскаго дома, гдѣ были собраны чины военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, Его Высокопревосходительство обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ со слѣдующими словами: „Господа! Государю Императору благоугодно было прислать вамъ свое Царское спасибо за усердную службу и за преданность Его Величеству. Я счастливъ, что могу передать вамъ милостивыя слова Его Величества". (См. описаніе встрѣчи въ Туркест. Вѣдом.).

9-го декабря (воскресенье) я былъ вызванъ къ генералъ-губернатору и, когда явился, былъ приглашенъ имъ на завтракъ. Генералъ былъ чѣмъ-то занятъ и потому попросилъ меня отправиться въ столовую, къ его супругѣ Юліи Мавриківнѣ, которой я былъ представленъ раньше, 25-го ноября. Это была уже почтенная старушка, очень разсудительная и просто себя державшая. Она очень здраво и съ убѣжденіемъ говорила со мной о воспитаніи дѣтей. Между прочимъ она высказала, что отцы въ дѣлѣ воспитанія дѣтей имѣютъ болѣе вліянія потому, что матери находятся постоянно при дѣтяхъ, и дѣти, такъ сказать, приглядываются къ матерямъ и мало ихъ боятся... Madame Кауфманъ — истая нѣмка: ни на часъ безъ дѣла. Въ ожиданіи завтрака она сидѣла въ столовой и разматывала шерсть. Свое занятіе она продолжала и во все время разговора со мной.

Когда мы уже достаточно поговорили съ Madame Кауфманъ, вошелъ, наконецъ, въ столовую генералъ-губернаторъ. Радушно поздоровавшись со мною, онъ сказалъ, что давно желалъ поговорить со мной объ учительской семинаріи. Во все время завтрака предметомъ разговора служили разные педагогическіе вопросы, причемъ Madame Кауфманъ высказывалась спокойно и скромно, но съ яснымъ пониманіемъ дѣла и съ убѣжденіемъ. Послѣ завтрака генералъ провелъ меня по своему зимнему саду и все время добродушно разговаривалъ, а затѣмъ привелъ меня въ свой кабинетъ, усадилъ и довольно долго разспрашивалъ о жизни и дѣятельности учительской семинаріи. Онъ высказалъ большую заботливость о семинаріи и обѣщалъ приглашать меня къ себѣ всякій разъ, когда сочтетъ это нужнымъ. Кромѣ того, прощаясь со мною, онъ высказалъ свое желаніе побывать лично въ семинаріи.

31-го декабря 1879 года я вмѣстѣ съ другими чиновниками г. Ташкента былъ приглашенъ на балъ къ генералъ-губернатору, гдѣ и встрѣчалъ новый годъ. Балъ начался въ 9 час. и былъ многолюдный и торжественный. Въ началѣ бала случилось маленькое приключеніе съ однимъ учителемъ, который явился на балъ въ черномъ фракѣ и въ довольно заношенной сорочкѣ.

Адъютантъ генералъ-губернатора, полковникъ Бергъ тотчасъ подошелъ къ нему и попросилъ его удалиться съ бала, а затѣмъ сказалъ мнѣ, что учитель Гол. не совсѣмъ чисто одѣтъ и потому долженъ былъ оставить балъ... Но генералъ-губернаторъ послѣ не дѣлалъ намековъ на упомянутый случай.

1880-й годъ.

2-го января 1880 г. (среда). Въ этотъ день съ утра падалъ мокрый снѣгъ хлопьями, и на улицѣ была большая грязь. Въ семинаріи, помѣщавшейся въ частномъ домѣ полковника Нольде и размѣщенной, по недостатку лучшихъ квартиръ въ городѣ очень тѣсно, еще за нѣсколько дней до Рождества треснула печь въ классной комнатѣ и дымила. Я кое-какъ ухитрялся освобождать эту комнату отъ дыма послѣ топки и сохранять въ ней во время классныхъ занятій необходимое тепло и съ нетерпѣніемъ поджидалъ наступленія праздниковъ, разсчитывая поправить печь въ первые дни, свободные отъ учебныхъ занятій. Но русскій мастеръ вездѣ одинъ и тотъ же: наканунѣ праздниковъ онъ не работаетъ, а послѣ праздниковъ долго охмеляется*). Такъ и въ данномъ случаѣ: печникъ, взявшійся исправить печь на третій день праздника, только 2 января съ утра принялся за работу. Классныя принадлежности были вынесены изъ комнаты, дверь притворена, а воспитанники стѣснены были въ столовой. Когда печникъ приступилъ къ работѣ и разломалъ печь, пыль и грязь наполнили классную комнату. Успокоившись, что, наконецъ, печникъ принялся за работу, я ушелъ къ себѣ въ квартиру, которая находилась въ сосѣднемъ домѣ. На квартирѣ я читалъ книгу и совершенно не ожидалъ пріѣзда генерала въ семинарію въ такую погоду. И день былъ неучебный... Но вдругъ ко мнѣ прибѣжалъ одинъ изъ служителей и сказалъ, что въ семинарію прибылъ генералъ-

*) Интересно въ самомъ дѣлѣ и въ тоже время грустно подумать, что русскій рабочій въ теченіе года прогуливаетъ не менѣе 125 дней, тогда какъ въ Западной Европѣ нерабочихъ дней не болѣе 65 въ цѣломъ году.

губернаторъ. Удивленный такимъ неожиданнымъ прибытіемъ генерала, я поспѣшно надѣлъ на себя вицъ-мундиръ и скорымъ шагомъ пришелъ въ семинарію. Генералъ-губернаторъ былъ уже въ столовой и разговаривалъ съ воспитанниками. Я вошелъ и поклонился генералъ-губернатору въ то самое время, когда онъ дѣлалъ замѣчаніе воспитаннику Сычеву за то, что тотъ не умѣетъ держать руки. Генералъ-губернаторъ благосклонно отвѣтилъ на мой поклонъ и началъ разговаривать со мною о разныхъ сторонахъ семинарской жизни. Пробывъ въ семинаріи всего минутъ пятнадцать и пожелавъ семинаріи успѣховъ, генералъ направился къ выходной двери, но вдругъ остановился и спросилъ: „У воспитанниковъ есть калоши?“ Я отвѣчалъ, что нѣтъ и что не считаю нужнымъ пріучать ихъ къ калошамъ, такъ какъ большая часть воспитанниковъ—сыновья простыхъ и бѣдныхъ родителей и никогда до сихъ поръ калошъ не носили. Генералъ-губернаторъ подтвердилъ мое мнѣніе и сказалъ: „Именно, такъ; не слѣдуетъ пріучать юношей къ калошамъ и изнѣживать ихъ. Что же касается грязнаго времени, то воспитанники должны пользоваться своими выходами только по крайней надобности и вмѣстѣ съ тѣмъ должны пріучаться и по грязи ходить осторожнѣе и быть всегда опрятными“. При этомъ онъ указалъ на свои сапоги и съ добродушной улыбкой замѣтилъ: „Вотъ, какъ видите, я и адъютантъ мой безъ калошъ, хотя на дворѣ сыро и грязно“. Затѣмъ, когда генералъ-губернаторъ подалъ мнѣ руку на прощанье, я поблагодарилъ его за посѣщеніе семинаріи и вмѣстѣ съ тѣмъ извинился, что мнѣ пришлось представить главному начальнику края въ первый разъ заведеніе въ такомъ непривлекательномъ видѣ. Генералъ-губернаторъ съ ободрительною для меня улыбкой, отвѣтилъ: „Я ничего нехорошаго въ семинаріи не встрѣтилъ“, а затѣмъ, когда я указалъ ему на пыль и грязь, онъ сказалъ: „Вѣдь, печь поправить было необходимо, а грязь при этомъ всегда является неизбѣжною“. Я сказалъ: „но мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, если бы эта необходимая поправка была произведена до Вашего посѣщенія“. На это генералъ-губернаторъ, уже приготовляясь

сойти съ крыльца, сказалъ съ улыбкой: „А на что же русская пословица: *„На ловца и звѣрь“*. При этихъ словахъ генералъ снова подалъ мнѣ руку, сдѣлалъ подъ козырекъ, сѣлъ въ коляску и отправился домой.

Возвратившись въ семинарію, я спросилъ воспитанниковъ, какъ генералъ-губернаторъ вошелъ въ семинарію и что дѣлалъ до моего прихода. Воспитанники разсказали, что генералъ-губернаторъ, какъ только вошелъ въ семинарію и поздоровался съ воспитанниками и дежурнымъ наставникомъ, тотчасъ же спросилъ, что такое поправляютъ мастера въ комнатѣ. Генералъ, очевидно, съ улицы замѣтилъ работу печниковъ, такъ какъ классная комната, въ которой исправлялась печь, выходила на улицу. Когда ему доложили, что исправляется треснувшая и потому дымившая печь, онъ сейчасъ же отворилъ дверь и вошелъ въ эту комнату, не смотря на то, что классная комната была вся наполнена пылью. Генералъ подробно осмотрѣлъ производившуюся работу и разговаривалъ съ печникомъ о томъ, какъ тотъ думаетъ исправить печь и при этомъ давалъ ему свои указанія, но печникъ не во всемъ соглашался съ генералъ-губернаторомъ и отстаивалъ свой планъ работы. Тогда генералъ съ улыбкой сказалъ печнику: „Ну, ты мастеръ; ты долженъ лучше знать свое дѣло и потому спорить съ тобой я не буду“. По выходѣ отъ мастеровъ, генералъ-губернаторъ обошелъ спальныя комнаты, и въ проходной столовой остановился съ воспитанниками и бесѣдовалъ съ ними о томъ, что они должны хорошо учиться и воспитывать въ себѣ честныя убѣжденія и любовь къ труду.

6-го февраля, (среда). Въ этотъ день у генералъ-губернатора былъ обыкновенный пріемъ просителей*). Я имѣлъ поводъ доложить генералу о состояніи семинаріи. Генералъ пригласилъ меня на завтракъ, а послѣ завтрака обѣщалъ поговорить о дѣлѣ. Когда генералъ сѣлъ за столъ, мнѣ указано было мѣсто по лѣвую сторону отъ хозяина. Съ правой стороны сидѣлъ военный губер-

*) Въ то время пріемъ представляющихся и просителей происходилъ три раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ.

наторъ генералъ В. Н. Троцкій*), а далѣе дежурный адъютантъ. За первымъ же блюдомъ генералъ спросилъ меня, пью ли я какое-нибудь вино. Я отвѣчалъ, что пью, и тогда генералъ самъ налилъ мнѣ почти полный стаканъ мадеры и, подавая стаканъ, сказалъ: „Прошу выпить все и зла не оставлять“. Во время завтрака разговоръ какъ-то не клеился, а по окончаніи завтрака, генералъ предложилъ мнѣ папиросу и повелъ меня въ зимній свой садъ, гдѣ показывалъ мнѣ разныя тропическія растенія. Проходили мы по саду минутъ десять, и потомъ генералъ сказалъ: „Ну, теперь пойдемте въ кабинетъ и поговоримъ о дѣлѣ“. Когда мы сѣли около письменнаго стола (генералъ на своемъ мѣстѣ, а я съ противоположной стороны, какъ во время доклада), генералъ спросилъ: „Въ чемъ дѣло?“ Я доложилъ о положеніи и нуждахъ семинаріи. Генералъ выслушалъ и сказалъ, что двери его кабинета всегда открыты и что я могу всегда явиться къ нему за личными указаніями, если въ этомъ встрѣтится надобность. Между прочимъ генералъ сказалъ мнѣ, что не слѣдуетъ обращать много вниманія на всякія непріятности и при этомъ привелъ въ примѣръ себя. „Мнѣ, сказалъ онъ, К... иногда наговариваетъ, что иные дурно отзываются обо мнѣ, но я не обращаю на это вниманія и не стараюсь заискивать расположенія къ себѣ у людей, а преслѣдовать своихъ недоброжелателей не имѣю права“.

7-го февраля генералъ-губернаторъ посѣтилъ мужскую прогимназію и женскую гимназію и имѣлъ къ тому особыя, нерадостныя для него побужденія, именно: передъ этимъ временемъ въ обоихъ названныхъ учебныхъ заведеніяхъ были случаи покушеній учащихся на самоубійство, о чемъ генералъ-губернатору было своевременно извѣстно. Огорченный этимъ печальнымъ въ жизни только что начавшихъ свою дѣятельность учебныхъ заведеній, генералъ-губернаторъ рѣшилъ самъ пріѣхать въ гимназіи и повліять лично на дѣтей, чтобы подобныя ненормальности въ учеб-

*) Нынѣ Виленскій генералъ-губернаторъ.

ныхъ заведеніяхъ не имѣли дальнѣйшаго развитія среди учащихся. Осмотрѣвъ мужскую прогимназію и посѣтивъ нѣкоторые уроки, онъ осмотрѣлъ потомъ женскую гимназію, гдѣ также посѣтилъ нѣкоторые уроки, а затѣмъ снова возвратился въ мужскую прогимназію, гдѣ и обратился къ собравшимся ученикамъ со слѣдующими словами:

„Хотѣлъ я вамъ, дѣти, сказать о тѣхъ случаяхъ, которые начинаютъ повторяться въ вашей средѣ. Очень жаль будетъ, если ташкентская прогимназія, на открытіе и устройство которой потрачено столько хлопотъ, заботъ и труда, не оправдаетъ возлагаемыхъ на нее надеждъ! А между тѣмъ, при открытіи ея, имѣлось въ виду принести не зло, а только добро. Это всякій изъ васъ долженъ знать, ибо это извѣстно вашимъ родителямъ и родственникамъ, которые считали за счастіе имѣть здѣсь гимназію. Спросите ихъ,—и они вамъ скажутъ это. Мнѣ очень жаль, что между вами оказались нѣсколько воспитанниковъ, крайне малодушныхъ. Видя слабость своихъ успѣховъ, они вмѣсто того, чтобы употребить всѣ усилія и старанія къ исправленію полученныхъ ими балловъ за успѣхи, рѣшились на страшный шагъ въ жизни —самоубійство. Стыдно и грѣшно, дѣти, падать духомъ. Развѣ на это намъ дана жизнь Богомъ? Развѣ этимъ путемъ мы должны возблагодарить Его за милость къ намъ? Данная Богомъ жизнь принадлежитъ не только намъ самимъ, но и нашимъ роднымъ, обществу и отечеству. Со всѣми бываетъ въ жизни горе, всякому подъ часъ тяжело и трудно. Но что же дѣлать! Надо переносить всякое горе; если туго—надо подобраться, терпѣть, но не поддаваться отчаянію! Господь Богъ далъ намъ разумъ и силу, характеръ и мужество для того, чтобы мы смѣло переносили житейскія невзгоды, неудачи. Каждый изъ насъ обязанъ всѣми данными ему отъ Бога дарами преодолѣвать встрѣчаемыя въ жизни препятствія. Вы молоды, для васъ жизнь только что начинается... Плохо, если вы уже теперь начинаете теряться, падаете духомъ, не дорожите жизнію.

„Родители ваши, отдавъ васъ въ прогимназію, думаютъ и

разсчитываютъ, что вы подготовитесь легко преодолѣвать невзгоды, встрѣчаемыя въ жизни, что вы будете полезными дѣятелями отечества, утѣшеніемъ семьи. И что же выходитъ на дѣлѣ? Вы оказываетесь слабыми бороться со своими недостатками. Не хорошо, повторяю, и жаль мнѣ тѣхъ изъ васъ, которые уже сдѣлались жертвою молодушія, глупаго подражанія. Подражать надо хорошему дѣлу, а не безумному... Преподаватель поставилъ единицу, —вы уже упали духомъ, стали хуже учиться, опускаете руки. Наказаніе въ гимназіи не имѣетъ цѣлью портить вамъ судьбу. Полученная въ теченіе недѣли единица не служитъ препятствіемъ къ вашему переводу въ высшій классъ. Напротивъ, она указываетъ вамъ слабость вашихъ познаній въ томъ или другомъ предметѣ, а потому надо, не отчаиваясь, усилить свои занятія по этому предмету, поправить свой дурной баллъ. И отличные ученики, постоянно получающіе полные баллы, подъчасъ тоже получаютъ единицы. Посмотрите на нихъ, какъ они поступаютъ въ этомъ случаѣ: они усиливаютъ трудъ,— и дѣло поправляется. Не бѣда, если наставникъ и накажетъ васъ. Нѣтъ ни одного наказанія, которое было бы во вредъ вамъ. Наказаніе, какъ я уже сказалъ, служитъ вамъ только напоминаніемъ о томъ, что надо подобраться, оправиться, а потому оно и не должно приводить васъ ни въ уныніе, ни въ отчаяніе. Когда же въ жизни вашей случится дѣйствительное горе, обращайтесь прямо къ вашимъ ближайшимъ начальникамъ и наставникамъ, и повѣрьте,—ни одинъ изъ нихъ не откажетъ вамъ въ помощи и утѣшеніи.

„Вообще, я желаю отъ васъ, дѣти, чтобы вы учились и вели себя въ гимназіи и на улицѣ, и въ обществѣ такъ, чтобы всякій, видя васъ, могъ бы съ похвалою сказать: *„вотъ видно, что это—ученикъ ташкентской гимназіи“*.

„Итакъ, я увѣренъ, дѣти, что вы оправдаете доброе имя нашей гимназіи со славою и честью“. (Турк. Вѣд. 1880 г. № 9).

Окончивъ этими словами свою рѣчь, обращенную къ ученикамъ прогимназіи, генералъ-губернаторъ сказалъ преподавателямъ, что ввѣренное имъ дѣло—трудное, что оно требуетъ терпѣнія

и т. д. и что не должно терять энергіи вслѣдствіе происшедшихъ среди учащихся грустныхъ случаевъ самоубійства и покушенія на лишеніе себя жизни, а стараться вести свое дѣло съ сердечною любовью къ дѣтямъ, со вниманіемъ къ ихъ нуждамъ и всегда приходить къ нимъ на помощь.

Объяснять записанный фактъ еще рано.—Послѣ того инспекторъ народныхъ училищъ Д. М. Граменицкій былъ у генерала по своимъ дѣламъ, и генералъ сказалъ ему: „А вотъ, въ прогимназіи въ послѣднее время какіе печальные случаи были. Я, наконецъ, былъ вынужденъ самъ поѣхать туда и поговорить съ дѣтьми. И замѣтьте: поговорилъ,—и слова мои подѣйствовали... Послѣ того такіе случаи прекратились“.

Константинъ Петровичъ любилъ ташкентскія учебныя заведенія, какъ свои дѣтища, какъ онъ ихъ называлъ иногда, чему я самъ былъ свидѣтелемъ. И если онъ среди своихъ многосложныхъ обязанностей находилъ время заниматься серьезно дѣлами учебнаго вѣдомства, то это—большая заслуга его предъ учебнымъ дѣломъ Туркестанскаго края. Онъ не просто создалъ это дѣло, но выхаживалъ его и радовался, глядя на его развитіе и ростъ. Исторія оцѣнитъ его заслуги этому дѣлу, а мы, живые свидѣтели его отношеній къ школѣ и къ дѣятелямъ школы, можемъ только съ чувствомъ искренней признательности вспоминать это минувшее время.

14 февраля, четвергъ. Въ этотъ день былъ подписанъ генералъ-губернаторомъ приказъ по учебному вѣдомству съ выраженіемъ искренней благодарности мнѣ отъ генералъ-губернатора за полезные труды и службу по учебному вѣдомству. Приказъ этотъ былъ вызванъ отзывомъ г. Министра народнаго просвѣщенія, въ которомъ была выражена мнѣ благодарность министерства за отчетъ мой объ осмотрѣ народныхъ училищъ Сыръ-дарьинской и Семирѣченской областей въ октябрѣ и ноябрѣ 1878 г.*). Эта дорогая для меня бумага нѣкоторое время была задержана и не

*) Отчетъ этотъ былъ напечатанъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1879 г., въ іюльской кн., на стр. 54—76.

докладывалась генералъ-губернатору, но когда онъ узналъ объ этомъ, то вытребовалъ министерскую бумагу и выразилъ благодарность мнѣ и отъ себя лично.

15-го февраля, въ пятницу, въ 11 часовъ утра, я былъ у генералъ-губернатора, по его личному приказанію, вызванному заготовленіемъ желѣзныхъ коекъ для семинаріи. Дѣло было такъ: семинарія была открыта въ 1879 г. необыкновенно поспѣшно. Какъ только въ Ташкентѣ была получена телеграмма изъ министерства о Высочайшемъ разрѣшеніи на учрежденіе семинаріи, было рѣшено открыть семинарію 30-го августа того же года, въ день тезоименитства Государя Императора Александра II. Къ этому дню нужно было приготовить все необходимое для семинаріи и койки для воспитанниковъ. При недостаткѣ въ то время въ Ташкентѣ хорошихъ матеріаловъ и вольныхъ мастеровъ, койки были приготовлены изъ очень тонкаго желѣза и скоро оказались почти негодными къ употребленію, почему я и возбудилъ вопросъ о постройкѣ новыхъ желѣзныхъ коекъ и уже не частнымъ мастеромъ, а въ мастерской ташкентскаго военнаго арсенала. Генералъ-губернаторъ согласился на мое ходатайство, но приказалъ мнѣ привезти къ нему въ домъ одну старую койку и новую, приготовленную для образца въ арсеналѣ. Генералъ опасался, чтобы и новыя койки не были приготовлены такъ же плохо, какъ и прежнія, и хотѣлъ поэтому лично убѣдиться, что новыя койки будутъ лучше старыхъ. И вотъ, я отправилъ на арбѣ двѣ желѣзныя койки въ домъ генералъ-губернатора и слѣдомъ за ними явился самъ. Койки были внесены въ пріемную. Генералъ-губернаторъ, внимательно осмотрѣвъ ихъ, призналъ новую койку вполнѣ удовлетворительною и благодарилъ меня. Приэтомъ онъ указалъ, что для большой прочности слѣдовало сдѣлать угловыя склепки и надъ досками, какъ было сдѣлано подъ досками. По моей просьбѣ, генералъ разрѣшилъ не придѣлывать къ койкамъ особыхъ надставокъ для надписей фамилій воспитанниковъ, такъ какъ въ этихъ надписяхъ особой нужды не было, а между тѣмъ онѣ вызывали лишній расходъ. Одобривъ новую койку, генералъ сказалъ, что у него было

недовѣріе къ новому заказу, но что теперь онъ убѣдился въ прочности работы, и отпустилъ меня домой совершенно успокоеннымъ.

19-го февраля, 1880 года, четвергъ. Въ этотъ день Ташкентъ, какъ и вся Россія, праздновалъ 25-тилѣтіе царствованія Государя Александра Николаевича. Въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ отъ 26-го февраля въ № 9 было по этому случаю напечатано, что высокоторжественный, радостный для Россіи день 19-го февраля настоящаго года отпразднованъ былъ въ Ташкентѣ съ особою торжественностью. Городъ съ самаго ранняго утра принялъ веселый, праздничный видъ. Превосходная, весенняя погода еще болѣе способствовала общему радостному настроенію: 19-го февраля было первымъ, теплымъ, весеннимъ днемъ послѣ долгой суровой зимы того года.

Празднованіе началось, по православному обычаю, литургіей, съ благодарственнымъ молебствіемъ и церковнымъ парадомъ, на которомъ командующій войсками округа, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ поздравилъ собранныя войска съ высокоторжественнымъ праздникомъ — двадцатипятилѣтнею годовщиною славнаго царствованія обожаемаго Монарха. Вслѣдъ за гимномъ „Боже, Царя храни!“ долго гремѣло неумолкаемое „ура“.

Послѣ общаго народнаго молебствія въ городскомъ храмѣ, въ залѣ генералъ-губернаторскаго дома было отслужено второе молебствіе для ташкентскихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Обширная, парадная зала дома едва могла вмѣстить въ себѣ учащихся, преподавателей, преподавательницъ и посторонникъ лицъ. На молебствіе собрались: ученики мужской прогимназіи, ученицы женской гимназіи, воспитанники учительской семинаріи и дѣти народныхъ школъ, мужской и женской. Всего было 549 дѣтей обоего пола.

Предъ началомъ молебствія, законоучитель прогимназіи, свящ. Екатеринскій сказалъ слѣдующее слово на текстъ: „Воздадите убо Кесарева Кесареви, и Божія Богови“. (Мѳ. XXII, 21).

„Собравшись нынѣ здѣсь, по случаю совершившагося двадцатипятилѣтія царствованія Государя Императора нашего, мы, дѣти, естественнѣе всего должны привести себѣ на память наши обязанности къ Государю.

„Господь нашъ Іисусъ Христосъ, за два дня до своихъ вольныхъ страданій, въ отвѣтъ на вопросъ книжниковъ іудейскихъ объ отношеніяхъ къ царю, сказалъ: „воздатите Кесарева Кесареви, а Божія Богови. Знаменательны эти слова Божественнаго Учителя. Христосъ этимъ какъ бы сказалъ: что должно дѣлать —дѣлайте, къ чему обязываетъ васъ законъ—неукоснительно исполняйте; въ противномъ же случаѣ вы явитесь нарушителями предписаній Божескихъ и человѣческихъ. Этотъ отвѣтъ І. Христа предполагаетъ въ слушателяхъ знаніе того, что они должны воздавать Кесарю, т. е. что они должны почитать царя и исполнять Его волю, и я обращаю теперь ваше вниманіе на тѣ побужденія, по которымъ мы должны исполнять заповѣдь Божію.

„Послушайте, съ какою заботливостію православная христіанская церковь старается внѣдрить въ своихъ членахъ правильное понятіе о царскомъ служеніи. Еще при вступленіи государя на престолъ, стало быть въ началѣ служенія его, церковь указываетъ на высоту его призванія, совершая надъ нимъ чинъ священнаго помазанія миромъ, чѣмъ ясно указываетъ, что власть царя существуетъ независимо отъ насъ, что эта власть сама по себѣ высока и священна, что въ рукѣ царя судьбы Его подданныхъ, что ему принадлежитъ полное право карать и миловать насъ, словомъ, что царь есть помазанникъ Божій, и православная церковь поступаетъ въ этомъ случаѣ по волѣ Божіей. Припомнимъ исторію избранія на царство Саула и Давида. Сначала пророкъ Самуилъ, по повелѣнію Божію, возлилъ на главы ихъ елей и чрезъ это сообщилъ имъ особенную силу, необходимую при управленіи народомъ, а затѣмъ уже народъ избралъ ихъ. Отсюда ясно, что самъ Богъ избираетъ царей и опредѣляетъ часъ ихъ: они живутъ, доколѣ нужны Богу, какъ Его орудіе на землѣ. Самъ Богъ, заботясь о сохраненіи царской власти и царской жизни, называетъ

царя своимъ помазанникомъ и говоритъ: „не прикасайтеся помазаннику Моему“, а псалмопѣвецъ пророкъ Давидъ свидѣтельствуетъ, что Богъ особеннымъ промышленіемъ величественно спасаетъ помазанника своего (пс. XVII, 51). Ту же самую мысль высказываетъ св. ап. Павелъ: заповѣдуя христіанамъ повиноваться предержащимъ властямъ, онъ высказываетъ, что всѣ власти установлены отъ Бога и что противящіеся власти противятся повелѣнію Божію (Рим. XIII, 12). Такимъ образомъ, всѣ вышеприведенныя свидѣтельства слова Божія указываютъ намъ, что царь есть помазанникъ Божій, что власть его отъ Бога, а потому и тотъ, кто относится къ нему безъ должнаго уваженія и почтенія,— есть противникъ Божій.

„И такъ, дѣти, мы должны почитать своего Государя прежде всего потому, что власть царская происходитъ отъ Бога. Тому же учитъ насъ и исторія. Этотъ нелицепріятный судія судебъ человѣчества, исторія, намъ показываетъ, что въ тѣхъ государствахъ, подданные которыхъ добросовѣстно исполняютъ свои обязанности къ государю, замѣчается несравненно высшее благосостояніе во всѣхъ отношеніяхъ.

„Исторія нашей родной страны учитъ насъ тому же. Сначала незначительное княжество, пережившее на своемъ вѣку столько бѣдъ и горя отъ внѣшнихъ враговъ, сколько, смѣло можно сказать, не выпадало на долю другихъ государствъ, отечество наше достигло высочайшаго могущества и силы, преобразовавшись въ великое государство Россійское. А почему? Русь всегда была крѣпка почитаніемъ своего царя и преданностію его престолу. Особенно это почтеніе и преданность сильно обнаруживались въ годины общественныхъ бѣдствій. Тогда являлись люди, готовые жертвовать своимъ имуществомъ и своею жизнію за Государя, каковы: Мининъ, Сусанинъ и др.

„Намъ будутъ еще понятнѣе и яснѣе наши обязанности къ государю, если мы жизнь государственную сравнимъ съ жизнію нашего организма. Что мы замѣчаемъ здѣсь? Первенствующее мѣсто занимаетъ голова; другіе же члены служатъ только орудіями

или тѣми путями, посредствомъ которыхъ получаются въ головѣ свѣдѣнія, объединяемыя сознаніемъ въ одно цѣлое. Такъ, глазъ только видитъ, ухо слышитъ, носъ обоняетъ, при посредствѣ рта ощущается вкусъ, руки и вся поверхность кожи служатъ органомъ осязанія, и всѣ эти разнообразныя ощущенія объединяются въ головѣ въ опредѣленное воззрѣніе.

„Такимъ образомъ, дѣятельность головы есть какъ бы дѣятельность царственная, заправляющая. Всякому извѣстно, что когда болитъ голова, то человѣкъ, хотя и здоровы другіе его органы, не живетъ, а прозябаетъ. Но не смотря на такое значеніе головы, и другіе органы въ дѣлѣ жизни и здоровья организма имѣютъ свое значеніе. Если глазъ наприм. не видитъ, то и человѣкъ не имѣетъ свѣтовыхъ впечатлѣній. Ему недоступны красота и величіе внѣшней природы; точно также, если не слышитъ ухо, головѣ нашей непонятны и недоступны мелодіи музыки. Отсюда видно, что въ дѣлѣ жизни организма необходимо взаимодѣйствіе всѣхъ органовъ; въ противномъ же случаѣ, жизнь человѣка бываетъ неполна. Такое же явленіе происходитъ и въ государственной жизни. Государь—это голова политическаго организма, государства; подданные государя—это органы. Одни изъ нихъ стоятъ ближе къ головѣ, другіе дальше; дѣятельность однихъ важнѣе, а другихъ незначительнѣе. Тѣмъ не менѣе, чтобы политическое тѣло жило и процвѣтало, необходимо, чтобы всѣ члены его находились въ правильномъ взаимодѣйствіи, необходимо. чтобы они исполняли свои обязанности. Вѣдь, никто не назоветъ человѣка слѣпаго счастливымъ и здоровымъ; точно также и государство, лишенное дѣятельности членовъ, замѣняющихъ въ немъ органъ зрѣнія, никто не будетъ считать счастливымъ и живущимъ нормальною жизнью..

„И какъ больной человѣкъ уже одною ногою стоитъ въ гробу, такъ и государство, члены котораго не исполняютъ своихъ обязанностей, находится на краю своей гибели.

„Наконецъ, къ исполненію нашихъ обязанностей въ отношеніи къ государю побуждаетъ насъ и естественное чувство благо-

дарности. Царь повелѣваетъ только то, что способствуетъ нашему истинному благу, заботится о насъ, какъ отецъ о своихъ дѣтяхъ, радуется нашему благосостоянію и поощряетъ каждый хорошій нашъ поступокъ. Царь, по справедливому замѣчанію ап. Павла, есть „Божій слуга тебѣ на добро, и потому дѣлай добро и получишь похвалу отъ него“ (Рим. XIII ст. 3). Полнѣйшее подтвержденіе словъ апостола представляетъ настоящее царствованіе. Что сдѣлалъ для насъ Богомъ хранимый Государь нашъ? Онъ освободилъ народъ русскій отъ крѣпостной зависимости и даровалъ ему права личности и гражданственности; прежній долгій и строгій судъ замѣнилъ новымъ, милостивымъ и скорымъ, преобразовалъ воинскую повинность, которою тяготились крестьяне, и распредѣлилъ ее между всѣми сословіями, призванными полагать душу за свое отечество. Онъ поднялъ уровень народнаго образованія, и въ этомъ отношеніи заботливость Государя особенно замѣчательна. При каждомъ случаѣ Онъ старается обратить вниманіе старшихъ на воспитаніе младшихъ членовъ государственной семьи, именно васъ, дѣти. Даже въ минуты, весьма тяжелыя для Его сердца, Онъ не только не забываетъ васъ, но еще съ какою любовью говоритъ о вашемъ образованіи и воспитаніи и съ какою жалостію о юношахъ, увлекающихся, по выраженію апостола, „всякимъ вѣтромъ ученія“. Словомъ, Государь искренно любитъ васъ и заботится о васъ. Какъ же намъ быть неблагодарными къ Его любви и Его заботливости, какъ не исполнять нашихъ обязанностей въ отношеніи Его, какъ не почитать, не любить Его! Какъ послѣ этого не воскликнуть изъ глубины души: „Живи, нашъ великій Царь; мы, дѣти твои, безпрекословно будемъ исполнять Твою державную волю, проводить Твои начинанія въ жизни, строго исполняя свои обязанности!“

„Вотъ, дѣти, побужденія, которыя заставляютъ насъ исполнять волю Государя, побужденія, которыя невольно извлекаютъ изъ души нашей воззваніе: „Да хранитъ тебя, Великій Царь, Господь на многія лѣта!“

„Помните, дѣти, заповѣдь апостола: „Бога бойтесь и царя

чтите“ (I Пет. 2. 17) и старайтесь со всѣмъ усердіемъ исполнять священныя обязанности въ отношеніи къ нашему Государю, старайтесь утѣшитъ любвеобильное сердце Его своими успѣхами. А теперь возблагодаримъ Господа отъ всего сердца за сохраненіе намъ дорогой жизни Государя нашего въ теченіе 25 лѣтъ Его славнаго царствованія и помолимся о продленіи жизни нашего Государя впредь на многія лѣта. Аминь“.

По окончаніи проповѣди, былъ отслуженъ молебенъ, во время котораго пѣніе исполнялось двумя хорами учащихся въ Ташкентѣ дѣтей: мужскимъ (хоръ прогимназіи и семинаріи) и женскимъ (ученицы гимназіи). По окончаніи молебна, всѣ присутствовавшія на молебнѣ дѣти до 500 человѣкъ стройно пропѣли народный гимнъ „Боже, Царя храни“. По окончаніи гимна, генералъ-губернаторъ принималъ поздравленія отъ присутствовавшихъ лицъ, а затѣмъ обратился къ учащихся дѣтямъ со слѣдующими словами: „Поздравляю васъ, дѣти, съ радостнымъ для насъ, вѣрноподданныхъ Государя Императора, днемъ. Желаю вамъ успѣха. Учитесь хорошо и старайтесь порадовать Царево сердце и утѣшить вашихъ родителей“.

Въ тотъ же день отправлена была главнымъ начальникомъ края телеграмма отъ имени его высокопревосходительства къ г. министру народнаго просвѣщенія, слѣдующаго содержанія:

„Въ ознаменованіе совершившагося 25-лѣтняго царствованія возлюбленнаго нашего Монарха, сегодня учебной корпораціей отслужено молебствіе, въ присутствіи учащихъ и учащихся. Прошу повергнуть къ стопамъ Его Величества наши вѣрноподданическія чувства и душевныя пожеланія долголѣтняго царствованія“. Генералъ-Адъютантъ фонъ-Кауфманъ I-й.

Тогда же представленъ былъ главнымъ инспекторомъ училищъ Куномъ генералъ-губернатору адресъ на Высочайшее Имя слѣдующаго содержанія:

„Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь! Исполненные чувства глубокой преданности Августѣйшей Особѣ Вашего Императорскаго Величества, привѣтствуемъ Васъ, Возлюб-

ленный Монархъ, отъ себя и отъ ввѣренныхъ нашему попеченію дѣтей съ дорогимъ для всей Россіи днемъ совершившагося сегодня двадцатипятилѣтія славнаго царствованія Вашего.

„Любвеобильныя заботы Вашего Императорскаго Величества о благѣ русскаго народа въ истекшее двадцатипятилѣтіе Вашего царствованія ознаменованы цѣлымъ рядомъ великихъ государственныхъ реформъ, благодѣтельное значеніе которыхъ глубоко сознается благодарнымъ русскимъ народомъ и вызываетъ у него теплое сердечное чувство любви и благоговѣйной признательности къ своему Вѣнценосному Царю-Освободителю. Волею Вашего Императорскаго Величества даны милліонамъ людей человѣческія, освященныя христіанскою вѣрою, права. Народное образованіе, получивши въ славное Ваше царствованіе широкое распространеніе и внутреннюю силу, продолжаетъ быстро и повсемѣстно развиваться по обширной имперіи русской. Безпримѣрныя попеченія Ваши о развитіи этой великой внутренней силы ввѣренной Вамъ Божественнымъ Провидѣніемъ русской державы и щедрыя поощренія Ваши народному образованію вызвали къ существованію и въ новопокоренномъ Вашему Державному Скипетру Туркестанскомъ краѣ, въ короткій періодъ времени, цѣлые десятки народныхъ училищъ, двѣ мужскія шестиклассныя прогимназіи, двѣ женскія гимназіи и одну учительскую семинарію. Во всѣхъ названныхъ учебныхъ заведеніяхъ получаютъ образованіе и воспитываются въ патріотическомъ духѣ дѣти русскихъ и инородцевъ.

„Исторія достойно оцѣнитъ отеческія заботы Ваши о просвѣщеніи русскаго народа и на вѣки сохранитъ въ своихъ безпристрастныхъ письменахъ дорогую для русской земли память о священной Особѣ Вашей. А мы, движимые ревностію о славѣ Вашего Императорскаго Величества и одушевляемые отеческими попеченіями Вашими о счастіи русскаго народа, считаемъ честью для себя служить высокому дѣлу народнаго образованія въ дальней окраинѣ земли русской и усердно молимъ Милосердаго Господа даровать Вашему Императорскому Величеству долголѣтнюю и счастливую жизнь на радость всѣмъ Вашимъ вѣрноподданнымъ.

Вмѣстѣ съ этимъ мы просимъ милостиваго соизволенія Вашего Императорскаго Величества на принятіе искренняго желанія всѣхъ учащихъ и учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ Туркестанскаго края учредить на собранный нами капиталъ стипендіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ края, въ ознаменованіе достопамятнаго для всей Россіи дня 19-го февраля 1880 года. Да сохранится объ этомъ днѣ и въ Туркестанскомъ краѣ память на вѣки! Да вспоминаетъ навсегда учащееся юношество Туркестанскаго края славное имя Царя-Освободителя съ глубокою благодарностію въ сердцѣ къ Россійскому Царствующему Дому!“

Къ этому дню прибыли въ Ташкентъ уполномоченные отъ бухарскаго амира посланцы, которые поздравили генералъ-губернатора съ радостнымъ для всей Россіи днемъ*). Вечеромъ Ташкентъ былъ иллюминованъ; у многихъ домовъ горѣли свѣчи, плошки и красовались транспаранты; учительская семинарія была особенно освѣщена; транспарантъ ея былъ приготовленъ самими воспитанниками, подъ руководствомъ учителя рисованія Сахарова.

Вечеромъ въ домѣ генералъ-губернатора былъ многолюдный балъ, открывшійся полонезомъ**).

Въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ, вслѣдъ за 19-мъ февраля, было помѣщено нѣсколько извѣстій о празднованіи этого дня въ разныхъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края, при чемъ не были забыты и туземцы, о которыхъ было сказано, что и они праздновали этотъ день съ понятною для всякаго вѣрноподданнаго радостью и любовью. Особенно любопытна напечатанная въ № 13 Туркестанскихъ Вѣдомостей замѣтка о ходжентскихъ туземцахъ, о которыхъ было сказано, что они вмѣстѣ съ русскими жителями

*) Въ этотъ же день въ Карши, гдѣ жилъ Амиръ Бухарскій, утромъ былъ парадъ, а вечеромъ иллюминація. Для принятія поздравленій отъ Бухарскаго Амира и Бухарскихъ сановниковъ, въ Карши былъ командированъ капитанъ Арендаренко, который сначала принялъ поздравленія отъ Бухарскихъ сановниковъ, а затѣмъ въ полдень уже былъ принятъ Бухарскимъ Амиромъ.

**) Позволю себѣ отмѣтить здѣсь, что, какъ на этомъ балѣ генералъ-губернатора, такъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, присутствовали личности, не имѣвшія на то право по своему общественному положенію: въ описываемое время отношенія къ оффиціальнымъ баламъ генералъ-губернатора отличались нѣкоторой свободой.

города буквально наводнили большую площадь передъ уѣзднымъ управленіемъ. Уѣздный начальникъ, подполковникъ Путинцевъ, послѣ парада, обратился къ стоявшимъ около уѣзднаго управленія туземцамъ съ рѣчью о томъ, что туземное населеніе края, со дня его занятія русскими, благоденствуетъ, наслаждается спокойствіемъ, безопасностью, ежегодно увеличиваетъ свою торговлю, хлѣбопашество, благодаря Доброму и Милостивому Бѣлому Царю, который одинаково любитъ всѣхъ своихъ подданныхъ, какъ русскихъ, такъ и иновѣрцевъ. Въ заключеніе, для наглядности, онъ кратко очертилъ управленіе бывшихъ хановъ и тяжелое положеніе при нихъ народа.— Послѣ того бѣдному люду изъ туземцевъ отъ начальника уѣзда было предложено особое угощеніе. Во время завтрака слышалась по временамъ и сартовская музыка. Отъ имени русскаго и туземнаго населенія начальникъ уѣзда отправилъ въ Ташкентъ поздравительную телеграмму генералъ-губернатору. Вообще,—говорилось въ этой замѣткѣ,—все населеніе Ходжента приняло самое живое и искреннее участіе въ праздникѣ (веселились особенно на базарѣ); туземцы прекрасно поняли высокое значеніе этого праздника, благодаря заблаговременнымъ объясненіямъ начальника уѣзда*).

10-го апрѣля (среда) нѣкоторыя ученицы приготовительнаго класса женской гимназіи возвращались небольшой группой домой по направленію къ перекрестку Саларской и Московской улицъ. На нихъ наскакалъ офицеръ и сбилъ съ ногъ мою 8-лѣтнюю

*) Увѣрять, что туземцы «прекрасно поняли» высокое значеніе такого дня, едвали слѣдовало, п. что не совсѣмъ естественно предполагать, чтобы покоренные силой русскаго оружія туземцы, отличающіеся отъ русскаго народа происхожденіемъ, нравами, обычаями, своей исторіей и вѣрою, могли также искренно относиться къ празднику русскаго народа, какъ и русское населеніе, которому Русскій Царь — родной по крови и по вѣрѣ. — Андижанское событіе 18 мая 1898 г. и появившіяся по этому поводу статьи въ Туркест. Вѣдомостяхъ невольно наводятъ на мысль, что туземцы Туркестанскаго края не всѣ и не всегда цѣнятъ заботы о нихъ русскаго правительства, которое израсходовало на край со времени его присоединенія къ Россіи, огромную сумму въ 135 мил. рублей... Теперь ошибки въ излишней довѣрчивости русскихъ властей туземцамъ начинаютъ сознаваться. См. «Мысли русскаго человѣка» въ № 1 Туркест. Вѣдом. за 1899 годъ. Полковникъ Путинцевъ, я думаю, и самъ разочаровался въ туземцахъ въ 1892 г., во время холерныхъ безпорядковъ въ Ташкентѣ.

дочь, послѣ чего у нея оказались двѣ ссадины на боку и на спинѣ, очевидно отъ ногъ лошади, на которой офицеръ мчался. Дочь мою подняли безъ чувствъ изъ грязи*). Законоучитель гимназіи священникъ В. Г. Покровскій, какъ разъ слѣдовавшій за дѣвочками, подозвалъ полицейскаго, которому приказалъ найти извощика, на которомъ и отправилъ дочь мою домой.

Дочь прежде всего нужно было очистить отъ грязи, переодѣть и успокоить. Не успѣли и мы еще притти въ чувство, какъ подъѣхала къ намъ карета генералъ-губернатора, и сидѣвшій на козлахъ человѣкъ явился сказать, что прибыла супруга генералъ-губернатора, Ю. М. Кауфманъ, пожаловавшая къ намъ въ отвѣтъ на наше представленіе къ ней. Я и жена были смущены вниманіемъ къ намъ М-me Кауфманъ. Она вошла въ нашу квартиру съ важностію, свойственною ея положенію и почтенному возрасту, но затѣмъ, когда сѣла, начала спокойно говорить, хотя, можетъ быть, и недоумѣвала, глядя на обстановку нашей пріемной комнаты, въ которой тогда стоялъ казенный библіотечный шкафъ, принадлежавшій семинаріи. Сначала она погоревала по поводу состоявшагося похода въ Кульджу и особенно по поводу переживаемаго Россіей затруднительнаго политическаго положенія. Я сказалъ, что при мысли о переживаемомъ положеніи нашего отечества иногда и говорить бываетъ тяжело. Это, повидимому, удивило М-me Кауфманъ, особенно, когда я указалъ на шатаніе умовъ, происходившее тогда въ Петербургѣ.

Подъ вліяніемъ случая, происшедшаго съ нашею дочерью, я чувствовалъ себя неспокойно и въ объясненіе этого разсказалъ М-me Кауфманъ, какъ было дѣло. Юлія Маврикіевна отнеслась очень сочувственно къ моему разсказу и обѣщала, тотчасъ по возвращеніи домой, разсказать генералу о безобразномъ поведеніи офицера. Генералъ-губернаторъ въ свою очередь отнесся внимательно къ дѣлу, и виновникъ уличнаго безобразія былъ посаженъ на

*) Другой подобный случай былъ съ дѣтьми купца Захо. Когда его маленькія дѣти ѣхали въ колискѣ съ няней, одинъ молодой офицеръ С. вздумалъ перескочить чрезъ коляску, но лошадь его задѣла ногами за коляску и изувѣчила одного ребенка.

гауптвахту на двѣ недѣли, въ число которыхъ входила и пасхальная недѣля. (Пасха тогда началась 20-го апрѣля).

Послѣ генералъ-губернаторъ самъ сказалъ мнѣ, что онъ считалъ своею обязанностію наказать офицера за безпорядочную ѣзду по улицѣ и за причиненную дѣтямъ, возвращавшимся изъ гимназіи, тревогу, грозившую моей дочери опасностью увѣчья.

10-го мая (суббота), въ 10 часовъ утра, были проводы генералъ-губернатора, отъѣзжавшаго въ Кульджу вслѣдъ за русскимъ отрядомъ, выступившимъ туда въ виду возможныхъ столкновеній съ Китаемъ. Въ этотъ же день генералъ-губернаторъ приказалъ устроить закладку средняго корпуса Ташкентской мужской прогимназіи. — На гимназической площади, на срединѣ между первымъ и третьимъ корпусами, былъ отслуженъ молебенъ съ водосвятіемъ, по окончаніи котораго произведена была и самая закладка безъ особой торжественности. Въ этомъ корпусѣ была проектирована и утверждена генералъ-губернаторомъ гимназическая церковь, состоявшая изъ одного алтаря, такъ какъ подъ церковь собственно предназначался гимназическій актовый залъ; для алтаря же проектирована была маленькая пристройка на заднемъ фасадѣ этого корпуса, обращенномъ на юго-западъ и притомъ въ гимназическій садъ, такъ что изъ двухъ боковыхъ оконъ проектированнаго алтаря были видны гимназическіе сараи и кухни, равно и выгребныя ямы, расположенныя на гимназическихъ дворикахъ. Почему не хотѣли устроить алтарь гимназической церкви на лицевой сторонѣ средняго корпуса, я хорошенько не знаю, но думаю, что главнымъ мотивомъ приэтомъ были чисто внѣшнія соображенія: выступъ алтаря съ лицевой стороны зданія нарушалъ бы фасадъ, а пристройка къ задней сторонѣ корпуса не портила фасада и не отнимала въ зданіи гимназіи много мѣста. Но при этомъ упущено было изъ виду главное: православная церковь въ учебномъ заведеніи, находящемся въ мусульманскомъ городѣ Ташкентѣ, оказывалась такимъ образомъ съ алтаремъ, весьма похожимъ на пристройку въ татарскихъ мечетяхъ и обращеннымъ притомъ въ сторону Мекки. Кромѣ того, эта тѣсная при-

стройка нисколько не отвѣчала священному назначенію важнѣйшей части православнаго храма. Въ то же время назначеніе актоваго зала подъ церковь во время богослуженія крайне неудобно въ воспитательномъ отношеніи: дѣти во время отдыха обыкновенно рѣзвятся въ актовомъ залѣ, не думая о томъ, что за деревянной задвижкой находятся иконостасъ и алтарь, къ которымъ они естественно утрачивали бы чувство благоговѣнія. Въ другое время въ актовомъ залѣ бываютъ разныя собранія, ничего общаго съ богослуженіемъ не имѣющія... Все это вызываетъ разныя неудобства, какъ и оправдалось потомъ на опытѣ съ церковью женской гимназіи...

Закладка средняго корпуса гимназіи съ такимъ страннымъ алтаремъ для гимназической церкви была освящена молебствіемъ, причемъ законоучитель гимназіи свящ. Екатеринскій сказалъ рѣчь, содержаніе которой совершенно не удержалось у меня въ головѣ. Выпивая бокалъ шампанскаго, генералъ-губернаторъ пожелалъ процвѣтанія мужской прогимназіи и женской гимназіи. Мнѣ, находившемуся при этомъ торжествѣ, генералъ-губернаторъ сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ, какъ бы желая утѣшить меня за убогое помѣщеніе семинаріи, для которой онъ уже не имѣлъ средствъ строить новое зданіе. Н. М. Бахтіаровъ въ этотъ же день вечеромъ разсказалъ мнѣ, что въ предыдущую среду генералъ-губернаторъ говорилъ съ нимъ обо мнѣ, причемъ генералъ высказался, что ему совѣстно противъ меня, такъ какъ семинарія, занявъ помѣщеніе въ домѣ полк. Терейковскаго, вынуждаетъ меня поселиться въ очень маленькой и плохенькой квартиркѣ, но что-де онъ знаетъ меня за человѣка, ставящаго интересы семинаріи и учебно-воспитательнаго дѣла ея выше своихъ личныхъ и семейныхъ удобствъ*).

---

*) Такой взглядъ на меня стоилъ, однако, большихъ жертвъ: мнѣ приходилось жить въ невозможной по тѣснотѣ и совершенно неудобной постройкѣ, о которой тяжело въ настоящее время даже вспоминать. Въ дѣйствительности, моя квартира помѣщалась въ прежней кухнѣ и примыкавшей къ ней небольшой комнаткѣ. По распоряженію генералъ-губернатора, къ этимъ жалкимъ комнаткамъ были пристроены еще двѣ комнатки изъ сырцоваго кирпича, которыя не успѣли хорошо просохнуть... Въ результатѣ получилась цынга въ моей семьѣ, отъ которой мы съ разными послѣдствіями освободились, только благодаря совѣтамъ покойнаго доброжелательнаго Гер. Фр. Логиновича.

10 іюня (вторникъ). Въ вышедшемъ въ этотъ день № 23 Туркест. Вѣдом. было описано празднованіе жителями г. Вѣрнаго имянинъ генералъ-губернатора (21 мая). По окончаніи богослуженія, совершеннаго преосв. Александромъ, представители города съ епископомъ во главѣ, собрались въ квартиру высокаго гостя-имянинника. Тамъ, въ залѣ, было совершено краткое молебствіе, причемъ было провозглашено многолѣтіе главному начальнику края. По окончаніи многолѣтія, протоіерей кафедральнаго собора о. Высоцкій обратился къ генералъ-губернатору съ слѣдующей рѣчью: „Ваше Высокопревосходительство! Со времени учрежденія самостоятельной кафедры въ г. Вѣрномъ, духовенство, въ немъ служащее, не имѣло удовольствія лично привѣтствовать Ваше Высокопревосходительство съ днемъ тезоименитства Вашего. Обстоятельства политическія привели Васъ нынѣ сюда, и мы осчастливлены тѣмъ, что, въ присутствіи Вашего Высокопревосходительства, принесши, купно съ архипастыремъ нашимъ, моленія и благодаренія Господу Богу о здравіи и благоденствіи Вашемъ и о благополучіи управляемаго Вами края, приносимъ Вамъ лично наше поздравленіе съ днемъ тезоименитства Вашего, причемъ усердно просимъ принять въ благословеніе копію Казан. иконы Богоматери. Подлинное изображеніе Богоматери, именуемое Казанскою, какъ исторически извѣстно, прославлено покровительствомъ Божіей Матери русскому воинству, при покореніи иновѣрнаго царства Казанскаго. Богу извѣстно, чѣмъ кончатся настоящія политическія усложненія; можетъ быть, они приведутъ Ваше Высокопревосходительство къ необходимости вступить въ воинскую борьбу съ сосѣднею намъ нехристіанскою страною. Да будетъ же изображенная на иконѣ этой Богоматерь покровительницей Вамъ и воинству Туркестанскому на полѣ бранномъ! При этомъ еще просимъ Ваше Высокопревосходительство принять отъ насъ подносимую, по обычаю русскому, хлѣбъ-соль, какъ изъявленіе искреннѣйшаго желанія нашего, чтобы домъ Вашъ и весь управляемый Вами край не оскудѣвали изобиліемъ плодовъ земныхъ“.— Епископъ Александръ, принявъ отъ протоіерея икону, благосло-

вилъ ею начальника края, а ключаръ собора свящ. Сѣдачевъ поднесъ ему хлѣбъ-соль. —Поблагодаривъ за вниманіе и службу привѣтствовавшее его духовенство и пѣвчихъ, его высокопревосходительство принялъ поздравленіе отъ служащихъ и затѣмъ перешелъ къ учебной корпораціи. Директоръ мужской прогимназіи Новакъ, принеся отъ себя и отъ своихъ подчиненныхъ поздравленіе, представилъ генералу воспитанника 3 класса Вѣрненской прогимназіи Дмитрія Уваева, юношу 14 лѣтъ, написавшаго, по случаю дня ангела Константина Петровича, слѣдующіе стихи:

Привѣтствуемъ тебя, ордъ покоритель!
Съ любовью и насколько силъ въ насъ есть,
Тебѣ, враговъ-монголовъ укротитель,
Мы дружно воздаемъ хвалу и честь!...

Прославленъ ты побѣдой надъ Кокандомъ,
Прославленъ и побѣдой надъ Хивой,
Побѣдой надъ великимъ Самаркандомъ...
Прославленъ ты повсюду, нашъ герой!

Кто о твоихъ побѣдахъ здѣсь не знаетъ?
Кто имени героя не слыхалъ?
Да, знаютъ всѣ, и въ ихъ сердцахъ пылаетъ
Къ тебѣ любовь, достойный генералъ!

Любовь сію различно выражаютъ:
Войска идутъ карать съ тобой враговъ,
Народъ въ веселыхъ пѣсняхъ восхваляетъ
Побѣды славныя твоихъ полковъ.

И мы тебѣ, науки покровитель,
Сіи плоды наставниковъ труда
Приносимъ въ знакъ любви. О, просвѣтитель,
Тебя всѣ будемъ мы любить всегда!

Съ днемъ ангела тебя мы поздравляемъ,
Да будетъ счастіе всегда съ тобой,
Чего мы искренно тебѣ желаемъ.
Богъ да продлитъ лѣта твои, герой!

Опять идешь ты за отчизну биться,
Настала вновь военная пора.
И, пожелавъ съ побѣдой возвратиться,
Провозгласимъ тебѣ, герой, ура!

(Привѣтствіе это было написано на отличной бумагѣ, украшенной по бокамъ виньетками, изображавшими орнаменты науки и военные аттрибуты).

Стихи юнаго автора произвели, какъ сказано въ газетѣ, пріятное впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Въ часъ пополудни, въ квартирѣ генералъ-губернатора былъ сервированъ завтракъ для бывшихъ на лицо гостей. Во время послѣдняго блюда хозяинъ-имянинникъ, провозгласивъ тостъ за здоровье Государя Императора, охарактеризовалъ въ краткой рѣчи предстоящія туркестанцамъ трудности по выполненію выпавшей на ихъ долю исторической задачи и, указавъ на значеніе этой задачи, просилъ дружнаго содѣйствія къ осуществленію его плановъ. Вслѣдъ за тѣмъ былъ провозглашенъ тостъ преосвященнымъ Александромъ за здоровье генералъ-губернатора, а въ отвѣтъ Константинъ Петровичъ предложилъ тостъ за здоровье преосвященнаго. Послѣ того и. д. командующаго войсками Семирѣченской области просилъ принять тостъ за здоровье семейства главнаго начальника края. Въ заключеніе, генералъ-губернаторъ предложилъ тостъ за духовенство, прося у него благословенія и молитвъ за успѣхи русскаго оружія въ ожидаемой войнѣ, а также тостъ за здравіе славныхъ туркестанскихъ войскъ.

Въ томъ же № Туркест. Вѣдом. напечатанъ адресъ, поднесенный генералъ-губернатору Вѣрненскимъ городскимъ обществомъ:

Ваше Высокопревосходительство,
Многоуважаемый начальникъ нашего края,
Константинъ Петровичъ!

„Представители Вѣрненскаго городского общественнаго управленія и купечество, пользуясь настоящимъ случаемъ прибытія Вашего Высокопревосходительства въ нашъ городъ, имѣютъ честь лично предстать предъ Вами, съ глубокимъ чувствомъ благодар-

ности за оказанное Вами благодѣяніе по открытію у насъ городскаго общественнаго самоуправленія на новыхъ началахъ. Цѣлый край Туркестанскій вообще и нашъ юный городъ въ частности возникаютъ и благоустрояются подъ высокопросвѣщенною и неуклонною заботливостью Вашею. Вы основали край, какъ новую часть нашей великой имперіи. На прочныхъ началахъ водворили Вы европейскую цивилизацію среди азіатскихъ ордъ и степей. Съ Васъ начинается исторія Туркестанскаго края; съ Вашимъ именемъ она будетъ связана.

„Мы всѣ, прибывшіе въ край, почти одновременно съ Вами и за Вами, мы всѣ имѣемъ счастье быть современниками начинающейся эры; мы были свидѣтелями водворенія въ краѣ начала гражданственности. Это совершается подъ высокодержимымъ Вами знаменемъ Россіи.

„Туземный мусульманскій міръ, познавшій на дѣлѣ превосходство русскихъ законовъ, ощутившій вѣротерпимость, уваженіе человѣческихъ правъ, въ противоположность прежнему ихъ деспотическому быту, обрѣтя гуманность и гражданскую равноправность —одинаково съ нами, русскими, обращаетъ взоры и простираетъ руки къ Вашему Высокопревосходительству во всѣхъ своихъ нуждахъ; онъ также всегда встрѣчаетъ отъ Васъ милость, правду и защиту.

„Глубоко и вѣчно будутъ храниться въ сердцахъ нашихъ чувства безпредѣльной благодарности къ Вашему Высокопревосходительству о таковыхъ событіяхъ.

„Отъ нашего новаго города и его начинающагося самоуправленія предстоятъ еще серьозныя ходатайства къ Вашему Высокопревосходительству, и мы уповаемъ, что Ваше просвѣщенное вниманіе не оставитъ ихъ безъ удовлетворенія. Встрѣчая радостно Васъ нынѣ въ нашемъ городѣ и взирая на Ваше дальнѣйшее шествіе на востокъ, къ Кульджинскимъ предѣламъ, гдѣ давно и нетерпѣливо ждутъ Васъ народы, какъ избавителя,—мы напутствуемъ Ваше Высокопревосходительство мольбою къ Всевышнему: да сохранитъ Онъ Ваше драгоцѣнное здоровье и силы на благо Высочайше ввѣреннаго Вамъ края“.

13-го іюля, въ понедѣльникъ, въ 2 часа дня, генералъ-губернаторъ возвратился въ Ташкентъ изъ поѣздки въ Семирѣчье и Кульджу. Встрѣча ему была устроена въ городѣ: чиновники собрались въ его городскомъ домѣ, а около крыльца былъ выстроенъ почетный караулъ. При въѣздѣ генерала въ городъ, было произведено нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ (кажется 13). Генералъ ѣхалъ въ коляскѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ экипажей со свитой и сотни казаковъ со значкомъ. Близъ крыльца генералъ вышелъ изъ коляски и поздоровался съ почетнымъ карауломъ (въ это время играла музыка), а затѣмъ въ залѣ поздоровался съ собравшимися тамъ чиновниками, военными и гражданскими, и нѣкоторымъ изъ нихъ сказалъ при этомъ нѣсколько словъ, но никому не подалъ руки. Всѣ чувствовали себя натянуто. Только главный инспекторъ училищъ А. Л. Кунъ съ улыбкой разговаривалъ съ генераломъ, хотя самъ генералъ былъ серьозенъ. Съ инспекторами прогимназій г.г. Янко и Граціанскимъ, генералъ-губернаторъ пошутилъ на счетъ тополей, посаженныхъ противъ зданій прогимназій. Ему очень было пріятно, что тополя передъ учебными заведеніями хорошо принялись, не смотря на то, что посажены были уже большими. Генералъ показалъ этимъ, что не пропускаетъ случая взглянуть на любимыя имъ зданія, которыми по праву гордился.

Изъ времени этого похода мнѣ сообщены очевидцемъ г. А. слѣдующіе два разсказа:

1. Когда проѣзжалъ генералъ Кауфманъ чрезъ Ауліе-ата и посѣтилъ тюрьму, въ тюрьмѣ въ числѣ арестантовъ находился именитый каракиргизъ Токмакскаго уѣзда Манапъ-бай Канаевъ. По его почину и подъ его руководствомъ, шайкой киргизъ былъ разграбленъ сосѣдній аулъ въ отмщеніе за убійство. Это была месть, допускаемая киргизскимъ народнымъ правомъ (адатъ). Не смотря на то, что Канаевъ былъ крупною личностью въ уѣздѣ, онъ былъ открытъ слѣдствіемъ и посаженъ въ Ауліе-атинскую тюрьму. Когда генералъ-губернаторъ увидѣлъ его въ тюрьмѣ въ числѣ другихъ арестантовъ и узналъ отъ уѣзднаго начальника

виновность Канаева, то спросилъ его: „Сознаешь ли ты свою вину?“—Канаевъ бодро и съ достоинствомъ отвѣчалъ: „Я вину свою сознаю и въ тоже время чувствую, что передъ Вами, передъ Вашею властію, одинаковы горы Алатау и маленькій бугорокъ“. Генералъ задумался и пошелъ дальше, а Канаевъ смѣло слѣдовалъ за нимъ, и никто не удерживалъ Канаева... На квартирѣ генералъ потребовалъ дѣло и, разсмотрѣвъ его, приказалъ освободить Канаева, какъ дѣйствовавшаго на основаніи народнаго обычая, но обязалъ его, на основаніи тогоже обычая, уплатить убытки потерпѣвшимъ.—На каракиргизовъ это рѣшеніе произвело сильное впечатлѣніе въ пользу авторитета генерала Кауфмана.

2. Когда пріѣхалъ генералъ Кауфманъ въ Кульджу, къ нему обратился пожилой (почти старикъ) бѣдный таранчинецъ съ жалобой на мѣстнаго судью N, что судья отбилъ у него молодую жену и не позволилъ ей держать при себѣ груднаго ребенка, котораго отцу нечѣмъ было кормить (при этомъ таранчинецъ наивно показалъ на свою грудь). Генералъ Кауфманъ выслушалъ таранчинца и приказалъ ему явиться на слѣдующій день ко времени обычнаго пріема просителей и представляющихся чиновъ. На пріемъ явились чиновники и въ числѣ ихъ обвиняемый судья. Поочереди генералъ переговорилъ съ чиновниками и, подошедши къ судьѣ, сообщилъ ему послѣ служебныхъ вопросовъ и жалобу бѣднаго таранчинца. Судья думалъ сначала храбро отговориться и сталъ увѣрять опытнаго генерала, что жена этого таранчинца не взята силой, а нанялась къ нему, судьѣ, добровольно въ услуженіе, и что, по контракту, или по условію, онъ, судья, отпустить ее не можетъ. Генералъ спокойно сказалъ судьѣ, что онъ находитъ справедливымъ возвратить мужу жену и мать маленькаго ребенка. Судья продолжалъ упрямиться. (Судья былъ изъ нѣмцевъ). Тогда генералъ приблизился къ судьѣ и сказалъ ему тихо, такъ что всѣ представляющіеся не могли слышать сказаннаго: „Я требую, чтобы вы немедленно возвратили мужу и отцу жену и мать его ребенка; иначе я поступлю съ вами по закону и по власти, данной мнѣ“... Судья поблѣднѣлъ и обѣщалъ испол-

нить безпрекословно грозное приказаніе... (Молодая таранчинка была возвращена по принадлежности къ радости старика-мужа). Послѣ этой сцены, которая взволновала генерала, что можно было видѣть по его сдвинутымъ бровямъ, онъ повернулся къ слѣдующимъ чиновникамъ и просителямъ и привѣтливо продолжалъ съ ними служебные разговоры".

18-го іюля, въ пятницу, во время общаго пріема генералъ-губернаторъ очень спокойно, но внушительно сдѣлалъ выговоръ начальнику почтово-телеграфной станціи за то, что одинъ телеграфистъ во время отъѣзда генералъ-губернатора зашелъ погулять въ загородный генералъ-губернаторскій садъ и унесъ оттуда маленькій горшечекъ съ лиліей. Сартъ, наблюдавшій за садомъ, замѣтилъ это, но чиновникъ (очевидно, немного выпившій) грубо оттолкнулъ отъ себя сарта и будто бы поколотилъ его, хотя я не думаю, чтобы чиновникъ побилъ сарта, потому что сартъ не допустилъ бы себя до этого, имѣя возможность отбѣжать. Но любопытно, что этотъ случай сдѣлался извѣстенъ генералъ-губернатору по его пріѣздѣ, и генералъ счелъ нужнымъ при всѣхъ представлявшихся сдѣлать выговоръ начальнику этого чиновника. Я хорошо помню, какъ генералъ подошелъ къ начальнику почтово-телеграфной станціи и сказалъ ему: „Я имѣю къ вамъ одну жалобу и прошу васъ защитить меня". Чиновникъ, не подозрѣвая, въ чемъ дѣло, слащаво улыбнулся и поклонился. Но генералъ серьезно продолжалъ: „Во время моего отсутствія, чиновникъ-телеграфистъ гулялъ въ этомъ саду, присвоилъ себѣ чужую собственность и, кромѣ того, прибилъ туземца, который исполнялъ свою обязанность и котораго чиновникъ бить не имѣлъ никакого права"... Генералъ сказалъ въ заключеніе: „Я не закрываю своего сада отъ желающихъ видѣть его и гулять въ немъ, но не желаю видѣть въ немъ никакихъ неделикатныхъ посѣтителей". Генералъ говорилъ это спокойнымъ тономъ, не упоминая ни однимъ словомъ о себѣ, какъ о генералъ-губернаторѣ*).

*) Спокойный тонъ генералъ-губернатора былъ очень внушителенъ. Чиновникъ, выслушивавшій его замѣчанія, сначала пересталъ улыбаться, а потомъ уже началъ краснѣть и обливаться потомъ.

(Виновный чиновникъ, кажется, былъ послѣ этого переведенъ въ другой городъ).

25-го іюля, (пятница). Я представлялся генералъ-губернатору по случаю награжденія меня орденомъ Станислава 3-й степени. Любопытно въ этомъ случаѣ то обстоятельство, что я получилъ этотъ орденъ одновременно съ молодымъ преподавателемъ гимназіи Шельтингой, помощникомъ классныхъ наставниковъ Левитскимъ, учителемъ городскаго училища Гаврилицей, прямо мнѣ подчиненнымъ, и нѣкоторыми другими лицами (см. Приказъ отъ 8 іюля 1880 г. за № 192), не смотря на то, что я на службѣ находился уже съ 1870 года и ниже VII класса должности не занималъ, а въ данное время состоялъ въ должности VI класса, (Мои сверстники, инспектора прогимназій, были награждены прямо орденомъ Станислава 2-й ст.). Генералъ, подавъ мнѣ руку, посмотрѣлъ на всѣхъ пожалованныхъ кавалеровъ, поздравилъ съ наградой и отошелъ къ другимъ чиновникамъ. Я, по окончаніи пріема, направился въ столовую, такъ какъ былъ приглашенъ къ завтраку еще до пріема, чрезъ адъютанта. За мной слѣдомъ вошелъ въ столовую и главный инспекторъ училищъ, А. Л. Кунъ... За завтракомъ генералъ-губернаторъ добродушно подшучивалъ надъ нимъ, а послѣ завтрака сказалъ, обращаясь въ его же сторону: „Моими спасительницами въ трудныхъ обстоятельствахъ являются дамы“... Случилось такъ, что въ это время доложили генералу о пріѣздѣ какой-то дамы по дѣлу... Тогда генералъ, обращаясь къ А. Л. Куну, сказалъ: „Слава Богу! И на этотъ разъ я спасенъ“...

Въ № 31 Тур. Вѣд. отъ 5-го августа 1880 г, помѣщена между прочимъ слѣдующая замѣтка: „28 іюля его высокопревосходительство, г. Главный Начальникъ края, прибылъ въ Кокандъ и былъ встрѣченъ у ходжентскихъ воротъ представителями всѣхъ сословій города, привѣтствовавшими его адресомъ. Въ этомъ адресѣ была выражена благодарность народа за дарованное самоуправленіе, за работы организаціи и отеческое управленіе, направленное ко благу народа. Въ заключеніе, въ адресѣ была выражена почтительная просьба принять обѣдъ отъ жителей города. За обѣдомъ

кокандскій казій, Саттаръ-Ханъ*), выучившійся говорить по русски, взялъ бокалъ вина и провозгласилъ на русскомъ языкѣ тостъ за здоровье главнаго начальника края, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Выпьемъ за здоровье того, кто привелъ насъ въ подданство Великаго Бѣлаго Царя, вслѣдствіе чего мы 5 лѣтъ благоденствуемъ и богатѣемъ". На этотъ тостъ его высокопревосходительство отвѣтилъ слѣдующими словами: „Когда Государь Императоръ милостиво соизволилъ принять подъ державу Свою бывшее Кокандское ханство, Онъ выразилъ мнѣ волю Свою, чтобы народъ благоденствовалъ и никогда не сожалѣлъ о томъ, что вступилъ въ подданство нашего Великаго Государя. Радуюсь слышать, что державная воля Великаго Монарха исполняется. Да здравствуетъ Ферганская область, да развивается и благоденствуетъ она трудами администраціи, полиціи и всѣхъ честныхъ людей".

„Во время обѣда былъ сожженъ хорошій фейерверкъ, приготовленный самими туземцами. Вообще народъ старался всячески выразить неподдѣльную радость свою и счастье**) видѣть начальника края, главнаго виновника его довольства и спокойствія".

Въ это время хорошій мой знакомый, Кураминскій***) уѣздный начальникъ, полковникъ В. А. Геруа имѣлъ казенную квартиру на Куйлюкѣ, въ 8-ми верст. отъ Ташкента, но хотѣлъ жить въ самомъ Ташкентѣ, такъ какъ имѣлъ сына и дочь, учившихся въ гимназіяхъ. Военный губернаторъ области В. И. Троцкій и генералъ-губернаторъ не препятствовали желанію Геруа, но дѣло нужно было оформить. Тогда полк. Геруа воспользовался возвратнымъ проѣздомъ генералъ-губернатора изъ Ферганы и устроилъ ему торжественную встрѣчу, а потомъ просилъ генералъ-губернатора принять завтракъ, приготовленный въ куйлюкской квартирѣ. Генералъ остался доволенъ встрѣчей, и вскорѣ затѣмъ Геруа переѣхалъ на жительство въ Ташкентъ.

---

*) См. о немъ краткія свѣдѣнія въ первомъ выпускѣ изданія моего «Сарты».

**) См. выше, на стр. 149, примѣчаніе. Въ отмѣченной фразѣ слышится ясно тотъ же тонъ, что и въ замѣткѣ о празднованіи ходжентскими туземцами 19 февраля 1880 г.

***) Такъ назывался тогда Ташкентскій уѣздъ.

30-го августа 1880 года. Въ этотъ день Туркестанская учительская семинарія праздновала годовщину своего открытія и была удостоена посѣщенія генералъ-губернатора, о чемъ такъ было разсказано въ № 36 Тур. Вѣд.

„30 августа, къ 10 часамъ утра, въ семинарію собрались представители средне-учебныхъ заведеній г. Ташкента и управленія учебными зиведеніями, а также всѣ наличные преподаватели и прочія должностныя лица семинаріи. Его высокопревосходительство, возвращаясь съ молебна изъ лагерей, изволилъ прибыть въ 10 часовъ 20 минутъ въ помѣщеніе семинаріи, сопровождаемый своей свитой. Встрѣченный главнымъ инспекторомъ училищъ и испр. д. директора семинаріи, господинъ главный начальникъ края вошелъ въ приготовленную для совершенія молебствія комнату, поздоровался съ находившимися на мѣстахъ въ этой комнатѣ воспитанниками семинаріи и поздравилъ ихъ съ праздникомъ. Затѣмъ было совершено законоучителемъ ташкентской мужской прогимназіи священникомъ Екатеринскимъ молебствіе, во время котораго все пѣніе было исполнено воспитанниками семинаріи. По окончаніи молебна, было провозглашено многолѣтіе Царствующему Дому, начальствующимъ, учащимъ и учащимся. Послѣ „многая лѣта“ воспитанники семинаріи пропѣли народный гимнъ „Боже, Царя храни“. По окончаніи молебна, его высокопревосходительствомъ былъ провозглашенъ тостъ за драгоцѣнное здравіе Царственнаго Имянинника, Государя Императора, на что воспитанники и всѣ присутствовавшіе отвѣтили дружнымъ и продолжительнымъ „ура!“. При этомъ воспитанники снова пропѣли народный гимнъ. Второй тостъ главный инспекторъ училищъ предложилъ за здоровье государева сотрудника въ отдаленной окраинѣ широкой Русской земли, покровителя учебнаго дѣла въ Туркестанскомъ краѣ, Константина Петровича фонъ-Кауфмана I-го. Неоднократно повторенное „ура!“ было отвѣтомъ на всѣми желанный тостъ. Послѣ этого и. д. директора семинаріи обратился къ высокоуважаемому начальнику и дорогому гостю семинаріи съ слѣдующими словами:

Ваше Высокопревосходительство!

„Въ день годовщины открытія семинаріи привѣтствую Васъ отъ лица семинаріи, обязанной своимъ существованіемъ Вашимъ давнимъ и постояннымъ заботамъ объ ея учрежденіи. Вашему Высокопревосходительству выпала рѣдкая доля управлять новопокореннымъ Туркестанскимъ краемъ болѣе десяти лѣтъ къ ряду. Въ продолженіе этого времени Вы имѣли истинное счастье государственнаго дѣятеля не только усмирить нашихъ безпокойныхъ сосѣдей, доказавъ полудикимъ азіатцамъ превосходство оружія образованнаго народа русскаго, но и расширить во всѣ стороны владѣнія наши почти вдвое и привести въ порядокъ разстроенную предшествующими политическими неурядицами жизнь туземцевъ, давъ имъ новые и лучшіе судъ и управленіе. На Вашихъ глазахъ народонаселеніе края утроилось, земледѣліе, торговля и промышленность его оживилась, и вообще значительно возвысилось его экономическое благосостояніе. При всемъ этомъ Ваше Высокопревосходительство съ самаго начала своего управленія краемъ обратили вниманіе на народное образованіе и все время щедро поддерживали и поддерживаете оное до настоящаго дня. Вы всегда считали народное образованіе дѣйствительною и могущественною государственною силою, отъ которой зависятъ всестороннія улучшенія народной жизни...

„Туркестанская учительская семинарія призвана служить дѣлу народнаго образованія въ краѣ. Просуществовавъ всего одинъ годъ, она не можетъ похвалиться особенно видными успѣхами. Въ минувшемъ году ей приходилось трудиться всего надъ 19-ю юношами, изъ которыхъ 13, не смотря на свою слабую подготовку при поступленіи въ семинарію, успѣшно перешли въ слѣдующій II классъ, а шесть оставлены въ томъ же классѣ, въ надеждѣ, что они болѣе не остановятся на избранномъ ими пути къ дальнѣйшему образованію въ семинаріи. При этомъ я позволяю себѣ заявить передъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, какъ главнымъ начальникомъ и учебнаго дѣла въ краѣ, что мы, призванные готовить народныхъ учителей для края и такимъ образомъ

содѣйствовать прогрессу мѣстной народной жизни, держались въ прошлогодней своей педагогической дѣятельности того главнаго убѣжденія, что суть народнаго прогресса заключается не въ желѣзныхъ дорогахъ и электрическихъ телеграфахъ, не въ скорострѣльномъ оружіи и броненосцахъ, не въ другихъ сложныхъ и величественныхъ созданіяхъ современной науки, искусства и промышленности, которымъ мы ежедневно удивляемся, а въ развитіи и нравственномъ совершенствованіи самого народа, что достигается правильнымъ воспитаніемъ его молодыхъ поколѣній. Только разумная система народнаго воспитанія можетъ развить въ молодыхъ поколѣніяхъ здоровое и сильное тѣло, облагородить въ нихъ человѣческія чувства и образовать сильный умъ, при помощи которыхъ совершаются великія открытія и изобрѣтенія, которыя изумляютъ насъ теперь, но которыя со временемъ должны будутъ уступить свое мѣсто другимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, о какихъ въ настоящее время мы не предполагаемъ. Только правильное народное воспитаніе даетъ народу возможность одерживать блистательныя побѣды не только на поляхъ сраженій, но и на мирныхъ поприщахъ науки и искусства, торговли и промышленности, и т. п. Народъ, не знающій образованія, не имѣющій правильной системы народнаго воспитанія, нельзя считать прогрессивнымъ, хотя бы онъ и пользовался, подобно нашимъ средне-азіатскимъ туземцамъ, плодами образованія (желѣзными дорогами, телеграфомъ, пароходами, скорострѣльнымъ оружіемъ и т. п.) и умѣлъ бы поддерживать чужія изобрѣтенія съ пользою для себя. Такимъ народамъ не достаетъ главнаго свойства прогрессивныхъ народовъ —правильно развитаго воспитаніемъ и усиленнаго образованіемъ тѣла и духа, при помощи которыхъ они могли бы сами дѣлать открытія въ наукѣ, изобрѣтенія въ искусствѣ, усовершенствованія въ промышленности и т. д. Въ этихъ видахъ мы и старались развивать въ своихъ воспитанникахъ здравый умъ въ здравомъ тѣлѣ, пріучая ихъ къ трудолюбію и образуя въ нихъ такой характеръ, при помощи котораго они могли бы потомъ, въ жизни, противостоять всѣмъ ея случайностямъ и спасать себя отъ нрав-

ственной гибели. На образованіе характера въ воспитанникахъ семинаріи мы обращали особенное вниманіе, потому что въ характерѣ человѣка, въ его умѣньи предохранять себя отъ гибельныхъ случайностей жизни и избирать для себя истинно доброе и достойное заключается истинное счастье человѣка... Высоко цѣня просвѣщенную заботливость Вашего Высокопревосходительства объ успѣхахъ народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ, предлагаю отъ лица семинаріи, готовящей народныхъ учителей для края, второй тостъ за Ваше здоровье!“

Провозлашенный тостъ былъ снова единодушно встрѣченъ громкимъ и неоднократно повтореннымъ „ура“, послѣ чего генералъ-губернаторъ обратился къ воспитанникамъ семинаріи со слѣдующей рѣчью: „Изъ словъ, сказанныхъ вашимъ ближайшимъ начальникомъ, вы можете понять, какая ожидаетъ васъ будущность. Вы готовитесь быть руководителями молодого поколѣнія въ этомъ же краѣ, гдѣ народная жизнь слагается на новыхъ началахъ и гдѣ особенно нужны люди съ сильнымъ характеромъ и доброю волею... Поэтому обращаю ваше вниманіе на высказанное вашимъ начальникомъ желаніе семинаріи выработать въ васъ характеръ. Помните, что подъ руководствомъ семинаріи вамъ приходится быть самое короткое время, въ продолженіе котораго вы должны будете пріобрѣсти не только необходимыя для будущей вашей дѣятельности познанія, но и развить въ себѣ силу воли и настолько возвыситься духомъ, чтобы достойно нести ту полезную общественную и государственную службу, къ которой вы теперь готовитесь. Если вы будете добросовѣстно прилагать ваши силы и ваше стараніе къ усвоенію того, чему васъ учатъ здѣсь, то Богъ вамъ поможетъ, и мы со своей стороны не забудемъ и не оставимъ васъ, потому что наша обязанность въ томъ и состоитъ, чтобы возможно лучше поставить въ краѣ народное образованіе. Желаю вамъ полнаго успѣха! Да здравствуетъ семинарія!“ На это пожеланіе главнаго начальника края всѣ присутствовавшіе на молебнѣ отвѣтили громкимъ „ура“.

Послѣ того Его Высокопревосходительство внимательно осмотрѣлъ занимаемое семинаріей помѣщеніе, квартиру испр. д. директора и отстраиваемый для спальныхъ комнатъ воспитанниковъ новый корпусъ. Затѣмъ, пожелавъ и. д. директора продолжать семинарское дѣло въ томъ направленіи, какъ высказано было послѣднимъ, генералъ-губернаторъ выразилъ увѣренность, что семинарія оправдаетъ возлагаемыя на нее большія надежды и сослужитъ службу дѣлу народнаго образованія въ краѣ. „Потому вы и назначены директоромъ семинаріи, что на васъ все упованіе мое“, закончилъ г. главный начальникъ края*). Проходя мимо воспитанниковъ, онъ ласково простился съ ними и оставилъ помѣщеніе семинаріи, сопровождаемый криками „ура, ура, ура!“

„Проводивъ дорогого начальника, воспитанники семинаріи въ радостномъ настроеніи принялись энергично устраивать новый вензель къ вечеру торжественнаго для нихъ дня. При дружной работѣ ихъ, довольно большой и очень сложный по отдѣлкѣ вензель былъ готовъ какъ разъ во-время, и общее удовольствіе наполнило сердца воспитанниковъ. Когда вензель былъ установленъ и освѣщенъ, воспитанники искренно и единодушно любовались имъ, поощряемые одобреніями проходящихъ. Въ этотъ вечеръ семинарія выставила два вензеля: старый и новый, и воспитанники считали свое издѣліе выше всего видѣннаго ими въ городѣ, куда они вечеромъ отправились съ дежурнымъ наставникомъ и и. д. директора. Вечерняя молитва воспитанниковъ въ этотъ вечеръ была отложена почти до 10 часовъ. Въ заключеніе молитвы воспитанники во полномъ своемъ составѣ (37 человѣкъ) общимъ хоромъ пропѣли народный гимнъ: „Боже, Царя храни“ и тѣмъ закончили торжество дня“.

*) По поводу этого послѣдняго выраженія, считаю себя обязаннымъ разсказать то, что передавалъ мнѣ Н. В. Дмитровскій, редактировавшій тогда Туркестанскія Вѣдомости. Когда замѣтка о торжествѣ семинаріи была представлена генералъ-губернатору, Константинъ Петровичъ прочиталъ ее до конца и замѣтилъ, что въ ней пропущены обращенныя имъ ко мнѣ слова и, взявъ перо вписалъ: «Потому вы и назначены директоромъ семинаріи, что на васъ все упованіе мое», закончилъ главный начальникъ края. Эта приписка такъ и была напечатана безъ всякаго знака, не послѣ точки, какъ бы слѣдовало.

26-го сентября я получилъ отъ женской гимназіи пригласительное письмо-билетъ на „вокально-музыкальный экзаменъ“ ученицъ этой гимназіи, назначенный на 27-е сентября (приходившееся тогда въ субботу) въ $7^1/_2$ часовъ вечера, въ залѣ генералъ-губернаторскаго дома. Экзаменъ состоялся въ присутствіи генералъ-губернатора, многихъ родителей учащихся въ гимназіи дѣтей и гостей, по слѣдующей программѣ:

I отдѣленіе.

1) „Славься славься“ . . . . . *Глинка.*
Исполнитъ хоръ ученицъ Н. И. Крюковой.

2) Маршъ . . . . . *Гюнтенъ.*
Исполнитъ ученица А. Ф. Дуловой—**Е. Лямина.**

3) „Воля“ Стихотвореніе на 19-е февраля.
Исполнитъ хоръ ученицъ Н. И. Крюковой.

4) Sonatine . . . . . *Berens.*
Исполнитъ учен. А. Ф. Дуловой—**А. Еникеева.**

5) а. „Съ нами Богъ“ } . . . *Турчаниновъ.*
б. „Днесь спасенія міру бысть“ }
Исполнитъ хоръ ученицъ А. И. Неудачина.

6) Fantaisie á six mains de l'opera „Trovatore“ . *Beeyr.*
Исполнятъ ученицы А. Ф. Дуловой: **Т. Васильева, А. Еникеева и М. Роганова.**

7) Дуэтъ „Не шуми ты рожь“ . . . . . *Гурилевъ.*
Исполнятъ ученицы Н. И. Крюковой: **О. Вагина и С. Алексѣева.**

8) Etude de concert . . . . . *Smith.*
Исполнитъ учен. А. Ф. Дуловой—**Л. Берхманъ.**

II отдѣленіе.

9) Хоръ изъ „Вильгельма Телля“ . . . . *Россини.*
Исполнитъ хоръ ученицъ Н. И. Крюковой.

10) Air populaire russe . . . . . *Bernard.*
Исполнитъ учен. А. Ф. Дуловой—**М. Роганова.**

11) Tріо „Разбойника благоразумнаго...“ . . *Турчаниновъ.*
Исполнятъ ученицы А. И. Неудачина: **О. Вагина, С. Алексѣева и А. Благовѣщенская.**

12) Le salut militaire . . . . . *Schmoll.*
Исполнитъ ученица А. Ф. Дуловой — **С. Фіалковская.**

13) Хоръ изъ „Нормы“ . . . . . *Беллини.*
Исполнитъ хоръ ученицъ Н. И. Крюковой.

14) Фантазія въ 8 рукъ изъ „Жизни за Царя“ . *Alberti.*
Исполнятъ ученицы А. Ф. Дуловой: **С. Алексѣева, Л. Берхманъ, А. Благовѣщенская и М. Богдановская.**

15) Гимнъ „Боже, Царя храни“ . . . . *Глинка.*
Исполнитъ хоръ ученицъ Н. И. Крюковой.

Тотчасъ по окончаніи экзамена, былъ отданъ слѣдующій приказъ по учебному вѣдомству:

„Присутствовавъ на происходившемъ 26 текущаго сентября провѣрочномъ экзаменѣ ученицъ Ташкентской женской гимназіи по музыкѣ и пѣнію, я вынесъ убѣжденіе, что преподаваніе означенныхъ искусствъ даетъ хорошіе результаты.

„Принимая во вниманіе, что искусство (пѣніе и музыка) въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ отнесены къ предметамъ необязательнымъ и что, слѣдовательно, успѣшность въ нихъ зависитъ сколько отъ усердія преподавателей, столько же отъ охоты и любви къ онымъ дѣтей, пріятнымъ для себя долгомъ считаю выразить мою искреннюю благодарность: учительницѣ музыки А. Ф. Дуловой, учительницѣ свѣтскаго пѣнія Н. И. Крюковой и учителю церковнаго пѣнія А. И. Неудачину за добросовѣстное исполненіе принятыхъ ими на себя обязанностей и за весьма полезную дѣятельность, оказываемую ими въ женской гимназіи. Объявляю объ этомъ по ввѣренному мнѣ Туркестанскому генералъ-губернаторству“.

28-го сентября въ залѣ генералъ-губернаторскаго дома былъ устроенъ концертъ въ пользу Ташкентскаго дѣтскаго пріюта. Въ концертѣ принимали участіе ученицы женской гимназіи и воспитанники учительской семинаріи.

Въ приказѣ по учебному вѣдомству отъ 2-го октября было объявлено, что Государь Императоръ соизволилъ разрѣшить поставить въ актовомъ залѣ Вѣрненской женской гимназіи портреты: военнаго губернатора Семирѣченской области Г. А. Колпаковскаго, его супруги, какъ попечительницы гимназіи, М. Ѳ. Колпаковской и главнаго инспектора училищъ статскаго совѣтника А. Л. Куна.

11-го октября (вторникъ) въ 2 часа дня, я былъ на засѣданіи попечительнаго совѣта о Туркестанскихъ дѣтскихъ пріютахъ, происходившемъ въ ген.-губернаторскомъ домѣ. Ген.-губернаторъ былъ ко всѣмъ очень внимателенъ: всѣмъ подалъ при встрѣчѣ руку, что не всегда бывало. На этомъ засѣданіи, членъ Попечительскаго совѣта о пріютахъ, начальникъ штаба ген. Мозель заявилъ, что пріютскихъ дѣтей не слѣдуетъ водить въ церковь къ богослуженію, потому что они не могутъ понимать богослуженія и потому въ церкви только зѣваютъ. На это генералъ-губернаторъ замѣтилъ, что нужно пріучать дѣтей *съ малыхъ лѣтъ* молиться, и предложеніе генер. Мозеля осталось безъ послѣдствій...

Заботясь о распространеніи знанія туземныхъ языковъ среди русскихъ, генералъ-губернаторъ разрѣшилъ организовать въ Ташкентѣ рядъ публичныхъ чтеній въ военномъ собраніи, чтобы доставить желающимъ возможность ознакомиться съ грамматикой сартскаго и киргизскаго языковъ. Была объявлена премія за составленіе киргизскаго и сартскаго словарей. Мысль была хорошая, но она не осуществилась, потому что переводчикъ Ибрагимовъ для этого дѣла не годился, а изъ русскихъ никому не предложили взяться за это дѣло.

15-го ноября 1880 г. я представилъ генералъ-губернатору отчетъ по обревизованію Ташкентской публичной библіотеки, въ которомъ было высказано, что для улучшенія положенія библіотеки необходимо:

1) отпустить значительную сумму (примѣрно 3000—5000 р.) на единовременное пополненіе библіотеки, особенно тѣхъ ея отдѣловъ, какіе образовались случайно и состоятъ изъ двухъ-трехъ-десяти книгъ;

2) безотлагательно привести въ извѣстность всю наличную стоимость библіотеки, составивши для этой цѣли, на основаніи документовъ библіотеки, полный и обстоятельный инвентарь;

3) также безотлагательно составить систематическій и алфавитный каталоги, вмѣсто существующихъ въ библіотекѣ въ настоящее время и не отвѣчающихъ своему назначенію;

4) пересмотрѣть правила чтенія книгъ, принадлежащихъ библіотекѣ; сдѣлать библіотеку доступною для публики не только днемъ, но и вечеромъ, примѣрно до 9 часовъ по полудни, и завести слѣдующія книги:

а) книгу для записыванія въ ней читателей и читаемыхъ книгъ въ библіотекѣ, на мѣстѣ, такъ чтобы эти записи могли служить статистическими данными для будущаго историка края;

б) книгу для записыванія такихъ требованій читателей, какія библіотека, не будучи въ состояніи удовлетворить въ данное время, позаботится выполнять на будущее время, зная, какими книгами необходимо пополнить библіотеку;

в) книгу для записыванія въ ней всѣхъ выдачъ на домъ читателямъ, такъ чтобы въ каждое данное время можно было знать, у кого извѣстный № находится на рукахъ и

г) книгу для точнаго веденія доходовъ библіотеки, образующихся изъ взносовъ читателей;

5) обязать библіотекаря: а) вести ежемѣсячную статистику библіотеки, касающуюся числа читателей, ихъ племени и званій, съ указаніемъ на книги, выдаваемыя читателямъ для чтенія и справокъ, и печатать статистическія данныя въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ; б) ежегодно составлять отчетъ о состояніи библіотеки, въ который особою главой вносить статистику, составляемую изъ ежемѣсячныхъ статистическихъ данныхъ библіотеки;

6) чтобы сдѣлать библіотеку болѣе доступною для жителей г. Ташкента во всякое время года, перенести ее въ другое*)

---

*) Библіотека помѣщалась тогда въ домѣ Е. Н. Николаева, близъ водопроводнаго вала, по Романовской улицѣ.

помѣщеніе, болѣе удобное, какъ по своему внутреннему расположенію и объему, такъ и по положенію въ городѣ;

7) чтобы библіотека не только удовлетворяла ежедневнымъ потребностямъ читателей, но и служила бы пособіемъ при научной разработкѣ важныхъ для края вопросовъ, назначить темы для ученыхъ работъ, въ какихъ заинтересована мѣстная администрація края, съ объявленіемъ извѣстнаго вознагражденія за выполненіе каждой указанной администраціей работы.

Такъ какъ изложенныя въ п.п. 2, 3, 4 и 5 предположенія комиссіи не выполнимы при одномъ лицѣ, завѣдывающемъ библіотекой, то комиссія считаетъ своимъ долгомъ ходатайствовать предъ Его Высокопревосходительствомъ о назначеніи библіотекарскаго помощника, ибо одинъ г. Чуйко съ очевиднымъ трудомъ для себя, завѣдываетъ библіотекою при настоящемъ ея положеніи и имѣетъ основанія желать увеличенія отпускаемаго ему въ настоящее время содержанія (800 руб. сер. въ годъ при готовой квартирѣ).

Прочитавъ изложенныя предположенія комиссіи, производившей повѣрку библіотеки, генералъ-губернаторъ обратилъ вниманіе на п. 7 и высказалъ, что каждый разработавшій на основаніи находящихся въ библіотекѣ источниковъ какой-либо вопросъ, касающійся исторіи края или современнаго положенія ислама, можетъ свой трудъ напечатать и получить за него гонораръ. Но я возразилъ, что не всякую статью, имѣющую интересъ для Туркестанскаго края, можно напечатать въ журналахъ и газетахъ, (такъ какъ редакторы имѣютъ свои взгляды на доставляемые имъ статьи), и что обыкновенный гонораръ (25—30 р. за листъ) не можетъ вознаградить автора за тяжелый трудъ по разработкѣ спеціальнаго вопроса...

Какъ показало послѣдующее время, не всѣ предположенія комиссіи были приведены въ исполненіе, но покойный основатель ея и *„Туркестанскаго Сборника“* продолжалъ интересоваться ея ростомъ и благоустройствомъ. „Туркестанскимъ Сборникомъ“ онъ особенно дорожилъ, какъ единственнымъ своимъ дѣтищемъ, и ни подъ какимъ видомъ не разрѣшалъ выдавать томы этого

изданія на домъ кому бы то ни было. Однажды М. И. Бродовскій просилъ разрѣшенія выдать одинъ томъ Сборника кому-то изъ пріѣзжихъ ученыхъ. Генералъ отказалъ. М. И. упрашивалъ и высказалъ, что ручается своей головой за цѣлость Сборника, но генералъ остался непоколебимъ и сказалъ: „Голову вашу можно снять, а тома потерянаго всетаки не возстановишь: какая же польза въ томъ для библіотеки и для меня съ вами?“.

Какъ смотрѣлъ покойный генералъ-губернаторъ на назначеніе книгъ, видно изъ слѣдующаго разсказа Н. В. Дмитровскаго:

„Отъ министра внутреннихъ дѣлъ былъ полученъ, кажется въ 1871 году, циркуляръ, требовавшій, чтобы библіотеки, въ которыхъ имѣются *какія-то* иностранныя книги (какія именно — теперь не припомню), нѣкоторыя изъ нихъ уничтожили, а въ другихъ покрыли бы типографскою краскою нѣкоторыя страницы... Доложивъ требованіе министра Константину Петровичу, я сказалъ, что въ нашей библіотекѣ имѣется нѣсколько случайно попавшихъ въ нее книгъ изъ числа указанныхъ въ циркулярѣ, и затѣмъ спросилъ: что съ ними дѣлать?

— «Ни уничтожать книги, ни портить листы въ нихъ, я вамъ не разрѣшаю,—отвѣтилъ Константинъ Петровичъ: книги пишутся не для этого. Я понимаю, что существуютъ произведенія, читать которыя могутъ не всѣ, но изъ этого не слѣдуетъ, что ихъ нужно уничтожать или портить. Я даже не запрещаю вамъ выдавать эти книги для чтенія. Конечно, я не дамъ ихъ читать моему сыну,—онъ еще молодъ для этого,—не дамъ прапорщику линейнаго баталіона, но не откажу въ нихъ человѣку образованному, человѣку серьезному. Потрудитесь запереть эти книги въ шкафъ и ключъ держите у себя, а если кто-нибудь будетъ обращаться за ними, каждый разъ докладывайте объ этомъ мнѣ: разрѣшать или не разрѣшать выдачу этихъ книгъ я беру на себя»*).

20-го декабря, (суббота). Я былъ у генералъ-губернатора для переговоровъ о воспитаніи Худаяръ-ханова внука Урманъ-бека.

*) См. Туркест. Вѣдом. отъ 18 мая 1896 г. ст. «Двадцатипятилѣтіе Туркестанской Публичной библіотеки».

Генералъ принялъ меня добродушно и разсуждалъ очень разумно, какъ и всегда, когда шла рѣчь объ учебно-воспитательномъ дѣлѣ. Когда разговоръ коснулся ухаживанья нашихъ гимназистокъ за гимназистами, генералъ сказалъ, что такое явленіе въ поведеніи гимназистокъ онъ оправдываетъ мѣстными семейными условіями и прибавилъ: „Гимназія не можетъ усмотрѣть за дѣвицами, когда онѣ находятся внѣ стѣнъ заведенія“.—Мнѣ было пріятно видѣть генералъ-губернатора по прежнему добродушно серьезнымъ и разсудительнымъ, и на это я обратилъ особенное вниманіе, потому что въ послѣднее время о генералѣ недовольныя имъ лица высказывали неблагопріятные отзывы. Говоря объ учительской семинаріи, генералъ съ видимымъ участіемъ спрашивалъ, какъ семинаристы занимаются и какъ ведутъ себя, и былъ доволенъ, услышавъ отъ меня успокоительный отвѣтъ. Зашла рѣчь между прочимъ о томъ, что начальники трехъ учебныхъ заведеній гор. Ташкента не особенно ладятъ между собой. Генералъ-губернаторъ благодушно объяснилъ эти нелады соревнованіемъ начальниковъ учебныхъ заведеній, т. к. каждому изъ нихъ хочется-де поставить свою школу выше другихъ школъ.

Интересуясь внутреннею жизнью гимназій и желая полнаго согласія мѣстной школы съ семьею, генералъ разрѣшилъ къ напечатанію въ № 51 Турк. Вѣд. отъ 23 декабря 1880 г. слѣдующую замѣтку объ открытіи при Ташкентскихъ гимназіяхъ открытыхъ педагогическихъ бесѣдъ мѣстныхъ педагоговъ съ родственниками учащихся дѣтей и утвердилъ положеніе объ этихъ бесѣдахъ:

„Къ сближенію школы съ обществомъ, безъ сомнѣнія, сочувственно отнесется каждый, кому близко воспитаніе учащагося юношества, кому дорого наше родное, учебное дѣло. Такое же сочувствіе, конечно, должна встрѣтить и всякая мѣра, направленная къ осуществленію этой благодѣтельной мысли. Школьное дѣло только тогда приноситъ хорошіе плоды, когда оно становится дѣломъ общимъ, когда въ этомъ дѣлѣ идутъ рука объ руку и воспитатели, и общество, взаимно помогая другъ другу въ заботахъ о судьбѣ и будущности дѣтей. Къ осуществленію этой мысли

стремится и наше учебное вѣдомство, руководимое своимъ просвѣщеннымъ представителемъ, г. Главнымъ Начальникомъ края. По мысли Его Высокопревосходительства, при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Туркестанскаго края устраиваются открытыя педагогическія бесѣды, программа и правила которыхъ помѣщены ниже. Цѣль этихъ бесѣдъ—дать возможность родителямъ и родственникамъ воспитывающихся дѣтей познакомиться ближе съ внутреннею жизнію учебныхъ заведеній, дать возможность открыто обмѣниваться мыслями по разнымъ вопросамъ воспитанія и обученія. Управленіе учебными заведеніями питаетъ надежду, что общество Туркестанскаго края сочувственно отнесется къ педагогическимъ бесѣдамъ и правильно пойметъ ихъ задачу".

Положеніе объ открытыхъ педагогическихъ бесѣдахъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Туркестанскаго края:

1) При среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Туркестанскаго края учреждаются открытыя педагогическія бесѣды. Бесѣды эти имѣютъ цѣлью дать возможность лицамъ, интересующимся воспитаніемъ юношества, ближе познакомиться съ внутреннею жизнію заведеній и открыто излагать свои мысли по разнымъ вопросамъ, касающимся воспитанія дѣтей.

Примѣчаніе. Существовавшій до сихъ поръ способъ обмѣна мыслей между родителями и родственниками дѣтей и учебными заведеніями остается на прежнихъ основаніяхъ и по открытіи педагогическихъ бесѣдъ.

2) Открытыя педагогическія бесѣды назначаются ежемѣсячно. Педагогическіе совѣты среднихъ учебныхъ заведеній опредѣляютъ время бесѣдъ на полгода впередъ, о чемъ публикуется для всеобщаго свѣдѣнія въ мѣстной газетѣ. Независимо отъ этого, предсѣдатель, по окончаніи каждой бесѣды, объявляетъ присутствующимъ о днѣ и часѣ слѣдующаго собранія.

Примѣчаніе 1. Педагогическіе совѣты, назначая время для бесѣдъ, заботятся о томъ, чтобы бесѣды слѣдовали за выдачею срочныхъ свидѣтельствъ, пріемными и переводными испытаніями въ тѣ мѣсяцы, когда послѣднія бываютъ.

Примѣчаніе 2. Если въ городѣ находится нѣсколько среднихъ учебныхъ заведеній, то педагогическія бесѣды назначаются не одновременно, а въ разное время, по соглашенію предсѣдательствующихъ въ этихъ бесѣдахъ.

3) Педагогическія бесѣды происходятъ подъ предсѣдательствомъ начальника заведенія. Для того, чтобы матеріалъ бесѣдъ сохранился, одинъ изъ служащихъ въ учебномъ заведеніи избирается Педагогическимъ Совѣтомъ на годъ секретаремъ этихъ бесѣдъ. Обязанность секретаря состоитъ въ томъ, что онъ составляетъ протоколъ каждой педагогической бесѣды и предлагаетъ его на разсмотрѣніе и обсужденіе Педагогическаго Совѣта заведенія. Если послѣднимъ будутъ поставлены рѣшенія по какимъ-либо вопросамъ, то секретарь объявляетъ ихъ передъ началомъ слѣдующей педагогической бесѣды. Рѣшенія Педагогическаго Совѣта по вопросамъ, имѣющимъ общій характеръ, объявляются секретаремъ публично, а рѣшенія вопросовъ частнаго характера сообщаются только тѣмъ лицамъ, которыя возбудили эти вопросы.

4) Всѣ лица, служащія въ томъ учебномъ заведеніи, въ которомъ должна происходить педагогическая бесѣда, обязаны непремѣнно присутствовать при бесѣдѣ и быть въ форменной одеждѣ.

Примѣчаніе. Лицамъ учебнаго вѣдомства, не принадлежащимъ къ составу служащихъ того заведенія, въ которомъ назначена открытая педагогическая бесѣда, не обязательно присутствіе при бесѣдѣ. Они считаются въ этихъ собраніяхъ въ качествѣ постороннихъ лицъ, и форменная одежда для нихъ не обязательна.

5) Въ открытыхъ педагогическихъ бесѣдахъ могутъ участвовать исключительно родители воспитывающихся въ заведеніи дѣтей или заступающіе ихъ мѣста (опекуны и воспитатели). Лица посторонніе могутъ участвовать въ бесѣдахъ всякій разъ съ разрѣшенія начальника заведенія.

6) Предметами занятій на педагогическихъ бесѣдахъ служатъ успѣхи и поведеніе учащихся дѣтей и всѣ вообще вопросы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ обученію и воспитанію

ихъ, если эти вопросы достаточно важны. Заявленія родителей и родственниковъ учащихся, имѣщія характеръ частныхъ объясненій между родителями и воспитателями, не обсуждаются на бесѣдахъ, а рѣшаются частнымъ образомъ заинтересованными сторонами, для чего назначается одинъ часъ времени до начала общей бесѣды.

7) Для правильнаго хода бесѣдъ, начальство учебнаго заведенія заводитъ особую книгу, въ которую секретарь до начала бесѣды вноситъ по очереди заявленія явившихся на бесѣду лицъ. Эти заявленія передъ началомъ бесѣды просматриваются начальникомъ заведенія, обязательно предсѣдательствующимъ на бесѣдахъ, и предлагаются на общее обсужденіе, въ порядкѣ ихъ записи въ книгѣ. Если же само учебное заведеніе найдетъ нужнымъ внести какой-либо вопросъ для общаго обсужденія, то такому вопросу при обсужденіи дается первое мѣсто.

8) Предсѣдатель бесѣды имѣетъ право не допускать на общее обсужденіе заявленій, записанныхъ въ книгу и признанныхъ имъ неудобными къ обсужденію. О заявленіяхъ такого рода предсѣдатель всякій разъ доводитъ до свѣдѣнія Педагогическаго Совѣта заведенія, въ ближайшемъ его засѣданіи, и уже Педагогическій Совѣтъ окончательно рѣшаетъ допустить или не допустить подобныя заявленія на слѣдующее открытое обсужденіе.

6) Лица, прибывшія на бесѣду уже по открытіи оной и не успѣвшія занести своихъ заявленій въ книгу, сообщаютъ ихъ секретарю. Такія заявленія также обсуждаются на бесѣдѣ и въ томъ порядкѣ, въ какомъ они сообщены секретарю.

10) Присутствующія на бесѣдѣ лица имѣютъ право принимать участіе въ обсужденіи вопросовъ, возбуждамыхъ другими лицами.

11) Всѣ правила внѣшняго порядка, соблюдаемыя въ публичныхъ собраніяхъ и засѣданіяхъ, должны быть обязательны и для лицъ, присутствующихъ на педагогическихъ бесѣдахъ. Независимо отъ этого, для руководства посѣтителей и предупрежденія недоразумѣній служатъ особыя правила, заключающія въ себѣ

указанія внѣшняго порядка и формы бесѣдъ. Правила эти*) должны быть напечатаны на билетахъ, установленныхъ для входа въ засѣданія и раздаваемы желающимъ участвовать въ бесѣдахъ, для безусловнаго исполненія.

12) Лица, не имѣющія возможности присутствовать на бесѣдахъ, могутъ присылать свои заявленія письменно, адресуя ихъ на имя предсѣдателя. Такія заяленія обсуждаются на бесѣдѣ послѣ заявленій словесныхъ, внесенныхъ секретаремъ въ книгу.

13) Преніями на педагогическихъ бесѣдахъ руководитъ предсѣдательсвующій, на общемъ основаніи.

14) Назначенная въ извѣстномъ заведеніи педагогическая бесѣда ни въ какомъ случаѣ не отмѣняется. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія предсѣдателя, его замѣняетъ лицо, служащее въ томъ же заведеніи, по назначенію высшаго учебнаго начальства.

15) Правила эти составлены въ видѣ опыта и могутъ быть измѣняемы, согласно указаніямъ практики, но всякій разъ—по постановленію Педагогическихъ Совѣтовъ и съ разрѣшенія высшаго учебнаго начальства.

Извлеченіе изъ правилъ для открытыхъ бесѣдъ:

1) На педагогическихъ бесѣдахъ присутствуютъ исключительно родители или лица, заступающія мѣсто родителей обучающихся въ заведеніи дѣтей.

2) Право входа на бесѣду выражается въ именномъ билетѣ, выдающемся начальникомъ заведенія и не передаваемомъ другому лицу.

3) На педагогическихъ бесѣдахъ обсуждаются успѣхи, поведеніе и другіе вопросы, непосредственно относящіеся къ обученію и воспитанію дѣтей.

4) Заявленія родителей или заступающихъ ихъ мѣсто, имѣющія характеръ частныхъ объясненій съ преподавателями и преподавательницами, обсуждаются одиночно, до начала бесѣды отъ „ „ до „ „ ч. вечера (въ день бесѣды).

---

*) См. приложеніе къ § 11.

5) Заявленія, подлежащія обсужденію на открытой бесѣдѣ, вносятся секретаремъ, предъ началомъ бесѣдъ, въ особую книгу и обсуждаются въ порядкѣ записи въ книгѣ.

6) Заявленія, записанныя въ книгу и требующія предварительнаго обсужденія въ закрытомъ засѣданіи Педагогическаго Совѣта, обсуждаются на открытой бесѣдѣ не иначе, какъ послѣ обсужденія въ закрытомъ засѣданіи.

7) На обсужденіе въ открытой бесѣдѣ допускаются и письменныя заявленія, но подъ условіемъ подписи родителей того ученика или ученицы, о которомъ предлагается вопросъ для обсужденія.

8) Присутствующія на бесѣдѣ лица имѣютъ право принимать участіе въ обсужденіи вопросовъ, возбуждаемыхъ другими лицами.

9) Лица, желающія дѣлать возраженія во время преній по обсуждаемому вопросу, даютъ о семъ знать предсѣдателю однимъ вставаніемъ съ своихъ мѣстъ, съ соблюденіемъ тишины и порядка, и лишь по приглашенію предсѣдателя приступаютъ къ изложенію своихъ возраженій.

10) Порядкомъ бесѣдъ руководитъ предсѣдатель оныхъ на общемъ основаніи общественныхъ собраній: онъ предъявляетъ вопросы къ обсужденію, наблюдаетъ порядокъ въ преніяхъ, останавливаетъ (по первому звонку) пренія и въ случаяхъ крайнихъ (по третьему звонку) закрываетъ бесѣду.

Положеніе это было утверждено генералъ-губернаторомъ 18 декабря 1880 года, и бесѣды начались въ гимназіяхъ, но скоро прекратились. Бесѣды эти не привились къ Ташкентской почвѣ, потому что не всѣ педагоги относились къ нимъ сочувственно, какъ къ дѣлу небывалому, а нѣкоторые родители пользовались „бесѣдами“ для сведенія личныхъ счетовъ съ учителями, что также охлаждало послѣднихъ.

30-го декабря, въ среду, былъ вечеръ въ женской гимназіи, на которомъ присутствовали: генералъ-губернаторъ, ген. А. К. Абрамовъ, преподаватели, дающіе уроки въ гимназіи, родители

учащихся дѣтей и представители мѣстнаго общества. Дѣти рѣзвились. Особенностью вечера была *живая елка,* составленная изъ 50-ти дѣвицъ разнаго возраста, усаженныхъ около стѣны одного класса въ нѣсколько рядовъ. Генералъ-губернаторъ былъ очень доволенъ, такъ какъ видѣлъ, что устроенная имъ женская гимназія замѣтно растетъ и расцвѣтаетъ.

31-го декабря вечеромъ я былъ на генералъ-губернаторскомъ балѣ. Генералъ былъ веселъ. Барыни—молодыя и пожилыя были, по обыкновенію, декольтированы, что мнѣ показалось не особенно удобнымъ въ Ташкентѣ, гдѣ на балѣ присутствовали и туземцы, которые могутъ только съ презрѣніемъ относиться къ этому роду открытія женской наготы*).

1881-й годъ.

3-го января, въ субботу, въ 2 часа дня, въ домѣ генералъ-губернатора, подъ личнымъ его предсѣдательствомъ, происходило засѣданіе попечительнаго совѣта о Ташкентскомъ пріютѣ. На этомъ засѣданіи былъ читанъ отчетъ попечительницы пріюта, въ которомъ она настаивала на необходимости образованія пріютскихъ дѣвочекъ. Противъ этой мысли была особенно madame К., которая настаивала на томъ, чтобы воспитывающихся въ пріютѣ дѣвочекъ приготовлять къ трудовой жизни—къ прачешному ремеслу, къ кухонному дѣлу и т. п. Споры съ оттѣнкомъ личностей не привели къ опредѣленному рѣшенію, и противорѣчивыя разсужденія закончились предложеніемъ генералъ-губернатора оставить всѣхъ членовъ комитета, а въ томъ числѣ и предсѣдательницу благотворительнаго общества, въ занимаемыхъ ими должностяхъ.

13-го января, во вторникъ, генералъ-губернаторъ посѣтилъ семинарію. Онъ подъѣхалъ къ семинаріи на верховой лошади,

*) Позже, при Баронѣ А. Б. Вревскомъ, во время балъ-базара, одинъ бывалый туземецъ, глядя на танцующихъ декольтированныхъ дамъ, спросилъ меня: «Неужели когда-нибудь жены и дочери мусульманъ будутъ такимъ же образомъ одѣваться и такъ же свободно держать себя въ обществѣ мужчинъ?» Я отвѣтилъ, что это будетъ зависѣть отъ взглядовъ общества даннаго времени на женскую стыдливость.

въ сопровожденіи казачьей полусотни, во время обѣда воспитанниковъ. Я увидѣлъ генерала, когда онъ подъѣзжалъ къ семинаріи и поспѣшилъ самъ отворить парадную дверь, такъ какъ швейцара въ это время уже не было на своемъ мѣстѣ. Генералъ встрѣтилъ меня ласково, снялъ затѣмъ при моей помощи свое верхнее пальто и прямо прошелъ затѣмъ въ столовую. Воспитанники въ это время оканчивали первое блюдо своего обѣда—щи. Попробовавъ черный хлѣбъ, генералъ похвалилъ его. Во время перемѣны приборовъ для втораго блюда, генералъ заходилъ въ классы и спрашивалъ о другихъ комнатахъ, чтобы судить о томъ, возможно ли оставить семинарію при теперешнемъ ея помѣщеніи, безъ дополнительныхъ пристроекъ. Ко второму блюду семинарскаго обѣда (каша) генералъ снова вошелъ въ столовую и затѣмъ отправился въ спальныя комнаты, осмотрѣлъ постельное бѣлье и спросилъ, сколько разъ въ недѣлю оно мѣняется. Я отвѣтилъ, что бѣлье мѣняется одинъ разъ въ недѣлю и что чаще мѣнять его не представляется возможнымъ, такъ какъ и самаго бѣлья у семинаристовъ не много и чистка его обходится дорого (ежемѣсячно до 45 рублей). Пока генералъ осматривалъ спальныя комнаты, воспитанники окончили обѣдъ и вышли въ садъ. Погода была теплая и сухая. Генералъ пожелалъ видѣть, какъ играютъ семинаристы въ шаръ, но игра ихъ шла вяло, очевидно, отъ смущенія вслѣдствіе присутствія генералъ-губернатора. Потомъ генералъ вошелъ въ кухню, внимательно осмотрѣлъ кухонную посуду и разспрашивалъ кухарку о назначеніи той и другой посуды. Увидѣвъ на полкѣ мѣдныя луженыя крышки отъ большихъ кострюлей и узнавъ, что кухарка остуживаетъ въ нихъ только что сваренный студень, генералъ замѣтилъ, что въ мѣдной посудѣ остуживать горячій студень нельзя. Кухарка, никогда не видѣвшая генералъ-губернатора, совсѣмъ растерялась и не могла толково отвѣчать на его вопросы. Изъ кухни генералъ прошелъ въ столярную мастерскую, гдѣ посмотрѣлъ на работы воспитанниковъ и между прочимъ видѣлъ стулъ, сдѣланный воспитанникомъ Затинщиковымъ.

Кухня и мастерская находились рядомъ съ моей квартирой. Завернувъ за уголъ мастерской, генералъ оказался на маленькомъ дворикѣ, прилегавшемъ къ моей квартирѣ. Здѣсь онъ увидѣлъ моихъ маленькихъ дѣтей, потрепалъ ихъ за щеку и спросилъ, сколько у меня дѣтей и какого они возраста. — Чрезъ калитку, я проводилъ генерала съ этого дворика на улицу, гдѣ ему подали верховую лошадь, и онъ оправился далѣе.

Проводивъ генерала, я нѣкоторое время не могъ успокоиться отъ опасенія, что генералъ-губернаторъ остался не вполнѣ доволенъ семинаріей, но генералъ никакихъ замѣчаній по поводу осмотра семинаріи не сдѣлалъ.

16-го февраля, въ понедѣльникъ, я ходилъ къ генералъ-губернатору по дѣламъ Ташкентскаго дѣтскаго пріюта: нужно было представить генералу къ подписи 4 благодарственныя письма лицамъ, участвовавшимъ въ устройствѣ концерта въ пользу пріюта. Не зная въ то время установл. канцелярскихъ правилъ, я, какъ секретарь попечительнаго совѣта о пріютахъ, подписался подъ этими письмами, какъ подъ обыкновенными канцелярскими бумагами. Генералъ-губернаторъ, замѣтивъ мою подпись, сказалъ, что подъ письмами правитель дѣлъ обыкновенно не подписывается, т. к. скрѣпа секретаря полагается только на отношеніяхъ и другихъ подобныхъ бумагахъ, но не на письмахъ. „Впрочемъ, — прибавилъ онъ, — и моя подпись дѣлу не вредитъ“, и затѣмъ прочиталъ всѣ письма и подписалъ ихъ. Представленный мною отчетъ о состояніи пріюта за 1880 г., генералъ просмотрѣлъ и, обративъ вниманіе на названія пожертвованныхъ матерій и вещей въ пользу пріюта, задумался надъ названіемъ *туаль-де-норъ*, стараясь уяснить себѣ значеніе этого названія и, наконецъ, вписалъ своей рукой по-французски это названіе.

Окончивъ пріютскія дѣла, генералъ-губернаторъ благодарилъ меня за участіе въ обсужденіи возбужденнаго главнымъ инспекторомъ училищъ вопроса объ учрежденіи въ Ташкентѣ училища для переводчиковъ. Проектъ этого училища былъ переданъ въ канцелярію генералъ-губернатора для разсмотрѣнія и для докла-

да генералу. Чиновникъ канцеляріи фонъ-Кубэ, которому предстояло писать докладъ, пріѣзжалъ ко мнѣ и записалъ съ моихъ словъ главныя мысли доклада. Я совѣтовалъ, чтобы въ этомъ училищѣ обучались исключительно русскіе, такъ какъ въ нашихъ правительственныхъ цѣляхъ необходимо имѣть переводчиковъ русскихъ, кромѣ туземцевъ, которые въ должности переводчиковъ не всегда удовлетворяютъ своему назначенію. (Со словъ докладчика генералъ-губернаторъ узналъ о моемъ участіи въ этомъ дѣлѣ и благодарилъ меня). Когда зашла рѣчь о кандидатѣ на должность начальника этого училища я указалъ между прочимъ на доцента С.-Петербургскаго Университета восточнаго факультета N. N. N., но генералъ-губернаторъ шутливо замѣтилъ: „Онъ и будетъ потомъ объясняться по-арабски, подобно тому, какъ нѣкогда профессоръ Парижской академіи объяснялся съ Абдулъ-Кадыромъ“. Я замѣтилъ, что если рекомендуемый мною не въ состояніи говорить по-арабски, то другой кандидатъ И. Н. Холмогоровъ безусловно хорошо знаетъ арабскій и персидскій языки. Генералъ-губернаторъ разсмѣялся и говорилъ: „Нѣтъ, я о Холмогоровѣ думаю лучше, чѣмъ о собесѣдникѣ Абдулъ-Кадыра“, и разсказалъ далѣе: „Парижскій профессоръ приготовилъ для встрѣчи Абдулъ-Кадыра рѣчь на арабскомъ языкѣ и когда произнесъ ее, то Абдулъ-Кадыръ чрезъ переводчика сказалъ профессору: „Прошу извиненія; я не знаю, что отвѣчать французскому ученому на его привѣтствіе, котораго я не могъ понять, такъ какъ не знаю французскаго языка“... (Т. е. парижскій профессоръ такъ дурно произнесъ свою арабскую рѣчь, что Абдулъ-Кадыръ принялъ ее за рѣчь на французскомъ языкѣ). Сказавъ это, генералъ добродушно смѣялся... Послѣ разговора я былъ приглашенъ завтракать. За завтракомъ генералъ старался оживить небольшую группу сидѣвшихъ за столомъ шутливыми разсказами о томъ, что состоявшій при немъ врачъ Н. не на шутку струхнулъ, когда услышалъ, что онъ (генералъ-губернаторъ) хотѣлъ назвать его именемъ два старыя Ташкентскія кладбища. Шутилъ генералъ и надъ нѣкоторыми другими ташкентскими чиновниками... Зашла рѣчь о дервишахъ,

и я прос лъ генералъ-губернатора дать средства для напечатанія сочиненія учителя Самаркандскаго училища Позднева (моего ученика) о дервишахъ, и генералъ обѣщалъ исполнить мою просьбу*).

24-го февраля. Въ № 8 Туркестанскихъ Вѣдомостей, вышедшемъ въ этотъ день, напечатано между прочимъ слѣдующее: „Въ ознаменованіе совершившагося 19-го февраля 1880 года двадцатипятилѣтія славнаго царствованія Государя Императора, Главный Начальникъ Туркестанскаго края испросилъ въ прошломъ году Высочайшее соизволеніе на пріемъ пожертвованій для учрежденія на проценты съ собраннаго капитала стипендій въ ташкентскихъ и вѣрненскихъ гимназіяхъ Имени Императора Александра II. Нынѣ пожертвованія эти составили капиталъ въ 24 тысячи рублей. Главный начальникъ края, принося всеподданнѣйшія поздравленія, по случаю годовщины восшествія на престолъ Государя Императора, отъ имени войскъ, администраціи и населенія края, просилъ милостивѣйшаго соизволенія Его Величества на учрежденіе 4-хъ стипендій въ гимназіяхъ ташкентскихъ и вѣрненскихъ Имени Его Величества и имѣлъ счастье получить слѣдующую телеграмму:

„Благодарю за принесенное Вами отъ имени ввѣреннаго Вамъ края и войскъ поздравленіе и за выраженныя чувства. На учрежденіе стипендій согласенъ“.

„*Александръ*“.

2-го марта 1881 г., понедѣльникъ. Ужасное, небывалое преступленіе! Государь Александръ II, 25-лѣтіе царствованія котораго еще недавно торжественно праздновала вся Россія, вчера раненъ и умеръ въ мученіяхъ!.. Злодѣйская рука покусилась на жизнь такого добраго Царя!.. Что это значитъ? Къ чему эта крамола приведетъ русскій народъ? Гдѣ правда людская? Гдѣ судъ Божій? Русскій народъ дожилъ до самаго страшнаго преступленія, до самаго тяжкаго позора, дальше котораго идти нельзя...

---

*) Средства эти были отпущены уже при замѣстителѣ заболѣвшаго вскорѣ К. П. Кауфмана—Г. А. Колпаковскимъ.

Генералъ-губернаторъ былъ пораженъ такимъ злодѣйскимъ преступленіемъ и столь разстроенъ, что неохотно принималъ посѣтителей.

4-го марта (среда), въ 10 часовъ утра, я поѣхалъ къ генералъ-губернатору для подписанія двухъ ордеровъ на расходы по пріюту. Дежурный адъютантъ встрѣтилъ меня холодно и сказалъ, что генералъ никого не приказалъ принимать. Въ это время въ адъютантской комнатѣ сидѣло нѣсколько крупныхъ чиновниковъ, имѣвшихъ въ виду представиться генералу, но получившихъ отказъ. Адъютантъ указалъ мнѣ на этихъ лицъ въ доказательство того, что генералъ дѣйствительно не принимаетъ никого. Я передалъ адъютанту ордерную книгу и сказалъ: „я самъ не имѣю въ виду безпокоить генерала личнымъ представленіемъ; потрудитесь представить эту книгу для подписанія и вынести ее обратно“. Адъютантъ отправился въ кабинетъ, но тотчасъ вышелъ и съ веселымъ лицомъ передалъ мнѣ приглашеніе генерала войти въ кабинетъ. При этомъ находившіеся въ адъютанской комнатѣ чиновники вопросительно посмотрѣли другъ на друга, а я направился въ кабинетъ генерала. Едва я вошелъ и поклонился генералу, онъ какъ-то особенно ласково сказалъ мнѣ, протягивая руку: „А я очень радъ, что пришли вы. Я никуда не выхожу и никого не принимаю, но радъ посидѣть и поговорить съ вами“... При этомъ генералъ предложилъ мнѣ сѣсть противъ него по другую сторону стола. Онъ имѣлъ грустный видъ и началъ разговоръ съ глубокой скорбью по поводу смерти Государя. Я съ грустью выразилъ свое сочувствіе общему Россійскому горю. Генералъ прочиталъ тогда только что полученную телеграмму отъ Лорисъ-Меликова по поводу фамиліи убійцы Государя (Русаковъ) и съ горечью замѣтилъ, что это особенно обидно, такъ какъ *Русаковъ* фамилія чисто русская. При этомъ генералъ разсказалъ, что когда Государь нашъ собирался въ послѣднее время поѣхать въ Германію, то спрашивалъ Германскаго Императора Вильгельма, ручается ли онъ, что со стороны нѣмцевъ не будетъ сдѣлано Русскому Императору какихъ-либо непріятностей? Императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ, что за Германію и за нѣмцевъ онъ

вполнѣ ручается, что вездѣ со стороны нѣмцевъ будутъ должныя встрѣчи и проводы, но что за русскихъ, проживающихъ въ Германіи, онъ ручаться не можетъ... Этотъ отвѣтъ Германскаго Императора—прибавилъ генералъ—Государь нашъ съ глубокою горечью показывалъ многимъ своимъ приближеннымъ и неоднократно самъ перечитывалъ его. Въ это время была подана генералу телеграмма изъ Петербурга отъ Глинки-Янчевскаго, и генералъ прочиталъ ее при мнѣ вслухъ. Въ телеграммѣ фамилія Русакова была ошибочно измѣнена въ „*Рысакова*“. По этому поводу генералъ сказалъ: „Лучше бы было, если бы убійца Государя былъ въ самомъ дѣлѣ *Рысаковъ*, а не *Русаковъ*, хотя въ сущности одинаково тяжело для русскаго чувства, потому что обѣ эти фамиліи чисто русскія*)...

По поводу прочитанныхъ телеграммъ Лорисъ-Меликова и Глинки-Янчевскаго, генералъ продолжалъ изливать свою глубокую скорбь, вызванную злодѣйскимъ преступленіемъ 1-го марта....

---

*) При этомъ считаемъ умѣстнымъ привести разсказъ полк. Д. К. Зацѣпина о снѣ покойнаго генералъ-губернатора, касавшемся Государя Александра II. «Покойный теперь полковникъ Д. К. Зацѣпинъ разсказывалъ, что мѣсяца за два до трагической смерти Императора Александра II тогдашній Туркестанскій генералъ-губернаторъ К. П. фонъ-Кауфманъ видѣлъ сонъ, который и разсказывалъ своимъ приближеннымъ, въ числѣ коихъ былъ и г. Зацѣпинъ, какъ товарищъ его по инженерному училищу.

«Приснилось мнѣ, разказываалъ Константинъ Петровичъ, что я нахожусь въ кабинетѣ Государя, въ Петербургѣ, и веду докладъ о положеніи управляемаго мною края. Государь ходилъ по комнатѣ и молча слушалъ. Вдругъ онъ остановился противъ меня и быстро спросилъ:

— А ты читалъ мой дневникъ?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Величество... отвѣчалъ я, немного озадаченный.

— А это для тебя должно быть любопытно. Вотъ я покажу тебѣ.

Государь подошелъ къ письменному столу, открылъ ящикъ и вынулъ объемистую книгу въ красивомъ переплетѣ.

— Садись и читай, сказалъ Государь, подавая мнѣ дневникъ,—повторяю: это любопытно.

Еще послѣ Хивинскаго похода Государь, относился ко мнѣ всегда очень милостиво и когда я бывалъ у него въ Петербургѣ, онъ говорилъ мнѣ «ты» и часто за просто сажалъ въ своемъ присутствіи.

Я сѣлъ къ столу и началъ читать, а Государь продолжалъ задумчиво ходить по комнатѣ.

Что я прочиталъ—ничего не помню, но мнѣ встрѣтилась фраза, на которую я невольно обратилъ вниманіе по неправильности ея изложенія. По какому-то случаю

Наконецъ, я рѣшился спросить генералъ-губернатора, какъ ему казался нашъ покойный Государь, котораго генералъ неоднократно близко видѣлъ и съ которымъ много разъ откровенно говорилъ. На мой вопросъ генералъ охотно отозвался и сказалъ: „Покойный Государь былъ добрѣйшій, сердечный по преимуществу человѣкъ; по своей гуманности, онъ стоялъ гораздо выше современныхъ ему государей Европы“. Тогда я еще спросилъ, какъ покойный Государь держалъ себя во время докладовъ ему о государственныхъ дѣлахъ и сколь глубоко проникалъ въ суть дѣла? На это генералъ отвѣтилъ, что вслѣдствіе полученнаго Государемъ воспитанія, нѣкоторыя знанія не давались Ему, но за то онъ отличался какою-то особенною способностью по нѣсколькимъ фразамъ вдругъ проникать въ суть дѣла и рѣшать его быстро и правильно. Въ доказательство этого генералъ разсказалъ о двухъ своихъ докладахъ у Государя. Одинъ изъ этихъ докладовъ касался присоединенія Самарканда къ Россіи, а другой—присоединенія Ферганы. Послѣдній докладъ происходилъ въ присутствіи графа Милютина (военнаго министра), который вмѣстѣ съ княземъ Горчаковымъ не сочувствовалъ завоеваніямъ Россіи въ Средней Азіи. Государь приказалъ графу Милютину читать составленный по

приведена была извѣстная русская пословица, записанная такъ: «Что должно случиться, того не минуешь» ...

— Ну что нравится тебѣ? спросилъ, наконецъ, Государь.

— Да, Ваше Величество... Но вотъ здѣсь неправильно записана пословица, сказалъ я, указывая на рукопись.

— Какая? быстро и съ любопытствомъ спросилъ Государь.

— Вотъ эта... По-русски она говорится: «Чему быть, тому не миновать» ...

Государь взялъ у меня изъ рукъ книгу, посмотрѣлъ на указанное мною мѣсто и задумался.

— Да, ты правъ... Чему быть, тому не миновать!...

Онъ положилъ книгу на столъ, взялъ перо, зачеркнулъ написанное, а сверхъ строки написалъ крупными буквами пословицу въ ея настоящей редакціи.

— Ты правъ... «Чему быть, тому не миновать», повторилъ нѣсколько разъ Государь и глубоко задумался» ...

Сонъ этотъ, хотя и встревожилъ К. П. Кауфмана, но онъ не придалъ ему особаго значенія, а когда въ мартѣ пришло извѣстіе о смерти Императора, Константинъ Петровичъ припомнилъ сонъ во всѣхъ деталяхъ, который показался ему пророческимъ». (См. «Средняя Азія, Научно-литературный сборникъ статей по Средней Азіи» Ташкентъ. 1896, Смѣсь).

этому поводу докладъ и слушалъ какъ-то особенно, приказывая пропускать цѣлыя страницы, когда понималъ дальнѣйшій ходъ мыслей; наконецъ, онъ вдругъ приказалъ читать заключеніе, а затѣмъ пріостановилъ графа и сказалъ: „Фергану необходимо присоединить къ Россіи, почему прошу васъ, графъ, теперь же отправиться вмѣстѣ съ ген. Кауфманомъ къ кн. Горчакову и передать ему мое рѣшеніе“.—При этомъ генералъ весьма картинно разсказалъ сцену, происшедшую при свиданіи князя Горчакова съ министромъ Милютинымъ и съ нимъ, Кауфманомъ: „Вышли мы, говорилъ генералъ, отъ Государя, молча, потому что гр. Милютину былъ непріятенъ такой исходъ его доклада; я изъ вѣжливости шелъ позади министра и также молча, такъ какъ понималъ щекотливость моего положенія. Кромѣ того, я очень уважалъ Милютина за его просвѣщенный умъ и честную службу Россіи и потому считалъ неприличнымъ начинать съ нимъ непріятный для него разговоръ... Такъ мы вышли изъ дворца и поѣхали каждый въ своемъ экипажѣ, хотя при другомъ настроеніи могли бы ѣхать въ одномъ экипажѣ. Когда мы подъѣхали къ квартирѣ князя Горчакова, то также молча поднялись по лѣстницѣ и вошли въ кабинетъ князя. Я шелъ позади гр. Милютина и видѣлъ, какъ кн. Горчаковъ съ тонкой и хитрой улыбкой приподнялся со своего кресла и нѣсколько саркастическимъ тономъ сказалъ, увидѣвъ меня позади гр. Милютина: „Очень радъ видѣть генерала Кауфмана, который доставляетъ намъ столько хлопотъ своими завоевательными проэктами“... Гр. Милютинъ въ это время успѣлъ уже подойти къ кн. Горчакову и сказалъ ему совершенно оффиціальнымъ тономъ: „По повелѣнію Его Величества, являюсь къ Вашей свѣтлости, чтобы передать Вамъ Высочайшую волю на присоединеніе Ферганы къ владѣніямъ Русской Имперіи“. „Моментально,—прибавилъ генералъ,—саркастическая улыбка кн. Горчакова исчезла съ его лица; князь принялъ серьезный видъ, придалъ своимъ слегка прищуреннымъ *дипломатическимъ* глазамъ выраженіе вниманія и благосклоннаго отношенія ко мнѣ и, любезно протягивая мнѣ руку, оффиціально-ласковымъ тономъ сказалъ: „Поздравляю

Васъ, генералъ"... Этотъ разсказъ свой генералъ-губернаторъ закончилъ вопросомъ: „Вы никогда не видали дипломатовъ?". И на мой отрицательный отвѣтъ генералъ замѣтилъ: „Нашъ Горчаковъ былъ типичнымъ представителемъ современныхъ европейскихъ дипломатовъ".

Другой случай, характеризующій покойнаго Государя со стороны нѣкоторыхъ странностей въ его характерѣ былъ слѣдующій: „Однажды—говорилъ К. Петровичъ,—я по должности генералъ-адъютанта явился во дворецъ и вошелъ въ кабинетъ Его Величества. Государь сидѣлъ за своимъ столомъ, какъ и всегда, лицомъ ко входной двери. По одну сторону стола сидѣлъ одинъ изъ министровъ, а по другую—Наслѣдникъ-Цесаревичъ (покойный Государь Александръ III). Я вошелъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился, затѣмъ поклонился Государю и сталъ въ обыкновенномъ положеніи. При этомъ я замѣтилъ, что Государь пристально смотритъ на мой костюмъ. Я нѣсколько смутился и, насколько позволяло мое положеніе, осматривалъ себя, но никакого безпорядка у себя въ костюмѣ не находилъ. Наслѣдникъ-Цесаревичъ замѣтилъ, что Государь такъ пристально осматриваетъ меня, и сталъ также оглядывать мой костюмъ. Я продолжалъ стоять, чувствуя неловкость своего положенія... Наконецъ, Наслѣдникъ-Цесаревичъ всталъ со своего мѣста, направился ко мнѣ и, не говоря ни слова, взялъ въ руку висѣвшую у меня черезъ плечо шашку и моментально свернулъ ея рукоятку въ другую сторону, сказавъ при этомъ: „У генерала шашка не по формѣ"... Затѣмъ Наслѣдникъ-Цесаревичъ отошелъ къ своему мѣсту, а Государь успокоился, далъ мнѣ знакъ рукою подойти ближе къ столу и сѣсть и затѣмъ, въ моемъ присутствіи, совершенно спокойно продолжалъ выслушивать докладъ министра".—Генералъ сказалъ по этому случаю: „Странно именно то, что я въ такомъ точно видѣ былъ нѣсколько разъ у Государя, и никогда Онъ не обращалъ вниманія на мою казачью шашку".—

Просидѣлъ я такимъ образомъ у генерала полтора часа. Онъ совершенно успокоился и какъ бы повеселѣлъ. Тогда онъ

поговорилъ со мной о ташкентскихъ разговорахъ и между прочимъ спросилъ: „Правду ли говорятъ, что въ пріютѣ дерутся, т. е. бьютъ дѣтей?“ Я отвѣтилъ, что не знаю, насколько это правда, но съ своей стороны прибавилъ, что въ пріютѣ дѣти пріучаются говорить mersi и дѣлать реверансы, между тѣмъ какъ большинство пріютскихъ дѣтей — дѣти простыхъ бѣдныхъ людей: солдатъ, мѣщанъ, крестьянъ... Генералъ сказалъ, что онъ находитъ это совершенно неумѣстнымъ.

Въ № 10 Туркестанскихъ Вѣдомостей за 1881 г. отъ 10-го марта напечатано было слѣдующее: „Начальникъ Перовскаго уѣзда, штабсъ-капитанъ Арбузовъ, телеграммою на имя военнаго губернатора Сыръ-дарьинской области, извѣстилъ, что представители Перовскаго уѣзда, отъ имени населенія, просили высказать предъ Его Превосходительствомъ глубокую скорбь къ постигшему всѣхъ горестному событію и испросить разрѣшеніе Главнаго Начальника края, въ память горячо любимаго ими въ Бозѣ почившаго Императора, учредить въ одномъ изъ учебныхъ заведеній Ташкента, по усмотрѣнію Его Высокопревосходительства, *перовскую стипендію имени Императора Александра II-го.* Въ случаѣ разрѣшенія, деньги 6 тысячъ будутъ собраны въ концѣ года“.

„Туземное населеніе г. Ходжента, во главѣ казіевъ, должностныхъ лицъ туземной администраціи, пятидесятниковъ и почетныхъ лицъ, 3-го марта, помолившись на площади, гдѣ было собрано и все русское населеніе города, за упокой въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, приняло затѣмъ въ главной мечети Шеихъ-Маслихутдина присягу на вѣрноподданство Государю Императору Александру Александровичу. И. д. начальника Ходжентскаго уѣзда, шт.-кап. Соколовъ писалъ, что населеніе, видимо, душевно тронутое столь горестнымъ событіемъ, послѣ присяги заявило ему, что, въ виду такого общаго горя, оно совершенно отказывается отъ весенняго годоваго праздника (новаго года), долженствовавшаго начаться съ 4-го марта и отъ всѣхъ своихъ увеселеній, которыя оно позволяло себѣ въ теченіе

нѣсколькихъ дней во время этого празднества, на которое всегда съѣзжались тысячи народа изъ разныхъ кишлаковъ Ходжентскаго уѣзда. Это и было исполнено имъ 4 и 5 марта: въ эти дни, когда прежде бывало полное веселье, во всемъ городѣ была полная тишина*).

19-го марта, (среда). Явившись къ генералъ-губернатору по дѣламъ пріюта, я былъ приглашенъ имъ въ кабинетъ. Генералъ встрѣтилъ меня ласково и, подавая мнѣ руку, весьма участливо сказалъ: „А вѣдь скверное дѣло, Николай Петровичъ, вышло у насъ“... (Подразумѣвалось кассовое дѣло).

Узнавъ изъ разговора со мной нѣкоторыя некрасивыя подробности этого дѣла, генералъ задумался и обѣщалъ свое полное содѣйствіе. Затѣмъ я получилъ позволеніе уйти, чтобы къ 2-мъ часамъ дня собрать засѣданіе попечительнаго совѣта о пріютахъ.

Засѣданіе это въ назначенный часъ состоялось. Былъ прочитанъ и подписанъ протоколъ предъидущаго собранія, а затѣмъ возникъ рѣзкій споръ относительно принциповъ внутренней жизни пріюта. Г-жа К. возстала противъ обученія нѣкоторыхъ пріютскихъ дѣвочекъ въ женской гимназіи. Ей возражалъ военный губернаторъ В. Н. Троцкій, а полковникъ Зацѣпинъ поддерживалъ военнаго губернатора. Генералъ-губернаторъ былъ очень стѣсненъ возникшимъ споромъ, принимавшимъ страстный характеръ, но старался сдерживать споривших и съумѣлъ свести бурное засѣданіе къ благополучному концу.

Это было послѣднее мое личное присутствіе въ засѣданіи, на которомъ находился покойный Константинъ Петровичъ, и я видѣлъ его тогда живымъ и здоровымъ въ послѣдній разъ...

---

*) Со временемъ будетъ, конечно, опубликовано согласное съ дѣйствительностью описаніе принятія вѣрноподданнической присяги мусульманами Туркестанскаго края. Вопросъ этотъ имѣетъ чрезвычайную важность и до сихъ поръ еще не выясненъ администраціей края. Я помню, что въ 1879—80 г.г. отъ уѣздныхъ начальниковъ были затребованы мнѣнія по вопросу о присягѣ вообще, и отвѣты ихъ были различные.

25-го марта генералъ заболѣлъ серьезно: ночью съ нимъ случился ударъ, послѣ котораго онъ уже не оправлялся. 29-го марта, (воскресенье) я слышалъ, что ударъ, постигшій генералъ-губернатора, былъ вызванъ нѣкоторыми неурядицами въ краѣ, которыя волновали его, какъ правителя и человѣка, обладавшаго добрымъ сердцемъ*), а неожиданная ужасная смерть Государя, къ Которому генералъ относился съ душевною преданностью, окончательно сразила его...

Болѣзнь генералъ-губернатора продолжалась до 3-го мая 1882 года. Въ этотъ промежутокъ времени онъ оставался безъ языка и, повидимому, безъ полнаго сознанія. Въ ночь на 4-е мая мудрый и добрый устроитель и начальникъ Туркестанскаго края скончался. Царство ему небесное и вѣчная память!

Послѣ смерти генерала начались приготовленія къ его погребенію. Тѣло его было набальзамировано и находилось въ залѣ генералъ-губернаторскаго дома въ ожиданіи пріѣзда его супруги и сына. Возникъ вопросъ о мѣстѣ погребенія: одни указывали для погребенія мѣсто близъ церкви, а другіе—близъ гимназіи. Наконецъ, было рѣшено похоронить его противъ гимназіи.

Вниманія и почета покойному было оказано много: отъ разныхъ военныхъ и гражданскихъ учрежденій и отъ частей войскъ служились панихиды у его гроба, на который возлагались вѣнки изъ живыхъ и искусственныхъ цвѣтовъ; и. д. генералъ-губернатора Г. А. Колпаковскій предъ началомъ панихиды отъ учебнаго вѣдомства сказалъ выразительную рѣчь, въ которой высказалъ чувства своего почтенія къ почившему начальнику...

17-го мая, въ $8^1/_2$ час. утра, гробъ съ тѣломъ почившаго былъ торжественно перенесенъ въ церковь на рукахъ военными генералами и начальниками управленій. Небольшая Іосифо-Георгіевская церковь не могла вмѣстить всѣхъ, желавшихъ помолиться у гроба его. Много русскихъ и туземцевъ оставались внѣ церкви, откуда доносилось трогательное пѣніе соединеннаго хора учеб-

*) Къ этому же времени относилось и загадочное убійство жены чиновника Б.

ныхъ заведеній. Священники почтили покойнаго начальника въ сказанныхъ ими надъ его гробомъ рѣчахъ. Искреннимъ чувствомъ отличалось безыскуственное слово старѣйшаго изъ нихъ о. Андрея Малова, котораго покойный при жизни своей безпримѣрно награждалъ. Съ волненіемъ въ душѣ и дрожащимъ голосомъ о. Андрей Маловъ говорилъ:

„Насталъ часъ разстаться съ тобою, нашъ добрый и глубокочтимый начальникъ, нашъ любимый Константинъ Петровичъ!

Грустно, но неминуемо!

Константинъ Петровичъ! Будучи 14 лѣтъ Главнымъ Начальникомъ здѣсь, на далекой окраинѣ, ты зналъ почти каждаго изъ насъ, своихъ подчиненныхъ, зналъ и наши достоинства, зналъ и наши немощи; по достоинствамъ нашимъ и заслугамъ ты мощно ходатайствовалъ предъ Монархомъ объ отличіи насъ, объ улучшеніи быта нашего; о немощахъ же нашихъ ты силился, превозмогалъ себя, чтобы отечески, необидчиво дать намъ понять, но наказывалъ рѣдко, и если наказывалъ, то соединялъ, на сколько возможно, требованія строгой законности съ чувствами нравственной правоты. Ты видѣлъ въ каждомъ изъ своихъ подчиненныхъ прежде всего человѣка и требовалъ честности и порядочности, коими самъ обладалъ въ высшей степени; ты имѣлъ истинное желаніе поднять человѣка, возвысить его въ его глазахъ, привить къ нему, или облагородить то, что должно быть присуще его природѣ“.

Упомянувъ о вниманіи почившаго къ нему, проповѣднику, и къ разнымъ лицамъ всѣхъ званій и состояній, и къ дѣтямъ ихъ, о. Андрей отъ души просто говорилъ:

„И благодарны же мы тебѣ добрый, хорошій начальникъ нашъ, Константинъ Петровичъ! И память о твоей плодотворной дѣятельности всегда будетъ дорога и любезна въ роды родовъ. Что мы тебя глубоко уважали и любили, ты это зналъ и ты избралъ себѣ эту далекую окраину могилою; вѣрь же, что наши чувства къ тебѣ не умрутъ, а перейдутъ въ будущія поколѣнія, а твои заслуги гражданскія и военныя въ теченіе почти полувѣка

предъ престоломъ, церковью и отечествомъ оцѣнитъ и увѣковѣчитъ исторія нашего отечества"...

По окончаніи отпѣванія, гробъ почившаго былъ поставленъ на катафалкъ, и печальная процессія занявшая всю соборную улицу въ строгомъ порядкѣ, опредѣленномъ особымъ церемоніаломъ, медленно подвигалась къ могилѣ, приготовленной на углу гимназическаго сквера. Покойный еще при жизни выражалъ желаніе умереть въ устроенномъ имъ краѣ*) и, какъ говорили, хотѣлъ покоиться вблизи созданныхъ имъ учебныхъ заведеній.—Когда гробъ опустили въ склепъ, я говорилъ надъ дорогими останками:

„Обязанный, по христіанскому долгу, отдать покойному начальнику послѣднее прощаніе отъ лица учебнаго вѣдомства Туркестанскаго края, я считаю достойнымъ, съ признательностію къ нему, вспомнить здѣсь, надъ гробомъ его, просвѣщенныя заботы его объ устройствѣ народнаго образованія въ краѣ. Мы, живые свидѣтели обширной административной дѣятельности покойнаго по управленію краемъ, слышали и видѣли—знаемъ, что онъ съ самаго вступленія въ должность Туркестанскаго генералъ-губернатора и до предсмертной болѣзни своей считалъ народное образованіе важнымъ государственнымъ дѣломъ и заботливо поддерживалъ его всѣми находившимися въ его распоряженіи средствами.

„Богъ не судилъ покойному увидѣть первые плоды трудовъ своихъ; но онъ, при жизни своей, имѣлъ утѣшеніе сознавать, что имъ было сдѣлано для учебнаго дѣла въ краѣ все, что было можно; а сдѣлано было много: вмѣсто 14 низшихъ училищъ, какія существовали ко времени его пріѣзда, въ Семирѣченской и Туркестанской областяхъ**) онъ оставляетъ теперь двумъ своимъ преемникамъ 60 низшихъ училищъ, 5 среднихъ учебныхъ заведеній, нѣсколько пансіоновъ при гимназіяхъ, нѣсколько ученическихъ квартиръ при училищахъ и нѣсколько дѣтскихъ пріютовъ.

*) Въ письмѣ къ одному частному лицу онъ писалъ, что считаетъ честью умереть и быть похоронену въ Ташкентѣ.

**) См. Приложеніе.

„Пользуясь содѣйствіемъ ближайшихъ своихъ сотрудниковъ по управленію краемъ, покойный не оставлялъ своимъ вниманіемъ ни одной стороны сложнаго учебнаго дѣла, требующаго вообще отъ начальника просвѣщеннаго ума, неослабной энергіи и теплой любви къ этому дѣлу. Стараясь о развитіи и постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ краѣ на соотвѣтствующую его государственной важности высоту, покойный усиленно заботился о возможно большемъ распространеніи *идеи русской школы* среди туземцевъ, какъ лучшаго внутренняго средства къ сближенію ихъ съ Россіей. Не успѣла еще эта важная, государственная идея одинаково широко и глубоко проникнуть въ сознаніе разныхъ народностей Туркестанскаго края, но починъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ покойнымъ; гробъ его сопровождали сюда, вмѣстѣ съ русскими дѣтьми, и дѣти туземцевъ, учащіяся въ русскихъ ташкентскихъ школахъ.

„Такимъ образомъ покойный оставилъ своимъ преемникамъ широкое поле дѣятельности по народному образованію въ краѣ; но поле это расчищено, главныя борозды проведены и первые шаги сдѣланы; а это весьма много значитъ въ такомъ серьезномъ, спеціальномъ и трудномъ дѣлѣ...

„Съ глубокою признательностію и уваженіемъ къ покойному упомяну въ заключеніе своего прощальнаго привѣта, что покойный начальникъ нашъ, обладая широкимъ, просвѣщеннымъ взглядомъ на учебное дѣло, любилъ и ласкалъ учащихся дѣтей, а къ намъ, непосредственнымъ исполнителямъ учебно-воспитательнаго дѣла, относился съ истинною гуманностію. Добрый и ласковый по натурѣ, онъ преимущественно эту черту своего характера обнаруживалъ въ своихъ сношеніяхъ съ нами. Онъ умѣлъ однихъ изъ насъ сдерживать, другихъ ободрять, иныхъ поощрялъ, а всѣхъ—терпѣливо выслушать и побуждать къ дѣятельности. Держась естественнаго взгляда на человѣческую природу, онъ всегда сознавалъ, что люди всегда и вездѣ были *людьми,* т. е. со слабостями и недостатками, и потому не требовалъ отъ насъ невозможныхъ доблестей. Разсудительно-требовательный въ отношеніи

самаго дѣла, онъ былъ всегда болѣе снисходителенъ къ нашимъ недостаткамъ и добръ, чѣмъ строгъ и взыскателенъ.

„Такія заботливыя отношенія покойнаго къ учебному дѣлу въ краѣ, его отеческія ласки къ учащимся дѣтямъ и снисходительная доброта въ отношеніи къ намъ, учащимъ, обязываютъ насъ къ признательной памяти о немъ. И каждый изъ насъ старался выразить свою признательность къ почившему, кто какъ могъ, а теперь я за всѣхъ говорю свое послѣднее слово: миръ праху твоему, добрый начальникъ! Вѣчная тебѣ память за твои просвѣщенныя заботы о народномъ образованіи въ Туркестанскомъ краѣ! Вѣчная тебѣ память отъ учащихся за твою щедрую попечительность о нихъ и особенно о бѣдныхъ изъ нихъ и сиротахъ! Вѣчная тебѣ память за твои добрыя, гуманныя отношенія къ намъ, чинамъ учебнаго вѣдомства! Прости мнѣ!“

Послѣ меня, отъ лица Туркестанскаго отдѣла Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, сказалъ почившему послѣднее „прости“ В. Ѳ. Ошанинъ, который указалъ на самую свѣтлую черту высокаго ума Константина Петровича, жившаго при убѣжденіи, что только серьезнымъ изученіемъ природныхъ и бытовыхъ условій края, только при помощи истинно-научныхъ пріемовъ можно достичь твердыхъ отвѣтовъ на жизненные вопросы, и потому поощрявшаго возможно широкое и разностороннее научное изслѣдованіе Туркестанскаго края... „Вотъ почему, говорилъ В. Ѳ., имя человѣка, много помогавшаго дѣлу науки, никогда не забудется и занесется навсегда въ почетный списокъ истинно-просвѣщенныхъ дѣятелей“... Въ заключеніе прощальной рѣчи было сказано, что личныя, глубоко-симпатичныя качества покойнаго начальника и президента ученаго общества обаятельно вліяли на каждаго и что съ его кончиной туркестанцы лишились крайне дорогого *человѣка*)...

И послѣ того, какъ земля сокрыла Константина Петровича отъ глазъ его сослуживцевъ, не печальна была его могила; одинокая

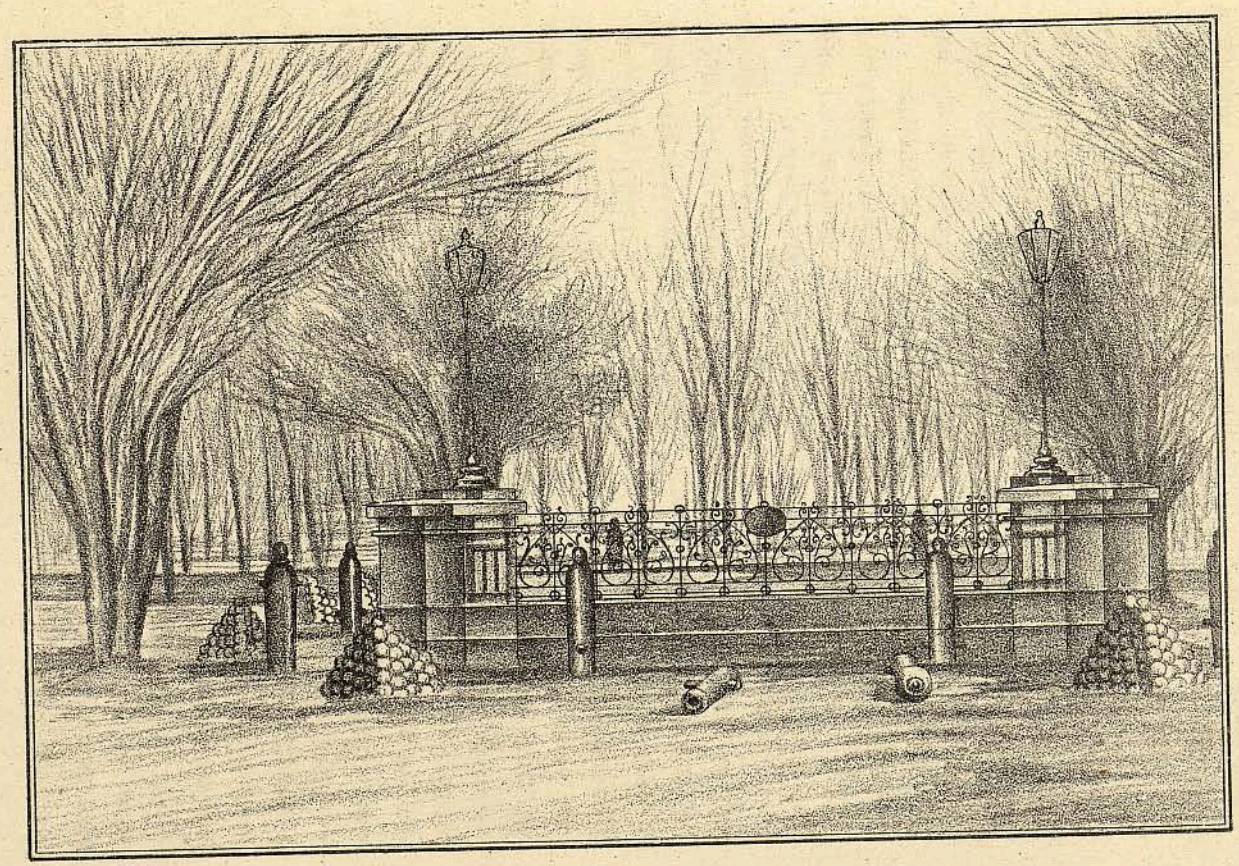
---

*) См. Туркест. Вѣдом.

среди гимназическаго сквера, она привлекала къ себѣ многихъ посѣтителей, которые приносили сюда не цвѣты, а молитвы и добрыя воспоминанія... И у покойнаго были ошибки и слабости, но онѣ искупляются добромъ, имъ сдѣланнымъ краю и людямъ, которые не рѣдко вводили его въ заблужденіе... Вокругъ могилы были посажены большіе кустистые карагачи, перевезенные изъ генералъ-губернаторскаго сада, которые, не смотря на позднее весеннее время и на распустившіеся уже листья на нихъ, хорошо принялись, какъ бы по сочувствію къ своему доброму хозяину. Не даромъ покойный любилъ при жизни своей указывать на необыкновенно благопріятный для растительности климатъ Ташкента, гдѣ и тополевые сучья, воткнутые въ землю, пускаютъ корни и начинаютъ расти*).

18-го мая 1882 года, (вторникъ). Я ѣздилъ къ Юліи Мавикіевнѣ Кауфманъ отдать ей свой послѣдній поклонъ, какъ супругѣ покойнаго начальника, котораго я всегда глубоко уважалъ. Она приняла меня и, видимо, была довольна оказанною ей честью. Сдержанная по природѣ и удрученная горемъ, она сказала мнѣ, что рѣчь мою она получила въ рукописи и повезетъ ее съ собою въ Петербургъ. Потомъ она говорила со мной о наступившихъ экзаменахъ и высказала сочувствіе къ учащимся, что имъ приходится въ такую жару усиленно заниматься и не мало водноваться. Въ заключеніе она просила меня сообщить ей, если что-нибудь будетъ напечатано о покойномъ и замѣтила при этомъ съ очевидною грустью, что изъ военныхъ никто не сказалъ рѣчи и не выставилъ военныхъ заслугъ покойнаго. Она говорила, что заслуги покойнаго ея мужа съ теченіемъ времени будутъ болѣе всесторонне и глубже оцѣнены впослѣдствіи. По поводу дурныхъ дорогъ въ Туркестанскомъ краѣ, она замѣтила, что покойный ея мужъ много хлопоталъ о соединеніи Туркестанскаго края съ Россіей желѣзной дорогой, но хлопотамъ его не суждено было осуществиться при его жизни, такъ какъ ему мало въ этомъ сочув-

*) См. выше, стр. 16.



Мѣсто первоначальнаго погребенія К. П. фонъ-Кауфмана, противъ гимназіи.

ствовали.—Глядя на Ю. М. Кауфманъ, я невольно проникался уваженіемъ къ ней за ея умѣнье держать себя просто и въ то же время съ достоинствомъ. Она обратила на себя особенное мое вниманіе во время отпѣванія ея покойнаго супруга и во время панихидъ, совершенныхъ въ ея присутствіи надъ гробомъ умершаго: она стояла на колѣнахъ и была въ высшей степени сосредочена въ своемъ молитвенномъ настроеніи; не было при этомъ ни обмороковъ, ни вскрикиваній, а было видно глубокое чувство супружеской скорби, сдерживаемое христіанскою вѣрою и надеждою...

Прошло со дня кончины перваго Туркестанскаго генералъ-губернатора два съ половиной года, и преемникъ его, завоеватель Ташкента, М. Г. Черняевъ издалъ 19 января 1884 года на имя военнаго губернатора области слѣдующее письмо:

„Высокое положеніе, которое занималъ предмѣстникъ мой, покойный Генералъ-Адъютантъ фонъ-Кауфманъ, то уваженіе, которымъ онъ пользовался въ средѣ своихъ подчиненныхъ и то многочисленное добро, которое покойный сдѣлалъ многимъ, побуждаетъ меня пригласить всѣхъ служившихъ подъ его начальствомъ принять участіе въ украшеніи его могилы.

„Сооруженіе съ этою цѣлью надгробнаго памятника, часовни, или рѣшетки вокругъ могилы (смотря по средствамъ) можетъ быть достигнуто лишь при помощи пожертвованій, а потому я обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ просьбой принять на себя иниціативу сбора пожертвованій для этой цѣли во ввѣренной Вамъ области и въ подчиненныхъ Вамъ войскахъ“.

Послѣ этого распоряженія прошло еще пять слишкомъ лѣтъ, и 4 мая 1889 г. останки покойнаго Константина Петровича были торжественно перенесены въ Ташкентскій Спасо-Преображенскій соборъ*). Это было уже при генералъ-губернаторѣ Н. О. Розенбахѣ. Надъ могилой покойнаго, близъ правой стѣны собора, устроена рѣшетка, которая вся была увѣшана вѣнками и лентами отъ вѣнковъ, а на стѣнѣ прикрѣпленъ большой образъ св. Царя

*) См. Приказаніе по войскамъ отъ 22 апрѣля 1889 г. за № 20 и приложенный къ Приказанію церемоніалъ.

Константина, изготовленный художникомъ Микешинымъ, въ знакъ почтенія къ почившему, и большая лампада одной почитательницы его. Подъ образомъ, на черной мраморной доскѣ золотыми буквами вырѣзана слѣдующая надгробная надпись:

Генералъ-Адъютантъ, Инженеръ-Генералъ,
Константинъ Петровичъ
Фонъ-Кауфманъ I-й.
Кавалеръ св. Георгія 2-й ст., св. Владиміра 1-й ст., св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, св. Анны 1-й ст., св. Станислава 1-й ст. и другихъ Россійскихъ и иностранныхъ орденовъ.
Первый Туркестанскій Генералъ-Губернаторъ и Командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа
1867—1882.
Покоритель Самарканда 1868 г., Хивинскаго ханства 1873 г. и Кокандскаго ханства 1875 г.
Устроитель Туркестанскаго края.

Въ этой надгробной надписи перечислены главныя заслуги покойнаго Туркестанскаго генералъ-губернатора предъ отечествомъ и награды, какими онъ былъ отличенъ за подвиги военные, а послѣдняя строка этой надписи указываетъ на особенныя отношенія его къ Туркестанскому краю, устроителемъ котораго онъ былъ и въ памяти котораго остается незабвеннымъ. Военныя лица*) и гражданскіе чиновники, служившіе подъ его начальствомъ въ Туркестанскомъ краѣ, до сихъ поръ вспоминаютъ имя Константина Петровича съ глубокимъ уваженіемъ, а туземцы съ большимъ почтеніемъ. И теперь еще можно видѣть, какъ бывшіе сослуживцы покойнаго благоговѣйно подходятъ къ его могилѣ и молятся о упокоеніи его души.

---

*) Въ числѣ ихъ: Военный Министръ ген.-лейт. А. Н. Куропаткинъ, Виленскій ген.-губернаторъ генералъ отъ инфантеріи В. П. Троцкій, Приамурскій генералъ-губернаторъ ген.-лейтенантъ Н. И. Гродековъ, помощникъ Туркестанскаго генералъ-губернатора ген.-лейтенантъ Н. А. Ивановъ, военный губернаторъ Сыръ-Дарьинской области ген.-лейтенантъ Н. И. Корольковъ и мн. др.

Я записалъ на предыдущихъ страницахъ, то, что видѣлъ и слышалъ самъ при жизни покойнаго, и что переживалъ въ Ташкентѣ въ его время.—Не полны, конечно, мои записи, но и онѣ могутъ имѣть значеніе для его біографіи. Въ тѣхъ же видахъ я присоединяю сюда нѣсколько отзывовъ о покойномъ, какіе я встрѣтилъ въ печати и слышалъ отъ другихъ лицъ, знавшихъ его.

I.

„Въ теченіе своей жизни,—говорилъ А. В. Эвальдъ,—я никогда не встрѣчалъ человѣка пожилого, притомъ администратора, занимавшаго высокіе посты, который сохранилъ бы такую юношескую свѣжесть, какъ К. П. фонъ-Кауфманъ. Это былъ чрезвычайно живой человѣкъ, живой не въ смыслѣ быстроты движеній, а въ смыслѣ такомъ, что его не заѣла служебная рутина, что до конца своихъ дней онъ сохранилъ способность увлекаться всѣмъ новымъ и увлекаться съ чисто юношескимъ пыломъ. (Далѣе идетъ разсказъ о необыкновенно живомъ интересѣ, съ какимъ генералъ отнесся къ проекту г. Эвальда, касавшагося устройства аэростата). Въ заключеніе своихъ краткихъ воспоминаній, г. Эвальдъ говоритъ: „...судя о немъ по тѣмъ немногимъ бесѣдамъ, которыя онъ велъ со мною, и по тѣмъ немногимъ фактамъ, которые мнѣ приходилось наблюдать, я долженъ думать, что и въ исполненіе своихъ обязанностей онъ вкладывалъ туже живую душу, которая пробивалась у него въ каждомъ словѣ, при бесѣдахъ со мной... Онъ принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которыхъ не заѣдаетъ служебная рутина, и которые черезъ всю свою жизнь проносятъ неугасимый свѣточъ юношеской вѣры въ лучшее. Пройдя большую служебную карьеру, достигнувъ высшихъ почестей, доживъ до преклонныхъ лѣтъ, онъ остался болѣе юнымъ, чѣмъ бываютъ многіе молодые люди въ двадцать лѣтъ. Ради науки онъ смѣло садится въ подводную лодку, которой еще никто не испытывалъ; ради прогресса человѣческой мысли онъ хлопочетъ у военнаго министра объ осуществленіи проекта лета-

тельнаго аппарата, хотя это дѣло не входитъ въ кругъ его прямыхъ обязанностей. И такъ онъ поддерживалъ и поощрялъ всякое новое начинаніе, всякую свѣжую мысль, въ какой бы области науки онѣ ни проявлялись. Къ нему многіе обращались за поддержкою въ своихъ работахъ, и никогда и никому онъ не отказывалъ въ своемъ покровительствѣ. Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ изъ себя рѣдкое явленіе въ административныхъ сферахъ, и имя его не должно умереть въ потомствѣ". (Истор. Вѣстникъ. Октябрь 1897 г. ст. „Воспоминанія о К. П. фонъ-Кауфманѣ).

II.

В. П. П. разсказывалъ мнѣ, что онъ *первый* увидѣлъ перваго Туркестанскаго генералъ-губернатора К. П. фонъ-Кауфмана въ предѣлахъ вновь образованнаго генералъ-губернаторства. Въ 1867 г., тотчасъ по выходѣ изъ кадетскаго корпуса, г. П. былъ командированъ въ Сергіопольскій казачій отрядъ, а осенью того же года ему было поручено встрѣтить и сопровождать генералъ-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана, слѣдовавшаго изъ Петербурга въ Ташкентъ чрезъ Сергіополь. Въ одинъ изъ осеннихъ дней того же года была получена въ Сергіополѣ летучка (эстафета) съ извѣстіемъ о томъ, что генералъ-губернаторъ скоро прибудетъ во ввѣренный ему край и что онъ ѣдетъ быстро. В. П—ву было указано встрѣтить генерала на первомъ пикетѣ Сергіопольскаго тракта и сопровождать до слѣдующей дистанціи. Рано утромъ (числа и мѣсяца разсказчикъ не помнитъ) къ первому пикету быстро подкатилъ тарантасъ, въ которомъ сидѣлъ сѣдой генералъ, строго смотрѣвшій на юнаго казачьяго офицера, вытянувшагося въ парадной формѣ, какъ полагается по службѣ. Генералъ отвѣтилъ движеніемъ руки на отданную ему честь. Немедленно были заложены въ тарантасъ другія лошади, и генералъ, не выходившій изъ экипажа, двинулся далѣе. За нимъ слѣдовало еще нѣсколько экипажей, въ которыхъ ѣхали сопровождавшіе генерала адъютанты и другія лица его свиты. В. П. верхомъ на лошади скакалъ за экипажемъ

генерала и первую станцію (23 версты) проѣхалъ благополучно въ 1 ч. 35 мин. На второй станціи генералъ-губернаторъ вышелъ изъ тарантаса и, пока перепрягали лошадей, обошелъ и осмотрѣлъ юрты для проходящихъ командъ, потомъ вошелъ въ помѣщеніе станціи и разспрашивалъ В. П., для какой надобности и на долго ли выставлены юрты, на какія средства и кѣмъ содержатся станціи и пр. Когда на одинъ изъ этихъ вопросовъ сергіопольскій военно-окружной начальникъ капитанъ Ф. попытался было отвѣчать, генералъ-губернаторъ внушительно сказалъ ему: „Не васъ спрашиваю“...

Когда лошади были готовы, и экипажъ генерала двинулся далѣе съ прежнею быстротою, В. П. въ той же парадной формѣ сопровождалъ его верхомъ на другой лошади, но могъ доѣхать только до половины станціи, а затѣмъ почувствовалъ себя совершенно разбитымъ, отсталъ отъ экипажа генерала и вернулся на вторую станцію. По дорогѣ его встрѣтилъ слѣдовавшій за генераломъ полковникъ Петрушевскій, который, замѣтивъ утомленный видъ и безпокойство на лицѣ возвращавшагося молодого офицера, остановился и сказалъ ему: „Не безпокойтесь; я доложу о вашемъ положеніи генералу“.

Ободренный полковникомъ В. П. возвратился не спѣша въ Сергіополь и тамъ подѣлился съ другими сослуживцами своими впечатлѣніями отъ встрѣчи новаго начальника края. Судили, рядили и порѣшили, что вновь прибывшій генералъ-губернаторъ, очевидно, шутить не любитъ и что „блаженное время“ сергіопольской глуши должно отойти въ исторію, а теперь нужно ждать новыхъ порядковъ, при которыхъ многимъ придется не сдобровать. Тогда вспомнили, какъ бѣдный городничій Сергіополя при встрѣчѣ генерала сильно перетрусилъ: онъ стоялъ на улицѣ безъ фуражки, которую держалъ въ трясущейся рукѣ... Генералъ-губернаторъ замѣтилъ это и, указывая ему на фуражку, строго вымолвилъ: „Прикрой лысину!“ Когда же главный начальникъ посѣтилъ полугоспиталь, то старшій врачъ Ѳ., который ранѣе ораторствовалъ о большихъ полномочіяхъ начальства и называлъ себя „восемь

разъ офицеромъ", растерялся до такой степени, что на вопросы и замѣчанія генерала не могъ сказать ни слова... Вспоминали тогда про генералъ-губернаторовъ Западной Сибири: Гасфорда, Хрущова и Дюгамеля... Потолковавъ на тему о будущихъ погромахъ со стороны новаго начальства, сергіопольскіе собесѣдники разошлись съ грустью по своимъ квартирамъ.

Въ январѣ 1868 г. сотникъ Л., „человѣкъ передовой по части выпивки" долженъ былъ уѣхать въ свое войско; уѣздный начальникъ смѣненъ, а на его мѣсто назначенъ прибывшій изъ Виленскаго генералъ-губернаторства майоръ Р., котораго киргизы мѣтко прозвали сорокой *(саусканъ)*... Прежняя простота и халатность сергіопольская изчезли... Начались новые порядки...

Въ 1870 г. В. П. перевелся въ Вѣрный, и тамъ онъ участвовалъ во встрѣчѣ ген.-адъютанта фонъ-Кауфмана, который произвелъ на него впечатлѣніе уже не того строгаго генерала, котораго онъ встрѣчалъ въ 1867 г. въ Сергіополѣ, а совершенно ласковаго и добраго начальника, какимъ онъ оставался и послѣ до своей предсмертной болѣзни. Много слышалъ г. П. о добротѣ Константина Петровича и его отеческой заботливости объ офицерахъ, къ которымъ онъ всегда относился съ строгой справедливостью и снисходительностью. Поручикъ, товарищъ г. П. по службѣ, не разъ въ товарищеской веселой компаніи говаривалъ, что онъ тоже не „лыкомъ шитъ", что и онъ одинъ разъ прокатился въ Ташкентѣ въ генералъ-губернаторской коляскѣ, и по этому случаю разсказалъ, что за крупное нарушеніе военной дисциплины въ нетрезвомъ видѣ онъ находился подъ судомъ. Дѣло его затянулось въ военно-судной комиссіи, и поручикъ, потерявъ терпѣніе, рѣшился обратиться непосредственно къ командующему войсками округа. Любя выпивать, онъ и на этотъ разъ выпилъ для храбрости и явился въ генералъ-губернаторскій домъ въ такое время, когда генералъ сидѣлъ за завтракомъ. Поручику сказали, что генералъ сидитъ за столомъ и что теперь не время безпокоить его просьбой. Но расхрабрившійся поручикъ громко закричалъ: „подать мнѣ командующаго войсками!" На крикъ вышелъ генералъ и, увидѣвъ предъ собой

пьянаго офицера, приказалъ ему прежде всего застегнуться, а затѣмъ выслушалъ жалобу на затянувшееся слѣдствіе по его дѣлу. Между тѣмъ было приказано подать коляску и, когда экипажъ былъ поданъ, генералъ указалъ офицеру сѣсть въ его коляску и отправиться на гауптвахту... Въ тоже время генералъ приказалъ подвинуть и самое дѣло. Офицеръ былъ признанъ судомъ виновнымъ и разжалованъ; но послѣ, по ходатайству того же командующаго войсками, т. е. Константина Петровича, снова былъ произведенъ въ офицеры...

III.

Ташкентскій казій Мухитдинъ-ходжа весьма часто вспоминаетъ о покойномъ генералъ-губернаторѣ К. П. фонъ-Кауфманѣ и всегда отзывается о немъ почтительно и съ видимымъ сожалѣніемъ, что скоро окончилась его жизнь. Казій изумляется его уму и разсудительности, открытому характеру и доступности для каждаго даже простого ташкентца. Генералъ не отказывалъ въ пріемѣ ни одному туземцу, каждаго старался выслушать и каждое дѣло разобрать. Серьезный тонъ въ обращеніи онъ умѣлъ мѣнять, безъ униженія своего достоинства, на полушутливый, но зналъ въ этомъ мѣру и имѣлъ терпѣніе выслушивать отъ туземцевъ иногда даже колкія рѣчи. Трудно припомнить всѣ тѣ случаи, о которыхъ разсказывалъ мнѣ казій Мухитдинъ-ходжа. Напечатанный мною въ кн. „Сарты“ (вып. I, стр. 142—143) разсказъ записанъ мною со словъ этого казія. Въ этомъ разсказѣ слышится неподдѣльное чувство почтенія ташкентскихъ сартовъ къ первому Туркестанскому генералъ-губернатору.

2 дек. 1891 г. сидѣлъ у меня Мухитдинъ-ходжа, и я имѣлъ тогда случай спросить казія, чѣмъ особенно памятенъ ему и туземному населенію покойный генералъ-губернаторъ. Казій сразу оживился и сказалъ: „Да такого генералъ-губернатора не было послѣ и не будетъ“. Я перебилъ его и сказалъ: „Отчего такъ? Россія велика, и почтенныхъ генераловъ у насъ много“... Но казій съ

нѣкоторымъ волненіемъ сказалъ: „Нѣтъ; я былъ въ Москвѣ во время коронаціи покойнаго Государя, видѣлъ тамъ много разныхъ русскихъ сановниковъ и ни одного такого умнаго и спокойнаго, какъ генералъ-губернаторъ Кауфманъ, не встрѣтилъ". Я снова возразилъ казію, а онъ поспѣшилъ разсказать мнѣ одинъ случай съ собой: „Однажды, говорилъ казій, генералъ Эйлеръ, относившійся ко мнѣ недружелюбно, возбудилъ противъ меня слѣдствіе и приказалъ опечатать сначала „казы-хану" (комната, въ которой казій разбираетъ подлежащія его вѣдѣнію дѣла), а потомъ приказалъ наложить печати и на остальныя мои помѣщенія". Тогда казій рѣшился итти къ генералъ-губернатору. И день былъ непріемный и часъ дня третій. Казій пришелъ и просилъ адъютанта доложить генералу. Адъютантъ сказалъ, что не можетъ доложить, такъ какъ день непріемный и генералъ занятъ: у генералъ-губернатора въ это время сидѣлъ генералъ Абрамовъ по дѣламъ службы. Казій все-таки просилъ доложить или, по крайней мѣрѣ, спросить генерала, когда онъ прикажетъ ему явиться. Адъютантъ пошолъ и, возвратившись, пригласилъ казія войти въ кабинетъ. Тотчасъ послали за переводчикомъ, и когда явился переводчикъ, казій сталъ излагать свое дѣло. Генералъ все слушалъ и сказалъ, что слѣдователь поступаетъ по закону и съ вѣдома его, генералъ-губернатора. Казій смѣло спросилъ: „зачѣмъ Вы разрѣшили такъ поступить со мной! Я не знаю за собой худыхъ дѣлъ"... А генералъ спросилъ: „а вы чего же боитесь? Если вы невинны, то не пострадаете; если же окажется за вами какая-нибудь вина, я васъ защищу".— Казій сказалъ: я не уклоняюсь отъ закона, но не вижу и надобности въ опечатаніи моего жилища; убѣжать я не намѣренъ... Зачѣмъ же такъ обижать меня?! Тогда генералъ-губернаторъ обратился къ ген. Абрамову и спросилъ его: „Вы знали отца этого казія"? Ген. Абрамовъ сказалъ: знаю. А генералъ-губернаторъ сказалъ: „Нѣтъ, не знаете". Генералъ Абрамовъ снова сказалъ, что знаетъ, а генералъ-губернаторъ опять повторилъ: „Нѣтъ, вы не знаете его отца. Это былъ замѣчательный человѣкъ, который никого, кромѣ Бога, не боялся". Затѣмъ онъ

обратился къ Мухитдину и сказалъ: „А вы—сынъ такого отца—чего боитесь? Я вамъ повторяю, что защищу васъ даже и въ томъ случаѣ, еслибы вы оказались виновнымъ“... Казій поблагодарилъ генералъ-губернатора и просилъ распоряженія снять печати съ его жилища. Генералъ сказалъ: „Какъ же я нарушу порядокъ, указанный закономъ“?—Казій сказалъ: Вы у насъ вмѣсто Государя и можете отмѣнить требованіе закона, тѣмъ болѣе что въ данномъ случаѣ никому нѣтъ отъ этого вреда.—Тогда генералъ-губернаторъ приказалъ послать за слѣдователемъ, но переводчикъ доложилъ, что слѣдователь выѣхалъ изъ Ташкента и возвратится только черезъ три дня. Генералъ задумался, а казій сказалъ: печати я прикладывалъ самъ; позвольте мнѣ и снять ихъ, не дожидаясь возвращенія слѣдователя.—Генералъ-губернаторъ подумалъ и сказалъ: „Ну, такъ и быть: разрѣшаю вамъ снять печати“.—

Я не знаю, въ чемъ состояло разсказанное дѣло; самъ казій сказалъ, что это дѣло касалось столкновенія его съ купцомъ Сяидъ-Азимбаемъ... Но для меня интересны какъ смѣлая настойчивость казія, тогда еще молодого, такъ и уступчивость покойнаго генералъ-губернатора. Винить ли его за это? Я думаю, что нѣтъ, потому что онъ умѣлъ не придавать подобнымъ дѣламъ оттѣнка слабости власти, а напротивъ возвышалъ свой авторитетъ въ глазахъ туземцевъ. И это особенно въ Туркестанѣ было важно, потому что туземцы понимаютъ и уважаютъ власть „сильную“, которая олицетворяетъ въ себѣ самый законъ. Дѣло, кромѣ того, и въ томъ, что туземцы, привыкшіе къ управленію деспотическому, не понимаютъ нашей судебной процедуры.

Другой случай, разсказанный казіемъ былъ такой. Одинъ сартъ былъ вызванъ судьей на разбирательство касавшагося его дѣла. Не знаю, какъ и что, но только судья загорячился и ударилъ сарта по уху. Сартъ отправился съ жалобой къ генералъ-губернатору. Генералъ-губернаторъ выслушалъ жалобу и немедленно потребовалъ къ себѣ судью. Судья явился и на вопросъ генералъ-губернатора —справедлива ли жалоба сарта? отвѣчалъ отрицательно. Тогда генералъ-губернаторъ приказалъ привести обиженнаго и сказалъ

ему, чтобы онъ при судьѣ и при самомъ генералъ-губернаторѣ показалъ честно, какъ дѣло было. Сартъ разсказалъ и движеніемъ руки показалъ, какъ судья ударилъ его... Въ заключеніе казій сказалъ, что послѣ того генералъ-губернаторъ отдалъ приказъ объ отчисленіи несправедливаго судьи отъ должности.—

Вообще покойный генералъ-губернаторъ особенно не терпѣлъ подобныхъ грубыхъ выходокъ со стороны гражданскихъ чиновниковъ. Онъ стремился внушить туземцамъ, что русскій законъ и его исполнители выше понятій туземцевъ, управлявшихся при другомъ режимѣ. Военное время и военная расправа—дѣло иное...

Другая мысль возникала у меня по этому поводу, именно: наши туземцы принимаютъ близко къ сердцу всѣ случаи своихъ обращеній къ представителямъ русской власти. Каждый разъ, когда туземецъ побываетъ у русскаго начальника, объ этомъ разсказывается не только близкимъ знакомымъ, но часто и на базарѣ; мы же упускаемъ это изъ виду и думаемъ, что сартъ не развитѣе, а тупѣе русскаго мужика, и потому съ сартомъ церемониться много не любимъ. И въ этомъ наша большая ошибка: тамъ, гдѣ русскій мужичекъ терпѣливо снесетъ свою обиду, сартъ только промолчитъ, но обиды своей не забудетъ и молчать о ней не станетъ. Онъ вынесъ бы заслуженный ударъ *плетью*, какъ полагалось это въ прежнее время, отъ курбаши, но оскорбленіе отъ иновѣрца вызываетъ въ немъ злобу, потому что мусульмане считаютъ себя *самымъ лучшимъ народомъ* въ мірѣ (Коранъ, гл. 3, ст. 100 и 106)... Затѣмъ, мы часто подъ словомъ „сартъ“ склонны разумѣть „чернь“ и говоримъ: „онъ—такой же арбакяшъ“, хотя бы рѣчь шла о казіи и вообще о книжныхъ людяхъ. Но и въ этомъ случаѣ мы также ошибаемся: представители мусульманской книжной мудрости цѣнятъ себя очень высоко и выдѣляются изъ общей массы народа, на основаніи шаріата, гораздо болѣе, чѣмъ наше приниженное духовенство. Это—фактъ, который можно наблюдать даже на улицѣ: предъ казіемъ каждый мусульманинъ встаетъ и дѣлаетъ поклонъ ему, тогда какъ самъ казій едва отвѣчаетъ на оказываемую ему честь.

IV.

Палванъ мирза-баши, главный секретарь Хивинскаго хана, пріѣзжалъ въ Ташкентъ къ 30 августа 1891 года для принесенія Туркестанскому генералъ-губернатору благодарности Хивинскаго хана за утвержденіе четвертаго сына его Асфандіара-тюри въ правахъ наслѣдника хана. Новый наслѣдникъ Хивинскаго хана былъ главнымъ лицомъ посольства, а Палванъ мирза-баши главнымъ уполномоченнымъ хана. Асфандіаръ-тюря и Палванъ мирза-баши съ нѣсколькими хивинцами осматривали гимназію 4 сентября, а 5 сентября, въ четвергъ, въ $7^1/_2$ веч., былъ у меня въ гостяхъ Палванъ мирза-баши. Я принялъ его въ своей квартирѣ и оказалъ ему должное вниманіе. Сначала мы пили чай въ столовой, въ присутствіи моей семьи, а потомъ перешли въ гостинную. Здѣсь зашелъ разговоръ о временахъ давнихъ, о взятіи Хивы русскими войсками. Палванъ мирза-баши сказалъ, что онъ хорошо помнитъ то время, такъ какъ находился тогда при дворцѣ Хивинскаго хана. Ему было во то время лѣтъ 25—27. Я поинтересовался узнать, видѣлъ ли Мирза-баши генералъ-губернатора Кауфмана лично въ Хивѣ. Палванъ мирза-баши сказалъ, что видѣлъ его нѣсколько разъ близко и имѣлъ возможность слышать его рѣчь. Я спросилъ тогда, какое впечатлѣніе произвелъ на него генералъ Кауфманъ. Палванъ мирза-баши сказалъ, что генералъ Кауфманъ произвелъ въ Хивѣ огромное впечатлѣніе и не только какъ завоеватель ханства, но и какъ человѣкъ—своими личными достоинствами. Хивинцамъ понравилась его отчетливая выразительная рѣчь и его разсудительность, помогавшая ему разобраться въ дѣлахъ новыхъ и запутанныхъ. Какъ бы для доказательства, Палванъ мирза-баши разсказалъ слѣдующій случай, особенно подѣйствовавшій на него: „На другой или на третій день по вступленіи русскихъ войскъ въ Хиву, генералъ приказалъ освободить заключенныхъ въ тюрьмѣ. Въ числѣ такихъ оказался братъ хана Ата-джанъ-тюря. Генералъ Кауфманъ приказалъ привести его къ себѣ. Въ это время собрались во дворцѣ разные хивинскіе сановники и главный хивин-

скій казій, человѣкъ умный и ученый. Генералъ спросилъ освобожденнаго принца, за что онъ былъ заключенъ въ тюрьму. Ата-джанъ-тюря отвѣтилъ, что онъ не знаетъ за собой вины и что его заключеніе въ тюрьму зависѣло отъ воли (произвола) хана, отъ его личнаго нерасположенія къ заключенному. Генералъ спросилъ: сколько лѣтъ вы сидѣли въ тюрьмѣ? Освобожденный отвѣчалъ: семь лѣтъ. Генералъ опять спросилъ: такъ, вы не знаете за собой никакой вины? Тотъ отвѣчалъ: не знаю. Генералъ подумалъ и опять спросилъ: вы родной братъ хана?—Да, отвѣчалъ тотъ.—И семь лѣтъ находились въ тюрьмѣ?—Да, отвѣчалъ Ата-джанъ-тюря.—Тогда генералъ принялъ еще болѣе серьезный видъ и отчетливо сказалъ: „Не могло быть такого тяжкаго наказанія безъ причины... Если ханъ родного своего брата нашелъ нужнымъ заключить въ тюрьму и держалъ тамъ цѣлыхъ *семь* лѣтъ, то, значитъ, съ вашей стороны была какая-нибудь тяжкая вина, какъ поводъ къ такому наказанію“... Генералъ замолчалъ, но продолжалъ вызывать у Ата-джана сознаніе своимъ взглядомъ. Наконецъ, Ата-джанъ потупился и сказалъ: „да, съ моей стороны была тяжкая вина: я подготовлялъ заговоръ противъ жизни своего брата-хана“...

„Эта сцена произвела на всѣхъ присутствовавшихъ хивинцевъ сильное впечатлѣніе: всѣ были изумлены разсудительностію и проницательностію русскаго генерала. Даже и главный казій Хивы, человѣкъ умный и ученый, сказалъ потомъ, что такого умнаго человѣка онъ никогда въ своей жизни не видалъ“...

Такъ закончилъ Палванъ мирза-баши. Потомъ онъ говорилъ, что и послѣ того нѣсколько разъ онъ видѣлъ въ Хивѣ генерала Кауфмана, получалъ отъ него приказанія и обращался къ нему съ разными дѣловыми вопросами. „И всегда,—сказалъ мирза-баши,—я встрѣчалъ въ генералѣ человѣка доступнаго и терпѣливаго, справедливаго и снисходительнаго“.

Этотъ отзывъ важенъ особенно въ виду того положенія, въ какомъ находился К. П. Кауфманъ, какъ завоеватель Хивинскаго ханства, почему хивинцы не могли имѣть предрасположенія къ нему, какъ къ русскому генералу...

V.

Бывшій кокандскій, а теперь чимкентскій казій Саттаръ-ханъ неоднократно пользовался высокимъ вниманіемъ покойнаго генералъ-губернатора, который отличалъ его разными наградами*). Какъ на примѣръ спокойной разсудительности и находчивости генерала Кауфмана, Саттаръ-ханъ разсказывалъ мнѣ слѣдующее: „Во время проѣзда чрезъ Самаркандъ, генералъ посѣтилъ тюрьму и встрѣтилъ тамъ нѣсколькихъ туземцевъ, арестованныхъ за измѣнническія сношенія съ Бухарой. Когда генералъ спрашивалъ каждаго туземца, за что они арестованы, послѣдніе отрицали свою виновность, и только одинъ откровенно заявилъ, что посаженъ въ тюрьму за измѣнническія сношенія съ Бухарскимъ правительствомъ. Генералъ-губернаторъ одобрилъ откровенное признаніе этого арестанта, похвалилъ его предъ всѣми прочими заключенными и приказалъ немедленно освободить его изъ-подъ ареста. Послѣ, при встрѣчѣ съ этимъ туземцемъ, генералъ Кауфманъ ласково напомнивъ ему о его откровенномъ сознаніи своей виновности и наградилъ его деньгами и халатомъ. Такое отношеніе къ арестанту со стороны русскаго правителя въ новозавоеванномъ краѣ произвело на туземныхъ жителей внушительное впечатлѣніе“.

VI.

14 іюня 1893 года, на 3-й день мусульманскаго праздника Курбана, Ташкентскій казій Раимъ-ходжа, разсказалъ мнѣ слѣдующее, когда я сидѣлъ въ гостяхъ у муллы Махтума:

„Покойный генералъ-губернаторъ фонъ-Кауфманъ былъ вообще человѣкъ весьма умный и умѣлъ обходиться съ людьми всякаго рода—высокими и малыми, учеными и неучеными. Такихъ людей немного бываетъ на свѣтѣ; я думаю, что и въ Россіи такихъ умныхъ начальниковъ не очень много. За его умѣнье обходиться

*) См. изданіе мое «Сарты» (Ташкентъ, 1896), стр. 203—207.

со всякими людьми туземцы очень любили его и до сихъ поръ вспоминаютъ съ большимъ уваженіемъ. Но вотъ былъ какой случай. Пріѣхалъ въ Ташкентъ Кокандскій ханъ Худаяръ. Генералъ-губернаторъ на первый и на второй день не заѣзжалъ къ нему, а поѣхалъ только на 3-й день. У Худаяръ-хана былъ приготовленъ дастарханъ (угощеніе изъ сластей). Генералъ Кауфманъ, при встрѣчѣ съ ханомъ, изъ вѣжливости сказалъ ему: „Я не былъ у васъ на первый и на второй день по пріѣздѣ, потому что вы устали въ дорогѣ и вамъ необходимо было отдохнуть; теперь я надѣюсь услышать отъ васъ спокойный вашъ взглядъ на обстоятельства, сопровождавшія вашъ пріѣздъ сюда“.—Худаяръ-ханъ черезъ переводчика Ибрагимова довольно грубо спросилъ генералъ-губернатора: „Вы кто: царь или только уполномоченный царя?“ Генералъ Кауфманъ сказалъ: „Неужели вы, живя такъ близко къ Ташкенту и находясь съ русскими властями Туркест. края въ сношеніяхъ, не знаете, что мой Государь живетъ въ С.-Петербургѣ, а я—уполномоченный Его Величествомъ исполнитель Его воли?“ Худаяръ-ханъ отвѣчалъ тогда: „Я—ханъ и желаю говорить только съ царемъ“... Генералъ Кауфманъ естественно обидѣлся на такой отвѣтъ и, не принявъ дастархана, уѣхалъ отъ хана.—Возвратившись къ себѣ, генералъ-губернаторъ собралъ другихъ генераловъ и совѣтовался съ ними, что дѣлать съ Кокандскимъ ханомъ: оставить ли его въ Ташкентѣ, или отправить въ Россію. Голоса подавались за оставленіе хана въ Ташкентѣ. Тогда генералъ Кауфманъ обратился къ Сяидъ-Азимъ-баю, вызванному къ этому времени, и спросилъ его, какъ онъ думаетъ. Сяидъ-Азимъ-бай сказалъ: „Если ханъ будетъ оставаться въ Ташкентѣ, то къ нему будутъ приходить ежедневно разные люди—кто изъ любопытства, кто изъ сочувствія, и будутъ вездѣ на улицахъ, на базарѣ и въ степи говорить о немъ... Почему знать, что у него не найдутся сторонники, которые сдѣлаютъ неожиданное нападеніе съ цѣлію освободить его, или просто—съ цѣлію произвести безпорядокъ. Поэтому-то, — прибавилъ Сяидъ-Азимъ-бай,—лучше отправить Худаяръ-хана въ Россію“...

Генералъ-губернаторъ подумалъ и тотчасъ отдалъ приказаніе отправить хана въ Оренбургъ".

Раимъ-ходжа прибавилъ, что Худаяръ-ханъ былъ невѣжественный и недалекій отъ природы человѣкъ, а мулла Махтумъ замѣтилъ, что Худаяръ-ханъ имѣлъ въ Кокандѣ большую казну и, когда пришлось ему бѣжать изъ Коканда, то онъ больше заботился о женахъ и рабыняхъ своихъ и взялъ съ собой 50 женщинъ, почему не могъ увезти всю казну. Оставшееся имущество послѣ него было разграблено, а было его много — 16 комнатъ.

При взятіи Махрама генералъ Кауфманъ держалъ себя, по разсказу Раимъ-ходжи, спокойно, выжидая удобной минуты начать дѣло. Когда пули и ядра начали долетать уже до русскаго лагеря и когда былъ раненъ одинъ русскій солдатъ и джигитъ, тогда ген. Кауфманъ приказалъ ген. Головачеву начать обстрѣливать крѣпость. Выѣхали на позицію двѣ пушки и начали громить крѣпость на близкомъ разстояніи. Черезъ 10 минуть крѣпость была разрушена, и тогда русскій отрядъ бросился въ атаку. Много было побито туземцевъ, а еще больше ихъ погибло въ рѣкѣ, въ которую они бросались отъ страха. Когда кончилась атака и все успокоилось, ген. Кауфманъ былъ очень веселъ и, подошедши ко мнѣ (Раимъ-ходжѣ), спросилъ: „Каково дерутся русскіе солдаты?!" Раимъ-ходжа отвѣчалъ: „Отлично дерутся, Ваше Высокопр — ство". Ген. Кауфманъ сказалъ не это: „Богъ дастъ, всю Фергану съ такими молодцами усмиримъ и присоединимъ къ Россіи". Раимъ-ходжа сказалъ: „въ этомъ нельзя сомнѣваться: „Богъ дастъ, Вы завоюете всю Азію".

VII.

Бывшій Шахрисябскій бекъ, нынѣ полковникъ русской службы, Джурабекъ во время генералъ-губернаторства К. П. фонъ-Кауфмана былъ разбитъ русскими войсками и доставленъ въ Ташкентъ, гдѣ первое время находился подъ арестомъ. Затѣмъ генералъ Кауфманъ (въ сентябрѣ 1870 г.) вызвалъ его къ себѣ на

дачу и такъ умѣлъ обойтись съ нимъ, что примирилъ его съ собой и постигшимъ его пораженіемъ... Недавній еще самонадѣянный и вдвойнѣ озлобленный (какъ мусульманинъ и какъ потерпѣвшій пораженіе) врагъ русскихъ, попавшій въ совершенно новыя условія чуждой для него жизни Джурабекъ долженъ былъ смириться и рѣшилъ остаться на русской службѣ. Таково было собственное признаніе Джурабека, которое онъ самъ высказывалъ мнѣ. При этомъ онъ прибавилъ, что такъ могъ повліять на него ген. Кауфманъ, и Джурабекъ не раскаивался... Во время Кокандскаго похода Джурабекъ уже былъ при русскомъ отрядѣ, и генералъ Кауфманъ съ полнымъ довѣріемъ относился къ нему и даже спрашивалъ иногда его мнѣнія по спеціальнымъ военнымъ вопросамъ. Узнавъ въ дорогѣ, что остававшаяся въ Ташкентѣ семья Джурабека нуждалась въ денежныхъ средствахъ, генералъ въ Ходжентѣ выдалъ Джурабеку значительную сумму и приказалъ немедленно отправить деньги семьѣ. Послѣ похода генералъ-губернаторъ при каждомъ случаѣ оказывалъ вниманіе Джурабеку, а иногда приглашалъ его къ себѣ одного и бесѣдовалъ съ нимъ просто и задушевно. Одинъ разъ, въ присутствіи Джурабека, генералу нужно было писать кому-то записку,— и онъ писалъ, а въ тоже время разговаривалъ съ Джурабекомъ. Окончивъ писать, генералъ спросилъ Джурабека, поступалъ ли онъ когда-нибудь такимъ образомъ. Джурабекъ отвѣтилъ, что у нихъ большіе начальники сами не пишутъ, а только отдаютъ приказанія, а для писанія у нихъ есть писцы (мирзы)... Прошло нѣсколько времени, пріѣхалъ изъ Петербурга чиновникъ М., и генералъ, представляя ему Джурабека, въ добродушно-шутливомъ тонѣ передалъ замѣчаніе послѣдняго о томъ, что большіе начальники сами не должны заниматься перепиской бумагъ... Вообще Джурабекъ съ благодарнымъ чувствомъ вспоминаетъ покойнаго генералъ-губернатора особенно за то, что онъ всегда уважалъ въ немъ *человѣка* и тѣмъ умѣлъ привязать къ себѣ недавняго своего врага-иновѣрца. Даже во время оффиціальныхъ баловъ,— говорилъ Джурабекъ,— покойный генералъ не оставлялъ своимъ вниманіемъ многочислен-

ныхъ гостей, умѣлъ каждому сказать ласковое слово, а это особенно на мусульманъ производило большое впечатлѣніе. И разъ генералъ призналъ кого-либо заслуживающимъ своего вниманія и довѣрія, то и послѣ не колебался въ своемъ чувствѣ, а это на иноплеменника дѣйствовало ободрительно и невольно располагало его къ покорности.

Не приводя другихъ подобныхъ отзывовъ о покойномъ генералъ-губернаторѣ со стороны туземцевъ, которые всѣ вспоминаютъ его имя съ почтеніемъ, я упомяну въ заключеніе о безхитростномъ замѣчаніи ташкентскаго татарина Зарифа, съ которымъ мнѣ случайно пришлось говорить 28 іюля 1898 г., т. е. послѣ андиджанскихъ безпорядковъ. Этотъ собесѣдникъ мой буквально выразился такъ: „Русское начальство въ послѣдніе годы плохо держало сартовъ. При генералѣ Кауфманѣ этого не было: онъ умѣлъ поддерживать порядокъ въ краѣ, а послѣ него сартовъ распустили. Послѣ генерала Кауфмана подобнаго ему не было въ Туркестанѣ... Вотъ пріѣхалъ новый начальникъ, по видимому, строгій... Дай Богъ ему держать здѣшній народъ покрѣпче, а то онъ избаловался, особенно молодые сарты и киргизы“...

VIII.

6-го іюня 1898 г. прибылъ въ Ташкентъ и торжественно встрѣченъ на вокзалѣ 5-й генералъ-губернаторъ Туркестанскаго края, Сергѣй Михайловичъ Духовской. На другой день по своемъ пріѣздѣ, Главный Начальникъ края прибылъ въ соборъ, отслушалъ послѣ обѣдни панихиду по усопшемъ Константинѣ Петровичѣ фонъ-Кауфманѣ и поклонился праху устроителя Туркестанскаго края, составляющаго часть обширныхъ владѣній земли Русской.

„Сколько воспоминаній,—говорила мнѣ г-жа С.,—воскресло въ моей памяти, благодаря этой панихидѣ? Какъ я была тронута этимъ почтеніемъ къ усопшему, какое оказалъ ему вновь прибывшій генералъ-губернаторъ!...

„Будучи воспитана Константиномъ Петровичемъ фонъ-Кауфманомъ, я принята была въ его домѣ, какъ вторая дочь, и никогда не забуду, что этотъ грозный для всѣхъ начальникъ относился ко мнѣ съ заботливостью и снисходительностью. Благодаря его вниманію къ службѣ моего отца, я получила образованіе въ Смольномъ Институтѣ, въ Петербургѣ, и по прибытіи въ край была встрѣчена имъ слѣдующими словами: „Я вамъ помогъ, и вы мнѣ помогите: у меня открывается гимназія, и я надѣюсь найти въ васъ достойную воспитательницу Ташкентскаго молодого поколѣнія".

„Съ какимъ восторгомъ я поблагодарила генерала за такую великую честь; какъ я трепетала и волновалась, чтобы только оправдать довѣріе моего благодѣтеля!.. Дѣти въ гимназіи видимо меня любили, но я сама относилась къ моимъ занятіямъ съ какимъ-то страхомъ: мнѣ все казалось, что я такъ молода и неопытна, что не въ состояніи буду установить надлежащій авторитетъ надъ дѣтьми, и всѣми силами старалась разъяснять своимъ маленькимъ воспитанницамъ все непонятое ими во время класснаго объясненія учителей.

„Въ декабрѣ того же года, пріѣхала въ Ташкентъ супруга Константина Петровича Юлія Маврикіевна. Послѣдніе годы до этого она жила въ Петербургѣ, куда я къ ней ѣздила изъ института во время пасхальныхъ и рождественскихъ праздниковъ.

„По четвергамъ у генералъ-губернатора собирались представители Ташкентскаго общества, а въ другіе дни я приходила къ madame Кауфманъ, по окончаніи своихъ занятій въ гимназіи, помогала ей работать для благотворительныхъ цѣлей, часто читала ей въ слухъ, а иногда мы просто бесѣдовали. Часто во время нашихъ занятій заходилъ къ намъ Константинъ Петровичъ и обращался ко мнѣ со слѣдующими словами: „А какъ поживаетъ моя юная помощница?" —Разъ какъ-то, около 4-хъ часовъ дня, онъ вошелъ къ намъ и послѣ обычнаго привѣтствія спросилъ, обращаясь къ своей супругѣ: «А Вы, Юлія Маврикіевна, позаботились о туалетѣ вашей компаніонки для предстоящаго бала 2-го

февраля?»... И въ тотъ же день вечеромъ мнѣ было прислано нѣсколько разнородныхъ шелковыхъ матерій“...

И не одна г-жа С. благодарно вспоминаетъ покойнаго Константина Петровича за полученное ею при его отеческой заботливости о бѣдныхъ дѣтяхъ и сиротахъ образованіе; вспоминаютъ его и другіе юноши и дѣвицы, учившіеся въ разныхъ институтахъ и въ мужскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи... Покойнымъ генералъ-губернаторомъ были учреждены стипендіи въ Горномъ институтѣ, въ Технологическомъ институтѣ, въ Петровско-Разумовской Академіи и др. Онъ же щедро поддерживалъ и поощрялъ ученыя изслѣдованія новаго и невѣдомаго края...

Къ стран. 98—99. Чтобы читателю не показалось особенно страннымъ распоряженіе покойнаго генералъ-губернатора о выдачѣ бѣдной сартянкѣ гор. Чимкента ежемѣсячнаго пособія, въ виду того, что дочь ея обучалась въ Чимкентскомъ женскомъ училищѣ, я нахожу умѣстнымъ упомянуть здѣсь о слѣдующихъ фактахъ.

Въ 80-хъ годахъ въ нѣкоторыхъ школахъ Ташкентскаго уѣзда были случаи найма дѣтей бѣдныхъ туземцевъ*) вмѣсто дѣтей волостныхъ управителей и вообще вмѣсто дѣтей туземцевъ, занимающихъ видное положеніе въ обществѣ, которые считали неудобнымъ для себя отдавать своихъ дѣтей въ русскую школу, ибо боялись потерять свой авторитетъ въ глазахъ темной мусульманской массы; не исполнить же приказаніе уѣзднаго начальника имъ было также невыгодно, потому что можно было лишиться должности... Изъ такого затрудненія они и вышли при помощи найма для русской школы дѣтей бѣдныхъ жителей.

Такое же явленіе повторилось въ 1898 г. въ Вѣрненскомъ уѣздѣ, въ волостяхъ Малыбавской и Корамской. Тамъ усиліями русской администраціи были открыты русскія школы для дѣтей

*) См. изд. мое «Сарты» (Ташкентъ, 1896), стр. 184.

таранчинцевъ, но населеніе отнеслось къ этимъ школамъ недружелюбно, и только дѣти бѣдныхъ родителей были отданы въ эти школы, съ платой отъ общества каждому ученику отъ 22 до 30 руб.

Во время русскаго управленія Кульджой, въ тамошней школѣ дѣти таранчинцевъ учились будто бы также за плату (Рус. Турк. 1899 г. № 24).

Не нужно забывать приэтомъ, что и русскіе люди временъ Петра I неохотно отдавали своихъ дѣтей въ школы, учрежденныя правительствомъ*) и что первая академическая гимназія въ 1750 г. состояла преимущественно изъ солдатскихъ дѣтей, вполнѣ неимущихъ, которымъ *„для ободренія, чтобы они изъ одного класса въ другой скоро происходить старались“* назначено было сверхъ стипендій особое мѣсячное жалованье по классамъ**)...

---

*) Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ Великомъ. Спб. 1862 г. Т. I, стр. 448 и 454.

**) Записки Императорской Академіи наукъ. Томъ пятьдесятъ первый, книга 1. Спб. 1885 г., стр. 20—21.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

народнаго образованія въ городахъ и укрѣпленіяхъ

Сыръ-Дарьинской линіи и Туркестанской области,

до учрежденія Туркестанскаго генералъ-губернаторства.

Настоящій очеркъ*) обнимаетъ конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ текущаго столѣтія, когда русскія среднеазіатскія владѣнія на правомъ берегу Сыръ-дарьи не простирались еще до г. Туркестана, а ограничивались такъ называемою „Сыръ-дарьинскою линіей", населенными пунктами которой считались слѣдующія пять военныхъ укрѣпленій: Раимское (основ. въ 1847 г.), Фортъ № 1 (Казала, нынѣ г. Казалинскъ), Фортъ № 2 (Кармакчи), Фортъ № 3 (Камышъ-курганъ) и Фортъ Перовскій, нынѣ гор. Перовскъ**). Укрѣпленіе Раимское и Фортъ № 3 были упразднены въ 1855 г., такъ что къ 1856 году на бывшей Сыръ-дарьинской линіи оставались только три укрѣпленія: Фортъ № 1 (Казала), Фортъ № 2 (Кармакчи) и Фортъ Перовскій.

Изъ нихъ, по численности населенія, были болѣе значительны Фортъ № 1 и Фортъ Перовскій, въ которыхъ въ началѣ 1859 года жили военные и гражданскіе чины, составлявшіе администрацію линіи, нижніе воинскіе чины, составлявшіе войско линіи, два священника (одинъ въ Казалѣ, другой въ Перовскѣ) и русскіе поселенцы. Въ числѣ этихъ обитателей названныхъ фортовъ были люди семейные, имѣвшіе дѣтей обоего пола, достигшихъ уже школьнаго возраста. Понятно, что русскіе жители фортовъ нуждались въ мѣстныхъ школахъ, такъ какъ, по отдаленности отъ ближайшаго къ Сыръ-дарьѣ города Оренбурга и по недостатку денежныхъ средствъ, они не имѣли возможности отправлять своихъ дѣтей въ училища внутренней Россіи, а кто и

*) Этотъ очеркъ былъ составленъ мною по архивнымъ документамъ при жизни покойнаго генералъ-губернатора и напечатанъ въ Туркест. Вѣдом. за 1881 г. по приказанію вр. и. д. генералъ-губернатора Г. А. Колпаковскаго.

**) Названные четыре форта были основаны въ 1853 году.

имѣлъ средства, тотъ затруднялся бы отправить своихъ дѣтей въ Россію, по отсутствію правильнаго и безопаснаго тракта по степи. Такія неблагопріятныя обстоятельства для имѣющихъ дѣтей школьнаго возраста обитателей Казалинска и Перовска должны были бы естественно вызвать мысль объ открытіи на мѣстѣ начальныхъ училищъ. Если мѣстное военное начальство могло быть занято воинскими заботами, то фортовые священники, люди нестарые, обладавшіе энергіей и здоровьемъ, имѣли, безъ сомнѣнія, достаточно свободнаго времени, чтобы удѣлить нѣкоторую часть его на благое дѣло начальнаго образованія дѣтей фортовыхъ обывателей, близкихъ имъ по происхожденію, по религіи и по общимъ невзгодамъ скучной до одуренія степной жизни. Да и помимо этихъ чисто практическихъ соображеній, народное образованіе, какъ могучій двигатель духовнаго развитія и совершенствованія народа и его матеріальнаго благосостоянія, должно бы было озабочивать начальство бывшей Сыръ-дарьинской линіи и побуждать его къ открытію начальныхъ школъ для дѣтей обывателей фортовъ и новыхъ русскихъ подданныхъ, киргизъ, проживавшихъ на линіи, которыхъ русское правительство обязано было, изъ побужденій гуманныхъ и политическихъ, учить грамотѣ, просвѣщать и такимъ образомъ сближать съ Россіей и русскимъ народомъ. При такихъ взглядахъ на народное образованіе, начальство Сыръ-дарьинской линіи должно было бы принять мѣры къ образованію дѣтей, какъ русскаго, такъ и инородческаго населенія линіи, чтобы такимъ образомъ русскіе и киргизы могли пользоваться плодами школьнаго образованія безпрепятственно и безвозмездно, какъ всѣ пользуются воздухомъ и свѣтомъ...

Но до 1858 года на Сыръ-дарьинской линіи никто, повидимому, не думалъ объ открытіи училищъ въ фортахъ; по крайней мѣрѣ, мы не нашли въ мѣстныхъ архивахъ никакихъ указаній на то, чтобы кто-нибудь до 1858 г. дѣлалъ попытки открыть школу и обучать фортовыхъ дѣтей грамотѣ. Напротивъ, изъ сохранившейся переписки по вопросу объ открытіи первыхъ училищъ на Сыръ-дарьинской линіи мы видимъ, что какъ только высшее начальство

предписало открыть школы, то сейчасъ у лицъ подначальныхъ явилась готовность исполнить волю начальства, нашлись время и охота для этого дѣла. Само собою разумѣется, что первыя попытки по устройству народнаго образованія на недавно покоренной окраинѣ были слабы; но тѣмъ не менѣе эти слабыя и несовершенныя попытки положили начало важному государственному дѣлу, которое въ наши дни въ тепершней Сыръ-дарьинской области уже значительно опредѣлилось и развивается при достаточныхъ матеріальныхъ средствахъ.

Кому же принадлежала первая мысль объ открытіи училищъ на бывшей Сыръ-дарьинской линіи? Когда и въ какихъ мѣстахъ были открыты *первыя* народныя училища въ нашей Сыръ-дарьинской киргизской степи? Кто были *первыми* и непосредственными дѣятелями народнаго образованія въ этой мѣстности и какъ велось это важное русское дѣло ровно 40 лѣтъ назадъ? Вотъ вопросы, которые представляются нашему рѣшенію въ настоящемъ очеркѣ, обнимающемъ собою семилѣтній періодъ съ 1860 по 1867 г., когда Сыръ-дарьинская линія вошла въ составъ нынѣшняго Туркестанскаго генералъ-губернаторства и считала въ своихъ предѣлахъ города: Казалинскъ, Перовскъ, Туркестанъ, Чимкентъ, Аулія-ата, Ташкентъ и Ходжентъ. Въ этотъ періодъ мысль о народномъ образованіи выразилась въ заботахъ мѣстнаго начальства устроить начальныя училища съ одной стороны для русскихъ дѣтей обоего пола, а съ другой—для дѣтей мѣстныхъ киргизъ. Этого дѣленія первыхъ народныхъ училищъ на Сыръ-дарьинской линіи мы и будемъ держаться, имѣя притомъ въ виду не только учебную часть, но и обстановку и матеріальныя средства тогдашнихъ школъ, потому что матеріальныя средства являются однимъ изъ условій правильнаго существованія школы. Многовѣковый и тяжелый опытъ показалъ, что въ дѣлѣ народнаго образованія никакъ нельзя полагаться на одну частную благотворительность и на случайныя пожертвованія: если хотятъ, чтобы народное образованіе приносило замѣтную пользу странѣ, то должны обезпечить его существованіе постояннымъ содержаніемъ, не скупясь

на средства, потому, что „народъ, имѣющій самыя лучшія школы, есть самый первый народъ, и если онъ не первый сегодня, то будетъ первымъ завтра“ (Жюль Симонъ). Старая народная истина: *„дешево да гнило“* имѣетъ тѣмъ большее значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія, что здѣсь отъ гнилости происходитъ не просто безплодность затраченныхъ денежныхъ средствъ, но и существенный вредъ, который часто бываетъ трудно устранимъ и долго чувствуется на послѣдующей судьбѣ столь важнаго дѣла.

Считаемъ нужнымъ при этомъ оговориться: мы съ большимъ интересомъ принялись за архивный матеріалъ для составленія настоящаго очерка и съ большимъ терпѣніемъ собирали его... Но результаты получились далеко не удовлетворившіе насъ: мы не нашли въ архивныхъ бумагахъ многаго, чего искали, а многое нашли недостаточно полнымъ и яснымъ... Особенно же чувствуется неполнота въ матеріалѣ для характеристики внутренней жизни тогдашнихъ училищъ. То было давнее время, когда въ степной глуши никто изъ тогдашнихъ дѣятелей народнаго образованія и не думалъ, вѣроятно, что на берегахъ Сыра началось важное государственное дѣло, къ которому нужно отнестись съ полнымъ вниманіемъ и усердіемъ, и дѣло интересное въ виду инородческихъ учениковъ. Но дѣло совершалось по наряду, въ угоду начальству, и отбывалось какъ повинность, лишь бы только начальство знало, что приказаніе исполняется. Даже и то, что обыкновенно при такомъ казенномъ отношеніи къ дѣлу считается неизбѣжнымъ, — бумажная отчетность по школѣ, — исполнялось неохотно, апатично, послѣ неоднократныхъ предписаній начальства. Въ отпискахъ начальству завѣдывавшихъ первыми училищами встрѣчаются поэтому недомолвки и противорѣчія, въ объясненіе которыхъ одинъ изъ тогдашнихъ дѣятелей по народному образованію наивно намъ сказалъ: „развѣ мы тогда думали, что наши бумажонки будутъ впослѣдствіи кого-нибудь интересовать?!.. Вѣдь мы писали, чтобы только отписаться“... И мы не могли получить отъ этого живаго свидѣтеля прошлаго даже словеснаго разъясненія по интересовавшимъ насъ вопросамъ: подробности, а иногда

и суть дѣла были имъ давно забыты. Особенно мы жалѣемъ, что въ архивныхъ дѣлахъ почти ничего не нашли о киргизскихъ школахъ Перовска и Казалинска. Какъ шло въ этихъ школахъ обученіе? Какъ жили въ нихъ киргизскія дѣти? Куда ученики школъ впослѣдствіи поступали? Всѣ эти вопросы остаются безъ отвѣта. Странно, что ни одинъ изъ тогдашнихъ дѣятелей ни въ одной бумагѣ не сказалъ живаго слова о столь важномъ дѣлѣ. Думаемъ поэтому, что настоящій нашъ кропотливый трудъ будетъ заслуживать извиненія; больше того, что есть въ немъ, мы и достать не могли. Можетъ быть, со временемъ и появятся въ печати чьи-либо неоффиціальныя записки, если только онѣ велись кѣмъ-нибудь... Но едвали и въ нихъ встрѣтятся упоминанія о тогдашнихъ школахъ, потому что рѣдко кто на окраинахъ, въ первый періодъ ихъ жизни, интересовался школой вообще. Поэтому мы и рѣшаемся обнародовать то, что съ трудомъ собрали изъ мѣстныхъ архивовъ.

Первыя училища для русскихъ дѣтей въ Казалинскѣ, Перовскѣ и Ташкентѣ въ 1860—1867 годахъ*).

Замѣчательно, что первая мысль объ устройствѣ училищъ въ нашей пограничной средне-азіатской степи принадлежала епископу Оренбургскому и Уфимскому Антонію, вѣдѣнію котораго подчинялись тогда священники фортовъ № 1 и Перовскій. Въ этомъ случаѣ, на нашей Сыръ-дарьинской окраинѣ какъ бы повторились первыя времена образованія по Руси: какъ тогда, при св.

*) Настоящій отдѣлъ изложенъ на основаніи дѣлъ Сыръ-дарьинскаго Областного Правленія (по распор. отдѣл. ст. 3-й), архивомъ котораго я пользовался въ 1880 г., съ разрѣшенія бывшаго военнаго губернатора Сыръ-дарьинской области В. И. Троцкаго, и частію на основаніи архива Управленія учебными заведеніями Туркестанскаго края, поступившаго въ это управленіе изъ Канцеляріи Туркестанскаго Генералъ-Губернатора. Архивъ Управленія учеб. завед. Туркест. края былъ просмотрѣнъ весь еще въ началѣ 1878 г., когда составлена была эта историческая записка, вошедшая въ отправленный въ Министерство Народнаго Просвѣщенія отчетъ по Управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края за 1877 годъ. Начало записки съ нѣкоторыми несущественными измѣненіями и дополненіями, сдѣланными въ Управленіи, было напечатано въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ за 1880 годъ.

Владимірѣ и его мудромъ преемникѣ Ярославѣ, школы заводились при церквахъ, такъ и въ описываемое время починъ въ школьномъ дѣлѣ принадлежалъ духовной власти. И это понятно: просвѣщенный и заботливый епископъ не могъ не думать, что дѣтей русскихъ людей нельзя оставлять безъ начальнаго образованія, какъ основанія христіанскаго просвѣщенія будущихъ гражданъ православной Россіи... Вѣчная христіанская память почившему архипастырю!

По указу, данному Оренбургской духовной консисторіи 28-го августа 1858 г. за № 6068, на имя благочиннаго Орской крѣпости, свящ. о. Тимашева, послѣдній, въ концѣ 1858 г. предписалъ священнику Форта № 1, о. Александру Побѣдоносцеву, употребить возможное стараніе къ открытію въ фортѣ школы для дѣтей обывателей форта,—школы на первый разъ въ небольшихъ размѣрахъ и съ удобоисполнимой программой, состоящей въ обученіи дѣтей чтенію, письму, священной исторіи и катихизису, а прежде всего общеупотребительнымъ молитвамъ. Вопросъ объ открытіи училища въ Фортѣ № 1 перенесенъ былъ тотчасъ на бумажную почву и далъ разнымъ оффиціальнымъ лицамъ и учрежденіямъ достаточно матеріала для взаимной переписки, прежде чѣмъ осуществиться на дѣлѣ. Священникъ Побѣдоносцевъ въ январѣ 1859 года просилъ и. д. коменданта Форта № 1, подполковника Скамиловскаго, ходатайствовать предъ высшимъ военнымъ начальствомъ о дозволеніи и о возможномъ содѣйствіи къ открытію въ фортѣ училища. Командовавшій въ то время Сыръ-дарьинской линіей генералъ-маіоръ Данзасъ 2-й, которому было препровождено комендантомъ форта отношеніе священника Побѣдоносцева, въ представленіи своемъ къ командовавшему отдѣльнымъ Оренбургскимъ корпусомъ, генералъ-лейтенанту Глухову, 28-го января того же года, призналъ съ своей стороны весьма полезнымъ открытіе училищъ на Сыръ-дарьинской линіи и просилъ разрѣшенія корпуснаго командира построить въ фортѣ № 1 и Перовскій помѣщенія для предполагавшихся школъ и опредѣлить ежегодную сумму на содержаніе училищъ, а равно и источ-

никъ, изъ котораго потребная сумма могла быть заимствована. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ распоряженія о снабженіи этихъ школъ книгами и другими предметами, необходимыми для первоначальнаго обученія дѣтей. Изъ этого представленія генералъ-маіора Данзаса видно, что онъ, узнавъ о распоряженіи оренбургскаго епархіальнаго начальства объ открытіи училища въ фортѣ № 1, не забылъ и фортъ Перовскій, священникъ котораго о. Андрей Маловъ находился въ то время въ отпускѣ и не могъ поэтому возбудить ходатайства объ открытіи училища, подобно своему сотоварищу, священнику Побѣдоносцеву. Генералъ-лейтенантъ Глуховъ 5 марта 1859 года отписалъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе объ открытіи въ фортахъ Перовскомъ и № 1 училищъ для дѣтей поселенцевъ и вообще служащихъ и проживающихъ въ фортахъ и предлагаетъ въ свою очередь помѣстить эти училища пока, да особаго распоряженія, въ свободныхъ казенныхъ зданіяхъ, а завѣдываніе ими поручить мѣстнымъ священникамъ *съ тѣмъ, чтобы въ программу преподаванія входило практическое обученіе мальчиковъ на счетахъ и первой части ариѳметики, и чтобы въ училища были допускаемы дѣти киргизъ, когда со стороны ордынцевъ будетъ на то согласіе и желаніе*).*

Такимъ распоряженіемъ генералъ-лейтенанта Глухова было расширено назначеніе предполагавшихся къ открытію училищъ и ихъ программъ. Въ программу этихъ училищъ было предположено ввести практическое обученіе мальчиковъ на счетахъ и первой части ариѳметики, очевидно, въ виду практическаго значенія названныхъ двухъ предметовъ въ жизни учащихся. Объ образовательномъ и воспитательномъ значеніи школьнаго обученія первые устроители народнаго образованія на русской среднеазіатской окраинѣ едва ли думали и во всякомъ случаѣ не ясно представляли себѣ этотъ важный вопросъ. Съ другой стороны военное начальство рекомендовало фортовымъ священникамъ допускать въ

*) Архивъ Сыръ-дарьинскаго Областного правленія, Отд. распоряд. столъ 3-й, дѣло № 1 «Объ открытіи школъ въ Казалинскѣ и Перовскѣ», л. 4.

открываемыя школы и дѣтей туземцевъ-киргизъ, положивъ такимъ образомъ начало образованію инородцевъ въ Средней Азіи. *Средствомъ къ образованію ихъ была избрана русская школа,* въ которой дѣти ордынцевъ обучались бы русской грамотѣ, *совмѣстно* съ русскими дѣтьми. Какъ смотрѣло военное начальство на эту мѣру, какое придавало ей значеніе,—изъ архивной переписки не видно; но мѣра эта говоритъ много за себя и была впослѣдствіи поддержана первымъ Туркестанкимъ генералъ-губернаторомъ К. П. фонъ-Кауфманомъ.

Такимъ образомъ, 5-го марта 1859 года утверждена была программа первыхъ училищъ въ Сыръ-дарьинской области. Оставалось рѣшить вопросъ о постройкѣ помѣщеній для нихъ, снабженіи ихъ учебными пособіями и о содержаніи школъ. Для рѣшенія этого вопроса, генералъ-лейтенантъ Глуховъ вошелъ съ особымъ представленіемъ къ корпусному командиру генералъ-адъютанту Катенину, а генералъ-маіора Данзаса просилъ распорядиться относительно составленія примѣрнаго соображенія о курсѣ школы и каталогѣ учебниковъ для своевременнаго представленія того и другаго корпусному командиру. Вслѣдствіе этого распоряженія, комендантамъ фортовъ № 1 и Перовскаго (въ апрѣлѣ 1859 года) было предписано составить, совмѣстно съ фортовыми священниками, смѣту расхода по устройству училищъ и по обзаведенію ихъ учебными принадлежностями, сообразно съ числомъ дѣтей обоего пола, могущихъ посѣщать школу. Комендантъ форта № 1, въ представленной командующему Сыръ-дарьинской линіей смѣтѣ, составленной имъ при посредствѣ свящ. Побѣдоносцева, сообщилъ, что дѣтей всѣхъ сословій (отъ 7 до 14 лѣтъ) во ввѣренномъ ему фортѣ было 33 муж. пола и 23 жен. пола и что поэтому училище на первый разъ нужно открыть по крайней мѣрѣ на 50 учащихся обоего пола. Училище предполагалось смѣшанное, а зданіе для него проектировалось изъ корридора, одной передней для верхняго платья дѣтей, трехъ классныхъ комнатъ, помѣщенія для училищнаго сторожа. Для училища предполагалось пріобрѣсти: портретъ Государя Императора, 10-ть

пятиаршинныхъ столовъ со скамьями, разсчитывая по одному столу и скамьѣ на каждыхъ пять учениковъ, одинъ столъ со стуломъ для наставника, одинъ шкафъ съ замкомъ для училищной библіотеки, двѣ деревянныхъ доски, окрашенныхъ черною краскою, для ариѳметическихъ упражненій, 50-ти грифельныхъ досокъ съ грифелями, 10 линеекъ, 10 счетовъ, 10 чернильницъ съ песочницами, 10 перочинныхъ ножичковъ, карту Россіи и глобусъ. Кромѣ того, требовались учебники, руководства для учителей и запасные учебники для продажи. Къ ежегодному расходу по училищу предполагалось имѣть: 10 стопъ сѣрой бумаги, 1 стопу голландской бумаги, 4 ф. чернильныхъ орѣшковъ, 2 ф. купороса, 1 ф. камеди, 10 ф. гусиныхъ перьевъ и одинъ пудъ мѣла. На пополненіе училищной библіотеки ежегодно предполагалось расходовать 20 р. с.

Очень интересно обратить вниманіе на учебную часть школы, изложенную въ смѣтѣ и составленную свящ. Побѣдоносцевымъ, этимъ первымъ педагогическимъ дѣятелемъ въ Сыръ-дарьинской области. Проектируя училищное помѣщеніе изъ трехъ чистыхъ комнатъ, о. Побѣдоносцевъ предназначалъ одну комнату для приготовительнаго класса, одну для втораго (слѣдовало бы сказать: *для перваго*) и одну для третьяго (слѣдовало бы сказать: *для втораго*) послѣдняго класса. Такимъ образомъ, составъ училища предполагался трехъ-классный, но курсъ по классамъ и годамъ опредѣленъ не былъ; предполагался, по всей вѣроятности, безсрочный, неопредѣленный по продолжительности курсъ. Съ современной педагогической точки зрѣнія такая неопредѣленность школьнаго курса бросается въ глаза каждому, сколько-нибудь понимающему школьное дѣло человѣку; но въ то время, о которымъ въ очеркѣ идетъ рѣчь, на неопредѣленность школьнаго курса педагоги Сыръ-дарьинской линіи не обращали вниманія. Въ 60-хъ годахъ и во внутренней Россіи, въ большинствѣ случаевъ, учили дѣтей въ нисшихъ школахъ патріархально, не придерживаясь строго школьныхъ правилъ: захочетъ учитель приласкать ученика — переведетъ его въ старшій классъ, хотя бы ученикъ и неособенно еще *вытвердилъ* положенное для нисшаго класса, а другаго про-

держитъ лишнюю недѣлю, лишній мѣсяцъ, по своему же усмотрѣнію, *на задахъ*.

Гораздо болѣе любопытнаго представляетъ учебный планъ первой среднеазіатской русской школы, составленный священникомъ Побѣдоносцевымъ. Въ приготовительномъ классѣ, по этому плану, предполагалось обучать дѣтей общеизвѣстнымъ молитвамъ*) и начальнымъ основаніямъ грамотности и письменности. Опредѣленнаго букваря при этомъ въ виду не имѣлось, но изъ дальнѣйшаго хода дѣла видно, что въ школѣ употреблялся *Самоучитель русскаго языка*, содержавшій въ себѣ, кромѣ азбуки, еще молитвы, заповѣди, ученіе о таинствахъ, о заповѣдяхъ блаженства, о дѣлахъ милосердія по тѣлу и душѣ, о христіанской нравственности, краткую священную исторію ветхаго и новаго завѣтовъ, краткую россійскую грамматику, краткую русскую исторію и первыя четыре дѣйствія ариѳметики. Словомъ: этотъ „Самоучитель“ представлялъ собою цѣлую энциклопедію, цѣною въ 30 к. сер. Справедливость требуетъ сказать, что въ описываемое время, трудно было бы достать болѣе совершенный учебникъ: педагогика въ Россіи стояла въ то время низко. Поэтому неудивительно, если ариѳметику дѣти приготовительнаго класса совсѣмъ не изучали, какъ предметъ, по понятіямъ тогдашнихъ сыръ-дарьинскихъ педагоговъ, разумѣнію дѣтей недоступный.

Въ первый классъ должны были поступать дѣти, уже подготовленныя болѣе или менѣе къ дальнѣйшему курсу, т. е. способныя довольно правильно читать славянскую и гражданскую русскую печать и порядочно писать по двумъ графамъ. Только дѣти, достигшія перечисленныхъ знаній, были переводимы изъ приготовительнаго класса. Въ первомъ классѣ дѣти учили православный катихизисъ и священную исторію по „Начаткамъ христіанскаго ученія“ митрополита Филарета. Изученіе названныхъ предметовъ сопровождалось надлежащимъ объясненіемъ историческихъ событій и нравственными, доступными дѣтскому пониманію,

*) Не сказано, какъ: со словъ ли учителя, или по книгѣ. Въ послѣднемъ случаѣ нужно предположить, что изученіе молитвъ слѣдовало за изученіемъ букваря. *Авт.*

выводами для жизни. Кромѣ того, *мальчикамъ* (просимъ читателя обратить на это вниманіе) преподавались *первыя четыре правила ариѳметики* по учебнику Буссе, начинающемуся съ отвлеченнаго опредѣленія единицы. О. Побѣдоносцевъ не считалъ нужнымъ учить дѣвочекъ счету и ариѳметикѣ, такъ какъ общеобразовательное значеніе ариѳметики для *дѣвочекъ* въ то время не всѣми признавалось. Въ послѣдній классъ (просимъ опять замѣтить) переводились *одни только мальчики* особенно успѣшные, гдѣ они, совершенствуясь въ чистописаніи и продолжая первую часть ариѳметики (по Буссе), должны были слушать (слѣдовало бы сказать: *заучивать на память*), по крайней мѣрѣ, первую часть грамматики русской (по учебнику Греча), часть краткой географіи (по учебнику Ободовскаго), заканчивая Россійскимъ государствомъ и *„что позволитъ время и возможность“* изъ исторіи Россійскаго государства (т. е. часть), по краткому учебнику Устрялова.

Читатель самъ видитъ, на сколько неудовлетворителенъ былъ курсъ первой казалинской школы, какъ проектировалъ его о. Побѣдоносцевъ, а тѣмъ болѣе отношеніе послѣдняго къ образованію дѣвочекъ, которыя не имѣли права на ариѳметику и на третій классъ школы. Но не осудимъ его за такой взглядъ на образованіе дѣвочекъ, тѣмъ болѣе, что никто изъ его современниковъ, казалинскихъ и сыръ-дарьинскихъ чиновъ; ни даже командующій линіей не обратилъ вниманія на отмѣченныя нами въ школьномъ проектѣ недостатки; значитъ, и они понимали народное образованіе не лучше о. Побѣдоносцева.

Комендантъ форта Перовскаго, майоръ Дамичъ, къ которому, по распоряженію командовавшаго линіей, были препровождены смѣта и планъ школьнаго помѣщенія о. Побѣдоносцева, для руководства при составленіи такой же смѣты для перовскаго училища, списалъ почти буквально устройство помѣщенія для школы и самый планъ школьнаго обученія у о. Побѣдоносцева и представилъ то и другое въ такомъ видѣ къ начальству на разсмотрѣніе и одобреніе.

Не смотря на то, что въ фортѣ Перовскомъ, во время составленія проекта и смѣты для школы, было всего 9 мальчиковъ и 18 дѣвочекъ школьнаго возраста, майоръ Дамичъ также проектировалъ училищное помѣщеніе изъ передней, трехъ чистыхъ комнатъ для классовъ и помѣщенія для сторожа. Въ училищѣ онъ находилъ нужнымъ имѣть, кромѣ портрета Государя, шкафъ съ замкомъ для библіотеки, три деревянныхъ доски на треножникахъ (очевидно, по одной для каждаго класса, 6 деревянныхъ линеекъ, 7 чернильницъ съ песочницами, 6 счетовъ, 6 перочинныхъ ножей и карту Россіи. На годовой расходъ по школѣ онъ полагалъ необходимымъ 10 стопъ полусѣрой бумаги, 1 ст. голландской бумаги, 1 ст. сѣрой бумаги, 2 ф. чернильныхъ орѣшковъ, 1 ф. купороса, 1 ф. камеди и 350 гусиныхъ перьевъ. Кромѣ того, на покупку учебниковъ и руководствъ для учителей онъ назначалъ къ ежегодному отпуску 25 руб. Въ числѣ учебныхъ пособій не было не только картинъ по свящ. исторіи, но и евангелія. Дѣвочекъ въ перовской школѣ также не предполагалось учить ариѳметикѣ. Педагогическая самостоятельность майора Дамича выразилась только въ томъ, что при обученіи дѣтей грамотѣ, онъ просилъ ввести методу Золотова, а вмѣсто грамматики Греча, устарѣвшей и очень пространной, грамматику Иванова. Кромѣ того, онъ проектировалъ имѣть при училищѣ Журналъ для воспитанія и Журналъ для дѣтей Ишимовой, что дѣлаетъ честь перовскому коменданту, имѣвшему, какъ видно, болѣе правильныя представленія объ учебномъ дѣлѣ, сравнительно съ о. Побѣдоносцевымъ. Но это-то и заставляетъ насъ удивляться промаху г. Дамича: съ одной стороны онъ имѣетъ представленіе о методѣ Золотова, въ то время недавно еще обнародованной, и съ грамматикой Иванова, а съ другой—онъ же согласился со всѣми недостатками школьнаго проекта о. Побѣдоносцева. Генералъ-маіоръ Данзасъ также не обратилъ вниманія на этотъ недостатокъ въ проектѣ г. Дамича, и первый школьный проектъ для училищъ Казалинска и Перовска былъ готовъ. Не было остановки и за деньгами, такъ какъ гене-

ралъ-лейтенантъ Катенинъ, по представленію генералъ-лейтенанта Глухова, приказалъ[1]) предписать комендантамъ фортовъ выписать по 30 руб. каждому, для обзаведенія устраивающихся въ названныхъ фортахъ школъ, а генералъ-лейтенантъ Глуховъ нѣсколько ранѣе приказалъ[2]) помѣстить школы на первый разъ въ зданіяхъ, находившихся тогда въ фортахъ, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи, когда съ увеличеніемъ учащихся потребуется особое помѣщеніе, войти къ нему съ особымъ ходатайствомъ и указать имѣющіяся для того средства.

Послѣ этого оставалось немедлить открытіемъ училищъ въ Казалинскѣ и Перовскѣ; но новый командующій линіей, генералъ-лейтенантъ Дебу, въ августѣ 1859 г.[3]), снова запросилъ комендантовъ обоихъ фортовъ о количествѣ у чиновъ фортовъ дѣтей обоего пола, которыя по своимъ лѣтамъ могли бы поступить въ школы и родители которыхъ сами изъявятъ къ тому желаніе. Затѣмъ, въ сентябрѣ только было приведено въ исполненіе распоряженіе генералъ-лейтенанта Катенина объ отчисленіи изъ фортовыхъ суммъ по 30 руб. на каждую школу. Майоръ Дамичъ донесъ[4]), что въ фортѣ Перовскомъ дѣтей обоего пола 42, а желающихъ поступить въ школу 23, а подполковникъ Скалимовскій донесъ[5]), что въ фортѣ № 1 желаютъ поступить въ школу 19 мальчиковъ и 2 дѣвочки.

Генералъ-лейтенантъ Дебу, въ ноябрѣ того же года[6]), высказалъ генералъ-лейтенанту Катенину свое мнѣніе о необходимости расширить данную оренбургской консисторіей школьную программу введеніемъ въ нее ариѳметики и счетоводства, русской грамматики, географіи и отечественной исторіи и, въ случаѣ одобренія такого предположенія, намѣревался поручить свящ.

---

1) Предложеніемъ отъ 17 іюля 1859 г. за № 4369, См. дѣло № 1, л. 17.
2) Предложеніемъ отъ 20 апрѣля 1859 г. за № 2109. См. дѣло № 1, л. 10.
3) Предложеніемъ отъ 29 августа 1859 г. за № 977.
4) Рапортомъ отъ 9 сентября 1859 г. за № 4900.
5) Рапортомъ отъ 19 сентября 1859 г. за № 3508.
6) Въ донесеніи отъ 14 ноября 1859 г. № 1247. Это мнѣніе еще въ мартѣ 1859 г. было высказано генералъ-лейтенантомъ Глуховымъ.

Побѣдоносцеву, «*весьма дѣятельному участнику въ этомъ дѣлѣ*», составить проектъ о распредѣленіи учебныхъ предметовъ по классамъ съ подробнымъ означеніемъ проходимыхъ въ каждомъ изъ нихъ предметовъ, и смѣту расходовъ на пріобрѣтеніе учебныхъ книгъ и другихъ принадлежностей. Словомъ: онъ просилъ разрѣшенія на то, что „весьма дѣятельный участникъ“ его о. Побѣдоносцевъ уже сдѣлалъ. Расширенія школьной программы генералъ-лейтенантъ Дебу желалъ потому, что болѣе обширныя познанія обучающихся принесли бы несомнѣнную пользу не только дѣтямъ чиновниковъ, не имѣющихъ возможности отправлять своихъ дѣтей для дальнѣйшаго образованія во внутренніе города имперіи, но и дѣтямъ другихъ сословій: „*поселяне, съ развитіемъ понятій и грамотности, съ большею смѣлостью вдавались бы въ торговые обороты; дѣти нижнихъ чиновъ были бы отчетливыми писарями, въ которыхъ въ то время ощущалась безвыходная крайность*“.

Изъ словъ генералъ-лейтенанта Дебу, можно судить, что при учрежденіи училищъ онъ имѣлъ въ виду не общеобразовательныя, а исключительно житейскія цѣли, неправильно разсчитывая, что зубреніе первой части ариѳметики Буссе и первой части грамматики Греча разовьетъ въ дѣтяхъ поселянъ большую смѣлость въ торговыхъ оборотахъ, а изъ дѣтей солдатъ сдѣлаетъ отчетливыхъ писарей. Извѣстно, что такіе чисто практичестіе результаты даются не школой, а практикой и притомъ при природныхъ дарованіяхъ. Конечно, всему свое время: въ Сыръ-дарьинской степи, въ концѣ 50-хъ годовъ, нельзя было ожидать иныхъ взглядовъ на задачу начальнаго обученія дѣтей; тѣмъ не менѣе свящ. Побѣдоносцевъ не долженъ бы былъ забывать объ отношеніяхъ школы къ церкви и ея установленіямъ и объ ученіи дѣтей пѣнію. О необходимости занятій дѣтей гимнастикой въ школѣ тогда еще нигдѣ не думали.

Наконецъ, послѣ болѣе чѣмъ годовой переписки объ открытіи школы въ фортѣ № 1, были окончательно выяснены на бумагѣ всѣ относившіеся къ этому дѣлу вопросы, и казалинское училище было открыто 21 января 1860 года при тридцати трехъ уча-

щихся, въ числѣ которыхъ были 31 мальчикъ—дѣти мѣстныхъ поселянъ, нижнихъ чиновъ. Открытіе перваго на Сыръ-дарьинской линіи училища сопровождалось молебствіемъ, на которомъ присутствовали всѣ желающія учиться дѣти, ихъ родители и многіе мѣстные офицеры. Обстановка вновь отрытаго училища была самая жалкая: помѣщалось оно въ одной комнатѣ стáраго зданія; вмѣсто классныхъ скамей и столовъ были сдѣланы хозяйственнымъ способомъ лавки, а также одна большая и нѣсколько малыхъ досокъ; учащимся выдано было немного бумаги, перьевъ, чернилъ и мѣла, а книгъ—ни одной, п. ч. выписанные изъ Россіи учебники еще не прибыли въ Казалинскъ. Съ открытіемъ училища спѣшили въ виду заявленій родителей; можетъ быть, при этомъ хотѣли воспользоваться зимними мѣсяцами, когда дѣти свободны отъ работъ.

Открытіе училища въ фортѣ Перовскомъ было нѣсколько замедлено, такъ какъ священникъ форта о. Маловъ находился въ отпускѣ. По возвращеніи его въ фортъ, командующій линіей, ген.-лейтен. Дебу, въ февралѣ 1860 г.*), просилъ его озаботиться начатіемъ обученія дѣтей въ фортѣ, занявъ для школы зданіе, по указанію коменданта форта, которому было предписано оказать содѣйствіе въ томъ и увѣдомить, какъ о порядкѣ, какой будетъ установленъ въ школѣ, такъ и однѣ ея открытія. 9 марта того же года свящ. Маловъ сообщилъ генералъ-лейтенанту Дебу, что, по его мнѣнію, школьное помѣщеніе, въ виду могущаго со временемъ увеличиться населенія форта, должно состоять изъ передней, трехъ комнатъ, изъ которыхъ двѣ должны быть помѣстительны для учениковъ перваго и втораго классовъ (для чего назначалась третья комната, не извѣстно), и что училищныя комнаты должны быть снабжены по наличному числу учениковъ скамьями и столами со врѣзными между каждой парой учащихся чернильницами, а для наставниковъ—приличною мебелью. При обученіи дѣтей чтенію и письму, о. Маловъ предполагалъ употребить листы азбуки на картонѣ и ящики съ пескомъ, на которомъ дѣти должны

*) Въ предложеніи отъ 23 февраля 1860 г. за № 193.

были первоначально выписывать буквы, а также грифельныя или, за неимѣніемъ такихъ, черныя деревянныя доски, на которыхъ дѣти писали бы буквы и фразы растворомъ мѣла, послѣ того какъ научатся писать по песку.—Это для перваго отдѣленія. Для втораго отдѣленія о. Маловъ предполагалъ имѣть черную доску и мѣлки для упражненія въ правописаніи и рѣшенія ариѳметическихъ задачъ, учебныя книги и счеты. Для храненія училищныхъ принадлежностей (вѣроятно учебныхъ пособій) и бумагъ (должно быть, оффиціальныхъ) требовался шкафъ съ замкомъ. Не забылъ о. Маловъ о часахъ и звонкѣ, при помощи которыхъ училищный сторожъ слѣдилъ бы за началомъ уроковъ; упомянулъ о необходимости содержать училище въ чистотѣ и опрятности.

Внутренній сторой школы о. Маловъ проектировалъ при двухъ классахъ слѣдующимъ образомъ: въ первомъ классѣ онъ предполагалъ обучать дѣтей чтенію, чистописанію и общеизвѣстнымъ молитвамъ, а во второмъ классѣ—св. исторіи, катехизису, счетоводству и первой части ариѳметики. Кромѣ названныхъ предметовъ, о. Маловъ находилъ полезнымъ, для развитія способности мышленія учащихся, читать иногда дѣтямъ втораго класса литературно нравственныя статьи изъ дѣтскихъ журналовъ, чтобы дѣти могли потомъ повторять прочитанное въ своихъ разсказахъ, причемъ имъ предлагались бы „различныя возраженія“, примѣнительно къ первымъ ихъ понятіямъ. Преподаваніе названныхъ предметовъ о. Маловъ возлагалъ на учителя чтенія и чистописанія, учителя счетоводства и ариѳметики и законоучителя. Школьныя занятія предполагались ежедневныя,—по полтора часа до и послѣ обѣда, за исключеніемъ пятницы и субботы, когда послѣобѣденныхъ занятій не назначалось. Весною и лѣтомъ дообѣденные уроки должны были начинаться въ 8 ч. утра, а послѣобѣденные въ 2 ч. по полудни.

Въ первомъ (или приготовительномъ) классѣ дообѣденныя занятія всегда назначились для чтенія, а послѣобѣденныя—для чистописанія. Когда учащіеся начинали разбирать фразы, то читали въ дообѣденные уроки книги и навыкали въ правильномъ чте-

ніи, заучивая въ тоже время общеизвѣстныя молитвы по книгѣ и наизусть. Слабые же въ чтеніи ученики до и послѣ обѣда должны были заниматься чтеніемъ.

Обученіе грамотѣ начиналось съ заучиванія азовъ и складовъ, что продолжалось ежедневно до тѣхъ поръ, пока нѣкоторые начинали сами разбирать фразы въ книгѣ. Тогда этихъ послѣднихъ въ послѣобѣденные уроки начинали учить писать сначала по песку, а затѣмъ на грифельныхъ доскахъ грифелемъ, или на черной доскѣ растворомъ мѣла. Обученіе письму было такъ же механично, какъ и обученіе чтенію, т. е. состояло въ выписываніи сначала азовъ, а потомъ въ списываніи съ прописей разныхъ афоризмовъ по строчкамъ различной ширины. Когда ученики навыкали кое-какъ разбирать безъ помощи учителя фразы въ книгѣ, ихъ заставляли вытверживать молитвы по книгѣ, чтобы текстъ молитвъ они читали безъ ошибокъ, а затѣмъ уже заучивали этотъ текстъ на память. Счетоводство и ариѳметика не преподавались учащимся въ первомъ классѣ, точно также, какъ это было и въ казалинскомъ училищѣ.

Во второмъ классѣ одинъ дообѣденный урокъ (понедѣльникъ) назначался для катехизиса; три дообѣденныхъ урока (вторникъ, четвергъ и пятница) назначались для занятій счетоводствомъ и ариѳметикой; одинъ урокъ (среда) для свящ. исторіи и одинъ урокъ (суббота) для повторенія пройденнаго въ теченіе недѣли. Изъ послѣобѣденныхъ уроковъ два (понедѣльникъ и среда) назначались для чистописанія и два урока (вторникъ и четвергъ) для чтенія литературно-нравственныхъ статей изъ Журнала для дѣтей, причемъ наставникъ долженъ быть заставлять одного или нѣсколькихъ учениковъ разсказывать своими словами прочитанное по порядку. Въ воскресные и въ др. праздничные дни дѣти-мальчики по утру, до литургіи, собирались въ училище, откуда по первому звонку шли, подъ присмотромъ старшаго, въ церковь, гдѣ занимали извѣстное мѣсто, а одинъ изъ учениковъ проходилъ на клиросъ и читалъ часы.

Для отчетности по внутренней жизни училища, при немъ

предполагалось вести два журнала, изъ которыхъ въ одномъ отмѣчались цифровыя отмѣтки успѣховъ и поведенія учащихся, на основаніи которыхъ предполагалось составлять потомъ третныя отчечныя вѣдомости*).

Составленный о. Маловымъ планъ учебной части въ перовской школѣ, какъ и планъ о. Побѣдоносцева, не могутъ быть признаны удовлетворительными, хотя первый имѣетъ и свои хорошія стороны. О. Маловъ сократилъ курсъ школы, ограничивъ ея двумя классами и исключивъ изъ школьной программы грамматику, исторію и географію. Сокращеніе школьной программы, особенно при недостаточныхъ педагогическихъ силахъ школы, было хорошо тѣмъ, что устраняло поверхностное усвоеніе сообщаемыхъ ученикамъ школьныхъ знаній. При оцѣнкѣ школьныхъ программъ необходимо обращать вниманіе не только на то, что школа могла дать учащимся, но и на то, чего она лишала ихъ, поглощая непроизводительно время, назначенное для обученія. Народная школа всегда располагаетъ очень небольшимъ временемъ, въ продолженіе котораго она, разумѣется, должна научить только самому необходимому, но научить такъ, чтобы это немногое составляло дѣйствительное достояніе учащихся, которымъ они съ пользою могли бы располагать потомъ въ своей жизни. Поэтому о. Маловъ благоразумно не ввелъ въ курсъ своей школы безцѣльное, не имѣющее никакого значенія, изученіе первой части грамматики Греча, часть географіи Ободовскаго и часть отечественной исторіи Устрялова. Знаніе однихъ названій частей рѣчи и формъ склоненій и спряженій не можетъ еще сдѣлать мальчика грамотнымъ, равно какъ зубреніе наизустъ нѣсколькихъ страницъ изъ географіи Ободовскаго и исторіи Устрялова не могло бы научить дѣтей географіи и исторіи, и потому съ большею пользою для дѣтей могло быть замѣнено толковымъ чтеніемъ литературно-нравственныхъ статей и историческихъ разсказовъ изъ дѣтскихъ журналовъ, какъ проектировалъ это о. Маловъ. Въ тоже время

*) Никакихъ вѣдомостей послѣ не составлялъ никто, что очень затрудняетъ изложеніе внутренней жизни училищъ.

онъ позаботился о религіозно-нравственномъ воспитаніи дѣтей, что должно было имѣть особенно важное значеніе для дѣтей перовскихъ жителей, оторванныхъ отъ православной родины и окруженныхъ полуязычниками киргизами. Требуя, чтобы дѣти по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ собирались въ школу и отсюда въ порядкѣ отправлялись въ церковь, къ богослуженію, въ которомъ принимали бы дѣятельное участіе, о. Маловъ пріучалъ ихъ съ юныхъ лѣтъ не забывать церкви и относиться къ ней съ должнымъ благоговѣніемъ, а объ этомъ и должна была особенно заботиться русская народная школа въ средне-азіатской степи.

Не понимаемъ только, почему о. Маловъ не считалъ обязательнымъ для учениць школы посѣщать богослуженіе и почему онъ не ввелъ въ курсъ школы обученіе пѣнію, имѣющему за собою неоспоримыя права на существованіе въ школѣ. Также непонятно, почему о. Маловъ настаивалъ, чтобы учебные предметы школы преподавались двумя особыми наставниками, кромѣ его третьяго. Народная школа должна по преимуществу отличаться внутреннимъ единствомъ, что недостижимо при нѣсколькихъ преподавателяхъ, а въ школѣ о. Малова и учениковъ было не много и программа была несложная. Но проектъ школы былъ *во всѣхъ отношеніяхъ* одобренъ генералъ-лейтенантомъ Дебу, и коменданту форта Перовскаго было предписано назначить въ помощь о. Малову двухъ учителей *изъ юнкеровъ*, которые и должны были, подъ надзоромъ и руководствомъ перваго, добросовѣстно исполнять возложенныя на нихъ обязанности по школѣ. Свящ. Побѣдоносцевымъ были высланы въ Перовскъ 30 экземпляровъ азбуки и классная доска; въ фортѣ были сдѣланы временные столы. Самую школу о. Маловъ рѣшилъ помѣстить временно въ своей квартирѣ, уступивъ для нея двѣ комнаты (одну для неумѣющихъ читать, а другую для умѣющихъ). Прапорщикъ Батыршинъ и юнкеръ Давыдовъ согласились безплатно преподавать въ открываемомъ училищѣ, въ которое поступили 6 мальчиковъ и 9 дѣвочекъ. Наконецъ, 14 апрѣля 1860 года, въ 10 часовъ утра, перовская школа была открыта послѣ совершеннаго по этому случаю молебствія.

О дальнѣйшей судьбѣ открытыхъ въ Казалинскѣ и Перовскѣ училищъ, а особенно о внутренней ихъ жизни извѣстно намъ немного. Въ казалинской школѣ свящ. Побѣдоносцевъ, принявшій на себя преподаваніе учебныхъ предметовъ, на первыхъ порахъ, обучалъ дѣтей чтенію и письму, краткому катехизису, св. исторіи съ надлежащимъ объясненіемъ дѣтямъ и выводами для жизни, а также общеизвѣстнымъ молитвамъ. Кромѣ того, съ *нѣкоторыми* учениками онъ началъ ариѳметику. Взглядъ на ариѳметику, какъ на предметъ обученія, доступный только нѣкоторымъ, лучшимъ ученикамъ школы, былъ въ духѣ того времени. Въ 60-хъ годахъ преподаваніе школьныхъ предметовъ отличалось, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, своеобразною и съ законами педагогики несообразною постепенностію. Сначала обыкновенно учили дѣтей читать и писать, затѣмъ учили катихизису и свящ. исторіи и потомъ уже ариѳметикѣ. Ко времени открытія училища въ Казалинскѣ, у о. Побѣдоносцева не было никакихъ учебныхъ пособій, ни даже азбукъ. Поэтому онъ долженъ былъ отрѣшиться отъ стараго, рутиннаго способа обученія грамотѣ по букварю и писалъ изучаемыя буквы мѣломъ на доскѣ, причемъ заставлялъ дѣтей запомнить очертаніе буквъ и названія ихъ. Дѣти, запомнивъ изображенія и названія буквъ, выводили ихъ разведеннымъ мѣломъ на малыхъ доскасъ. Но этотъ способъ обученія видимо затруднялъ преподавателя, который повелъ свое дѣло по школѣ успѣшнѣе, когда получилъ въ февралѣ 1860 г. азбуки. Безплатное снабженіе дѣтей учебными пособіями усиливало въ нихъ рвеніе къ занятіямъ, а родителей побуждало отдавать дѣтей въ школу. Между наставникомъ и учащимися существовали добрыя отношенія, такъ что можно было надѣяться на успѣхи, но правильность учебныхъ занятій нерѣдко нарушалась самими родителями, которые весной брали изъ школы своихъ дѣтей для полевыхъ работъ. И этому немаловажному препятствію въ школьномъ дѣлѣ не придавали особеннаго значенія ни комендантъ форта, ни самъ законоучитель. Первый находилъ, что *всетаки одно другому не мѣшаетъ*, а послѣдній наивно замѣчалъ, что учащіеся въ школѣ (почти

исключительно дѣти поселянъ и нижнихъ чиновъ) *предназначаются не исключительно для грамотности,* и потому не мѣшалъ родителямъ брать ихъ изъ школы для полевыхъ работъ. Позже, въ декабрѣ 1862 года, о. Побѣдоносцевъ долженъ былъ сознать, что отвлеченіе дѣтей отъ школьныхъ занятій полевыми работами составляетъ существенное препятствіе успѣхамъ школы. Тогда оказалось, что учившіяся въ школѣ дѣти *не достигли до большей степени знаній,* и онъ приписалъ это тому, что они съ ранней весны до поздней осени не посѣщали школы, помогая родителямъ въ полевыхъ и домашнихъ работахъ, и потому что, по сложности своихъ занятій по приходу, по женской школѣ и церковному письмоводству, онъ нерѣдко оставлялъ дѣтей того либо другаго класса безъ своего непосредственнаго надзора. Потому онъ просилъ себѣ помощника изъ грамотныхъ нижнихъ чиновъ, которому готовъ былъ платить за его трудъ изъ своего содержанія.

Не имѣя постояннаго помѣщенія, казалинская школа, на первыхъ же порахъ рисковала быть закрытой. Такъ какъ временная квартира ея предполагалась къ сломкѣ, для постройки на этомъ мѣстѣ казармы, то комендантъ и священникъ хлопотали предъ командующимъ линіей, чтобы къ квартирѣ священника пристроена была хотя одна комната для помѣщенія школы. Послѣ школа помѣщалась въ одной комнатѣ флигеля, занимаемаго канцеляріей, что для школы, конечно, не было удобно.

Учащихся въ казалинской школѣ въ 1860 году было 31 мальчикъ и 2 дѣвочки; изъ этого числа 4 мальчика выбыли до окончанія курса. Въ 1861 году вновь поступило въ училище 4 мальчика, а выбыло 2 дѣвочки и 1 мальчикъ до окончанія курса, и 11 мальчиковъ окончили курсъ. Въ 1862 году въ школу вновь поступили 17 мальчиковъ, а выбылъ 1 м. по окончаніи курса. Такимъ образомъ, всѣхъ учившихся въ казалинской школѣ дѣтей въ 1860—1862 г.г. было 52 м. и двѣ дѣвочки; изъ нихъ 12 мальчиковъ кончили курсъ, 2 дѣвочки были переведены въ женскую школу (о которой будетъ сказано особо) и 4 мальчика выбыли изъ

школы до окончанія курса. Къ концу 1862 г. въ казалинскомъ училищѣ числилось 35 учениковъ.

Въ перовской школѣ, въ первый мѣсяцъ ея существованія (съ 14 апр. по 14 мая), дѣти, поступившія неграмотными, успѣли заучить всѣ 36 буквъ русской азбуки и принялись за склады, а умѣвшія до поступленія въ училище читать выучили въ первый мѣсяцъ наизустъ первоначальныя молитвы и начали затверживать заповѣди; изъ свящ. исторіи выучили до потопа включительно; изъ ариѳметики—два первыя дѣйствія и начали порядочно успѣвать въ чистописаніи*). Почти черезъ годъ послѣ открытія перовскаго училища, въ февралѣ 1861 года, ученики 2-го отдѣленія знали наизустъ всѣ первоначальныя молитвы, десять заповѣдей и семь таинствъ, свящ. исторію ветхаго и новаго завѣтовъ въ краткомъ видѣ; изъ ариѳметики—сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе простыхъ чиселъ; кромѣ того, учащіеся довольно удовлетворительно считали на счетахъ и писали подъ диктовку, хотя нескоро и несовершенно.

Все показанное было пройдено съ учащимися при отсутствіи руководствъ и учебныхъ пособій. Въ училищѣ до того времени вся библіотека состояла изъ 30 азбукъ-самоучителей, которыя были высланы въ перовскую школу изъ казалинскаго училища. Поэтому завѣдывающій школой, свящ. Маловъ просилъ разрѣшенія распустить по домамъ всѣхъ учениковъ 2-го отдѣленія, впредь до высылки въ училище учебниковъ по закону Божію и русской грамматикѣ, по тому уваженію, что не по чему было заниматься съ учениками, да и помощники его по школѣ (юнкера) назначены были въ Джулекъ; тогда остался при школѣ одинъ о. Маловъ, и обученіе дѣтей почти остановилось**). На содержаніе училища всѣхъ денегъ имѣлось въ то время 55 р., на которые и предполагалось выписать изъ Россіи необходимыя учебныя пособія. Всѣхъ учившихся въ перовской школѣ въ 1860 г. было всего

*) Донесеніе маіора Дампча отъ 13 мая 1860 г. за № 1666. Дѣло № 1, л. 56.
**) Рапортъ маіора Дампча отъ 9 февраля 1861 г. за № 661. Дѣло № 1, л. 65

12 мальчиковъ и 9 дѣвочекъ*). Изъ нихъ выбыли, по окончаніи курса, 1 мальчикъ и 2 дѣвочки, а до окончанія ученія выбыли 2 мальчика и 5 дѣвочекъ. Въ 1861 году поступили въ школу 10 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ. Изъ нихъ, до окончанія ученія, выбыли 2 мальчика и 2 дѣвочки. Въ 1862 г. поступили вновь 23 мальчика и 5 дѣвочекъ. Изъ нихъ, по окончаніи ученія, выбылъ 1 мальчикъ, а до окончанія ученія выбыли 6 мальчиковъ и одна дѣвочка. Такимъ образомъ, всѣхъ учившихся въ перовскомъ училищѣ въ 1860—1862 г.г. было 43 мальчика и 19 дѣвочекъ, изъ которыхъ окончили курсъ 2 мальчика и 2 дѣвочки, а выбыли до окончанія курса 10 мальчиковъ и 8 дѣвочекъ. Къ концу 1862 г. въ училищѣ должно бы быть 31 мальчикъ и 9 дѣвочекъ, а въ отчетѣ значится всего только 17 мальчиковъ и 3 дѣвочки. Разница на 14 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ**). Въ числѣ учениковъ училища въ 1862 г. были два киргиза, изъ которыхъ одинъ только учился читать и писать, а другой, хотя свободно читалъ, но мало зналъ русскій языкъ и потому многаго не понималъ въ прочитанномъ, но писалъ хорошо по одной графѣ.

Учебная часть перовскаго училища въ 1862 г. существенно страдала отъ того, что дѣти ходили въ училище не постоянно, а когда хотѣли этого ихъ родители, и оставляли ученіе во всякое время года, такъ что завѣдывающему училищемъ не было возможности не только слѣдить за ихъ постояннымъ развитіемъ, но даже вести списки постоянно обучающимся.

Въ октябрѣ 1863 года, съ открытіемъ въ Перовскѣ киргизской школы, русское перовское училище прекратило свое само-

*) Донесеніе свящ. Малова отъ 24 марта 1861 г. за № 28.

**) Дѣло № 1 л. 137; ср. л. 102—106. По всей вѣроятности, цифры отчета ставились по памяти, такъ какъ въ училищѣ никакихъ отчетностей не велось, и военному начальству линіи приходилось особыми предписаніями побуждать священниковъ фортовъ доставлять свѣдѣнія о состояніи ввѣренныхъ имъ школъ. Такъ, напримѣръ, съ 24 марта 1861 г. по 20 ноября 1862 г. въ управленіи командующаго линіей не было никакихъ свѣдѣній о перовской и казалинской школахъ, и только послѣ особыхъ предписаній священники доставили требуемыя свѣдѣнія, въ которыхъ встрѣчается недоразумѣніе относительно числа учащихся.

стоятельное существованіе; ученики этого училища должны были посѣщать вновь открытую киргизскую школу, съ тѣмъ, чтобы священникъ форта преподавалъ имъ отдѣльно законъ Божій. Но это не понравилось ни дѣтямъ*), ни родителямъ; послѣдніе сердечно скорбѣли о происшедшей перемѣнѣ и просили о. Малова принять дѣтей ихъ къ себѣ на домъ и по прежнему заниматься съ ними. Возбужденное о. Маловымъ ходатайство о разрѣшеніи ему учить русскихъ дѣтей у себя на дому, кажется, не увѣнчалось успѣхомъ; по крайней мѣрѣ, изъ сохранившихся дѣлъ не видно этого. Между тѣмъ свящ. Маловъ переведенъ былъ изъ Перовска, а преемникъ его, свящ. Высоцкій въ августѣ 1865 г. писалъ завѣдывавшему Сыръ-дарьинской линіей: „неудобство совмѣщенія школы русской съ киргизской оказывается довольно ощутительнымъ, какъ отъ тѣсноты помѣщенія, такъ и отъ того, что родители русскихъ дѣтей считаютъ учителя-киргиза неспособнымъ обучать русскому языку, и вслѣдствіе такого соображенія оставляютъ дѣтей при себѣ, хотя обученіе ихъ считаютъ необходимымъ“. Поэтому онъ просилъ объ отдѣленіи русской школы, съ тѣмъ, чтобы она находилась въ самомъ фортѣ и была подъ его вѣдѣніемъ. Подполковникъ Голосовъ нашелъ это предложеніе о. Высоцкаго *полезнымъ* и считалъ возможнымъ найти помѣщеніе для школы. Въ октябрѣ 1865 г. военный губернаторъ Туркестанской области разрѣшилъ отдѣлить русскую школу отъ киргизской и помѣстить ее въ самомъ фортѣ, гдѣ найдется помѣщеніе, поручивъ завѣдываніе ею священнику форта.

На этомъ и обрываются документы, относящіеся къ первой перовской школѣ для русскихъ дѣтей.

Казалинскую школу для русскихъ дѣтей постигла не лучшая участь. Въ сентябрѣ 1863 года комендантъ форта № 1 сообщилъ свящ. Побѣдоносцеву, что существовавшая доселѣ школа для русскихъ дѣтей должна будетъ соединиться съ предположенною къ открытію въ фортѣ школою для дѣтей киргизъ, и что обуче-

*) О. Маловъ разсказывалъ намъ, что между русскими и киргизскими учениками происходили частыя ссоры и драки.

ніе грамотѣ и русскихъ дѣтей будетъ лежать на обязанности учителя киргизскихъ дѣтей, и просилъ священника передать завѣдывающему киргизами чиновнику всѣ ученическія пособія, принадлежавшія училищу. Ученическія пособія были переданы, и школа закрыта! Между тѣмъ новая школа для киргизскихъ дѣтей не была открыта не только въ сентябрѣ 1863 года, но и въ октябрѣ 1865 года. Тогда свящ. Побѣдоносцевъ взялъ подъ квитанцію нужное количество учебниковъ и началъ свои занятія съ русскими дѣтьми, которыя продолжалъ до 1865 г. и готовъ былъ продолжать ихъ впредь безъ вознагражденія. Въ октябрѣ 1865 г. въ этой возстановленной школѣ обучалось 40 мальчиковъ чтенію, письму, краткой свящ. исторіи, краткому катехизису и общеизвѣстнымъ молитвамъ*). О. Побѣдоносцевъ просилъ при этомъ дать школѣ болѣе прочныя основанія, а именно: 1) помѣстить ее въ зданіи киргизской школы, отдѣливши для нея хотя бы одну комнату; 2) назначить ему помощниковъ изъ способныхъ и благонравныхъ унтеръ-офицеровъ, такъ какъ, по обязанностямъ приходскаго священника, онъ часто отвлекался отъ школьныхъ занятій; 3) отпускать на учебныя пособія ежегодно по 30 р. и столько же ежегодно на устройство училищной библіотеки, въ которую необходимо было выписать народныя (?) книги и журналы, доступные дѣтскому пониманію. Но ходатайство это не было уважено, равно какъ и ходатайство о возстановленіи женской школы, существовавшей въ Казалинскѣ съ 9 февраля 1861 г.

Женская школа открыта была въ Казалинскѣ тѣмъ же о. Побѣдоносцевымъ. Въ этой школѣ сначала обучались 13 дѣвочекъ 6—10 лѣтняго возраста грамотѣ и письму, шитью, вязанью и вышиванью; 40 рублей, собранные по добровольной подпискѣ при открытіи училища, составляли весь фондъ перваго разсадника женскаго образованія на Сыръ-дарьѣ. Школа была открыта очень поспѣшно, даже безъ предварительнаго разрѣшенія начальства линіи, въ виду многихъ заявленій со стороны мѣстныхъ жителей,

*) Такимъ образомъ, о. Побѣдоносцевъ возвратился къ той программѣ училища, какую проектировала Оренбургская Духовная Консисторія.

и въ надеждѣ, что начальство одобритъ хорошее дѣло. Первой и послѣдней учительницей этого недолго существовавшаго училища была родственница о. Побѣдоносцева, г-жа Кирьянова, которая учила дѣтей въ квартирѣ священника. Въ концѣ 1862 г. учительница Кирьянова уѣхала на жительство въ Оренбургъ, и въ Казалинскѣ вдругъ не стало ни одного училища, нужда въ которыхъ продолжала чувствоваться жителями Казалинска. Тогда поселяне-казаки, убѣдившись въ непрочности ничѣмъ не обезпеченныхъ училищъ, рѣшили образовать изъ добровольныхъ взносовъ капиталъ на содержаніе школъ. Отставной казакъ Миней Поповъ пожертвовалъ съ этою цѣлью въ апрѣлѣ 1863 года пять рублей. Его примѣру послѣдовали нѣкоторые другіе, и такимъ образомъ собрано было 32 руб. 50 коп., съ тѣмъ, чтобы этотъ капиталъ обращался въ оборотахъ у мѣстныхъ жителей и приносилъ бы извѣстный %; но процентовъ нужно было ждать, а дѣти поселянъ продолжали оставаться безъ ученья. Поэтому въ 1865 г. о. Побѣдоносцевъ ходатайствовалъ предъ Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ Крыжановскимъ о возстановленіи въ Казалинскѣ какъ мужскаго, такъ и женскаго училищъ. Комендантъ форта, маіоръ Юній, на заключеніе котораго было препровождено это ходатайство въ 1866 году, отозвался, что онъ вполнѣ раздѣляетъ ходатайство священника и по отношенію къ женской школѣ высказалъ желаніе, чтобы дѣвицы обучались въ школѣ шитью, чисткѣ бѣлья и нѣкоторымъ другимъ женскимъ рукодѣльямъ: вязанью и штопанью чулокъ и тамбурному вязанью, *„чтобы такимъ образомъ нижніе чины и поселяне могли имѣть оттуда болѣе или менѣе полезныхъ женъ, а семейные офицеры приличную женскую прислугу и всѣ,' наконецъ, порядочныхъ прачекъ“*. Помѣстить это училище предполагалось въ зданіи киргизской школы, которое было не занято; предполагалось также отпустить 60 р. единовременно на обзаведеніе училища и ежегодно 30 р. на текущіе расходы и 150 р. на жалованье учительницѣ. Свящ. Побѣдоносцевъ изъявлялъ желаніе преподавать Законъ Божій безплатно. Изъ предметовъ обученія, кромѣ руко-

дѣлья, краткаго катехизиса и краткой свящ. исторіи, предполагалось преподавать чтеніе и письмо. Объ ариѳметикѣ помина не было и въ этой школѣ, но за то признавалось необходимымъ обучать дочерей поселянъ и солдатъ тамбурному вязанью, безъ котораго онѣ всегда могли обойтись въ своей жизни и въ которомъ едва ли бы встрѣтилась нужда. Ходатайство это военный губернаторъ области, генералъ-маіоръ Романовскій, отклонилъ на томъ основаніи, что въ Казалинскѣ въ это время существовала уже приходская община, на обязанности которой Высочайшимъ повелѣніемъ 1864 г. было возложено содержаніе начальныхъ училищъ, и свящ. Побѣдоносцевъ получилъ предписаніе отъ епархіальнаго начальства о заведеніи въ фортѣ школы отъ общины, и что поэтому невозможно отнести всѣ исчисленные расходы по содержанію училища на вѣсовой сборъ, какъ указывалъ маіоръ Юній. Отказъ этотъ состоялся въ декабрѣ 1866 г. Къ тому времени и свящ. Побѣдоносцевъ умеръ, а его преемникъ, свящ. Егротовъ, едва розыскалъ пожертвованные поселянами 32 р. 50 к., которые не только не увеличились %, а уменьшились: въ январѣ 1871 г. свящ. Егротовъ получилъ всего 31 р. 85½ коп., такъ какъ 64½ коп. въ разное время были издержаны на пересылку этихъ денегъ изъ Казалинска въ Оренбургъ, изъ Оренбурга въ Ташкентъ, а отсюда снова въ Казалинскъ.

Въ 1866 г. генералъ-маіоръ Романовскій, желая дать возможность служащимъ въ городѣ Ташкентѣ чиновникамъ и нижнимъ чинамъ воспитывать своихъ дѣтей, призналъ необходимымъ устроить въ этомъ городѣ двѣ школы: одну для мальчиковъ и другую для дѣвочекъ. А такъ какъ въ то время всѣ дѣти школьнаго возраста могли по своему числу помѣститься въ одной школѣ, то онъ рѣшилъ открыть въ Ташкентѣ съ 1 іюля 1866 г. одну школу для мальчиковъ и для дѣвочекъ, на слѣдующихъ условіяхъ: училище поручалось учительницѣ, г-жѣ Жуйковой, съ платою ей ежегодно по 300 р.; на наемъ помѣщенія для школы назначалось ежегодно 100 р., на расходы по школѣ—100 р., учителю чистописанія 100—150 р. Весь этотъ расходъ въ 650 р. покрывался

изъ мѣстныхъ источниковъ края. Распоряженіе это было утверждено Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ 26 августа 1866 г. Къ 1 января 1867 года въ школѣ числилось 11 дѣвочекъ и 7 мальчиковъ, которые обучались молитвамъ и краткой свящ. исторіи, нумераціи и первымъ двумъ дѣйствіямъ ариѳметики, письму и рукодѣльямъ (конечно, дѣвочки). Въ мартѣ 1867 г. въ школѣ было 15 дѣвочекъ и 18 мальчиковъ. Съ самаго начала своего существованія, школа нуждалась въ книгахъ и матеріалахъ для рукодѣльныхъ работъ, въ аспидныхъ доскахъ и грифеляхъ, и—что всего страннѣе—со дня открытія школы до 1 апрѣля 1867 г. учительница не получала денегъ на покупку необходимыхъ припасовъ для школы и должна была расходовать на это свои деньги. Помѣщалась школа въ первое время въ квартирѣ учительницы. Никакого учебнаго плана въ школѣ, предварительно составленнаго, разсмотрѣннаго и одобреннаго, не было. До 1-го января 1867 г. учительница въ школѣ была одна и обучала дѣтей чтенію, нумераціи и рукодѣльямъ, а свящ. Ширяевъ обучалъ ихъ чистописанію и, вѣроятно, Закону Божію. Съ 1-го января въ школу была назначена помощница учительницы, г-жа Семенова, съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ, и особый учитель чистописанія изъ военныхъ писарей, съ жалованьемъ по 150 р. въ годъ.

Какъ понимала г-жа Жуйкова учебное дѣло, видно изъ ея предположенія раздѣлить всѣхъ учащихся въ школѣ дѣтей на два отдѣленія, съ тѣмъ, чтобы въ 1-мъ отдѣленіи преподавалось чтеніе и письмо, а во 2-мъ отдѣленіи—краткая свящ. исторія, первыя четыре дѣйствія ариѳметики, первая часть русской грамматики, первыя понятія изъ географіи и исторіи, письмо и рукодѣлья. Занятія чтеніемъ и чистописаніемъ г-жа Жуйкова предполагала назначить въ послѣобѣденные уроки, съ 2-хъ до 5-ти часовъ, и притомъ такъ, чтобы во время рукодѣлья *преподавалось* чтеніе. Изъ этого предположенія мы усматриваемъ, что г-жа Жуйкова также не далека была въ педагогикѣ, какъ и ея предшественники, казалинскіе и перовскіе педагоги. Оригинальности ея слѣдуетъ приписать предположеніе преподавать чтеніе во время

классовъ рукодѣлья. Что это значитъ, мы хорошенько не понимаемъ, но думаемъ, что тутъ рѣчь идетъ не объ обученіи дѣтей чтенію, а просто о чтеніи по книгѣ, которое должны были слушать дѣвочки, занятыя рукодѣльемъ. Какого содержанія предполагалось чтеніе, также не извѣстно; но каково бы оно ни было, мы должны сказать, что оно было здѣсь мало умѣстно. Занятіе рукодѣльемъ, коль скоро придаютъ ему должное значеніе, потеряетъ всякій смыслъ, если дѣтей будутъ въ тоже время заставлять слушать чтеніе, или же чтеніе не будетъ достигать своей цѣли, а вѣрнѣе, что ни то, ни другое не можетъ сопровождаться желательнымъ результатомъ.

Какая была обстановка въ школѣ, сколько въ ней было учащихся дѣтей, какіе успѣхи имѣла школа въ 1866—1869 г.г., сколько было въ школѣ недѣльныхъ уроковъ, какъ распредѣлялись въ ней учебныя занятія по днямъ и часамъ между преподавателями, мы сказать не можемъ, потому что никакихъ отвѣтовъ на эти вопросы въ дѣлахъ архива не нашли. Г-жа Жуйкова только одинъ разъ доставила свѣдѣніе о числѣ находившихся въ ея школѣ дѣтей и то по требованію начальства; срочныхъ отчетныхъ вѣдомостей по школѣ она, какъ видно, не вела, подобно тому, какъ это практиковалось ранѣе въ Перовскѣ и Казалинскѣ. Словомъ, г-жа Жуйкова не ушла отъ своихъ предшественниковъ въ пониманіи и веденіи школьнаго дѣла, хотя была поставлена въ гораздо болѣе выгодное положеніе во всѣхъ отношеніяхъ: она получала постоянное и достаточное содержаніе, не была стѣснена въ расходахъ по училищу, имѣла немного учащихся при двухъ отдѣльныхъ преподавателяхъ и помощницѣ, такъ что могла бы аккуратно вести школьное дѣло, не обременяя ни себя, ни своихъ сослуживцевъ, въ которыхъ кромѣ законоучителя, никакой надобности не было.

Слѣдующую ступень въ исторіи образованія дѣтей ташкентскихъ обывателей составляетъ пансіонъ г-жи Пахертъ, рядомъ съ которымъ школа г-жи Жуйкова продолжала существовать еще въ 1871 г., какъ видно изъ докладной записки г. Бродовскаго

отъ 17 марта 1871 г., поданной первому Туркестанскому генералъ-губернатору генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману I объ устройствѣ народной школы въ Ташкентѣ. Но въ общемъ, судьба первыхъ училищъ на Сыръ-дарьинской линіи для русскихъ дѣтей была далеко не счастлива: прежде всего школы не имѣли собственныхъ помѣщеній и приличной обстановки, крайне нуждались въ самыхъ необходимыхъ учебныхъ принадлежностяхъ, даже въ букваряхъ, и почти совершенно были не обезпечены денежными средствами. Внѣшней необезпеченности первыхъ училищъ отвѣчало и внутреннее ихъ неустройство. Первые дѣятели народнаго образованія на Сыръ-дарьинской линіи были люди неподготовленные къ такой спеціальной дѣятельности и вели его по крайнему своему разумѣнію; родители учившихся дѣтей относились къ школьному дѣлу безъ достаточнаго уваженія; ближайшее начальство линіи не много понимало въ учебномъ дѣлѣ и относилось къ нему по чисто внѣшнимъ побужденіямъ, чаще по приказанію высшаго начальства. Особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе фактъ закрытія первыхъ русскихъ школъ съ открытіемъ школъ для дѣтей киргизъ и рѣшеніе поручить обученіе русскихъ дѣтей учителямъ-инородцамъ. Это—факты печальные, невыгодно рекомендующіе первыхъ распорядителей образованіемъ дѣтей русскаго населенія на бывшей Сыръ-дарьинской линіи.

Учебные планы училищъ также далеко не удовлетворяли требованіямъ педагогіи. Первые сыръ-дарьинскіе педагоги понимали своеобразно задачу народной школы: они не видѣли въ школьномъ обученіи прежде всего развивающаго и воспитывающаго средства и, приноравливая обученіе къ житейскимъ потребностямъ, смотрѣли на образованіе мальчиковъ, а особенно на образованіе дѣвочекъ, болѣе чѣмъ странно... И успѣховъ въ школахъ за описываемое время было не много, даже съ точки зрѣнія тогдашнихъ педагоговъ... Но первые шаги во всякомъ дѣлѣ бываютъ нетверды, и начальство Сыръ-дарьинской линіи къ концу описываемаго періода стало смотрѣть иначе на школьное дѣло, по крайней мѣрѣ, на внѣшнюю сторону его. Ташкентское училище

г-жи Жуйковой было уже очень удовлетворительно снабжено денежными средствами, которыми, правда, можно бы было распорядиться болѣе выгодно для дѣла. Открытіе въ Ташкентѣ школы для мальчиковъ и дѣвочекъ показываетъ, что необходимость народнаго образованія была сознана, и школа стала привлекать къ себѣ вниманіе мѣстныхъ жителей и начальства. Слѣдующій затѣмъ шагъ долженъ былъ быть сознательнѣе и тверже.

Первыя училища для киргизъ въ Перовскѣ и Казалинскѣ.

Когда возникъ на Линіи вопросъ объ открытіи училищъ для русскихъ дѣтей въ фортахъ № 1 и Перовскомъ, генералъ-лейтенантъ Глуховъ высказалъ (5 марта 1859 г.) желаніе, чтобы въ открываемыя училища *„были допускаемы и дѣти киргизъ, когда со стороны ордынцевъ будетъ на то согласіе и желаніе“*. Но въ Перовскомъ училищѣ только въ 1862 г. учился одинъ киргизъ Кулъ-Мухаммедъ Утягановъ, 20 лѣтъ, а въ Казалинской школѣ не было ни одного киргиза. Такое равнодушіе киргизъ къ образованію своихъ дѣтей зависѣло, по нашему мнѣнію, сколько отъ новизны самаго школьнаго дѣла, къ которому киргизы едва ли относились безъ предубѣжденія, столько и отъ того, что училища для русскихъ дѣтей не были для киргизъ сподручны. Киргиза необходимо было сначала убѣдить до очевидности въ пользѣ образованія его дѣтей и въ тоже время представить ему всѣ удобства къ этому, а затѣмъ уже ждать его заявленій и согласія на новый шагъ въ его духовной жизни. Но первыя училища для русскихъ дѣтей въ Перовскѣ и Казалинскѣ не могли расположить къ себѣ киргизъ, такъ какъ въ курсѣ этихъ училищъ и въ ихъ обстановкѣ не было, да и не могло быть ничего такого, что удовлетворяло бы требованіямъ жизни кочевника-инородца, не имѣвшаго ранѣе того собственной школы. Если бы киргизы до этого времени имѣли свои школы, въ которыхъ они находили бы удовлетвореніе первымъ потребностямъ своего духовнаго развитія; если бы они чувствовали при этомъ жизненную потреб-

ность въ русской грамотности и сознавали ея значеніе, какъ средства къ достиженію высшей образованности и если бы, наконецъ, такой предполагаемый въ киргизахъ взглядъ на русскую грамотность не вызывалъ ихъ на извѣстнаго рода матеріальныя лишенія,—тогда еще можно было бы ожидать, что киргизы будутъ заявлять о желаніи обучать своихъ дѣтей въ русской школѣ русской грамотѣ. Но на дѣлѣ ничего такого не было: киргизы того времени не могли чувствовать непремѣнной потребности въ русской грамотѣ, потому что никакой грамоты въ большинствѣ случаевъ ранѣе они не знали, да и до сихъ поръ смотрятъ на русскую грамоту только какъ на средство выдвинуться среди своихъ сородичей и получить возможность къ болѣе легкому и обезпеченному проживанію. Кромѣ того, русская грамота была для нихъ *болѣе чужая,* чѣмъ татарская и не тянула ихъ къ себѣ, а вызывала ихъ, какъ кочевниковъ, на существенныя неудобства и лишенія, такъ какъ для русской грамоты приходилось содержать своего сына въ городѣ 6—7 мѣсяцевъ въ году. Мы не знаемъ, какъ смотрѣли киргизы на подчиненіе открытыхъ въ Перовскѣ и Казалинскѣ школъ русскимъ священникамъ; но думаемъ, что если не всѣ киргизы, то нѣкоторые изъ нихъ относились къ этому обстоятельству подозрительно. Какъ перовскіе киргизы посмотрѣли на открывавшееся въ Перовскѣ училище для русскихъ дѣтей, говоритъ уже тотъ фактъ, что только одинъ киргизъ поступилъ въ это училище и слѣдовательно, былъ исключеніемъ изъ общаго правила. Что же касается казалинскихъ киргизъ, то завѣдывающій ими войсковой старшина Карамышевъ еще въ 1859 г. заявилъ, что многіе киргизы *охотно* отдали бы въ предположенное къ открытію училище своихъ сыновей, *если бы начальству было угодно принять содержаніе ихъ на счетъ казны и учить ихъ притомъ татарскому языку.* Послѣдніе условіе особено странно и указываетъ на несомнѣнное вліяніе татаръ въ степи уже въ то время.

Слѣдующее затѣмъ распоряженіе начальства клонилось къ удовлетворенію заявленныхъ и предполагаемыхъ требованій кир-

гизъ. Генералъ-адъютантъ Катенинъ, бывшій въ то время Оренбургскимъ и Самарскимъ генералъ-губернаторомъ, дошелъ до мысли о необходимости учредить въ Оренбургскомъ и Уральскомъ укрѣпленіяхъ, а также въ фортахъ № 1 и Перовскѣ школъ для киргизскихъ дѣтей, и предположеніе его удостоилось Высочайшаго утвержденія. Въ апрѣлѣ 1860 г. онъ писалъ командующему Сыръ-дарьинской линіей, что для помѣщенія каждой киргизской школы должны быть выстроены особыя зданія въ пять комнатъ изъ воздушнаго кирпича, битаго изъ глины, или изъ дерна. На устройство каждаго такого зданія и на первоначальное обзаведеніе каждой школы ассигновано было единовременно отъ 575 до 725 руб. серб. (въ томъ числѣ отъ 350 до 500 руб. собственно на возведеніе зданій) и на ежегодное содержаніе каждой школы до 1803 руб. 50 коп. сер. Штатъ школы былъ опредѣленъ на 25 воспитанниковъ изъ дѣтей киргизъ съ однимъ учителемъ, который былъ бы вмѣстѣ и смотрителемъ школы. Эти 25 киргизъ предполагались полными пансіонерами школы отъ казны, во все время пребыванія ихъ въ школѣ, срокомъ до 4-хъ лѣтъ, смотря по ихъ способностямъ и успѣхамъ. Въ курсъ школьнаго обученія должны были входить чтеніе и письмо на русскомъ и киргизскомъ языкахъ, первыя четыре правила ариѳметики и переводы съ киргизскаго языка на русскій и съ русскаго на киргизскій съ объясненіемъ формъ обоихъ языковъ. Въ школу допускались приходящими и дѣти русскихъ поселенцевъ. Для этихъ послѣднихъ изученіе киргизской (?) грамоты*) было не обязательно, если они сами не заявляли къ тому желанія, а наставленія въ Законѣ Божіемъ они должны были получать отъ мѣстныхъ священниковъ во внѣклассное время. Учителями школы предполагалось опредѣлять исключительно молодыхъ киргизъ изъ окончившихъ курсъ въ оренбургскомъ кадетскомъ корпусѣ, или въ киргизской школѣ при Областномъ Правленіи.

Таковы были главныя основанія первыхъ школъ для киргиз-

*) Киргизской грамоты нѣтъ, а есть мусульманско-арабская грамота.

скихъ дѣтей въ Перовскѣ и Казалинскѣ. Оставалось рѣшить, по надлежащемъ обсужденіи мѣстныхъ обстоятельствъ, вопросы о томъ: 1) гдѣ удобнѣе выстроить зданія для предположенныхъ къ открытію школъ—внутри или внѣ фортовъ; 2) изъ какого матеріала выгоднѣе построить училищныя зданія—изъ воздушнаго кирпича, изъ битой глины или изъ дерна; 3) назначить примѣрную стоимость работъ по устройству зданій и опредѣлить способъ и средства къ возведенію самыхъ зданій.—Какъ ни просты были эти вопросы, однако, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, они потребовали для своего рѣшенія много времени. При неимѣніи опредѣленныхъ взглядовъ на учебно-воспитательное дѣло и при отсутствіи одного центральнаго управленія школьнымъ дѣломъ на Сыръ-дарьинской линіи, рѣшеніе намѣченныхъ вопросовъ замедлялось отъ привлеченія къ этому дѣлу разныхъ лицъ, которыя не скоро могли остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ. Кромѣ того, неустроенность Сыръ-дарьинской линіи, отдаленность Перовска и Казалинска отъ Оренбурга, недостатокъ рабочихъ рукъ и строительныхъ матеріаловъ,—все это, при неизбѣжной канцелярской проволочкѣ, затягивало рѣшеніе дѣла. Генералъ-адъютантъ Катенинъ, какъ видно, серьезно озабоченный скорѣйшимъ приведеніемъ въ исполненіе Высочайше одобреннаго предположенія его объ устройствѣ названныхъ школъ, поручилъ въ Оренбургѣ же составить чертежъ зданія для этихъ школъ. Изъ этого чертежа мы къ удивленію усматриваемъ, что зданіе школы было разсчитано на 50 человѣкъ киргизскихъ дѣтей, вмѣсто 25-ти, но почему-то безъ спальныхъ комнатъ и безъ столовой. Классная комната проектировалась одна и имѣла 18 арш. въ длину, 7 арш. въ ширину при $4^1/_2$ арш. въ вышину*). Кромѣ того, классныя комнаты были такъ неумѣло освѣщены, что свѣтъ приходился либо съ лѣвой стороны и съ передней въ одно и тоже время, либо съ задней и съ правой стороны учащихся, смотря потому,

*) На каждаго ученика приходилось только 11 съ небольшимъ кубич. аршинъ воздуха, который неизбѣжно долженъ былъ отравляться воздухомъ сосѣдняго цейхауза, соединеннаго съ классомъ дверью. Ширина и высота класса не соотвѣтствовала длинѣ его.

какое положеніе придали бы классным скамьямъ, т. е. въ обоихъ случаяхъ неправильно. Но на эти неудобства въ Оренбургѣ не обратили вниманія, и чертежъ былъ отправленъ въ Перовскъ, къ командующему линіей, для соображенія на мѣстѣ стоимости такой постройки. Расходъ по постройкѣ школьныхъ зданій предположено было отнести на кибиточный сборъ. Въ 1861 г. была уже отчислена на устройство и содержаніе киргизскихъ школъ сумма въ 7214 руб., а необходимыя учебныя принадлежности предполагалось закупить и выслать изъ Оренбурга; выданы были и книги для записыванія прихода и расхода, а училища всетаки не могли быть открыты, и генералъ-адъютантъ Катенинъ не дождался осуществленія своей мысли, къ которой, какъ видно, онъ относился съ большимъ сочувствіемъ.

Преемникъ его, генералъ-адъютантъ Безакъ, съ первыхъ же дней управленія Оренбургскимъ и Самарскимъ генералъ-губернаторствомъ, обратилъ вниманіе на начатое своимъ предшественникомъ, но плохо двигавшееся впередъ дѣло. Для скорѣйшаго приведенія его въ исполненіе, онъ сосредоточилъ переписку по этому предмету въ своей канцеляріи и предписалъ командующему Сыръ-дарьинской линіей ежемѣсячно доносить о ходѣ работъ по устройству домовъ для школъ, а затѣмъ разрѣшилъ ему пользоваться судами аральской флотиліи для подвозки необходимыхъ строительныхъ матеріаловъ. Только вслѣдствіе такихъ распоряженій, зданіе для перовской школы было окончено постройкой къ ноябрю 1862 года, но тѣмъ не менѣе школа не могла быть открыта въ томъ же году, потому что стѣны зданія недостаточно высохли и могли имѣть вредное вліяніе на здоровье учащихся. Этимъ льготнымъ временемъ начальство Сыръ-дарьинской линіи и воспользовалось, чтобы къ будущему году выяснить и рѣшить окончательно вопросы о характерѣ, одеждѣ и пищѣ воспитанниковъ школы, о стоимости той и другой, что и предложено было въ ноябрѣ 1862 г. исполнить надворному совѣтнику Груздзю съ порученіемъ составить проектъ положенія школъ, примѣнительно къ Высочайше утвержденному въ 1844 году положенію

о киргизской школѣ, существующей при Оренбургскомъ областномъ правленіи. Одежда для киргизскихъ воспитанниковъ школы предполагалась по-возможности близкая къ принятой у киргизъ, безъ всякой роскоши, опрятная и удобная. Точно также и пища пансіонеровъ предполагалась неизысканная и подходящая ко вкусамъ киргизъ.

Но вся эта переписка не ускорила открытія училищъ для киргизскихъ дѣтей. Въ ноябрѣ 1862 года командующій линіей, въ виду того, что въ фортѣ № 1 не было еще приступлено къ постройкѣ помѣщенія для киргизской школы, и что число и распредѣленіе комнатъ этого зданія, по плану, составленному полковникомъ Геннерихомъ, не вполнѣ соотвѣтствовало цѣли, предложилъ коменданту форта № 1 составить новый планъ и детальный чертежъ зданія на 25 киргизскихъ дѣтей, которыя имѣли бы при школѣ пріютъ на четыре года, и чтобы классная комната могла вмѣстить въ себѣ 50 учениковъ (25 киргизъ-пансіонеровъ и 25 русскихъ приходящихъ). Кромѣ того, въ зданіи должны были находиться помѣщеніе для одежды и для храненія продуктовъ для пансіонеровъ, квартира учителя въ 2 комнаты съ отдѣльной кухней и кухня для пансіонеровъ. Всѣ эти помѣщенія рекомендовалось сгруппировать вмѣстѣ, но такъ, чтобы одно другому не мѣшало, а квартиру учителя допускалось построить, въ случаѣ нужды, даже отдѣльно, но вблизи училищнаго зданія. При этомъ опять почему-то предложено было рѣшить вопросъ о томъ, какую одежду установить для киргизскихъ учениковъ, какою пищею и сколько разъ въ день кормить ихъ. Новымъ въ этомъ предложеніи былъ вопросъ о занятіяхъ и развлеченіяхъ пансіонеровъ въ свободное отъ учебныхъ занятій время; нужно было рѣшить, какія развлеченія болѣе соотвѣтствовали здоровью и успѣхамъ умственнаго и нравственнаго развитія учениковъ.

Вслѣдъ за этимъ распоряженіемъ командующаго линіей полковника Веревкина, было получено предписаніе корпуснаго командира немедленно открыть въ фортѣ № 1 училище, пока въ частной квартирѣ, пріискавъ учителя и набравъ учениковъ. Если

же этого сдѣлать было невозможно, то предписывалось немедленно и обстоятельно донести о препятствіяхъ, съ препровожденіемъ списка киргизъ, желающихъ помѣстить своихъ дѣтей въ училище, которыхъ оповѣстить о дѣйствительномъ днѣ открытія училища. Но желаніе корпуснаго командира не могло быть исполнено не только по отношенію къ форту № 1, гдѣ школьное зданіе только еще было начато постройкой, но и по отношенію къ форту Перовскому, гдѣ зданіе хотя и было отстроено, но было сыро. Частныхъ квартиръ для помѣщенія училищъ въ обоихъ фортахъ найти было невозможно, учителей также, а поручать школы переводчикамъ совершенно резонно было признано невозможнымъ уже потому, что они отвлекались бы отъ школы своими обязанностями по службѣ переводчиковъ. Полковникъ Веревкинъ распорядился поэтому, для выигрыша во времени, приготовить къ веснѣ слѣдующаго 1863 года все необходимое для училищъ, т. е. заготовить постельныя принадлежности, учебныя пособія и необходимую классную и кухонную мебель, а также законтрактовать поставщика на продовольствіе пансіонеровъ. Училище въ фортѣ № 1 должно было, съ открытіемъ весны 1863 года, спѣшно строиться, по новому плану, составленному по указаніямъ начальства и болѣе отвѣчающему цѣлямъ школы.

Наступила осень 1863 года. Зданіе для перовскаго училища просохло; необходимые для училища и пансіона предметы были заготовлены, хотя учебники не всѣ были выписаны; поставщикъ былъ законтрактованъ; учитель изъ Оренбурга былъ присланъ; дѣти киргизскія и русскія были набраны. Нужно было спѣшить открытіемъ училища и тѣмъ хоть сколько нибудь успокоить генералъ-адъютанта Безака, который, повидимому, не зналъ, что и придумать для ускоренія этого важнаго дѣла. Открытіе училища было дѣйствительно важное дѣло: по мысли правительства, это было лучшее средство къ сближенію киргизъ съ русскими и упроченію въ ихъ сознаніи преимуществъ русскаго управленія. Мѣстное начальство всячески старалось расположить къ открываемому училищу киргизъ; но при всѣхъ обѣщанныхъ удобствахъ, благихъ

желаніяхъ и цѣляхъ, высказываемыхъ по этому поводу мѣстною администраціей, отдавать въ училище своихъ дѣтей изъявили желаніе только 18 киргизъ, изъ которыхъ 10 были почетные киргизы, а 8 простые киргизы. Да и изъ этихъ 18-ти человѣкъ отдали въ училище своихъ сыновей только 16-ть, такъ что не всѣ училищныя вакансіи были заняты. Изъ русскихъ жителей первоначально изъявили желаніе отдать сыновей въ училище 27 родителей, а училище начали посѣщать только 13-ть мальчиковъ. Очевидно, что киргизы и русскіе къ новому училищу отнеслись недовѣрчиво, и полковникъ Веревкинъ, оставляя безъ всякаго вниманія русскихъ, обратился къ киргизамъ, въ день открытія училища (6 октября 1863 года) съ слѣдующею рѣчью:

„Біи, старшины и почетные киргизы!

„По волѣ правительства, я приступаю къ открытію здѣсь первой школы для вашихъ дѣтей. Считаю себя счастливымъ, что эта обязанность выпала на мою долю, такъ какъ я твердо убѣжденъ, что вновь учрежденная школа принесетъ пользу для дѣтей вашихъ. Къ сожалѣнію, настоящая мѣра правительства, кажется, не встрѣтила во многихъ изъ васъ того сочувствія, на какое имѣетъ право. Вмѣсто 25 дѣтей, могущихъ обучаться въ школѣ, въ нее поступило только 14-ть (16?).

„Я не обвиняю васъ за ваше недовѣріе. Я знаю, что многіе изъ васъ родились, или долго жили подъ властью Хивы или Коканда. Тамъ вы привыкли видѣть, что правительства этихъ странъ управляли вами только въ видахъ своей личной пользы и корысти, нисколько не заботясь о вашемъ благосостояніи. Взглядовъ на дѣло правительства, образовавшихся у васъ тамъ, не могли вы не принести и сюда.

„Но прошу васъ не забывать, что теперь вы имѣете счастіе быть подданными Россійскаго Императора, для котораго первая забота и первая радость есть счастіе и благоденствіе всѣхъ Его подданныхъ, безъ различія, будутъ ли они христіане или магометане, русскіе или киргизы. Поэтому и всѣ мы, слуги Всемилостивѣйшаго Монарха нашего, обязаны смотрѣть на упра-

вленіе вами, не какъ на средство извлечь выгоды для правительства, а какъ на возможность сдѣлать васъ лучше, счастливѣе, распространить между вами свѣдѣнія, нужныя и полезныя въ жизни и по мѣрѣ средствъ дѣлать все для увеличенія вашего благосостоянія.

„Съ такою цѣлью правительство наше признало нужнымъ учредить здѣсь школы для вашихъ дѣтей на свой собственный счетъ, не требуя отъ васъ никакой платы, никакихъ пожертвованій, а желая только встрѣтить въ васъ довѣріе и готовность къ принятію мѣры, нужной исключительно для вашей собственной пользы.

„Дѣти ваши, поступившія теперь въ школу, по окончаніи курса въ ней, спокойно и свободно возвратятся въ свои семейства. Это я вамъ объявляю положительно; и не вѣрьте тому, кто сталъ бы вамъ говорить что-нибудь другое. Въ школѣ они будутъ учиться только такимъ предметамъ, которые нужны и полезны для всякаго человѣка въ жизни, и потому, конечно, сдѣлаются умнѣе, лучше, а слѣдовательно способнѣе и для васъ, какъ родителей своихъ, составятъ истинное утѣшеніе и радость. Думаю я, что и самыя дѣти, окончившія здѣсь обученіе, всегда впослѣдствіи будутъ съ благодарностью и удовольствіемъ вспоминать время, проведенное ими въ школѣ. По крайней мѣрѣ, я и всѣ сотрудники мои, мы сдѣлаемъ все, чтобы это было такъ и не могло быть иначе.

„Прошу каждаго изъ васъ, кому угодно, во всякое время посѣщать школу; тамъ вы увидите, чему и какъ учатъ дѣтей вашихъ, какъ содержатъ ихъ и какъ обращаются съ ними; и тогда, вѣроятно, вы на самомъ дѣлѣ увѣритесь, что не выгоды и разсчеты правительства, а единственно горячія желанія добра вамъ побудили его къ учрежденію школы.

„Всякое замѣчаніе, всякую просьбу, всякое мнѣніе, какое кому бы то ни было изъ васъ захочется высказать мнѣ по поводу обученія въ школѣ или содержанія учениковъ, я приму съ удовольствіемъ. Двери мои открыты для каждаго, и каждаго я

приму прямо и съ полною откровенностью прошу говорить мнѣ все, что найдете чужнымъ.

„Въ заключеніе, благодарю тѣхъ, кто теперь же рѣшился довѣрить намъ дѣтей своихъ. Они не раскаются въ этой довѣренности".

Послѣ этой рѣчи киргизамъ, почетнымъ лицамъ, родителямъ и родственникамъ учениковъ училища изъ киргизъ предложено было угощеніе*), а затѣмъ устроены были скачки, борьба и другія употребительныя у киргизъ игры.

Такимъ образомъ, первое училище на Сыръ-дарьинской линіи для киргизъ было открыто торжественно. Очевидно, открытіемъ его спѣшили, потому что 11 октября того же года, значитъ, черезъ 5 дней послѣ открытія, надворный совѣтникъ Груздзь уже просилъ о ремортѣ зданія и объ окончаніи въ немъ недоконченнаго, о чемъ, конечно, генералъ-губернаторъ, проживавшій въ Оренбургѣ, не зналъ. Ему считали нужнымъ донести только о днѣ открытія училища, причемъ число принятыхъ учениковъ, показанное въ донесеніи, не отвѣчало спискамъ ихъ, приложеннымъ къ донесенію.

Казалинская школа для киргизъ имѣла менѣе благопріятную судьбу, чѣмъ перовская школа. Хотя зданіе для школы и было готово къ концу 1863 г. но школа не могла быть открыта не только тогда, но и долго послѣ. Въ февралѣ 1864 г. въ школѣ не было ничего необходимаго для содержанія воспитанниковъ, и никто не соглашался взять на себя продовольствіе воспитанниковъ. Желающихъ поступить въ школу было всего 10 мальчиковъ. Прибывшій изъ Оренбурга, по опредѣленію русскаго начальства, еще въ апрѣлѣ 1863 года, воспитанникъ оренбургской киргизской школы, Юлъ-Мухаммедъ Байджановъ, имѣвшій назначеніе быть учителемъ и смотрителемъ устроивавшейся школы,

*) Родители и родственники русскихъ дѣтей не были приглашены на это торжество.

оказался, по отзыву коменданта форта № 1, дурно говорящимъ по русски, такъ что ему было весьма трудно объяснять что-нибудь ученикамъ на этомъ языкѣ, а у него должны были учиться и русскіе мальчики. Читалъ по-русски онъ удовлетворительно, но не скоро понималъ прочитанное, а писалъ по-русски порядочно. Изъ ариѳметики онъ зналъ, какъ самъ сознавался, только сложеніе, вычитаніе и умноженіе; но и этого небольшаго знанія онъ не былъ въ состояніи передать своимъ ученикамъ. Надворный совѣтникъ Груздзь писалъ въ августѣ 1863 года командующему Сыръдарьинской линіей, что Байджановъ—страшный фанатикъ, весьма дурно говоритъ по-русски и *будетъ стараться не объ искорененіи фанатизма между киргизами, а о поддержаніи онаго, чтобы такимъ образомъ войти въ расположеніе киргизъ въ надеждѣ матеріальныхъ выгодъ, къ которымъ онъ имѣлъ скорое поползновеніе.* Г. Груздзь замѣтилъ также, что почеркъ у Байджанова прескверный и на русскомъ языкѣ объясняется онъ очень плохо, а между тѣмъ русскій языкъ долженъ былъ, какъ совершенно справедливо замѣтилъ г. Груздзь, занимать первое мѣсто въ киргизской школѣ. Кромѣ того, учитель Байджановъ, ничего не дѣлая для школы почти цѣлый годъ (съ мая 1863 года по апрѣль 1864 года), только и зналъ, что хлопоталъ о прибавкѣ ему содержанія, объ отведеніи ему казенной квартиры, объ отпускѣ для квартиры отопленія, освѣщенія, и успѣлъ такъ надоѣсть мѣстному начальству, что у него вышла даже ссора съ помощникомъ завѣдующаго киргизами, послѣ чего онъ долженъ былъ подать прошеніе объ увольненіи. Пребываніе Байджанова въ Казалинскѣ, въ званіи учителя, доставило казнѣ расхода на худой конецъ до 500 руб., а дѣло народнаго образованія отъ этого не только ничего не пріобрѣло, а скорѣе потеряло: въ годъ ничего недѣланія Байджановъ не подготовилъ школу къ открытію и киргизъ не расположилъ къ школѣ.

На мѣсто Байджанова присланъ былъ изъ Оренбурга воспитанникъ той же оренбургской киргизской школы, Муминъ Байдусовъ, который и прибылъ въ Казалинскъ 2-го ноября 1864 г.

По этому случаю надворный совѣтникъ Груздзь, 12-го ноября того же года, сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ открытіи школы въ фортѣ № 1; но школа не была открыта и въ октябрѣ 1865 года. Что препятствовало открытію школы,—изъ дѣлъ не видно, какъ не видно и того, когда именно она была открыта. Можно однако же предположить, что казалинская школа была открыта въ промежутокъ времени отъ ноября 1865 г. до февраля 1866 г., потому что въ февралѣ 1866 года школу эту уже ревизовалъ надворный совѣтникъ Груздзь, который нашелъ, что она существуетъ почти номинально, а потому считалъ благоразумнѣйшимъ закрыть ее съ тѣмъ, чтобы шестерыхъ учениковъ ея перевести въ перовскую школу, а зданіе передать подъ помѣщеніе русской школы, въ которой чувствовалась настоятельная нужда. На этомъ основаніи можно заключить, что школы для киргизскихъ дѣтей въ Перовскѣ и Казалинскѣ были открыты русской администраціей не потому, что бы дѣйствительно въ нихъ нуждались киргизы, а потому, что русское начальство находило ихъ полезными для киргизъ. Киргизы, какъ это видно изъ числа учениковъ, поступившихъ въ школы (въ Перовскѣ 16, а въ Казалинскѣ 6) и изъ рѣчи полковника Веревкина, сказанной при открытіи перовской школы, не только не стремились въ открываемыя русскимъ правительствомъ школы, но еще имѣли противъ нихъ очевидное предубѣжденіе: въ казалинскую школу, открытую спустя два слишкомъ года послѣ перовской, поступило учениковъ почти въ три раза менѣе (16—6). Чѣмъ объяснить это? Вѣдь, можно было бы ожидать, что въ 1865—1866 годахъ киргизы охотнѣе станутъ отдавать своихъ дѣтей въ русскую школу, а вышло наоборотъ: казалинскіе киргизы оказались болѣе перовскихъ подозрительными въ отношеніи распоряженій русской администраціи. Постоянное жительство надворнаго совѣтника Груздзя въ Перовскѣ имѣло, безъ сомнѣнія, хорошее вліяніе на отношенія перовскихъ киргизъ къ русской школѣ, а большая близость казалинскихъ киргизъ къ Оренбургу и особенно къ Хивѣ, какъ

ближайшимъ центрамъ татарско-мусульманскаго вліянія, обусловливали подозрительность этихъ киргизъ къ русской школѣ.

Учебно-воспитательный строй первыхъ киргизскихъ школъ въ Казалинскѣ и Перовскѣ.

Учебно-воспитательный строй школы составляетъ существенную сторону школьнаго дѣла, и мы разсмотримъ *„правила о школахъ, учрежденныхъ въ Оренбургскомъ и Уральскомъ укрѣпленіяхъ и при фортахъ № 1-го и Перовскомъ, для обученія грамотѣ дѣтей киргизъ и русскихъ поселенцевъ“*, утвержденныя въ октябрѣ 1862 года Оренбургскимъ и Самарскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ Безакомъ. Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ мы должны отнестись къ этимъ „Правиламъ“, что они представляютъ собою единственный оффиціальный документъ, на основаніи котораго можно судить объ учебно-воспитательномъ планѣ казалинской и перовской школъ для дѣтей киргизъ.

Вотъ общія положенія помянутыхъ правилъ:

§ 1) Штатъ каждой изъ школъ ограничивается 25-ю воспитанниками изъ киргизъ съ однимъ для нихъ учителемъ, который есть вмѣстѣ и смотритель школы.

§ 2) Право помѣщенія дѣтей въ школы предоставляется преимущественно ордынцамъ, состоящимъ на службѣ по Степному управленію. Пока же школы не наполнятся дѣтьми таковыхъ, принимаются въ оныя всѣ желающіе изъ киргизовъ, безъ различія происхожденія и состоянія, а на первое время даже и взрослые.

§ 3) Пріемъ воспитанниковъ на вакансіи производится въ теченіе цѣлаго года, за исключеніемъ ваканціоннаго времени.

§ 4) Для поступленія въ школу не требуется отъ самого желающаго или родителей его и родственниковъ никакой другой формальности, кромѣ явки къ смотрителю, который докладываетъ объ этомъ словесно начальнику управленія или форта. По полученіи отъ сего послѣдняго письменнаго предписанія, онъ заноситъ явившагося въ списокъ воспитанниковъ по особой формѣ, у сего

прилагаемой, съ обозначеніемъ имени, отчества и возраста, рода, отдѣленія, званія родителей и времени поступленія. Самыя же предписанія присоединяются къ документамъ о расходѣ денегъ.

§ 5) При полномъ комплектѣ воспитанниковъ, желающіе поступить въ школу вносятся въ тотъ же списокъ, въ качествѣ кандидатовъ и принимаются на открывающіяся вакансіи, по старшинству заявленнаго въ предъидущемъ § порядка. При этомъ представляется преимущество для поступленія въ школы дѣтямъ должностныхъ ордынцевъ (ср. § 2).

§ 6) Для оставленія школы не требуется, какъ со стороны поступившаго по собственному желанію, такъ и со стороны родителей или родственниковъ отданнаго ими воспитанника, ничего инаго, кромѣ словеснаго о томъ заявленія смотрителю, который докладываетъ о семъ начальнику укрѣпленія или форта, а сей послѣдній даетъ смотрителю предписаніе объ увольненіи. Смотритель, получивъ это предписаніе, отмѣчаетъ въ особой графѣ списка, что такой-то воспитанникъ выбылъ тогда-то, по такой-то причинѣ, а предписаніе присоединяетъ къ документамъ о расходѣ денегъ.

§ 7) Выбывшіе изъ степныхъ школъ по болѣзни или другимъ причинамъ, кромѣ объясненныхъ ниже, воспитанники принимаются вновь въ школу, но не иначе, какъ съ соблюденіемъ правилъ, объясненныхъ въ §§ 4 и 5. Воспитанники же, исключенные за лѣность или дурное поведеніе, вновь въ школы не принимаются.

§ 8) Кромѣ воспитанниковъ изъ киргизовъ, дозволяется допускать къ обученію въ степныхъ школахъ и дѣтей русскихъ поселенцевъ при укрѣпленіяхъ, но не иначе, какъ въ качествѣ приходящихъ. Обученіе киргизской грамотѣ для дѣтей этихъ не обязательно.

§ 9) Учителями въ степныя школы опредѣляются преимущественно молодые киргизы, окончившіе курсъ ученія въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, или въ школѣ для киргизскихъ дѣтей при Областномъ Правленіи, причемъ они должны хорошо знать разговорный русскій языкъ.

§ 10) Опредѣленіе и увольненіе школьныхъ учителей въ Оренбургское и Уральское укрѣпленія зависятъ отъ Областного Правленія, а въ форты № 1-й и Перовскій—отъ Командующаго Сыръ-дарьинской линіи; отъ нихъ же зависитъ и представленіе означенныхъ лицъ къ наградамъ, во время прохожденія службы въ учительскихъ должностяхъ.

Примѣчаніе. 1) Учитель школы можетъ исправлять, оставаясь при своей должности, и обязанности переводчика при начальникѣ укрѣпленія, съ полученіемъ жалованья, присвоеннаго этой послѣдней должности; но въ такомъ случаѣ начальникъ укрѣпленія не можетъ командировать его никуда въ окрестности, иначе какъ въ теченіе вакаціонныхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Примѣчаніе. 2) Въ случаѣ соединенія обязанности учителя школы съ обязанностями переводчика, жалованье по первой должности назначается въ размѣрѣ 200 руб., а остальные 100 руб. выдаются фортовому священнику за обученіе русскихъ мальчиковъ Закону Божію.

Приведенные §§ правилъ вызываютъ слѣдующія замѣчанія:

Соединеніе въ одномъ лицѣ обязанностей учителя и смотрителя школы представляетъ собою очень выгодное для учебно-воспитательнаго дѣла условіе; но на практикѣ оно можетъ сопровождаться успѣхомъ только тогда, когда личность учителя и воспитателя, при природныхъ добрыхъ задаткахъ, достаточно приготовлена къ такой серьезной, сложной и отвѣтственной дѣятельности, какою считается обученіе и воспитаніе дѣтей. И мы не думаемъ, чтобы высказанная нами сейчасъ мысль имѣлась въ виду при составленіи разбираемыхъ правилъ, потому что эта мысль въ нашемъ отечествѣ начала сознаваться позднѣе. Скорѣе нужно предположить, что соединеніе въ одномъ лицѣ обязанностей учителя и смотрителя первыхъ киргизскихъ школъ вызывалось соображеніями экономическими, а не педагогическими, въ чемъ между прочимъ мы убѣждаемся изъ примѣчаній 1 и 2 къ § 10 правилъ. Изъ этихъ примѣчаній видно, что учитель киргизской школы могъ, оставаясь учителемъ, исправлять въ тоже время обязан-

ности переводчика при начальникѣ укрѣпленія, съ полученіемъ за этотъ трудъ жалованья, присвоеннаго переводчикамъ и съ отдѣленіемъ отъ учительскаго жалованья 100 руб. фортовому священнику за обученіе русскихъ мальчиковъ Закону Божію. Но для школы такое соединеніе столь разнородныхъ обязанностей (учебно-воспитательной и переводческой) было, конечно, невыгодно: у каждаго учителя, добросовѣстно относящагося къ своимъ обязанностямъ, не можетъ быть свободнаго времени. Учительскій трудъ въ этомъ отношеніи есть трудъ самый тяжелый, ни съ какимъ другимъ трудомъ несравнимый, а тѣмъ болѣе въ школѣ для дѣтей киргизъ, живущихъ въ зданіи школы. Поэтому всякое отвлеченіе учителя отъ его прямыхъ обязанностей, несомнѣнно, вредило школьному дѣлу въ значительной степени. А такія отвлеченія бывали. Завѣдывающій сыръ-дарьинскими киргизами, надворный совѣтникъ Груздзь, въ предписаніи своемъ на имя смотрителя киргизской школы при фортѣ Перовскомъ, Кунанова, отъ 29 іюля 1863 г. за № 617, писалъ: „младшій мой помощникъ, сотникъ Кучуковъ отправляется на нѣкоторое время, по дѣламъ службы, въ степь; поэтому, впредь до возвращенія его оттуда, г. Командующему Сыръ-дарьинскою линіею, вслѣдствіе моего представленія, угодно было возложить на васъ исправленіе обязанности переводчика при моемъ управленіи. О чемъ увѣдомляя васъ, прошу съ полученія сего вступить въ исправленіе должности переводчика при моемъ управленіи“.

Такое предписаніе было совершенно законно, потому что вполнѣ отвѣчало примѣчанію 1 § 10 правилъ.—Сколь часты были откомандированія учителей названныхъ школъ къ исполненію обязанностей переводчиковъ, мы не знаемъ; равно не видимъ изъ дѣлъ и того, какое положеніе переживали школы въ отсутствіе ихъ учителей. Но во всякомъ случаѣ выгоды для школъ отъ такой постановки дѣла быть не могло.

§ 9 правилъ требовалъ отъ учителя киргизскихъ школъ только хорошаго знанія разговорнаго русскаго языка, что конечно необходимо было требовать отъ учителя русской правительствен-

ной школы для дѣтей инородцевъ, но далеко не характеризуетъ еще „молодаго киргиза, окончившаго курсъ ученія въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, или въ школѣ для киргизскихъ дѣтей при Областномъ Правленіи оренбургскими киргизами“ какъ хорошаго учителя—воспитателя. Не нужно при этомъ забывать, что оба названныя учрежденія и не имѣли своею цѣлію приготовлять *учителей* для киргизскихъ школъ. На учительство въ данномъ случаѣ „правила“ смотрятъ не очень высоко, допуская мысль, что всякій можетъ обучать грамотѣ, кто самъ грамотѣ умѣетъ. Тѣмъ болѣе такой взглядъ „правилъ“ не можетъ быть оправданъ, что въ киргизскихъ школахъ предполагалось обучать киргизъ, русскихъ подданныхъ, въ цѣляхъ, несомнѣнно, русско-правительственныхъ, а для выполненія такихъ серьезныхъ цѣлей, учителю, думаемъ, была необходима и серьезная спеціальная подготовка, какой первые учители перовской и особенно казалинской школы не имѣли.

§ 2 обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что предоставляетъ преимущественное право на школу дѣтямъ ордынцевъ, состоящихъ на службѣ по степному управленію. Какими соображеніями вызывалось такое правило, мы не знаемъ; но въ разсматриваемое время оно могло имѣть значеніе для русскаго правительства: состоящіе на службѣ киргизы должны были относиться къ русской школѣ менѣе подозрительно, чѣмъ киргизы неслужащіе, и охотнѣе послѣднихъ могли отдавать въ эту школу своихъ дѣтей уже и потому, что имѣли возможность понимать практическую пользу обученія своихъ дѣтей въ русской школѣ. Что же касается пріема въ школу на первыхъ порахъ и взрослыхъ киргизъ, то это можно оправдать только желаніемъ мѣстной администраціи набрать во что бы то ни стало учениковъ для школы; маловозрастные киргизы, конечно, могли страшиться русской школы и разлуки съ родителями.

Точно также только необходимостію можетъ быть оправдано и правило § 3, допускающее пріемъ воспитанниковъ въ школы въ теченіе цѣлаго года, за исключеніемъ вакаціоннаго времени,

потому что такой порядокъ пріема противорѣчитъ условіямъ правильнаго веденія школьнаго дѣла.

Условія пріема въ школы (§§ 4, 5, 6, 7) отличаются отсутствіемъ формальности, что въ данномъ случаѣ было особенно важно, потому что всякія излишнія формальности затрудняли бы поступленіе въ школу дѣтей киргизъ, а никакихъ особенно важныхъ данныхъ школѣ не давало бы.

§ 8 допускаетъ обученіе въ киргизскихъ школахъ и дѣтей русскихъ поселенцевъ, но не иначе, какъ приходящими, причемъ для нихъ изученіе киргизской грамоты не было обязательно. Нужно замѣтить, что̀ допущеніе русскихъ воспитанниковъ къ совмѣстному обученію съ киргизскими дѣтьми не придавало особеннаго характера школѣ, такъ какъ было вызвано необходимостію дать русскимъ дѣтямъ возможность обучаться русской грамотѣ— и только. Школа собственно отъ этого нисколько не измѣнялась во внутреннемъ своемъ строѣ, продолжая оставаться *киргизскою,* а русскіе ученики ея, конечно, много теряли отъ этого. Они считались въ школѣ чужими и школу считали чуждою для себя, потому что и родному языку въ этой школѣ они должны были учиться у киргиза, не всегда притомъ хорошо владѣвшаго русскимъ языкомъ. Тѣмъ болѣе русскія дѣти должны были терять въ такой школѣ въ отношеніи воспитательномъ, что будетъ болѣе понятно изъ нижеслѣдующаго разбора учебно-воспитательныхъ правилъ киргизскихъ школъ.

Учебно-воспитательная сторона киргизскихъ школъ въ Перовскѣ и Казалинскѣ опредѣлялась слѣдующими §§ правилъ:

§ 11) Курсъ ученія въ степныхъ школахъ полагается слѣдующій: а) чтеніе и письмо на киргизскомъ и русскомъ языкахъ; б) первыя четыре правила ариѳметики; в) переводы съ киргизскаго на русскій и обратно, съ объясненіемъ при этомъ грамматическихъ формъ обоихъ языковъ.

§ 12) Главное вниманіе должно быть обращено на обученіе воспитанниковъ русскому языку; по русской грамматикѣ слѣдуетъ учить только мальчиковъ, умѣющихъ уже читать по-киргизски.

Обученіе ариѳметикѣ должно начинаться, когда воспитанникъ выучился читать по-русски и по-киргизски.

§ 13) Во избѣжаніе необходимости дѣлить воспитанниковъ по успѣхамъ на классы, что при одномъ учителѣ невозможно, способъ ученія въ степныхъ школахъ полагается примѣнительный къ Ланкастерскому, т. е. обучаетъ (?) только способнѣйшихъ и прилежнѣйшихъ изъ воспитанниковъ, а эти пріобрѣтенное отъ учителя знаніе передаютъ прочимъ.

§ 14) Учебное время раздѣляется на утреннее и послѣобѣденное, каждое по три часа въ сутки. Утреннее въ теченіе сентября, октября, марта, апрѣля и мая начинается въ 8 час. по полуночи и продолжается до 11-ти, въ зимніе же мѣсяцы: ноябрь, декабрь, январь и февраль начинается въ 9 и продолжается до 12 часовъ по полуночи. Послѣобѣденное время во всѣ мѣсяцы года, когда производится ученіе, начинается въ 2 и оканчивается въ 5 часовъ по полудни.

§ 15) Лѣтнія вакаціи полагаются съ 1-го іюня по 1-е сентября. На это время воспитанники, имѣющіе родителей или родственниковъ, распускаются по кочевьямъ.

§ 16) Праздничные дни для киргизскихъ мальчиковъ должны быть опредѣлены по указанію опыта, примѣняясь къ ихъ обычаямъ.

§ 17) Срокъ преподаванія въ школахъ не опредѣляется. Когда кто изъ воспитанниковъ выучится всему, преподаваемому въ школѣ, тогда и выпускается изъ оной, съ свидѣтельствомъ отъ учителя объ окончаніи курса.

§ 18) Чтобы степныя школы не могли обратиться изъ орудія къ образованію въ пріютъ лѣни и бездарности, долѣе четырехъ лѣтъ пребываніе въ нихъ воспрещается. Воспитанникъ, въ теченіе этого срока не успѣвшій усвоить себѣ предметовъ преподаванія въ школѣ, исключается изъ оной, какъ безнадежный, съ соблюденіемъ однако правилъ, изложенныхъ въ § 6.

§ 19) Исключеніе изъ школы допускается также и за дурное поведеніе, но также не иначе, какъ съ соблюденіемъ порядка, означеннаго въ томъ же § 6.

§ 20) Отлучаясь изъ школы, учитель обязанъ передать надзоръ за воспитанниками отличнѣйшему изъ нихъ по поведенію и способностямъ.

Обращаясь къ приведеннымъ §§, мы невольно останавливаемся прежде всего на учебномъ курсѣ школъ, въ составъ котораго входили только: чтеніе и письмо на киргизскомъ и русскомъ языкѣ, первыя четыре правила ариѳметики и переводы съ киргизскаго языка на русскій и обратно, съ объясненіемъ грамматическихъ формъ обоихъ языковъ. Такой школьный курсъ никакъ нельзя признать удовлетворительнымъ, потому что въ немъ не достаетъ самыхъ главныхъ образовательныхъ элементовъ: религіознаго обученія*) и обученія исторіи и географіи, безъ которыхъ немыслимо понятіе объ образованіи и тѣмъ болѣе о воспитаніи, не говоря уже о другихъ второстепенныхъ учебныхъ предметахъ начальной школы, каковы: элементарное знакомство съ естественной исторіей и съ главными физическими явленіями природы, упражненіе въ пѣніи, гимнастикѣ и проч. Къ этому нужно прибавить, что учебныя руководства, употреблявшіяся въ школахъ, не отличались ни многочисленностію, ни достоинствомъ. Это были: русская азбука, татарская азбука Бекчурина, русская грамматика, ариѳметика, русская хрестоматія и татарская книга для чтенія — Абульгази. Вотъ и все богатство школьной библіотеки!

Имѣя въ виду такой учебный курсъ школы, трудно рѣшить, какую цѣль преслѣдовали первыя киргизскія школы нашего края и трудно тѣмъ болѣе, что въ правилахъ этотъ вопросъ обойденъ молчаніемъ. Выходя изъ того соображенія, что школы эти учреждены были русскою правительственною властію, естественно допустить, что онѣ имѣли въ виду сближеніе киргизъ *путемъ образованія* съ русскими, или говоря иначе — *обрусѣніе* киргизъ.

---

*) Въ октябрѣ 1863 г. г. Груздзь чувствовалъ недостатокъ въ школьномъ курсѣ религіознаго обученія и просилъ выслать для перовской школы 20 татарскихъ букварей съ молитвами (Иманъ-шартъ) и 10 экземпляровъ Афтіака (избранныя мѣста изъ корана). Не нужно при этомъ забывать, что мусульманскія молитвы и Афтіакъ издаются на арабскомъ языкѣ, совершенно чуждомъ киргизамъ.

Такъ, по всей вѣроятности, и было на самомъ дѣлѣ. Но нужно откровенно признаться, что такая серьозная цѣль не могла быть достигнута такимъ жалкимъ курсомъ. Особенно нельзя этого допустить при представленіи того, что учителями въ этихъ школахъ были инородцы, мало проникнутые сами идеей обрусѣнія, едва ли понимавшіе желаніе русскаго начальства и, конечно, не способные, при такихъ жалкихъ образовательныхъ средствахъ, осуществить столь широкую и важную русско-государственную задачу. Что мы не преувеличиваемъ въ данномъ случаѣ дѣла, видно изъ того, что изъ этихъ школъ не вышло ни одного ни обрусѣлаго, ни образованнаго вообще киргиза.

Другого результата и быть не могло, какъ согласится всякій понимающій школьное дѣло и знакомый съ исторіей народнаго образованія. Тѣмъ болѣе это должно быть ясно каждому, потому что такой жалкій учебный курсъ и постановку имѣлъ жалкую.

При обученіи учениковъ киргизскихъ школъ, главное вниманіе обращалось на русскій языкъ, но какъ происходило обученіе дѣтей киргизъ русскому языку, неизвѣстно, и едва ли это трудное дѣло шло сколько-нибудь правильно: изъ переписки видно только, что русской грамматикѣ обучались умѣющіе читать по киргизски мальчики, а обученіе ариѳметикѣ начиналось съ того времени, когда воспитанники выучивались читать по-русски и по-киргизски. Невозможно не удивляться такой странной методикѣ обученія. Школа должна была научить киргизскаго мальчика русскому языку, и это понятно; но совершенно непонятно, почему обученіе грамматикѣ отдѣлялось отъ обученія языку вообще и почему изученія грамматики удостоивались только умѣющіе читать по-киргизски. Если даже предположить, что составители „правилъ“ вѣрили, что *„русская грамматика учитъ правильно говорить и писать по русски“*, то мы все же недоумѣваемъ, почему именно только умѣющіе читать по-киргизски должны были обучаться русской грамматикѣ. Странность взгляда на обученіе ариѳметикѣ такъ очевидна, что не требуетъ и объясненій. Къ этому нужно прибавить и то, что срокъ пребыва-

нія въ школахъ не былъ опредѣленъ. Воспитанники оставляли школу тогда, когда выучивались *всему* преподаваемому въ школѣ (§ 17), но во всякомъ случаѣ въ школѣ нельзя было оставаться болѣе 4-хъ лѣтъ, и не успѣвшій въ этотъ срокъ выучиться *всему,* преподаваемому въ школѣ, исключался изъ школы (§ 18). Естественно здѣсь является вопросъ: что же нужно разумѣть подъ *всѣмъ,* преподаваемымъ въ школѣ? На вопросъ этотъ трудно отвѣчать.

Можно сказать по этому поводу одно, что составители „правилъ“ разумѣли подъ обученіемъ грамматикѣ и ариѳметикѣ заучиваніе текста учебниковъ по названнымъ предметамъ отъ первой страницы до послѣдней, послѣ чего курсъ школы считался оконченнымъ. Объ образовательномъ значеніи этихъ предметовъ въ правилахъ не сказано ни слова; очевидно, эта сторона обученія воспитанниковъ степныхъ школъ въ расчетъ составителей правилъ не входила и была имъ недоступна.

Въ особенности мы удивляемся, читая § 13 правилъ, въ которомъ говорится, что „во избѣжаніе необходимости дѣлить воспитанниковъ по успѣхамъ на классы, что при одномъ учителѣ невозможно“ (странная мысль, опровергаемая не только современною школьною практикою, но и практикой старыхъ русскихъ мастеровъ-начетчиковъ, которые умѣли въ одной избѣ учить многочисленныхъ своихъ учениковъ разнымъ предметамъ), способъ ученія въ степныхъ школахъ полагался примѣнительный къ Ланкастерскому, т. е. обучаетъ (кто? способъ?) только способнѣйшихъ и прилежнѣйшихъ изъ воспитанниковъ, а эти пріобрѣтенное отъ учителя знаніе передаютъ прочимъ!! Этотъ § заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Ланкастерскій способъ обученія, введенный въ киргизскихъ школахъ, названъ такъ по имени Іосифа Ланкастера (1778—1838) распространившаго въ Сѣверной Америкѣ способъ *взаимнаго обученія* одновременно съ Андре Беллемъ (1752—1832), трудившимся надъ обработкою этого способа въ Англіи, почему способъ взаимнаго обученія часто называется *Белле-Ланкастерскимъ.*

Ученики, при такой системѣ обученія, обыкновенно раздѣлялись на нѣсколько группъ, находившихся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ болѣе успѣвающихъ учениковъ, которые учили слабѣйшихъ своихъ товарищей читать, писать, считать и проч., какъ сами они учились у своего учителя. Эти ученики, помощники учителя, назывались *мониторами*. У каждаго изъ нихъ было 12 учениковъ, которые сидѣли на одной скамьѣ или, какъ у Белля, полукругомъ располагались около своего старшаго. Кромѣ мониторовъ, въ такихъ школахъ были и другія должностныя лица изъ учениковъ школы: одинъ обязанъ былъ наблюдать за классными помощниками и ихъ отдѣленіями, другой велъ классный журналъ, отмѣчалъ не бывшихъ въ классѣ, выставлялъ хорошія и дурныя отмѣтки, третій линовалъ тетради, раздавалъ доски, модели и пр. Въ обширной комнатѣ, хорошо приспособленной къ школьнымъ занятіямъ, помощники учителя вели школьныя занятія въ порядкѣ и безъ особеннаго шума, будучи руководимы *опытнымъ* учителемъ. Строгая система наказаній и наградъ сдерживала дѣтей отъ шалостей и поддерживала классную дисциплину. Учитель наблюдалъ за дѣятельностію своихъ помощниковъ, но самъ принималъ участіе въ ихъ дѣятельности только въ затруднительныхъ случаяхъ. Самъ онъ давалъ уроки только своимъ помощникамъ (мониторамъ) и вообще желающимъ посвятить себя обученію дѣтей.

Устроенная на такихъ началахъ и управляемая *опытнымъ* учителемъ, школа представляла оригинальное зрѣлище, хотя и не могла быть оправдана съ чисто педагогической точки зрѣнія въ основномъ своемъ принципѣ. Ученикамъ, нуждающимся въ помощи учителя, нельзя довѣрять обученіе и развитіе другихъ учениковъ. Только нужда можетъ заставить прибѣгнуть къ такой системѣ обученія, т. е. многолюдство учащихся, чего въ первыхъ киргизскихъ школахъ не было. Можно вообразить, какое зрѣлище представляли собою первыя киргизскія школы подъ руководствомъ лицъ, никогда не видѣвшихъ настоящаго примѣненія Белле-Ланкастерскаго способа обученія, незнакомыхъ вообще съ преподавательскими пріемами и особенно, когда учителя изъ киргизъ оста-

вляли, по требованію уѣздной администраціи, свой учительскій постъ и превращались въ переродчиковъ при уѣздномъ правленіи.

Мы склонны думать, что Белле-Ланкастерскій способъ обученія и не примѣнялся въ этихъ школахъ, потому что трудно предположить, чтобы учитель-киргизъ, незнакомый самъ съ такимъ способомъ, могъ руководствоваться имъ въ своей школьной практикѣ. Вѣроятнѣе всего, что онъ училъ въ русской-правительственной школѣ дѣтей такъ, какъ самого его, въ прежнее время, учили въ школѣ мусульманской и русской. Самымъ лучшимъ рѣшеніемъ этого вопроса были бы конечно живыя воспоминанія учениковъ этихъ школъ, но мы не слышали добрыхъ воспоминаній о нихъ и не знаемъ живыхъ примѣровъ, которые доказывали бы ихъ состоятельность. Если же судить о дѣятельности этихъ школъ по отзывамъ учениковъ 70-хъ годовъ, то приговоръ для нихъ будетъ далеко не лестный... Вотъ что писалъ намъ одинъ бывшій ученикъ Перовской школы:

„Въ 1870 году, когда мнѣ было 7 лѣтъ, родители отдали меня въ училище. Въ это время учителемъ былъ отставной кандидатъ М. Н. Ор. Я у него проучился одинъ годъ, сталъ разбирать напечатанное въ книгѣ, по складамъ, а когда я поступалъ въ училище, то не зналъ еще азбуки. Въ этотъ годъ, я помню, время занятій въ школѣ не было опредѣлено: учитель придетъ въ классъ въ 9 или 10 часовъ утра и спроситъ урокъ, который задавалъ... Кто отвѣтилъ хорошо, того онъ пускалъ домой сейчасъ же, а кто отвѣчалъ нетвердо, того онъ оставлялъ въ школѣ и задавалъ еще вновь, т. е. заставлялъ прочитать или выучить полстранички или страничку. По ариѳметикѣ онъ задавалъ не задачи, а просто два или три числа, которыя нужно было сложить или умножить, вычесть или раздѣлить. По Закону Божію заучивались молитвы, причемъ вмѣсто священника иногда приходилъ псаломщикъ. Ученикамъ, умѣвшимъ читать, преподавалась исторія и географія. Кромѣ того, насъ учили переводу съ киргизскаго языка на русскій, но начинали учить съ арабскаго алфавита: писали азбуку киргизскаго языка и учили читать... Въ пере-

водѣ упражняли насъ киргизскіе ученики, которыхъ учитель назначалъ по очереди. Я сознаюсь, что въ первый годъ ходилъ неохотно въ училище, потому что я боялся учителя.

„Пансіонъ при училищѣ состоялъ тогда изъ однихъ киргизскихъ учениковъ. Какова была въ пансіонѣ пища, я вѣрно не могу сказать, потому что никогда мнѣ самому не доводилось тамъ обѣдать, но я видѣлъ иногда, что пансіонеры ѣли лапшу съ мясомъ, иногда супъ съ мясомъ; чаемъ поили пансіонеровъ изъ деревянныхъ чашекъ и вмѣсто сахара давали кишмишъ (см. ниже). Въ 1871 г., мои родители уѣхали въ Россію, и я пересталъ учиться. Въ Россіи мы прожили два года, но я и тамъ не учился. Пробывши два года въ Россіи, родители мои пріѣхали снова въ Перовскъ. Это было уже въ 1873 г., и съ 1-го сентября этого года отецъ отдалъ меня опять въ Перовское училище. Тамъ занятія продолжались такъ же, какъ было раньше. Проучившись этотъ годъ, я сталъ читать уже безъ складовъ, но писалъ только прописныя и простыя буквы. Въ 1874 году весной нашего учителя смѣнили, и вмѣсто него поступилъ пріѣхавшій изъ Россіи юнкеръ, родомъ изъ мусульманъ. При этомъ учителѣ я нисколько не подвинулся, а остался съ тѣми же знаніями, что получилъ отъ перваго учителя. Въ то самое время, когда учителемъ былъ юнкеръ-мусульманинъ, киргизскіе ученики были полными хозяевами въ школѣ и командовали надъ русскими учениками, а учитель на это не обращалъ вниманія. Этотъ же учитель назначилъ дежурство изъ русскихъ учениковъ, которые ежедневно по очереди оставались послѣ занятій, чтобы мести полъ въ классной комнатѣ. Въ каждую очередь онъ назначалъ двухъ учениковъ. Въ 1875 г. юнкера смѣнилъ офицеръ В. Ѳ. Астафьевъ. Онъ преподавалъ дроби изъ ариѳметики и геометрію, по Закону Божію священную исторію, по русскому языку чтеніе и чистописаніе. Геометрію и дроби я училъ цѣлый годъ, но ничего не удержалъ въ головѣ, потому что я ничего тогда не понималъ. Этотъ учитель не заставлялъ насъ мести полы и отмѣнилъ дежурство. При офицерѣ Астафьевѣ, юнкеръ Эрт. былъ учителемъ мѣстнаго языка въ школѣ.

Въ первыхъ числахъ ноября 1876 г. Астафьевъ умеръ, а вмѣсто него поступилъ Сахаровъ. При учителѣ Сахаровѣ всѣ занятія состояли изъ чтенія и письма. При этомъ учителѣ я учился немного, потому что меня одинъ киргизскій ученикъ ударилъ объ стѣнку головой. Не досадно было бы мнѣ, если бы ударилъ меня ровный мнѣ по годамъ, а то ему было лѣтъ двадцать. Учителя не было тогда въ школѣ; я ушелъ домой и сказалъ отцу, и отецъ не пускалъ меня больше въ школу. Такъ я провелъ безъ ученія 7 мѣсяцевъ, т. е. съ февраля до сентября.

„Съ 1-го сентября я снова началъ учиться, потому что во время каникулъ въ Перовскъ пріѣхалъ новый учитель М. С. Киселевъ. При немъ занятія у насъ пошли лучше, чѣмъ при прежнихъ учителяхъ. Онъ раздѣлилъ учениковъ на два отдѣленія: одни составляли первое отдѣленіе, другіе второе отдѣленіе. Вотъ съ этого-то только времени я сталъ понимать понемногу все, что преподавалось. При немъ мы обучались русскому языку, ариѳметикѣ и Закону Божію. Наше ученіе пошло было хорошо, но къ несчастію нашему его перевели въ Ташкентъ, а къ намъ въ училище поступилъ опять Сахаровъ. При Сахаровѣ, нѣкоторые изъ насъ не захотѣли учиться. Въ числѣ такихъ учениковъ былъ и я. Это было великимъ постомъ. Я не учился цѣлый годъ. Въ 1877 году Сахарова смѣнилъ кандидатъ Андреевъ*). При этомъ учителѣ я не знаю, что происходило въ училищѣ, потому что я ни разу не былъ въ школѣ. Въ 1878 году пріѣхалъ, на смѣну Андрееву, опять Киселевъ, а въ февралѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ Н. А. В—ій. Какъ будто бы я ждалъ новаго учителя. Какъ только онъ пріѣхалъ, я пожелалъ учиться и не смотря на то, что осталось только три мѣсяца до каникулъ, я послалъ отца къ учителю попросить, чтобы онъ принялъ меня въ училище, но учитель не принялъ меня тогда, велѣлъ подождать до сентября мѣсяца. Я долженъ былъ дождаться сентября мѣсяца и, наконецъ, желаніе мое исполнилось: дождавшись сентября мѣсяца, я посту-

*) Я видѣлъ его самъ въ августѣ 1877 г., когда ѣхалъ въ Ташкентъ изъ Казани. Видѣлъ я тогда и училище, помѣщавшееся въ цейхаузѣ...

пилъ въ училище. При новомъ учителѣ наше перовское училище и ученики почти совсѣмъ перемѣнились: училище было исправлено, ученики киргизы были одѣты въ одинаковую съ нами форму*), а прежде они носили одежду, кто какую имѣлъ. 1 октября 1878 г. къ несчастію моему отецъ заболѣлъ. Прошло не болѣе недѣли, отцу моему стало очень трудно, и я принужденъ былъ просить увольненія на два дня. Прошло два дня, я началъ учиться и продолжалъ учиться до смерти отца. Но вотъ 23 октября отецъ мой умеръ, и я пересталъ учиться. Послѣ смерти отца у меня было желаніе учиться, но у моей матери не было средствъ, а надежда на братьевъ была плохая. Вскорѣ послѣ этого несчастія, Н. А. В. позвалъ меня къ себѣ и сказалъ: „если хочешь учиться, то переходи въ училище,—тебя принимаютъ на казенный счетъ". Я уже тутъ не посмотрѣлъ на братьевъ, поступилъ въ училище. Въ 1879 году Его Высокопревосходительство Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, во время проѣзда чрезъ Перовскъ, разрѣшилъ выслать нѣсколькихъ учениковъ изъ нашего училища въ Ташкентскую учительскую семинарію, и я въ числѣ другихъ поступилъ тогда въ семинарію"...

Въ заключеніе объ учебной сторонѣ первыхъ киргизскихъ школъ должно отмѣтить еще, что по § 14 правилъ учебное время раздѣлялось на дообѣденное и послѣобѣденное по 3 часа каждый разъ, а завѣдывающій при-сырдарьинскими киргизами находилъ достаточнымъ для учебныхъ занятій пансіонеровъ назначить всего *три* часа въ день (два часа до обѣда и одинъ часъ послѣ обѣда) и высказывалъ въ подтвержденіе своей мысли, что при такомъ распредѣленіи занятій не потребуется для освѣщенія классовъ сальныхъ свѣчъ (онъ смѣшивалъ, очевидно, интересы учебно-воспитательные съ экономическими). Чѣмъ занимались пансіонеры первыхъ киргизскихъ школъ вечеромъ, когда наступала темнота, и когда вставали пансіонеры—этого ни изъ правилъ, ни изъ училищной переписки не видно.

---

*) См. выше, стр. 49.

Классная мебель и ученическія принадлежности въ названныхъ школахъ были недостаточны и неудовлетворительно устроены. Въ перовской школѣ было всего четыре стола съ ящиками и скамейками. Каждый столъ былъ длиною восемь аршинъ, вышиною одинъ аршинъ два вершка. Скамейки имѣли одиннадцать вершковъ въ вышину. Въ казалинской школѣ было семь скамей по $4^1/_2$ аршина каждая. Скамейки и столы классные были устроены неподвижно, на кирпичныхъ столбахъ; доски покрывали эти столы и скамьи. Такое же устройство имѣлъ и шкафъ для храненія учебныхъ книгъ и письменныхъ принадлежностей: стѣнки его, вышиною въ 3 аршина, были сложены изъ кирпича, а полки и дверцы были деревянныя. Такое устройство классной мебели нельзя, конечно, назвать ни удобнымъ вообще, ни гигіеничнымъ, ни отвѣчающимъ высокому назначенію школы—воспитанію подростающаго поколѣнія. Столъ и стулъ для учителя были деревянные. Кромѣ того, въ перовской школѣ были двѣ классныя доски на станкѣ, окрашенныя черною краскою, а въ казалинской—одна такая доска. Изъ ученическихъ принадлежностей въ школѣ были двѣнадцать оловянныхъ чернильницъ и песочницъ, пятнадцать ножичковъ, пятнадцать линеекъ, двадцать пять аспидныхъ досокъ и карандаши. Никакихъ картинъ, картъ, гравюръ, даже портрета Государя Русскаго въ русской школѣ не видно!

Ученье въ названныхъ школахъ происходило съ 1 сентября по 1 іюля, а съ 1 іюля по 1 сентября были лѣтнія вакаціи, на время которыхъ воспитанники, имѣвшіе родителей и родственниковъ, оставляли школы и отправлялись въ свои родныя кочевья (§ 15). Праздничные дни для киргизскихъ мальчиковъ должны были опредѣляться по указаніямъ опыта, примѣнительно къ обычаямъ киргизъ (§ 16); но изъ училищной переписки не видно, къ какому результату въ этомъ отношеніи привелъ школьный опытъ описываемаго періода.

Воспитательный надзоръ за школами ограничивался наблюденіемъ начальниковъ фортовъ, въ которыхъ находились школы, за тѣмъ чтобы воспитанники въ школѣ и внѣ школы вели себя

прилично и добронравно. За дурное поведеніе воспитанникъ не могъ быть исключенъ изъ школы безъ согласія на то начальника укрѣпленія (§ 30, п. д.). Для соблюденія тишины, спокойствія и благочинія, какъ между пансіонерами въ комнатахъ, такъ и самой прислугой, а самое главное—для надзора за пансіонерами, чтобы между ними не было непристойныхъ шалостей, небрежности въ обращеніи съ постельнымъ бѣльемъ, самовольныхъ отлучекъ изъ заведенія въ аулы, а также для наблюденія за ихъ нравственными наклонностями, надворный совѣтникъ Груздзь находилъ (8 февраля 1863 г. № 131) необходимымъ опредѣлить къ пансіону унтеръ-офицера или урядника, въ видѣ помощника надзирателю за школой, непремѣнно знающаго киргизскій языкъ. Для выполненія такой обязанности, по его мнѣнію, требовался человѣкъ добросовѣстный, честный, съ кроткимъ характеромъ, однимъ словомъ—такой, который могъ бы внушить дѣтямъ полезное и, вникая въ ихъ положеніе, могъ бы ознакомиться хотя нѣсколько съ ихъ характерами. По мѣрѣ своего ознакомленія съ учениками, онъ могъ передавать о томъ надзирателю школы, такъ какъ послѣдній не былъ близокъ къ нимъ (почему?) и не могъ коротко знать ихъ внѣшнее отъ класса поведеніе, которое на столько же необходимо знать, какъ и самыя способности учащихся. Назначеніе такого помощника надзирателю, по словамъ г. Груздзя, особенно было необходимо при новомъ устройствѣ такого благодѣтельнаго въ отношеніи къ образованію дикарей предпріятія и во всякомъ случаѣ потому, что болѣе отличный порядокъ школы ордынцамъ долженъ былъ казаться вполнѣ согласнымъ съ цѣлію правительства, а въ противномъ случаѣ, чрезъ воцарившуюся неурядицу въ школѣ, послѣдняя не представляла бы особеннаго значенія для киргизъ, и на такое учрежденіе, стремящееся къ благу ихъ, они стали бы смотрѣть хладнокровно.

Была ли приведена въ исполненіе эта воспитательная мѣра—неизвѣстно; но наше вниманіе невольно останавливается на высказанномъ въ приведенномъ заявленіи г. Груздзя предположеніи, что надзиратель (онъ же по § 1 прав. и учитель этой школы) былъ

не столь близокъ къ воспитанникамъ, какъ проектированный имъ помощникъ. Такое предположеніе могло имѣть въ киргизскихъ школахъ мѣсто только потому, что первые учителя этихъ школъ были отвлекаемы отъ прямыхъ своихъ обязанностей и не могли быть въ надлежащихъ отношеніяхъ къ своимъ ученикамъ, а это во всякомъ случаѣ было не раціонально и не могло сопровождаться выгодами для школьнаго дѣла. Кромѣ того, по § 20 правилъ, учитель школы, на время своихъ отлучекъ, долженъ былъ передавать надзоръ за воспитанниками отличнѣйшему изъ нихъ по поведенію и способностямъ, а потому предположеніе о допущеніи особаго унтеръ-офицера къ наблюденію за воспитанниками противорѣчило требованію приведеннаго §.

По § 29, дѣятельность смотрителей школъ въ отношеніи преподаванія учебныхъ предметовъ, а также въ отношеніи пріема и увольненія воспитанниковъ контролировалась командующимъ Сыръ-дарьинскою линіей и чиновникомъ, завѣдывающимъ при Сыръ-дарьинскими киргизами. Г. Груздзь, находившійся въ послѣдней должности, справедливо заявлялъ, что ему трудно и неудобно наблюдать за казалинскою школою и указывалъ передать завѣдываніе этою школой своему помощнику, живущему въ Казалинскѣ.

Экономическая сторона киргизскихъ школъ опредѣлялась слѣдующими положеніями:

§ 21) Воспитанники изъ киргизовъ, поступившіе въ степныя школы, пользуются въ оныхъ отъ казны помѣщеніемъ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, пищею, постелью и учебными принадлежностями; но одежду, бѣлье и обувь должны имѣть собственныя. Формы для одежды никакой не полагается.

§ 22) Пособіе отъ казны для снабженія совершенно бѣдныхъ и сиротъ одеждою, бѣльемъ и обувью можетъ быть оказываемо лишь въ видѣ отступленія отъ общаго правила.

§ 23) Классная и спальная мебель каждой школы должна заключаться въ нарахъ (съ матрацами изъ грубаго холста, набиваемаго соломою или сѣномъ), столахъ, скамейкахъ и большой учебной доскѣ,—все плотничной работы; а кухонная посуда—

въ желѣзныхъ ведрахъ и чайникѣ, въ двухъ чугунныхъ котлахъ, въ деревянныхъ корытахъ, ушатѣ, блюдахъ, чашкахъ и ложкахъ.

Ножи для рѣзанія мяса воспитанники должны имѣть свои. Для умыванія, послѣ пріема пищи и утромъ, каждая школа снабжается нѣсколькими кумганами (азіатскими кувшинами) и тазами; подсвѣчники и щипцы для свѣчъ употребляются желѣзные.

§ 24) Для приготовленія пищи воспитанникамъ и мытья бѣлья ихъ находится при каждой школѣ наемный работникъ изъ киргизовъ и киргизская работница.

§ 25) На издержки по содержанію школы ассигнуется ежегодно изъ кибиточнаго сбора, 1803 руб. 50 коп. на слѣдующіе предметы:

а) На ремонтъ школьнаго дома 50 руб.

б) На ремонтъ мебели, посуды и учебныхъ принадлежностей (аспидныхъ досокъ, чернильницъ, книгъ, бумаги, перьевъ и проч.) 75 руб.

в) На отопленіе и освѣщеніе въ теченіе шести мѣсяцевъ (хворостомъ, соломою, кизякомъ и дровами, чѣмъ представится возможность, полагая этого топлива для шести печей или каминовъ на 18 рублей въ мѣсяцъ, и по 8 свѣчей сальныхъ на вечеръ, полагая пудъ оныхъ въ 7 руб.) 360 рублей.

г) На довольствіе воспитанниковъ изъ киргизовъ пищею (по 10 копѣекъ серебромъ въ сутки на каждаго изъ 25 человѣкъ, въ теченіи 9-ти учебныхъ мѣсяцевъ) 687 руб. 50 коп.

д) На снабженіе бѣднѣйшихъ и сиротъ одеждою, бѣльемъ и обувью 150 руб. серебромъ.

е) На мыло для стирки бѣлья, умыванія, на полотенца кухонныя, метла и прочее 85 руб.

ж) На жалованье работнику-повару и работницѣ-прачкѣ— 8 рублей въ мѣсяцъ обоимъ, 96 рублей.

з) На жалованье учителю (онъ же и смотритель школы)— 300 рублей.

§ 26) Пользованіе больныхъ воспитанниковъ возлагается на медиковъ мѣстныхъ укрѣпленій и фортовъ; расходы же по пріі-

обрѣтенію медикаментовъ относить на деньги, ассигнуемыя въ каждое изъ сихъ укрѣпленій для пользованія бѣдныхъ киргизъ.

На основаніи этихъ правилъ, каждый пансіонеръ имѣлъ отдѣльную койку*) изъ мѣстнаго лѣса съ ящиками въ изголовьѣ (вѣроятно, для храненія бѣлья). Постелью служилъ тюфякъ набитый сѣномъ и такая же подушка. Тюфякъ накрывался простыней. Одѣяло было изъ сѣраго солдатскаго сукна и подшивалось пододѣяльникомъ. Кромѣ постельныхъ принадлежностей, въ спальныхъ комнатахъ находились четыре стола, размѣрами въ одинъ квадратный аршинъ и 8 табуретовъ съ сидѣньемъ въ 5 квадратныхъ вершковъ. Назначеніе этихъ столовъ и табуретовъ не объяснено. Умывались пансіонеры изъ желѣзныхъ кумгановъ надъ желѣзными тазами.

Столомъ пансіонеры пользовались два раза въ день: въ полдень и вечеромъ. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ блюдъ, а ужинъ — изъ одного. Кромѣ того, пансіонерамъ выдавался кирпичный чай. Обѣденный столъ приготовлялся по слѣдующему росписанію: въ воскресенье — лапша и каша пшеничная(?) съ саломъ; въ понедѣльникъ — супъ и каша; во вторникъ — лапша и каша; въ среду — супъ и *бишбармакъ* (изжаренное кусочками мясо); въ четвергъ, пятницу и субботу — супъ и каша. Въ видахъ разнообразія стола, изрѣдка полагалась и рыбная пища, а въ замѣнъ мясныхъ блюдъ — молочная лапша и молочная каша. Въ дни высокоторжественные, а также въ дни христіанскихъ и мусульманскихъ праздниковъ для воспитанниковъ приготовлялся *палау*. Къ чаю подавался бѣлый хлѣбъ, въ количествѣ $^1/_4$ фунта, а всего въ день по 2 фунта на каждаго пансіонера. Количество отпускаемаго на каждаго воспитанника пищи опредѣлялось слѣдующими цифрами: говядины или баранины въ день на каждаго $^1/_2$ ф., крупъ пшенныхъ $^1/_2$ ф., рыбы 1 ф., сала 3 золот., пшеничной муки $^1/_4$ ф., хлѣба чернаго или пшеничнаго 2 ф., соли 7 золот. Кирпичнаго чая съ молокомъ отпускалось по одной кружкѣ на

*) Нары были, слѣдовательно, признаны неудобными.

воспитанника. Сколько разъ въ день пили чай пансіонеры—не извѣстно. Вода для чая нагрѣвалась въ большомъ (20 ф.) мѣдномъ чайникѣ. Своего колодца для добыванія воды при школѣ не было.

По поводу приведеннаго росписанія кушаньевъ для стола пансіонеровъ, должно замѣтить, что оно составлено не гигіенично и не экономно. Перечисленныя кушанья не отличались равномѣрнымъ содержаніемъ азотистымъ и безазотистыхъ веществъ, что требуется гигіеной питанія.

Въ отношеніи же количества отпускаемыхъ для стола пансіонеровъ съѣстныхъ припасовъ, въ приведенномъ росписаніи не соблюдалось должной пропорціональности: мяса отпускалось не особенно много, а крупъ и муки болѣе, чѣмъ слѣдовало бы. Приготовляемая изъ перечисленныхъ продуктовъ пища ежедневно обходилась по 10 коп. на каждаго пансіонера и, по отзыву командующаго линіей полковника Веревкина, была достаточна по количеству и вкусна. Заготовленіе пищи производилось: въ Перовскѣ, по контракту, унтеръ-офицеромъ Войцеховскимъ, а въ Казалинскѣ покупкою на базарѣ, смотрителемъ школы.

Въ 1863 году (съ октября мѣсяца) на содержаніе перовской школы было израсходовано 966 р. $1^1/_4$ к.; въ 1864 г. было израсходовано—1121 руб. $58^3/_4$ коп., въ 1866 г.—1686 руб. $4^1/_2$ коп. На казалинскую школу съ 25 октября 1863 г. по 1 апрѣля 1864 г. было израсходовано 255 руб. $17^3/_4$ коп. Въ 1868 году на каждую школу требовалось 2195 руб. или 4390 рублей на обѣ.

Столъ во время обѣда и ужина накрывался скатертью; ложки и чашки, замѣнявшія тарелки, были деревянныя. Ножи и вилки за столомъ не употреблялись. Мясо крошилось на общей для всѣхъ деревянной тарелкѣ и распредѣлялось между пансіонерами въ крошеномъ видѣ. Къ столу подавалась общая деревянная солонка и глиняная кружка для питья воды.

Разбираемыя правила въ §§ 26 и 30 касаются и санитарной части школъ. По § 26 пользованіе больныхъ воспитанниковъ возлагалось на фортовыхъ медиковъ; расходы же по пріі-

обрѣтенію медикаментовъ относились на деньги, ассигнуемыя на каждый фортъ для пользованія бѣдныхъ киргизъ. § 30 же требовалъ, чтобы между воспитанниками не было зараженныхъ прилипчивыми болѣзнями, для чего мѣстному медику поручалось еженедѣльно свидѣтельствовать ихъ. Найденные при осмотрѣ медика больными должны были препровождаться или въ мѣстный госпиталь, или отпускались, впредь до излеченія, къ родителямъ и родственникамъ; въ случаѣ же неважной хворости, больные пользовались медикомъ въ школѣ на счетъ суммъ, ассигнуемыхъ для бѣдныхъ киргизъ. За описываемый періодъ санитарное состояніе названныхъ школъ не было и не могло быть при всѣхъ вышеприведенныхъ условіяхъ удовлетворительно. Особенно пансіонеры терпѣли отъ холода, такъ какъ въ школьныхъ помѣщеніяхъ зимнихъ рамъ не было. Въ Перовской школѣ осенью 1864 года появилась эпидемія: изъ 19-ти пансіонеровъ одиннадцать болѣли и двое умерли. Медицинскій осмотръ школы открылъ, что двое умерли отъ тифозной горячки, сопровождающейся сильнымъ носовымъ кровотеченіемъ; у одного изъ нихъ было воспаленіе легкихъ, у другаго простуда и лихорадка. Причиной простуды было отсутствіе въ школьномъ зданіи зимнихъ рамъ, а между тѣмъ классная комната, въ которой дѣти бываютъ въ самое холодное время дня, когда печи не успѣли еще нагрѣться, обращена окнами на сѣверъ. Въ спальныхъ также не было зимнихъ рамъ и потому также было холодно. Нагрѣть комнаты, какъ слѣдовало, было невозможно, а тѣмъ болѣе провѣтривать ихъ. Недостатокъ вентиляціи въ школьномъ помѣщеніи представлялъ самъ по себѣ гигіеническое зло и былъ весьма ощутителенъ, особенно, если войти въ комнату тотчасъ послѣ утреннихъ классовъ: тогда воздухъ бывалъ весьма тяжелъ, не смотря на неполный комплектъ учениковъ.

Другой причиной заболѣванія воспитанниковъ былъ недостатокъ отхожаго мѣста, хоть сколько нибудь укрытаго отъ сквознаго вѣтра, а между тѣмъ киргизскія дѣти, проживши въ школѣ около двухъ лѣтъ, стали воспріимчивы къ простудѣ. Поэтому

врачъ и просилъ устроить въ помѣщеніи школы зимнія рамы и отхожія мѣста. Кромѣ того, старшій врачъ г. Суворовъ*) просилъ, на основаніи заявленія мѣстнаго врача, осматривавшаго школу, или усилить мясную порцію до 1 фунта въ день на каждаго воспитанника, или прибавить молока до 4 фун. ежедневно на каждаго, или замѣнить черный хлѣбъ бѣлымъ.

Перовская и казалинская школы, находясь подъ главнымъ попеченіемъ Оренбургскаго генералъ-губернатора, состояли въ непосредственномъ завѣдываніи командующаго Сыръ-дарьинской линіей, причемъ начальникамъ фортовъ предоставлялось право контроля надъ хозяйственною и полицейскою (?) частями школъ (§ 27). Суммы, ассигнованныя на содержаніе школъ, должны были доставляться завѣдывающимъ сыръ-дарьинскими киргизами въ распоряженіе смотрителей школъ, удерживая ассигнованную сумму изъ получаемаго съ киргизъ сбора. Смотрители школъ обязаны были заносить всѣ расходы въ особую, заведенную для этого книгу. Ремонтъ школьныхъ зданій могъ производиться только по распоряженію начальниковъ фортовъ, чрезъ мѣстнаго инженера, а въ случаѣ неимѣнія таковаго, исполненіе работъ возлагалось на начальниковъ фортовъ (§ 28).

Начальники фортовъ обязаны были наблюдать:

а) Чтобы зданія школъ, мебель ея, посуда и проч. содержались смотрителемъ въ надлежащей исправности и чистотѣ.

б) Чтобы воспитанники довольствовались отъ смотрителя пищею, а домъ школы—отопленіемъ и освѣщеніемъ, сообразно съ отпускаемыми на то суммами.

в) Чтобы въ случаѣ ремонтировки школьнаго зданія, оное производилось, гдѣ нѣтъ инженера, по распоряженію и подъ личнымъ надзоромъ начальниковъ фортовъ.

---

*) Впослѣдствіи главный медицинскій инспекторъ Туркестанскаго военнаго округа, теперь въ отставкѣ дѣйств. тайный совѣтникъ Иванъ Петровичъ Суворовъ.

г) Чтобы одеждою, бѣльемъ и обувью снабжать только такихъ воспитанниковъ, которые дѣйствительно не имѣли къ тому собственныхъ средствъ.

О всѣхъ безпорядкахъ въ указанныхъ отношеніяхъ начальники фортовъ обязаны были доносить командующему Сыръ-дарьинской линіей. Въ личныя распоряженія по школамъ они могли входить лишь въ случаѣ смерти или тяжкой болѣзни смотрителя, до назначенія ему преемника (§ 31). Командующій Сыръ-дарьинской линіей въ ежегодныхъ отчетахъ своихъ, представляемыхъ генералъ-губернатору, обязанъ былъ объяснить какъ о состояніи подвѣдомственныхъ ему школъ, такъ и о произведенныхъ на содержаніе ихъ издержкахъ (§ 32).

Означенными правилами опредѣлялись отчетность и контроль по школамъ. Какъ производились на самомъ дѣлѣ эта отчетность и контроль, и къ какимъ заключеніямъ приходили ревизовавшіе перовскую и казалинскую киргизскія школы,—изъ дѣлъ не видно. Изъ школьной переписки мы могли извлечь только слѣдующія свѣдѣнія: въ 1866 году завѣдывающій туземнымъ населеніемъ праваго фланга Туркестанской области производилъ испытанія ученикамъ перовской школы и призналъ первыхъ шесть учениковъ достойными подарковъ. Разрѣшено было выдать имъ халаты. Всѣхъ учениковъ въ перовской школѣ было тогда 21, изъ которыхъ у девяти успѣхи по ариѳметикѣ были слабѣе успѣховъ по русскому языку. Изъ этого сообщенія видно, что киргизы не особенно охотно относились къ русской правительственной школѣ, не смотря на то, что школа доставляла имъ не только безплатное обученіе, но и безплатную одежду и готовый столъ. Въ отношеніи приведеннаго замѣчанія объ успѣхахъ учениковъ перовской школы (которая всегда стояла выше казалинской школы), нельзя не указать на тотъ странный фактъ, что успѣхи по ариѳметикѣ почти у половины учениковъ были слабѣе успѣховъ по русскому языку: киргизскіе ученики, какъ показываетъ школьный опытъ и какъ это вполнѣ естественно, обыкновенно охотнѣе и успѣшнѣе занимаются ариѳметикой, не требующей отъ нихъ непремѣнно

отчетливаго знанія русскаго языка, а изученіе русскаго языка всегда представляло и будетъ представлять серьезное затрудненіе для нашихъ инородцевъ. Мы склонны думать на этомъ основаніи, что преподаваніе учебныхъ предметовъ даже въ перовской школѣ велось неправильно и потому сопровождалось такими неестественными результатами. Къ такому заключенію мы приходимъ и на основаніи слѣдующихъ данныхъ: въ 1864 году въ перовской школѣ было всего 18 учениковъ и изъ нихъ 12 учениковъ отмѣчены умѣющими только читать и писать по-русски и по-татарски, хотя къ этому сообщенію и прибавлено, что они занимались кромѣ того разговорами на русскомъ языкѣ и переводомъ русскихъ статей. Мы никакъ не можемъ допустить, чтобы трудное вообще дѣло обученія инородцевъ велось въ описываемое время въ первыхъ киргизскихъ школахъ правильно.

Въ декабрѣ 1866 года военный губернаторъ Туркестанской области, генералъ-маіоръ Романовскій наградилъ учителя перовской школы—200 руб., а учителя казалинской школы—100 рублями и приказалъ съ 1867 года производить учителю первой школы ежегодно 500 руб., а учителю второй—340 руб. изъ остатковъ отъ школьныхъ суммъ. Но распоряженіе это, какъ не согласовавшееся съ Высочайше утвержденнымъ штатомъ, не могло быть приведено въ исполненіе.

Приведенными данными исчерпываются всѣ оффиціальныя свѣдѣнія о перовской и казалинской школахъ за первый періодъ ихъ существованія. Слѣдующій затѣмъ періодъ обнимаетъ время ихъ существованія по учрежденіи Туркестанскаго генералъ-губернаторства въ 1867 году до открытія въ оном управленія учебными заведеніями, какъ спеціальнаго центральнаго органа для руководства учебнымъ дѣломъ края.

Въ 1877 году въ Туркестанскомъ краѣ была учреждена должность инспектора народныхъ училищъ, а въ 1878 г. перовская и казалинская школы были преобразованы въ городскія

училища по положенію 1872 г.*). Инспектору народ. училищъ была преподана для руководства въ его дѣятельности „Инструкція.“, утвержденная 13 января 1879 года г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія на общихъ основаніяхъ съ таковыми же инструкціями, дѣйствующими во внутренней Россіи; при городскихъ училищахъ были учреждены интернаты, въ которыхъ дѣти киргизъ воспитывались вмѣстѣ съ русскими дѣтьми, а для завѣдующихъ интернатами была составлена особая инструкція, утвержденная покойнымъ генералъ-губернаторомъ К. П. фонъ-Кауфманомъ 29-го дек. 1879 г.—Кромѣ того, съ его же разрѣшенія, 1-го іюля 1879 г. при Ташкентской и Вѣрненской мужскихъ прогимназіяхъ были учреждены особыя ученическія квартиры для дѣтей инородцевъ и русскихъ (рус. 10, инород. 15), обучавшихся и подготовлявшихся къ поступленію въ прогимназіи. Впослѣдствіи Ташкентская инородческая ученическая квартира была отчислена къ учительской семинаріи, а затѣмъ и совсѣмъ прекратила свое существованіе, какъ отдѣльное учрежденіе. Инородческіе интернаты продолжали и продолжаютъ существовать при нѣкоторыхъ городскихъ училищахъ края, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ 80 г.г. появились открытыя училища для инородцевъ—дѣтей киргизъ и сартовъ—русско-туземныя школы**).

НИИД
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

*) См. выше, стр. 109—114.

**) См. мое изданіе «Сарты» вып. I, изд. 2-е.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Предисловіе	3—
Первая встрѣча съ генералъ-адъютантомъ К. П. фонъ-Кауфманомъ	7— 10.
Изъ дневника за 1877 г.	10— 37.
Изъ дневника за 1878 г.	37— 84.
Изъ дневника за 1879 г.	85—132.
Изъ дневника за 1880 г.	133—179.
Изъ дневника за 1881 г.	179—190.
Кончина и погребеніе К. П. фонъ-Кауфмана . .	191—198.
Разсказы другихъ лицъ о немъ	199—216.
Историческій очеркъ народнаго образованія въ городахъ и укрѣпленіяхъ Сыръ-дарьинской линіи до К. П. фонъ-Кауфмана.	218—
Первыя училища для русскихъ дѣтей въ Перовскѣ и Казалинскѣ	223—249.
Первыя училища для дѣтей киргизъ	249—285.
Учрежденіе должности инспектора народныхъ училищъ и интернатовъ для дѣтей инородцевъ . . .	285—286.